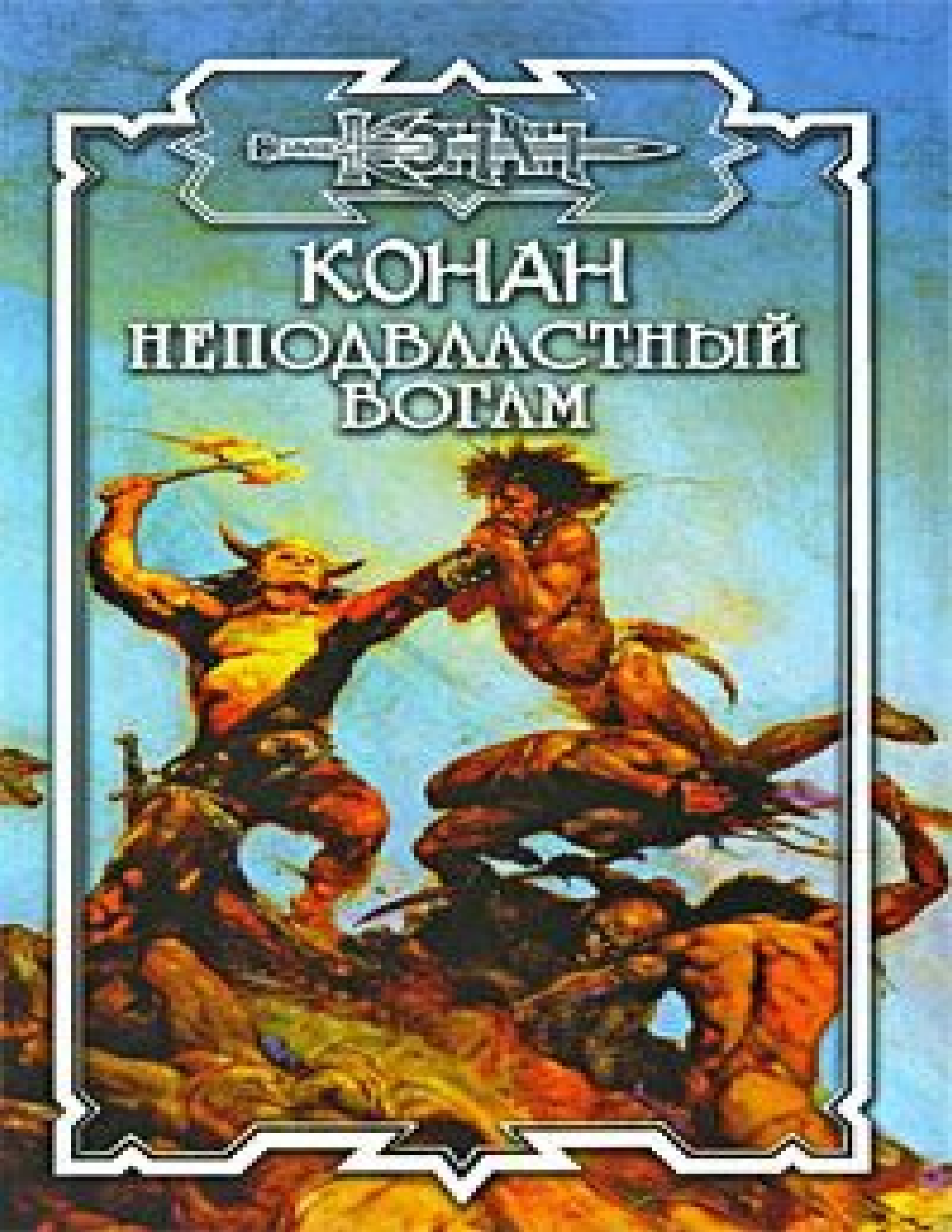
КОНАН

КОНАН
НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ



Annotation

Конан-киммериец по праву назывался самым великим героем Хайборийского мира. Он сражался с ужасными демонами Ада, с самыми могущественными волшебниками – и всегда побеждал. Но никогда еще на его пути не встречался смертный, сумевший освободить свою душу из человеческого тела и овладеть Великим Знанием.

Древние Боги умыли руки, могучие чародеи дрожали от страха, подданные отвернулись от своего короля – в Хайбории появился новый бог – Великая Душа. Созданная им империя не знала границ.

Казалось, что это навсегда. Но прошло совсем немного времени, и в решающей схватке сошлись Конан-варвар и пребывающий на вершине могущества гениальный карлик, именовавший себя не иначе, как НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ.

- Брайан Толуэлл
  -
  - Брайан Толуэлл
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - «Да».
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Эпилог
  - ОГНИ БУДУЩЕГО
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава шестая
  - Глава VII
  - Сета!
  - Глава VIII

- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Эпилог
- СОДЕРЖАНИЕ
- НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ
- ОГНИ БУДУЩЕГО

Брайан Толуэлл

Конан и великая душа

Конан

Брайан Толуэлл

НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ

ПРОЛОГ

Торговый караван купца Амантуса вышел из Хоршемиша на рассвете. Амантус, невысокий плотный шемит с мокрым от пота, морщинистым лицом, владелец половины торговых лавок кофийской столицы, держал путь в Ианту, главный город древнего королевства Офир. Дюжина тяжело нагруженных мулов везла в Ианту расписные туранские ковры, вендийские благовония и причудливые шкатулки из слоновой кости, отменные хауранские вина, много другой всячины, неизменно популярной на рынках офирской столицы, но прежде всего – тончайшие, славящиеся по всему Хайборийскому миру шелка из далекого и загадочного Кхитая; в успехе этого товара среди высокородных дам Ианты старый пройдоха Амантус нисколько не сомневался.

Стрельчатые башни Хоршемиша давно уже скрылись за горизонтом, и люди, сопровождающие караван, – а кроме самого купца в их число входили его слуги, младшие компаньоны и пятнадцать охраняющих караван наемников, – ощутили всю свирепость открытой офирской степи. Знойное полуденное солнце прожигало белые чалмы, а пронизывающий ветер, удивительным образом проникавший на эту равнину с далеких Карпашских гор, пробирал до самых костей. Однако люди не жаловались: им, не раз преодолевавшим этот древний караванный путь, было не привыкать. Вскоре каждый из них мог рассчитывать на солидный куш, и они молили богов лишь об одном: чтобы путь их прошел без приключений, то бишь без встреч с теми, кого с трепетом именовали «грифами степей»…

Один лишь человек в караване старого купца-шемита по-настоящему страдал от тяжелой дороги. Он не принадлежал к числу людей Амантуса. Каким-то чудом ему удалось прибиться к торговому каравану, и сейчас он ехал в карете обоза. За те несколько часов, что караван находился в пути, он ни разу не высунулся из своей повозки, временами напоминая о себе лишь хриплым кашлем. Никто не знал, что это за тип, куда и зачем он направляется. Амантуса это особенно и не интересовало. За долгую жизнь ему встречались люди и более интересные, чем этот чудак-коротышка, заплативший за место в обозе в пять раз больше его действительной цены. Амантус о нем не думал; купца занимали другие мысли – о том, как лучше подъехать к придворным особам Ианты, чтобы не обойти одних и не вызвать ревности других.

Высокий пронзительный голос, донесшийся из повозки, оторвал купца от этих мыслей:

– Эй, добрый купец, не пора ли сделать привал? Амантус остановил коня и подождал скрипучую повозку.

– Да что ты, человече? – насмешливо молвил он.- Этак мы и за месяц не дойдем до Ианты!

Желавший отдыха человек окинул купца холодным взглядом огромных черных глаз и

отвернулся, еще плотнее кутаясь в меха.

Шемит рассмеялся, готовясь отпустить колкую шуточку в адрес незадачливого попутчика, но тут его ястребиный взор заметил что-то на горизонте, и с губ купца сорвались совсем другие слова:

– К бою! Нас атакуют «степные грифы»! Защитим наше добро! Отправим бродячих псов в пасть к дьяволу!

Степные разбойники налетели стремительно. Мужеству защитников каравана мог бы позавидовать любой герой; каждый из них дрался за двоих. Защищая свое добро, сражался и старый Амантус, недоумевая при этом, откуда налетела на него такая орда – полсотни сабель, не меньше. С этой мыслью

«Степные грифы» праздновали победу. И хотя две трети их отряда отправились кормить демонов, богатая добыча с лихвой возместила потери личного состава. Спешившись, предводитель, высокий казак с пышными усами, восхищенно перебирал шелка.

– Живо поворачивайте мулов и айда в лагерь! Шевелитесь, псы! Если доберемся к вечеру – угощаю!

Внезапно из окна кареты показалось лицо попутчика Амантуса. Удушье вдруг овладело им, и он хрипел и трясся в приступах неудержимого кашля, не в силах сдержать себя.

– Ой, это что еще за обезьяна? – ошеломленно молвил предводитель. – Ты чей, мальчик?

Открыв дверцу, человек в мехах обессилено ступил на землю. Это был вовсе не мальчик, хотя определить его возраст было делом действительно непростым. Скажем так: он был скорее молод, чем стар, и скорее уродлив, нежели красив. Губы его еще судорожно подергивались, на лбу блестели капли пота, но черные глаза-угли, жарко горевшие на мертвенно-бледном лице, насквозь просверлили предводителя «степных грифов».

– Я направляюсь в Ианту, а дальше мой путь лежит в Бельверус, – хрипло ответил человек.

– В самом деле? – расхохотался предводитель. – А ну как если твой путь закончится прямо здесь, в этой безлюдной степи? Кончайте этого паралитика, ребята, он нам не пригодится…

Последние слова застряли в горле главаря. В одну секунду все его воины кулями попадали с коней наземь. Коротышка улыбнулся.

Когда первый шок прошел, предводитель рванулся к карлику, сжимая в руке кинжал. Резкая боль от столкновения с невидимой стеной остановила его. Он ошалело поднял глаза на стоявшего все в той же позе человечка. Тот улыбался.

– Да кто ты такой, Эрлик тебя забери?! – с надрывом вскричал главарь. – Что сделал ты с моими людьми?

– Они устали после тяжелого боя и сейчас спят.

Сон сморил их всех разом, – спокойно ответил коротышка.

– И сколько они проспят?

– С неделю, никак не меньше. Они очень устали. Ух больно ты помыкал ими.

– То есть как «с неделю»? – Главаря охватило отчаяние. – Да в этой степи они замерзнут за одну ночь! А кто не замерзнет, тот изжарится на солнце на следующий же день! Мне не вытащить их отсюда одному…

Показывая, что ничем помочь не может, человечек развел руками. Главарь сник.

– А что я буду делать с караваном? Бели я вернусь в лагерь без добычи и войска, мои люди растерзают меня, – причитал разбойник.

Вдруг мысль, показавшаяся ему спасительной, овладела им. Он упал перед коротышкой на колени.

– Ты волшебник, я должен был сразу догадаться… Прости меня, я не знал! Оживи моих воинов, и мы будем верно служить тебе, клянусь Эрликом! О, ты не знаешь моих ребят! Я приведу к тебе тысячу воинов, и вместе мы завоюем для тебя целое королевство! Оживи их, а?

Карлик ничего не ответил. Он внимательно посмотрел на коленопреклоненного «степного грифа», но тут же отвел глаза, вглядываясь куда-то вдаль, в бесконечность…

– Королевство, говоришь? – наконец сказал он. – Что в наше время королевство? Предложение твое заманчиво, друг степей, но – увы…

Разбойник непонимающе уставился на карлика.

– Я бы взял королевство, – подумав, добавил тот, – но, видишь ли, мне нужен весь мир.

– Весь мир? – осознав, что злая судьба свела его с сумасшедшим магом, переспросил главарь «степных грифов».

– Да, весь мир, – серьезно ответил коротышка. – И я добуду его. С твоей помощью, друг степей! Живо впрягай лошадей в эту карету – мы отправляемся в Ианту!

– А как же мои люди? А как же добыча?

– Забудь о людях и о добыче. Я охотно присоединил бы тебя к твоим псам, но, видишь ли, мои руки не приучены держать вожжи, – он показал разбойнику маленькие холеные ладони. – Не вешай носа, дружище: пройдет немного времени, и ты будешь вспоминать нашу встречу как лучший момент твоей непутевой жизни!

– Да уж! – процедил разбойник и, покорившись злой судьбе, принялся выполнять указания-карлика. Вскоре все было готово, и карета, запряженная тройкой лучших степных жеребцов, двинулась на северо-запад.

Устроившись на жестком сиденье колесницы и положив под голову большой фолиант в причудливом голубом переплете, человечек мечтательно всматривался в кусочек безоблачного неба, видный в окошко.

– О, этот несносный мир… – устало пробормотал он. – Стоишь ли ты тех трудов, которые предстоит положить на твое завоевание?!

Тихо поскрипывая, старая колесница уносила маленького завоевателя в непредсказуемое будущее.

Глава I

«Странный гость»

Король Немедии Тараск в задумчивости сидел в опочивальне своего дворца в Бельверусе. Настроение у Тараска было скверное: именно сегодня исполнилось ровно два года, как он потерпел сокрушительное поражение от короля аквилонцев Конана в битве при городе Танасул. Тишину королевских апартаментов нарушало только прерывистое дыхание Тараска. Король как бы заново переживал тот ужасный день. В тысячный раз Тараск мучился вопросом: как могло так случиться, что он со своими приятелями Валерием, захватившим аквилонский престол, и Амальриком, могущественным бароном Тором, проиграл варвару-киммерийцу, волею Судьбы вознесенному на трон богатейшей державы Запада? И ладно бы проиграл в честном бою, на поле сражения: это было бы неудивительно, ибо Конан слыл воистину непобедимым воином и полководцем. Но ведь на стороне Тараска и его друзей была магия, и притом магия страшная, всепобеждающая – недаром воскрешен был из могильного праха величайший чародей Ксальтотун из города Пифона, что в Ахероне – стране, где нет на карте мира вот уже три тысячи лет…

Ксальтотун! Король Немедии содрогнулся, вспомнив это имя. Сам образ статного ахеронца с нечеловечески красивым лицом, окаймленным черной окладистой бородой, способен был внушить страх даже сейчас, через два года после вторичной, и на сей раз последней, смерти всесильного мага. Не кто иной, как Тараск, невольно способствовал устранению своего могущественного союзника: в день, когда с помощью страшной магии Ксальтотуна была разбита армия короля Конана, а сам чародей спал в ароматах черного лотоса, Тараск похитил у него чудесный камень – Сердце Аримана – единственное средство на свете, способное победить могучего волшебника. Тогда велел он бесстрашному разбойнику дни и ночи скакать на запад, чтобы выбросить алое Сердце в Западный океан.

«Какой же я был дурак», – подумал Тараск. Тогда ему казалось, что Ксальтотун черпает свою страшную магическую силу из волшебного камня. Дабы охранить себя от власти пифонца, и решился вемедийский король на кражу Сердца Аримана. Увы, все произошло совсем не так, как он задумал! Конан, запертый в подземельях дворца, не только не пал жертвой страшной обезьяны-людоеда, но выбрался, бежал, захватил Сердце и сокрушил Ксальтотуна. Воистину киммерийцу помогают боги!

Впрочем, подумал Тараск, неизвестно, было бы ли лучше, если бы верх взял Ксальтотун. Жрец Ораст, воскресивший – посредством все того же Сердца Аримана – ахеронского мага, успел перед смертью рассказать о зловещих планах Ксальтотуна. Призвав чудовищную магию, пифонец планировал похоронить современный мир и воскресить из праха времен свою древнюю империю – мрачный Ахерон. Да, вряд ли это было бы для него лучше, утвердился Тараск. Тогда бы точно не было ни Немедии, ни ее короля.

Да, он несправедлив к богам! Слава Митре, Ксальтотун ушел вовремя! Тараск мрачно усмехнулся: так или иначе, а он из всей этой истории с Ксальтотуном выиграл больше других. Именно Ксальтотун сделал так, чтобы король Нимед и три его сына в одночасье пали от черной заразы, а он, Тараск, избранник богов, занял – под ликующие крики толпы –

немедийский престол. И что же? Ксальтотуна, Валерия, Амальрика, Ораста, многих других нет, а он, Тараск, по-прежнему король Немедии!

И здесь мысли Тараска вновь вернулись к тому ужасному дню разгрома в Львиной долине. Тогда Конан сохранил ему жизнь, а с ней и власть. Но не было благодарности в сердце Тараска. Он помнил только свои унижения: горечь поражения, долгие месяцы плена, постыдный мир с Аквилонией, огромные контрибуции, которые он выплатил, прежде чем обрести свободу. Он ничего не забыл и с каждым часом ненавидел варвара на аквилонском престоле все больше и больше. Бессильная злоба сводила разум Тараска. Он звал, что Конан непобедим, что нет силы на свете, способной погубить проклятого киммерийца…

Только вчера он узнал о новой большой победе Конана. Год назад страшный крылатый демон, вызванный из бездн ада кхитайским колдуном Ях Чиенгом, похитил королеву Зенобию, супругу Конана, прямо из дворца в Тарантии. Конан – в одиночку! – пустился в далекий путь. По дороге он заманил в ловушку и уничтожил грозного туранского короля Ездигерда, спас правитель Вендии Жасмину от дворцового заговора, убил кхитайских джунглей – древнего дракона. Наконец, он добрался до города Пайканга, что в Кхитае, сокрушил Ях Чиенга и освободил свою королеву. И хотя до Тараска дошел слух, будто Конану помогал хорайский чернокнижник Пелиас, король Немедии не сомневался: варвара охранял сам суровый бог Киммерии – Крон. И опять Конан возвращается в свою столицу триумфатором!

Он снова победил! Волна бешенства захлестнула Тараска. Костяшки пальцев, сжимавших скипетр, побелели, а смуглая кожа на лице стала, казалось, еще темнее. В ярости Тараск забросил скипетр в дальний конец опочивальни. Резкий дребезжащий звук от падения символа власти гулким эхом отозвался по безмолвным апартаментам. В зловещей тишине, царившей вокруг, Тараску почудилось, будто силы Тьмы смеются над ним.

– Будьте прокляты! – крикнул он в пустоту и вновь погрузился в свои мрачные мысли.

Вдруг он услышал шаги. Не в силах избавиться от ужасных воспоминаний, Тараск вяло уставился на дверь. Низко кланяясь, вошел испуганный слуга. Явление живого человека в этом царстве грез прошлого быстро отрезвило короля.

– Какого черта? – грозно вскричал он.

– Ваше Величество, – продолжая кланяться, молвил слуга. – Тут человек просит вашей аудиенции.

– Какого черта? – повторил Тараск. – Какой такой человек? Тебе что, Руфий, память отшибло: я же велел никого сегодня не пускать! Кто смеет нарушать мой приказ?

– Человек, Ваше Величество, – пробормотал Руфий. – Какой-то странный…

– И чем же он странный? – все более распаляясь, прокричал Тараск, так что Руфий и вовсе съежился. – Впрочем, мне нет до того дела. Гоните его прочь и больше не беспокойте меня в этот день!

Руфий испуганно возразил:

– Не можем, Ваше Величество. Человек не уходит, а стража боится его.

– Что?! – глаза короля, казалось, вылезали из орбит. – Вы, негодяи, должны бояться только меня, вашего господина, а не какого-то там незнакомца! Вон из моей опочивальни, пес, или я скормлю тебя и твоих ей сурийскому тигру!

Руфий едва не задохнулся от страха. Сурийский был новой дьявольской игрушкой Тараска. Это был огромный зверь, адская помесь демона, льва и лошади. Размером с лошадь, сурийский тигр был похож на льва, его когти-кинжалы и рот, усеянный одними только

клыками величиной с человеческую руку каждый, явственно свидетельствовали о магическом происхождении зверя. Никто не знал, откуда тигр взялся и как он попал к Тараску. Говорили, это был плод неудачного волшебного опыта: какой-то древний чародей пытался вывести новую, более выносливую, породу лошади, но в спешке перепутал заклинания и стал первой жертвой своего творения. Сурийский тигр жил в особых подземельях Бельверуса и питался несчастными, осужденными на смерть. Редко кто видел тигра воочию – кроме, разумеется, его жертв. Руфию, верному рабу Тараска, выпала такая честь. Именно поэтому сама угроза короля была для слуги страшнее пытки. Однако он упрямо повторил:

– Тот человек сказал, что не уйдет, пока вы его не примете, Ваше Величество.

«Какая нелепость, – внезапно остыв, уныло подумал Тараск. – Ему грозят ужасной смертью, а он твердит свое». Однако Тараск сам был отважным человеком и уважал тех, кто смело глядит в лицо смерти, – хотя, впрочем, Руфий никогда не относился к числу таковых. Кроме того, у короля зародился интерес: что это за странный человек, сумевший так подчинить волю его слуги? Колдун?

Эту догадку подтверждал и вид слуги. Внимательно глядя на Руфия, Тараск отметил: тот не в себе. Вслух он произнес:

– Ты что, Руфий, заколдовав?

– Тот человек хочет, чтоб вы его приняли, Ваше Величество, – упрямо повторил слуга.

– Ладно, Руфий, зови этого негодяя – я сумею с ним разобраться. А сам иди передай, что сегодня я лично буду кормить сурийского тигра!

Руфий в ужасе упал на колени:

– Пощади, господин!

– Встань, дурак! Не тебя постигнет кара – его, твоего человека! – жестоко рассмеялся король.

Пятясь, слуга выполз из комнаты.

«До чего же мерзкий народ, – подумал Тараск, – Будь на его месте Конан, он бы не испугался. Опять Конан, будь он проклят! Да что же это со мной…»

В этот момент отворилась дверь и взору короля Немедии предстал человек, столь упорно добивавшийся его аудиенции.

Тараск едва мог скрыть изумление. Человек действительно выглядел непривычно. Во-первых, он был невероятно тщедушен, на целую голову ниже невысокого Тараска. Щуплое телосложение выдавало мужчину, который вряд ли когда-либо брал в руки боевой меч. Да, точно, подумал король, руки холеные, а пальцы длинные и тонкие, как у женщины.

Однако более всего в незнакомце поражало его лицо, вернее, глаза – непропорционально большие, черные, с бездонными зрачками. В глазах вошедшего была Воля – это Тараск понял с первого взгляда. Еще у незнакомца был высокий сильный лоб, который не могла скрыть густая копна черных волос. Орлиный нос крепко восседал на мертвенно-бледном лице. Лицо… Мужчин с такой неестественно бледной кожей король еще не встречал. Могло бы почудиться, что незнакомец встал прямо из могилы, если бы не его глаза…

Карлик, казалось, любовался удивлением короля и молчал, давая себя рассмотреть. Наконец Тараск нарушил молчание:

– Ты кто такой и что тебе от меня надо? Ты нарушил уединение короля вопреки его воле! Есть ли у тебя веская причина для этого? Отвечай и не медли! Если же нет, молись

своим богам!

Голос вошедшего также поразил Тараска: он был очень мягким, высоким, но в нем также угадывались железная воля и недюжинный ум его обладателя,

– Я Тезиас, ученый, и у меня нет богов, которым я мог бы молиться!

Заметив подозрительный взгляд короля, назвавшийся Тезиасом продолжал: тобой в этот день, вновь. Я пришел,

– Я рискнул предстать перед чтобы он никогда не повторился чтобы вернуть тебе уверенность и победу.

Тараск встал.

– Ты говоришь загадками, как там тебя.

– Тезиас, – подсказал бледнокожий карлик.

– Вот, Тезиас что тебе нужно, и без загадок – я их не люблю! – приказал Тараск.

– Я хочу помочь тебе избавить мир от Конана, короля Аквилонии, – молвил Тезиас.

– Что?! – не веря своим ушам, переспросил Тараск.

– Я хочу, чтобы мы объединили усилия и уничтожили Конана из Киммерии, – спокойно повторил странный гость.

Король злобно расхохотался.

– Ты, должно быть, сошел с ума, карлик? Тысячи воинов, самый слабый из которых мог бы прихлопнуть тебя одним пальцем, сражались против Конана, и где они теперь?! Десятки волшебников также погибла: их магия оказалась бессильна против киммерийца! Самые ужасные создания Мрака, которым нет имени на человеческом языке, пали от его меча! Я сам пострадал от него…

– Да, я знаю всю эту историю с Ксальтотуном из Пифона, – улыбнувшись, произнес Тезиас. Однако Тараск понял эту улыбку иначе.

– Да ты, вор, издеваешься надо мной?! Ты не можешь себе представить, какая жуткая смерть ждет тебя!

– Остынь, король, – неожиданно властно сказал Тезиас. – Мои намерения как нельзя более серьезные. Я вовсе не желаю оскорбить тебя. Напротив! Зная, как ты, владыка Немедии, ненавидишь киммерийца, я пришел к тебе, надеясь найти у тебя поддержку. Я уверен; король и ученый вместе смогут сделать то, что было не по силам колдунам и воинам. Мне известны методы, которые помогут одолеть варвара.

Противоречивые чувства владели королем, пока он неторопливую, но уверенную речь странного. Весь разум Тараска восставал против того, что его уши. Наглость незваного посетителя не укладывалась ни в какие границы. Тщедушный человечек с мертвенно-бледной кожей предлагает ему, могущественному королю Немедии, свою помощь! Однако страсть мщения заглушала голос разума. Словно услышав мысли Тараска, гость произнес:

– Подумай, король. Много ли к тебе приходит людей, сулящих избавление от твоего каждодневного кошмара? Не упускай свой шанс!

– Митра! Ты не ведаешь, что говоришь! Какой шанс мне можешь дать ты, человечек? Смотрелся ли ты когда-нибудь в зеркало, безумец?

– Не суди по внешности, король. Вещи далеко не всегда таковы, какими они кажутся на первый взгляд. Главное – что внутри, а не то, что снаружи.

– Какие же силы скрыты внутри тебя, что помогут, по твоим словам, сокрушить аквилонского короля?

– О, ты еще кс раз сможешь увидеть эти силы в действии, король Немедии!

– Ты снова говоришь загадками! – угрожающе произнес Тараск. – Да ты просто безумец, сумасшедший! Не пойму, почему я тебя здесь слушаю. Выбирай: или рассказываешь, что задумал, или умрешь!

– Напрасно сердишься, Тараск! Не волен я открыть тебе секреты, которые приведут нас к победе. Но знай: ты мне можешь полностью доверять!

Дурацкая логика Тезиаса доконала короля. Более терпеть наглость этого безумца он был не в силах.

– Стража! – взревел Тараск.

Тотчас в дверях опочивальни показались вымуштрованные гвардейцы королевской стражи Немедии.

– Взять этого человека! – велел король.

Солдаты приблизились к Тезиасу. Неуверенность чувствовалась в каждом их шаге. Карлик огорченно молвил:

– Я был лучшего мнения о твоих умственных способностях, король Немедии.

Это было уже более чем слишком! Повелителя Немедии оскорбляли в присутствии его подданных!

– Ну что ждете, псы! Я сказал: взять его! – загремел Тараск.

Непонятный страх читался в глазах верных псов Тараска, когда они скручивали веревками холеные руки тщедушного человечка. С удивлением король обнаружил, что страх этот воины испытывают не перед ним, их повелителем, а перед этим человечком! Однако Тезиас не сопротивлялся аресту, был внешне спокоен, Хотя и не скрывал своего огорчения.

– Руфий! – прокричал король, и в покои влетел слуга. – Сурийский тигр готов?

– Да, господин! – Испуганный слуга осмелился задать вопрос: – А кого Ваше Величество соизволило выбрать?

– Этого безумца, – Тараск ткнул пальцем в карлика. – Он будет предан смерти за оскорбление короля. В глазах Руфия отразилось смятение.

– Ваше Величество, вы хорошо подумали?

«Ну что за мерзкий день! – снова пронеслось в мозгу Тараска. – То заявляется человечек с бредовыми идеями, то верные слуги дерзят, а бравые солдаты боятся собственной тени!»

– Руфий, ты сам напрашиваешься на закуску титру! Довольно разговоров! Пошли!

Король решительно двинулся к выходу. Странная процессия – испуганный слуга, четверо солдат стражи, такие же смущенные, как и Руфий, наконец, бледнокожий человечек со связанными за спиной руками – двинулась вслед за королем Немедии.

Через полчаса процессия вступила в мрачное подземелье. Взорам людей предстал огромный зал. Множество факелов горело, освещая серые стены пещеры. Сам воздух здесь был пропитан зловещим запахом Ужаса. Краем глаза Тараск увидел, как содрогнулся его незадачливый гость. В тот же момент воины короля очнулись от оцепенения, движения их стали более резкими и грубыми, как всегда. Тараск удовлетворенно хмыкнул: все возвращается на круги своя.

Войдя в пещеру, люди сразу попали на балкон, нависающий над эллипсовидной ареной зала по всему ее периметру. Именно с этого балкона Тараск обычно лицезрел, как сурийский тигр расправляется со своими жертвами. То же самое король собирался делать и теперь.

– Отвести пленника вниз, – приказал он. – Ну что ж, прощай, ученый, – злорадно усмехнувшись, бросил Тараск.

– До встречи в твоей опочивальне, король Немедии! – твердо ответствовал ему Тезиас.

Ответ безумца вновь разозлил Тараска.

– Если ты такой сильный, вряд ли тебе стоит бояться сурийского тигра! Если же нет – в пасть к нему тебе и дорога!

– Как тебе будет угодно, король, – мрачно ответил Тезиас.

Солдаты отвели карлика на арену, развязали ему руки и там оставили, закрыв за собой железную решетчатую дверь. Тезиас оглянулся – иного выхода из зала не было. Даже если бы он умел летать, взлететь он мог бы только на тот самый балкон, где сейчас – в предвкушении кровавого зрелища – стоял злорадно ухмыляющийся король Немедии со своими слугами. Карлик тяжело вздохнул.

– Выпускайте зверя! – прокричал Тараск.

В тот же миг раздался грохот, и тяжелая каменная стена прямо напротив решетчатого входа отошла в сторону. Мощный рев потряс подземелье. Медленно вышел из своего логова сурийский тигр – существо величиною с лошадь, полулев-полудемон. Тараск с интересом наблюдал, как в ужасе скривился его самоуверенный гость. Тем временем тигр все ближе подходил к своей жертве. Люди на балконе услышали разочарованный рык: казалось, сурийский тигр не был удовлетворен видом обеда.

– Ничего, малыш, в следующий раз полакомишься жирным заморийским разбойником, – успокоил тигра Тараск.

– Ну, колдун, покажи свое искусство, – подавляя смех, крикнул он Тезиасу.

– Я не колдун, – тихо сказал тот в ответ. И упал как подкошенный.

Сурийский тигр медленно подошел к маленькому распластанному телу, обнюхал его. Скорбный рев вырвался из чудовищной глотки зверя. Зло взглянув на стоящих на балконе людей, монстр обошел тело Тезиаса затем большими прыжками скрылся в проходе, из второго вышел. Стена за ним задвинулась.

Потрясенные неожиданной развязкой, люди молча наблюдали происходящее. Первым заговорил Руфий:

– Тигр не захотел есть мертвеца, потому и ушел… В эту версию Тараск мало верил: и раньше случаев, что слабые духом люди умирали от страха при е зверя. Но никогда еще тигр не пренебрегал теплой плотью.

– Эй, вы двое! – молвил наконец король. – Живо вниз и осмотрите тело!

Солдаты нехотя повиновались.

– Во имя Митры! – воскликнул высокий немедиец с рассеченной щекой, осматривавший тело Тезиаса. – Он выглядит так, как будто тысячу лет пролежал во льдах Асгарда!

– Значит, мертв? – задумчиво обронил Тараск и продолжил, изображая улыбку: – Видите, псы, этот ублюдок испустил дух, едва завидев нашего малыша!

Стражники, спустившиеся на арену, ожидали приказаний короля.

– Уберите труп, затем скормите тигру того заморийца, что был пойман вчера, – велел король солдатам и в сопровождении оставшейся свиты покинул пещеру.

Тот, что был с рассеченной щекой, сказал напарнику:

– Клянусь Митрой, я первый раз вижу человека, окоченевшего за одну минуту! Воистину он отдал душу демонам задолго до появления в Бельверусе!

Второй ответил:

– Ладно, наше дело маленькое. А ну-ка, взяли! О, Иштар и Митра! Он… А!

Волосы встали дыбом у бравых немедийских воинов. Мертвец открыл глаза, затем кокетливо сложил руки на впалой груди и сел. Сели, – вернее, пали на колени от страха, – и

солдаты.

– Привет вам, дети подземелий! – насмешливо молвил Тезиас. Он встал, как ни в чем не бывало обошел оцепеневших стражников, подошел к каменной лестнице и, закрыв за собой железную дверь, величественно поднялся на балкон.

– Выпускайте зверя! – передразнивая Тараска, крикнул Тезиас.

Королевские стражники, чей взор был намертво прикован к ожившему мертвецу, не заметили довольного рычания за своей спиной…

– Приятного аппетита, киска! Двойной обед тебе не повредит, – удовлетворенно хмыкнул Тезиас, направляясь к выходу. Ответом ему было довольное чавканье дьявольского зверя.

– Ну вот, благодаря мне несчастный заморие́ц протянет еще один день. Где же королевская опочивальня? – бормотал карлик, выбираясь из подземного лабиринта.

Тараск устало брел по темным коридорам королевского дворца. Странная история с тщедушным человечком не отпускала его. Однако Тараск не был настроен ломать голову над неразрешимыми загадками. Человечка больше нет, и с ним, увы, ушла маленькая надежда на мщение аквилонскому владыке. Король снова вспомнил, какой сегодня день, и тихо застонал.

«Может быть, стоило послушать его? Вдруг чудак придумал что-нибудь этакое против киммерийца?» Но, одернул себя Тараск, дело прошлое, и забавный случай с бледнокожим гостем останется всего лишь маленьким эпизодом в богатой приключениями жизни немедийского короля.

Тараск добрел наконец до своих покоев. В задумчивости вошел он в опочивальню и… остолбенел. В королевском кресле сидел мертвец, любовно поигрывая монаршим скипетром.

– Ну, наконец-то ты пришел, король Немедии! Я уж заждался тебя! – растягивая слова, проворковал Тезиас.

– Ты мертв! Митра, Иштар и Сет! Ты мертв, ты призрак! – отрывисто бормотал Тараск. Явление мертвеца, которым побрезговал сурийский тигр, явно не прибавило королю хорошего настроения.

– О, даже Сет? Зачем ты взываешь к богам, Тараск? Много ли они тебе помогли? Вот потому-то и торжествует киммериец, что надеется не на богов, а на свой меч и дух. А ты – ну не король, а прямо жрец-недоучка в заброшенном храме! – назидательно трещал Тезиас.

Тараск призвал все свое мужество, чтобы взглянуть в глаза существа, утонувшего в его любимом кресле. Огромные живые черные глаза не могли принадлежать призраку. Тезиас жив – это было несомненно.

– Ты колдун! – убежденно произнес Тараск.

– Твое невежество, о король, все более изумляет меня, – в том же насмешливом тоне продолжил Тезиас. – Я же говорил тебе: не колдун я! Не колдун, а ученый! Ученый! Ты не веришь мне?

– По мне, так ты колдун! – мрачно ответил Тараск. – И я велю сжечь тебя на костре.

Тезиаса, казалось, такая перспектива испугала не более чем недавняя угроза быть отданным на растерзание сурийскому тигру.

– А стоит ли, Ваше Величество?

– Чего ты хочешь, дитя преисподней?

– Я уже говорил тебе: я хочу с твоей помощью уничтожить Конана-киммерийца, короля Аквилонии.

– Тебе-то что до него? Тезиас загадочно улыбнулся:

– Ну, скажем так, я желаю изменить мир, а варвар этому мешает.

– Ты неоригинален, – разум постепенно возвращался к Тараску. – Так что тебе от меня нужно?

– Нужно всего ничего, – ответствовал Тезиас и вдруг, сменив насмешливый тон на повелительный, произнес:

– Я должен жить в этом дворце в полной безопасности! Твои слуги должны охранять мой покой. Ты должен обеспечить меня материалами для моих научных опытов. Главное: никто и ничто не должно угрожать моей безопасности до тех пор, пока мы не выступим против Конана.

– Дьявол с тобой, – уныло пробормотал Тараск. – Я согласен. Но помни: я хозяин, ты работаешь на меня… Тезиас. Если что будет не так, лично снесу твою голову. Не думаю, что устоит она против доброй стали!

– Как тебе будет угодно, повелитель, – сладко молвил Тезиас.

– Так где ты желаешь расположиться?

– Думаю, комнаты Ксальтотуиа подойдут для моих научных занятий.

«Во имя Митры! Он точно колдун! Верно, силы Тьмы так и липнут ко мне, – подумал Тараск. – Колдун, как есть колдун! А может, он и есть Ксальтотун, который вернулся из своего Ахерона за моею душой?»

И хотя тщедушный карлик ни в чем не был похож на великолепного чародея из Пифона, отважный король Немедии невольно съежился под насмешливо-повелительным взглядом своего нового слуги…

Глава II

«Возьми мой страх!

Ровно полгода минуло с того дня, когда король Конан вернулся в Тарантию после сражения с силами Зла. Поток государственных дел, накопившихся за долгие месяцы его отсутствия, полностью поглотил короля. Но живой варварский ум Конана, как всегда, выручил его. Ни разу при решении как вопросов государственной важности, так и частных просьб своих подданных король не допустил несправедливости. Честные люди боготворили Конана, мошенники же и разбойники глухо роптали, ибо открыто выступать против короля – значило подвергать свою жизнь опасности.

Сегодня в королевском дворце в Тарантии был бал – самый грандиозный с того самого дня, когда крылатый слуга Ях Чиенга похитил прекрасную королеву Зенобию. Как и тогда, дворец был полон аквилонской знати, разряженные дамы весело заигрывали с возбужденно-мужественными кавалерами. Истинной королевой благородного собрания была сама Зенобия. Опасные приключения, выпавшие на долю этой отважной женщины, казалось, только добавили ей красоты и очарования. Не было секретом, что аквилонцы не всегда с должным почтением относились к немедийке, когда-то спасшей их короля из бельверусской темницы. Но романтическая история о захватывающем путешествии Конана в безмерно далекий Кхитай ради спасения своей любимой создала королеве невообразимую популярность. Эту историю рассказывали няньки малёньким детям, после чего мальчики стремились во всем подражать Конану, а девочки – Зенобии. Аквилонцы, пускавшиеся в далекие путешествия, разносили эту историю по всем уголкам мира, так что, казалось, даже отсталый племенной вождь в далеком Зембабве знал о новых подвигах отважного киммерийца. Говорили, будто знойные ветры древней Стаей тоже шепчут среди мрачных пирамид Кеми про это, и сам Тот-Амон, верховный жрец Сета, скрежещет зубами в бессильной злобе…

Король Конан, надеявшийся отвлечься от тревожных предчувствий в шумном празднике, не испытывал облегчения на этом пышном балу. Угрюмо двигался он среди веселившейся знати, не упуская Зенобию из виду. Природный инстинкт, доставшийся варвару от диких предков и никогда не обманывавший его, говорил Конану: сегодня обязательно произойдет что-то особенное. Что именно, Конан не мог разобрать. Это скорее настораживало, чем успокаивало короля Аквилонии. В тот далекий злосчастный день первобытное чутье также предупреждало его об опасности. Тогда Конан не успел вырвать свою королеву из когтистых лап демона. Но сегодня зов природы был неясен. Единственное, что можно было понять, заключалось в следующем: опасность существует, но где-то далеко, а сейчас ему, его супруге и подданным ничего не угрожает. Тем не менее гигант в золотой короне был весь в напряжении, а рука инстинктивно тянулась к двуручному мечу, что всегда висел на широком поясе варвара.

Волнение короля передалось его ближайшим сподвижникам – Троцеро, Просперо, Паллантиду. Они звали: если властелин Аквилонии встревожен, тому всегда есть веская причина. Желая подбодрить короля, стройный, как девушка, граф Троцеро сказал:

Нет причин для беспокойства, Конан. После всех твоих подвигов вряд ли какой колдун осмелится досаждать тебе и твоим подданным! Я уж не говорю о прочих негодяях: они или погибли, или сбежали к Тараску.

– Я скоро возненавижу эти празднества! Они…

Но Конан не успел закончить свою мысль. Внезапный крик ужаса раздался с балкона. Ничего не видя перед собой, раскидывая гостей, Конан рванулся к Зенобии. Заслонив могучей грудью любимую королеву, он смело устремил свой взгляд вперед, в голубое небо Тарантии. И, как и тогда, он увидел в этом безоблачном небе жуткую черную точку. Точка росла, неумолимо приближаясь.

– Кром! – выдавил из себя побледневший король, обнажая меч.

Десятки придворных, в памяти которых мгновенно встал тот ужасный день, когда такая же точка в небе обернулась страшным крылатым демоном, в панике выбегали из бального зала. Только самые верные и отважные обнажили мечи, встав рядом со своим королем.

– Во имя Митры! Неужели опять… – вырвалась у Просперо мысль, владевшая теперь всеми.

– Стреляйте в эту тварь! – приказал Конан подоспевшим королевским лучникам. – Второй раз я не отдам тебя, Зенобия, клянусь Кромом!

Десятки стрел взлетели в небо, чтобы поразить крылатого демона. В том, что это был именно он, никто уже не сомневался: отчетливо были видны огромные перепончатые крылья твари. Но вид его несколько изменился – странный горб высился на спине чудовища…

– Вы, мазилы! – гневно вскричал король, видя, как тварь увертывается от аквилонских стрел. – Стреляйте еще!

Тварь приближалась. Все уже слышали леденящий душу вопль, издаваемый ею. К этому воплю удивительным образом примешивался крик, похожий на человеческий, – или это только казалось?

Орлиный взор Конана раньше других разобрал, что было необычного в летящей твари. На спине ее, отчаянно жестикулируя, действительно сидел человек!

– Да это же Пелиас, будь он проклят! Не стрелять! – приказал Конан.

Существо приближалось. Теперь уже и другие видели: оседлав тварь, как лошадь, к ним летит сам Пелиас, знаменитый кофийский волшебник, живший теперь в маленьком королевстве Хорайя.

– Мне знакома эта тварь, – заявил Конан. – Именно на ней я совершил удивительный полет из Алой цитадели колдуна Тсота-Ланти, что в Кофе, сюда, в Тарантию, чтобы возглавить поход против армий чернокнижника. Пелиас тогда здорово выручил меня.

– Видно, у нашего чародея была нужда, чтобы, оседлав эту удивительную птицу, лететь к нам, – заметила Зенобия, быстрее других оправившаяся от шока, вызванного появлением летающей твари.

– Навряд ли он явился в Тарантию с хорошей вестью, – хмуро произнес король.

Тем временем существо, мягко опустив волшебника на балкон королевского дворца, взмыло в небо и унеслось прочь.

– Здравствуй, король! Приветствую тебя, королева, ты стала еще краше с момента нашей последней встречи! Рад видеть вас, друзья! Неотложное дело заставило меня забросить ученые занятия и, призвав с небес доброго крича, устремиться в твою столицу, о Конан! – величественно произнес высокий седовласый человек с правильными аристократическими чертами лица.

– Здравствуй, Пелиас! Не скажу, что очень рад видеть тебя! Ты наделал здесь переполох побольше целой армии! – неприветливо буркнул Конан. – Надеюсь, дело действительно важное.

Зенобия постаралась загладить бестактность мужа-варвара:

– Мы давали бал… Ты, должно быть, устал с дальней дороги? Так будь нашим гостем! Ты ведь впервые в Тарантии?

Лицо Пелиаса приобрело сумрачный оттенок.

– Не время отдыхать, о королева! Я должен поведать вам нечто очень важное, ибо ждут нас великие дела, Конан, Зенобия, Троцеро, Просперо! Нам надо немедленно поговорить!

– Ну, Пелиас, выкладывай, что там у тебя, – сказал Конан, когда четверо мужчин и смелая женщина уединились в королевском покое.

– Друзья мои! Слушайте и внимайте! – начал старый волшебник. – Поведаю я вам удивительную и загадочную историю, которая, бесспорно, смутила бы сердца в разум людей, менее отважных, чем вы. Сразу скажу главное: убежден, над тобой, Конан, твоим королевством и, возможно, всем цивилизованным миром нависла опасность великая, в сравнении с которой заговор Ксальтотуна покажется, – если, конечно, я прав в своих подозрениях, – детской прогулкой!

«Ему хорошо говорить! – подумал киммериец. – Когда я сражался с ахеронцем, отвоевывая королевство, он отсиживался дома, в своей Золотой башне!»

Пелиас судорожно дернул головой. Конан внимательно посмотрел на него. Чародей осунулся и очень постарел, хотя с момента их последней встречи прошло всего лишь несколько месяцев. Похоже, его действительно что-то гложет, отметил король. Конан обратился в слух.

– То, что я вам расскажу, для меня особенно больно, ибо речь идет о моем ученике. – Пелиас уселся поудобнее и продолжал: – Вам известно, что я старше любого из ныне живущих людей и считаюсь одним из сильнейших магов нашего времени. Когда-то у меня было множество учеников, но ни один из них так и не сумел превзойти мою силу. Последние десять моих учеников пали ужасной смертью. Захваченные в плен злым колдуном по имени Тсота-Ланти, сыном демона я шлюхи, они были подвешены за ноги в мрачном логове некроманта, где пленником десять лет был и я, пока король Аквилонии не ос победил меня от смертельных поцелуев адского растения Уотта.

Конан кивнул: он хорошо помнил обстоятельства своей первой встречи с Пелиасом.

– Так вот, мерзкий евнух Шукели, раб колдуна, живьем сдирал кожу с моих учеников. Я видел это, как и их смерть: все они исчезли в пасти чудовищной змеи, Старой Саты, обитающей в подземельях Алой цитадели. С тех пор я поклялся больше не брать учеников, дабы невинные люди не становились разменной монетой в схватках могучих волшебников. Также поклялся я посвятить оставшуюся жизнь отдыху и научным нсследованиям. Да буду я проклят богами, раз не сдержал эту клятву! Вскоре после того, как я поселился в городе Ханарии, ко мне пришел некий тщедушный человек неопределенного возраста, назвавшийся Тезиасом.

Всячески прославляя мои таланты, искусно льстя мне, играя на моих слабостях, он упорно напрашивался ко мне в ученики. Разумеется, я объяснил ему, почему это невозможно. Но он был так убедителен! Я испытал его и наконец решился. Тезиас оказался чрезвычайно талантливым учеником; ничего подобного я раньше не наблюдал. Знания Тезиас схватывал на лету и впитывал их, словно губка воду. Чтобы стать не шарлатаном, умеющим лишь пускать

пыль в глаза невеждам, а настоящим волшебником, нужны десятилетия, вы уж мне поверьте. Клянусь алебастровыми бедрами Иштар, Тезиас прошел их за несколько месяцев! Наконец-то на закате дней своих я воспитал настоящего мага, радовался я. Старый дурак!

Пелиас перевел дух. Самобичевание давалось чародею нелегко – гордость этого человека была общеизвестна.

– Однако с некоторых пор стал я замечать странности в поведении моего ученика, которые чем дальше, тем более тревожили меня. Скажи, Конан, может быть так, чтобы воин-доброволец люто ненавидел всех, кто берет в руки оружие? Вот первая странность: Тезиас не может терпеть носителей магического знания. Долго я обманывался относительно себя, но теперь понял: и я не исключение; мой ученик ненавидит меня не меньше, чем других чародеев. Более того, имея очевидные таланты к магии, он не любил волшебные занятия. И хотя он вырос в довольно-таки сильного чародея, Тезиас редко когда проявлял свои магические способности.

Конан нетерпеливо заерзал: ему явно не было дела до пристрастий и странностей Пелиасова ученика. Что же до ненависти к другим колдунам, это киммерийца и не удивило, ибо он знал: чернокнижники друг друга не жалуют! Однако старый волшебник продолжал свой рассказ:

– Тезиасу присущи самоуверенность и непомерное честолюбие. Теперь я понимаю, что магия для него – лишь средство достижения амбициозных планов, и к тому же средство далеко не единственное. Живой интерес Тезиас проявлял к другой сфере, издревле считающийся особо сложной для человеческого понимания и потому чрезвычайно опасной. Истинные маги стараются обходить ее стороной. Я говорю о душе. Да, представьте себе, Тезисе экспериментировал с человеческой душой! Это была целиком его инициатива, я же не уставал предостерегать его. Но Тезиас не слушал меня, и с некоторых вор его опыты с душой и результаты, достигаемые им, стали просто пугать меня. Как-то раз мы повздорили, и я отослал его. К тому моменту, между прочим, я усовершенствовал волшебное зеркало Лазбекри. Теперь с его помощью я мог наблюдать за кем бы то ни было с любого расстояния, а наблюдаемый, напротив, не мог видеть меня. Так вот, когда Тезиас ушел, мне взбрело в голову проверить, что делает мой ученик после нашей ссоры. С помощью зеркала Лазбекри я увидел его в трактире недалеко от моей башни. Он сидел в одиночестве, угрюмо прихлебывая сухое аргосское вино. Вдруг его окружили четверо дюжих грабителей, вооруженные мечами и кинжалами. Тезиас был, как всегда, безоружен. Видимо, негодяи решили, что Тезиас – богатый хорайский дворянчик, и решили захватить его, чтобы потребовать выкуп. Мой ученик отказался следовать за бандитами, но ясно было, что он ужасно напуган. Перебранка продолжалась недолго. Разбойников злило упрямство этого маленького человечка – знай, Конан, он воистину настолько мал, что едва достает тебе до пояса! И вот один из негодяев занес кривой туранский ятаган, чтобы размозжить Тезиасу голову. Дальше произошло невероятное. Мертвенно-бледный человечек прошептал: «Возьмите мой страх!» В тот же миг четверо бандитов упали как подкошенные; я успел заметить выражение неизмеримого ужаса, застывшее в их остекленевших глазах. В моих силах было и уловить причину их смерти: четыре сердца одновременно разорвались от страха. Так я уяснил себе чудовищную способность своего ученика превращать свои недостатки и слабости в свое же оружие…

– А ты не поторопился с выводами, уважаемый Пелиас? – вставил граф Троцеро.

– Увы! С тех пор было несколько подобных случаев. Один из них произошел, кстати, с аквилонским купцом. Этот купец гостил у меня. За несколько дней до того я обнаружил, что

Тезиас пытается меня отразить. Он подсыпал в мою чашу с вином порошок стигийского женьшеня – яд, убивающий медленно, но верно, так, что причину смерти установить потом невозможно: все выглядит вполне естественно. Но я опознал отравленное вино и сделал так, чтобы его выпил Тезиас. Мой коварный ученик неумолимо угасал, когда, на свою беду, ко мне пожаловал упомянутый купец. Когда купец уже уходил, умирающий вызвался проводить его. Я услышал только зловещий шепот Тезиаса: «Возьми мою боль!» Несчастный купец умер той же ночью; Тезиас мгновенно выздоровел.

Тяжело вздохнув, Пелиас продолжал:

– У меня большая библиотека, и я не знаю, откуда именно узнал Тезиас секреты своего мастерства. Я его этому не учил; признаюсь, сам того не умею. Я уже подумывал, как мне обуздать странные наклонности ученика, когда он вдруг стал настойчиво просить у меня Книгу Судеб. О, друзья, это самая великая и таинственная книга на свете! Секрет ее происхождения затерян в глубинах тысячелетий. Считается, что Книга Судеб была всегда. Никто, насколько мне известно, не мог ее прочитать и даже открыть, ибо охраняется она семью магическими заклятиями, ни одно из которых не дошло до наших дней. Но сохранилось предание, что Книга Судеб содержит описание истории Земли с тех времен, когда самым разумным существом на ней была древняя обезьяна. Тысячелетиями Книга Судеб переходила из рук в руки; я нашел ее в библиотеке Тсота-Ланти. Я испробовал все известные мне способы вычисления магических ключей, но так и не смог открыть Книгу. В конце концов, я решил спрятать Книгу Судеб у себя, дабы другой, более удачливый чародей, чем я, не смог ею воспользоваться. Тезиас же был уверен, что Книга хранит Великое Космическое Знание, проникнув в которое, можно стать властелином мира. Разумеется, я отказался дать Тезиасу Книгу Судеб…

– Во имя Крома, Пелиас! – не выдержал Конан. – Все это, конечно, интересно, но кроме смерти аквилонского купца я не обнаружил в твоем рассказе ничего, что касалось бы меня или моих подданных!

Волшебник сокрушенно покачал головой.

– Имей терпение, король! Я как раз приступаю к заключительной части моего рассказа. Слушай же – я продолжаю. Вскоре я отправился, вместе с Троцеро и Просперо, встречать тебя с Зенобией, возвращавшихся из Кхитая. Когда я вернулся в свою башню, мои седые волосы встали дыбом: башня сияла изнутри каким-то неземным голубым светом, а Тезиас стоял посреди моей библиотеки, и в руках у него была открытая Книга Судеб! Гонимый необъяснимым страхом, я позорно бежал, и вослед мне раздавался издевательский хохот Тезиаса! Я испытывал ужас и унижение. Идти обратно я решился только за полночь; ночь – союзница истинного мага. Поверьте, я не узнал свою старую башню: будто какая-то гигантская метла вычистила из нее все, что было мне дорого! Моя незримая стража как будто вымерла, и тишину покоев не нарушал ни один звук. Казалось, мертв был даже воздух. Тезиаса я нашел крепко спящим на моем диване. Я должен был разобраться, что же произошло в мое отсутствие! Зная о блистательных гипнотических способностях Тезиаса, я перестраховался и усыпил его вторично – мертвым сном Скелоса, который есть не что иное, как временная смерть. Я допросил спящего. Но на все мои вопросы Тезиас отвечал одной лишь загадочной фразой: «В подлунном мире существует нечто более великое, значительное и необъяснимое, чем все, что известно людям». Не понимая значения этой фразы, я предположил, что Тезиас почерпнул ее из Книги Судеб. Как ему удалось открыть ее, для меня до сих пор загадка! Проверить свое предположение я не мог, ибо Книга Судеб вновь была

закрыта. Я уже собирался прекратить бессмысленный допрос, как вдруг Тезиас проснулся и открыл глаза.

– Клянусь костями Нергала и бородой Ханумана, я решил, что схожу с ума! Человек или бог, погруженный в иной сон, и в том числе в гипнотический сон Скелоса, не может проснуться, пока он не будет разбужен тем, кто его усыпил! Я сидел как парализованный. Тезиас же вскочил с дивана; взмахом руки заключил он меня, своего учителя, в огненную клетку и, злобно усмехаясь, произнес слова, которые не забыть мне до конца дней моих:

«Как посмел ты, гадкий колдун, усыпить меня?! Меня, будущего повелителя мира! Ты дорого заплатишь да свою дерзость! Нет, я не убью тебя: это была бы слишком легкая кара. Я оставлю тебе жизнь, чтобы ты мог наблюдать, как твой ученик восходит к вершинам абсолютной Власти! И я не боюсь тебя! Я вообще не боюсь всех твоих мерзких фокусов, твоих демонов! Когда я стану повелителем мира, я сделаю веревку из волос твоей богини Иштар и подвешу тебя ею за ноги перед моим небесным дворцом! И если ты нечаянно помрешь до того момента, я вытащу твою душу из ада, и все равно воплощу свою месть! Я, Тезиас поморю этот дикий мир, хоть бы все боги объединились против меня! А начну я с Конана, короля Аквилонии, и свершу то, что не удалось жалким фокусникам вроде Тот-Амона, Ксальтотуна и Ях Чиенга! Я знаю: этот варвар неизбежно встанет на моем пути, и он будет сокрушен! Теперь же я покидаю твою обитель, колдун, а когда ты освободишься, – он со смехом указал мне на огненную клетку, пленником которой я стал, – я буду готов демонстрировать тебе и всем остальным людишкам свою науку! Прощай, Пелиас-чернокнижник, и да проклянут тебя твои боги за то, что ты взрастил меня!» С тем Тезиас и удалился. Из всего, что было у меня, взял он лишь Книгу Судеб.

Пелиас замолчал. Потрясенные, его слушатели с зудом верили в рассказанное волшебником. Наконец могучий рык Конана нарушил гнетущую тишину:

К дьяволу, Пелиас! Я всегда ценил твою мудрость, но ты, похоже, переутомился в своих ученых занятиях! Как мог принять ты всерьез дикий бред безумца, противопоставившего себя всему сущему: Добру и Злу, людям и демонам, самим богам! Неужели ты воображаешь, что я испугаюсь твоего подмастерья лишь потому, что он умеет выделывать фокусы, каким сам ты не обучен?! Воистину я готов помолиться Крому, чтобы он вернул тебе разум, если Иштар сделать это не в состоянии!

Пелиас огорченно возразил:

– Напрасно ты попрекаешь меня, Конан. Я в своем уме. В своем уме был и Тезиас. Даже если половина того, что он наговорил мне – пустая бравада, оставшегося хватит, чтобы содрогнуться при мысли, что всех нас ждет! Уже одно то, что он овладел великой Книгой Судеб, обязывает нас к действиям. Я не хочу сидеть и ждать, когда он придет за моей душой!

– Но скажи же, Пелиас, как освободился ты из огненной клетки? – спросила Зенобия.

– С того самого мига, как Тезиас покинул башню, я боролся с силами Тьмы, сковавшими меня. Долгие месяцы провел я в огненной клетке, сражаясь за свое освобождение. Мое магическое искусство было бессильно! Я не ел и не пил, но не лишения терзали меня, а бездействие. Наконец, сам не знаю как, я сумел освободиться. Сделал ли это я, или чары Тезиаса закончились, или же он сам выпустил меня – то мне неведомо. Было это сегодня утром, и я тотчас устремился сюда!

Конана утомила долгая беседа. Он сказал:

– Есть верный способ узнать, с кем мы имеем дело, – увидеть врага. Можешь ли ты показать нам этого негодяя, Пелиас?

Вместо ответа волшебник извлек из складок своего широкого плаща маленькое зеркало в простой железной оправе и поставил его перед собравшимися.

– Зеркало Лазбекри покажет нам Тезиаса, где бы он НИ находился! – сказал волшебник.

Пелиас взмахнул над зеркалом рукой и прочитал магическую формулу. Зеркало Лазбекри начало стремительно расти; вскоре оно закрыло собой всю стену королевских покоев. В гигантском зеркале появилось изображение, постепенно контуры его прояснялись, и вот уже Конан и его друзья видели огромную, ярко освещенную пещеру; источник света был скрыт. В середине пещеры возвышалась большая округлая чаша, к чаше вела лесенка, чём-то напоминающая Корабельный трап. Прямо над чашей высилось странное сооружение, основой его служил громадный стеклянный шар, открытый снизу, со стороны чаши. Вдоль одной стен подземного зала стояла вереница столов; на толах во множестве, расположились разного рода склянки и приборы, назначение которых также не было понятна. В некоторых склянках содержались какие-то одни из них кипели, выбрасывая вверх ядовито-сизый дымок, другие, напротив, были похожи на разноцветный лед.

Возле самого большого стола разговаривали два человека, Один из них был узнан сразу – король Немедии Тараск. Второй человек, обладатель неимоверно бледной кожи, о чем-то спорил с Тараском. На плече у бледнокожего сидел большой попугай.

– Послушай, Пелиас! – воскликнул Просперо. – встречал этого коротышку в твоей башне! Его взгляд, как сейчас помню, пробрал меня до костей! Не сему я понял, что это человек: думал, карлик, вызванный мною из иных миров для магических опытов. Так это и Тезиас?

Волшебник кивнул. Все обратили взоры к зеркалу.

– Ты и так уже достаточно скомпрометировал меня, Тезиас, – говорил Тараск. – Люди шепчут: у короля живет злой колдун!

– Тебе никогда не победить киммерийца, Тараск, – боишься сплетен! – ответил бледнокожий. – Но вернемся к делу. Утром ты приведешь сюда пять тысяч душ; они нужны мне для великого опыта. Завтра будет сделан решающий шаг к нашей цели.

– Ты в своем уме? – возмутился Тараск. – Где я наберу такую армию? Да и кто пойдет сюда, на верную гибель?!

– Разве не видишь: мой мозг и без того перегружен, решай эту проблем сам – ты король, кому как не тебе 4нать, как привлечь своих подданных. – Кор-роль, кор-роль, кор-роль! – вдруг заорал попугай.

Мне надоели насмешки твоей скотины, Тезиас! – гневно вскричал Тараск. – Я тысячу раз проклял тот миг, когда связался с тобой! Какой я король – ты держишь меня на побегушках! Ты завлек меня посулами сокрушить Конана, и что же – киммериец по-прежнему на коне, я же имею с тобой одни хлопоты! Вот мое последнее слово: тебе нужны люди – ты их и ищи!

– Последнее? – спокойно осведомился карлик.

– Последнее, клянусь Митрой! И вообще ты мне надоел, – грубо отрезал Тараск.

Тезиас внимательно посмотрел на короля, усмехнулся, затем осторожно снял с плеча попугая и поставил его на стол.

– Возьми его разум, – тихо сказал Тезиас попугаю, указывая на Тараска.

– Пощады, пощады! Р-разум! Р-разум! Вер-рни мой р-разум! – верещала охваченная ужасом птица, суматошно бегая по столу. Тараск тупо глядел куда-то, и взгляд его был пуст.

– Крон и Митра! – вырвалось у Конана. Тем временем Тезиас обратился к попугаю:

– Ну что, Тараск, как тебе в новом теле? Говорят, каждый ребенок мечтает хоть раз стать птицей. Сам-то я этого не знаю – видишь ли, с детства мечтал править миром. А ты – ты хотел быть птицей? Я предоставил тебе такую возможность!

– Р-разум, р-разум! Мой р-разум! – дико орал попугай.

– Ты меня убедил, – произнес Тезиас. – Стой смирно, пташка!

Указывая на Тараска, он велел попугаю:

– Верни ему разум. Тараск упал на колени:

– Не мучай меня, лучше убей сразу! Тезиас засмеялся.

– И не надейся! Ты король, ты нужен мне. Но помни: еще один случай неповиновения – и ты навсегда останешься птицей… или кем там еще… Встань, король, и берись за дело: утром мне понадобятся пять тысяч отважных негодяев, и покрепче!

Глаза Тараска, полные ужаса, смотрели на бледнокожего карлика. Казалось, король утратил волю.

– Э, да ты, я вижу, совсем плох, – задумчиво проговорил Тезиас. – Такой ты для дела непригоден… А ну-ка, пташка… – Тезиас снова обратился к попугаю:

– Возьми его страх!

Дрожащая птица испуганно прижалась к холодной ладони. Тараск гордо выпрямился. Прямо глядя в глаза карлику, он сказал:

– Те, кто тебе нужен, будут здесь завтра утром. Можешь быть спокоен, Тезиас!

…В королевских покоях Гарантии Пелиас погасил магическое зеркало. Все молчали, ожидая слов короля.

– Ты был прав, волшебник! – без околичностей зашил Конан. – Но как остановить мерзкого карлика, жонглирующего душами людей и зверей? Почему бы тебе не прибегнуть к твоим чародейским штучкам? Разве ты не можешь стереть Тезиаса в порошок одним взмахом руки?

– Хотел бы я, чтоб было так, – ответствовал Пелиас. – Но рисковать не решусь: неровен час, проклятый карлик отошлет обратно все мои чары… А я надеюсь мне пригодиться живым, Конан! Увы, время, когда я был наверняка сильнее своего ученика, похоже, упущено. Воистину Тезиас сильно вырос с тех пор, как покинул меня!

– А зачем ему понадобились пять тысяч человек? – 1во произнес Троцеро. – Готов биться об заклад, он планирует невиданное злодейство!

– Вот это я и должен выяснить, а если боги будут благосклонны ко мне – и остановить! – решительно шил Конан. – Я затеряюсь среди тех людей, что приведет завтра карлику. На месте я смогу все разузнать. Может быть, убью злодея. Там, где бессильно волшебство, пригодится старый двуручный меч! Пелиас, ты сможешь доставить меня в Бельверус?

– Конечно, Конан! Но где человеку с твоей внешностью скрыться от любопытных глаз! Тебя сразу узнают!

– Право, Конан, неразумно лезть прямо в лапы врагов, – поддержали волшебника Троцеро и Просперо. Как это бывало уже не раз, тяжелый кулак короля, с грохотом опустившийся на стол, положил конец спору:

– Сделаю как сказал! Ты загримируешь меня, чародей!

– Я пойду с тобой, любимый! – воскликнула Зенобия.

– Нет, дорогая, ты нужна мне здесь, в Тарантии! И потом, я привык сражаться в одиночку.

– Позволь хотя бы мне сопровождать тебя, – сказал Пелиас, – Вдруг, да и пригодится где-

нибудь моя магия?!

– Хорошо, Пелиас. Но довольно болтать! Живо зови своих крылатых друзей!

Человек действия, отважный киммериец не терпел долгие обсуждения!

Глава III

«Жизненная сила»

Тезиас не соврал Тараску: он не был волшебником в полном смысле этого слова. Тайны магии, открытые ему Пелиасом, не прельщали маленького человечка с огромными черными глазами. Он был убежден: чтобы стать повелителем мира, чародейских штучек недостаточно. Он тщательно изучил биографию Конана-киммерийца, и сама жизнь варвара укрепила Тезиаса в мысли, что как чародей он Конану не страшен. На пути киммерийца встречались десятки магов разного калибра – от племенных шаманов до великого Ксальтотуна, – и где они теперь?! Тезиас не верил ни в каких богов и скептически относился к расхожему заключению, что именно боги хранят отважного варвара. Жизнь Конана, считал Тезиас, наглядно подтверждала: ни боги, НИ колдуны, ни демоны не могут совладать с силой человеческого духа и тела. Именно поэтому, презирая чародейские штучки, Тезиас все свои надежды возлагал на силу духа. Будучи обделен природой силой физической, он фанатично стремился подчинить себе силу душевную, а вместе с ней – и человеческий разум.

Честолюбивый карлик понимал, что, не устранив Конана, он не достигнет Абсолютной Власти. Впервые я узнал это, подслушав разговор Конана со своим учителем, когда киммериец посещал Пелиаса на пути в Кхитай. Научные опыты подтвердили правоту старого волшебника. И хотя сам Тезиас, любитель комфорта и благ цивилизации, люто ненавидел варваров, ему приходилось признавать: пока жив Конан, мечты о господстве над миром так и останутся только мечтами. Тезиас уважал Конана как противника. Чтобы противостоять киммерийцу, он настойчиво оттачивал свое главное оружие – энергию человеческого духа. При этом тщедушный карлик не щадил себя и других, проводя порой такие эксперименты с душой, на которые вряд ли решились бы жуткие демоны преисподней.

Успехи не заставили себя долго ждать. Казалось, тайны природы отступали перед могучей волей бледнокожего человечка. Успехи окрыляли Тезиаса, и он уже не сомневался в правильности своего пути. С тех пор как он открыл великую Книгу Судеб, его ничто не Могло остановить.

Тезиас молчаливо прохаживался по огромному залу, в центре которого возвышалась гигантская чаша с колбой его собственного изобретения. Книга Судеб… Тысячи поколений людей и нелюдей колдовали над этой улитой, орошая ее кровью зверски замученных девственниц, обесчещенных после их смерти; тысячи тысяч чудовищных заклятий произносились над нею за миллионы лет; Книга бывала даже в безднах Ада, но и демоническое знание было бессильно – Книга Судеб иному не открыла своих тайн. Никому, кроме него…

«Жалкие создания природы!» – подумал Тезиас о своих предшественниках. В безумной тщете они и не могли предположить, что семь магических ключей, дающих доступ к сокровищам Книги Судеб, – это семь Заповедей духа! Овладев ими, Тезиас без труда раскрыл Книгу.

– Тайны мироздания, сокрытые в Книге Судеб, едва не разорвали его могучий мозг. Воистину вся современная наука – не более чем заблуждение смертных, в лучшем случае –

частное проявление иных, незнакомых людям закономерностей. Из Книги Судеб Тезиас узнал и о том, как возникла магия. Остатки Великого Знания, бесконечно древнего уже в те далекие времена, когда писалась Книга, передаваясь особыми информационными полями, опоясывающими Землю, оседали в мозгу населявших планету существ. Однако их мозг не был способен адекватно воспринимать частицы Великого Знания. Оно, это знание, смешивалось с первобытными страхами и предрассудками, им овладевало Мировое Зло. Великое Знание угасало, и о нем напоминали лишь леденящие душу колдовские обряды…

Тезиас, безмерно потрясенный прочитанным, еще больше возненавидел все сущее – именно за то, что не смогли ни боги, ни люди, ни демоны сохранить Великое Знание. Великое Знание означало и Великую Силу, Абсолютное Могущество, ведь ему были подвластны все тайны бытия и духа. Поэтому Тезиас поклялся, как только это будет в его силах, создать новую расу людей, способных нести в себе крупинки Великого Знания, Я лишу людей всех страстей и эмоций, наделю их своим разумом, научу понимать Знание, размышлял Тезиас. Верховным Хранителем Великого Знания он не мыслил никого, кроме себя. Так эгоистическая тяга маленького человечка к Абсолютной Власти причудливым образом слилась с его фанатичной верой в свою великую миссию…

Но более всего в Книге Судеб Тезиаса потрясла одна-единственная фраза. Он мгновенно запомнил ее: «В подлунном мире существует нечто более великое, значительное и необъяснимое, чем все, что известно людям…». Эта загадочная фраза, словно заклинание, повторялась на каждой странице великой книги. Тезиас чувствовал, что именно эта фраза и есть Главное Знание Книги Судеб или, во всяком случае, указание на него. Но в великой книге не было никаких связок с таинственной фразой, она никак не соприкасалась ни с одним словом Книги Судеб! Словно некий скульптор, создавая свое творение, налепил на каждой его части нечто, совершенно ему не подходящее! Без устали исследовал Тезиас Книгу Судеб, но разгадка таинственности иной фразы так и не пришла к нему. Приходившие на ум версии, одна другой фантастичнее, никуда не годились.

Но вот как-то раз, сконцентрировав всю энергию своего духа в глубины космоса, Тезиас постиг наконец, что есть загадка Книги Судеб. Внезапно его осенило: да, в подлунном мире, – значит, на Земле, – существует, живет, никем не знаемое, средоточие всего, о чем написана Книга Судеб. Книга Судеб – лишь указатель на это средоточие Великого Знания! Потрясенный этим открытием, Тезиас не мог ни есть, ни спать несколько дней. Да, действительно, размышлял он, подобно тому, как существуют огромные хранилища золота, есть где-то и огромное, но неповторимое и единственное в своем роде хранилище Великого Знания! С той минуты, как он постиг это, Тезиас забыл и свои честолюбивые устремления, и тем более ненависть к Конану-киммерийцу. Все усилия отныне посвящал он отысканию этого Нечто, существующего в подлунном мире независимо от самого этого мира…

Так прошли несколько месяцев. Бессонные ночи и изнурительные опыты над собой превратили и без того тщедушного Тезиаса в живой призрак. И хотя карлик ни разу, с момента своего появления в Бельверусе, не показывался на людях, да и где-либо еще, кроме отведенных ему комнат и огромной подземной лаборатории, те немногие, кто изредка видел его, испытывали необъяснимый, безотчетный ужас. Таинственные, не похожие ни на какую магию эксперименты Тезиаса с душами привели к тому, что по Немедии пронесся слух о дьяволе, будто бы поселившемся в королевском дворце в Бельверусе, – так что Тараск даже преуменьшил популярность своего незваного гостя. Рассказчиков ловили и приводили к Тезиасу; больше их никто не видел. Однако король Тараск, живущий якобы под крылом у

дьявола, выглядел бодро, и его подданные постепенно привыкали к слухам, один страшнее другого. Более того, в определенном смысле эти слухи были выгодны и Тараску. мало кто осмеливался бунтовать против владыки, опекаемого самим Сатаной! Вдобавок ко всему откуда-то стало известно, что души разбойников, доставляемых во дворец, так и не появились в Серых Землях; отныне даже жрец Митры не сомневался: их забирал дьявол, покинувший ад, где ему почему-то наскучило править, и собственной персоной обосновавшийся во дворце немедийского монарха…

А Тезиас все искал свое Нечто – и не находил. Невиданные приборы, созданные его гением, изучали информационные потоки, исходившие от всего, что находится на земле, под землей, под водой и в воздухе. Сколько нового, неведомого остальным смертным, узнал Тезиас за это время о географии и истории планеты! Нередко попадались и довольно загадочные объекты, любой из которых сам по себе был чрезвычайно интересен и мог в какой-то мере способствовать реализации целей Тезиаса. Большей частью то были таинственные, невероятно древние сооружения, возможно, храмы давно забытых богов или сокровищницы сгинувших в лету цивилизаций; некоторые объекты были явно неземного происхождения. И все же это было не то, совсем не то, что он искал!

Возможно ли, мучился вопросом Тезиас, чтобы Книга Судеб сыграла с ним злую шутку? Или, может быть, он неправильно распознал тайный смысл, заключенный в загадочной фразе? Нет, отбросил сомнения Тезиас, все верно, и Книга не может лгать. Значит, он не там ищет или не так.

И здесь Тезиас вспомнил, как открыл он для себя Книгу Судеб. Конечно же дух, душа! Он должен сам отправиться в великое путешествие по подлунному миру – только так он найдет свое Нечто! Сам! Но совершить это путешествие должно не его тело: во-первых, оно не выдержит даже малой толики предстоящих испытаний, во-вторых, это и не должно быть тело. Нет, он, Тезиас, должен высвободить из тела свою душу, и она, душа, а с нею и его могучий разум, покинув человека-носителя, пустятся в фантастическое путешествие по, информационным дорогам мироздания. И если не найдет он свое Нечто, значит, нет его вообще!

Безоглядно ринулся Тезиас в пучины этого фантастического проекта. Но максимум, что удавалось добиться, – душа его, покинув тело, воспаряла над Бельверусом и, обессиленная, возвращалась обратно. После опытов Тезиас чувствовал себя так, как будто на нем возили чугунные плиты. Было от чего прийти в отчаяние! Но его могучий разум знал, в чем проблема: ему не хватает жизненной силы, а именно – ее концентра – так называемой нервной энергии…

И тогда стал он черпать недостающую энергию из этих людей. Это принесло некоторые результаты: так, использовав еще двух человек, он мог покидать пределы города, еще десять – и его душа преодолевала границы Немедии. Наконец, он принес в жертву своим опытам сто человек, и тогда удалось ему добраться до башни Пелиаса в Ханарии, где он наконец освободил тарою волшебника из огненной клетки, дабы он мог воочию лицезреть триумф своего ученика.

Но и этого было мало. Тогда задумал он до предела насытиться жизненной силой. По его расчетам, для этого требовалось пять тысяч физически крепких мужчин, обладающих к тому же сильной волей и предрасположенных к совершению зла. Именно такого воина приведет к нему завтра Тараск…

Ранним утром, когда низкое солнце еще только золотило высокие шпили башен

Бельверуса, на площади перед королевским дворцом уже толпился народ.

– Да тут никак не меньше десяти-пятнадцати тысяч! – воскликнул высокий мужчина, скрывающийся в тени возле большой башни из красного кирпича, примыкающей к дворцу. Даже Зенобия вряд ли узнала бы в говорившем своего мужа, короля аквилонцев Конана. И уж тем более никто не мог бы признать в большой черной мухе, надоедливо кружившейся возле уха великана, знаменитого волшебника Пелиаса.

– А вот и сам Тараск, – прожужжала Пелиас-муха. Король Немедии вышел на большой балкон дворца, нависающий над площадью, и обратился к толпе:

– Я, ваш повелитель, предлагаю работу для настоящих мужей моего королевства. Вчера в одном из подземелий дворца мои рабочие случайно обнаружили тайный ход. Как удалось выяснить, ход этот, более Древний, чем сам Бельверус, ведет в огромную пещеру…

Встревоженный гул был ответом на слова короля.

– …в которой спрятаны несметные сокровища… Теперь уже площадь ревела. Стараясь перекричать толпу, Тараск продолжал:

– …Однако проход в пещеру закрыт камнями. Моим слугам удалось извлечь только вот это. – Тараск с видимым усилием поднял над головой громадную, украшенную бриллиантами золотую чашу.

– Во имя Крома! – заревел Конан. – Да это же чаша Нумедидеса! Она исчезла из моей сокровищницы, когда немедийцы хозяйничали в Тарантии! А ведь этот негодяй клялся, что у него ее нет!

– Потише, ты выдашь себя, – озабоченно жужжал Пелиас.

Но никто не обратил на великана внимания. Толпа возбужденно гудела, напряженно внимая словам немедийского короля.

– Чтобы расчистить завал, мне нужно пять тысяч сильных мужчин. Каждый из них унесет домой десятую часть того, что сам отыщет в этой полной золота и бриллиантов пещере! Найдутся ли среди вас смельчаки?! – заорал Тараск, перегнувшись через перила балкона.

Восторженный рев, способный разбудить мертвого, потряс площадь. Стекла близлежащих зданий готовы были лопнуть от совокупного шума, издаваемого тысячами глоток.

– Слава королю! Да здравствует Тараск! Слава королю Тараску! Та-раск! Та-раск! Тараск! – скандировала толпа.

– Я вижу, среди моих подданных не перевелись смельчаки! – прокричал с балкона Тараск. Но его уже не слушали; у стен дворца стихийно формировалась армия желающих отправиться за сокровищами.

– Нам пора! – решительно произнес Конан, присоединяясь к рядам смельчаков. Черная муха незаметно последовала за ним.

Киммериец попал в первые ряды охотников за сокровищами

[1] Нумедидес – бывший король Аквилонии, предшественник Конана, собственноручно задушенный киммерийцем на своем троне.

Рядом с ним молодой крепыш отбивался старой Женщины, вероятно своей матери, настойчиво советовавшей парню вернуться домой:

– Алкемид, образумься! Ради Митры, не ходи туда! этих подземельях обитает сам дьявол – он заберет свою несчастную душу!

– Отстань, мать! Я не верю рассказам сумасшедшего! Золото ждет меня!

– Останься, прошу тебя! – плакала старуха. – Что я буду делать одна с пятью ртами, когда ты сгинешь?!

Но Алкемид не слушал ее. Впечатлительный от природы, Конан пожалел парня, ведь в отличие от других он-то знал, что Тараск ведет этих людей на верную смерть. Он уже готов был поддержать старуху, когда неизвестно откуда взявшаяся муха, словно читая его мысли, прожужжала:

– Молчи, Конан! Раз сам идешь за золотом, не отговаривай других!

Пелиас прав, подумал Конан. Он не может выдать себя, иначе их смелый план провалится!

Тем временем армия охотников за сокровищами двинулась в путь. Словно муравьи, исчезали люди в мрачном подземелье. Конан по-прежнему шел в первых рядах, а в волосах его удобно устроилась большая черная муха.

Сам Тараск вел эту странную армию. И вот наконец (ступила она в огромный, ярко освещенный зал, уже знакомый Конану по зеркалу Лазбекри. Киммериец напрягся, ожидая, что будет дальше. Рука его привычно на рукоять меча.

У большой чаши со стеклянным шаром Тараск велел остановиться. В могучей толпе прозвучали нетерпеливые возгласы:

– Ну, где золото? Какой ход надо разбирать? Пред видом этой громады лицо немедийского короля стало пепельно-серым. Однако он твердо произнес:

– Мы должны подождать, пока подтянутся остальные.

Наконец все пять тысяч вошли в пещеру. Недовольство возрастало. Люди, не таясь, грозили своему королю мечами. – Где же твое золото, Тараск? Отвечай, куда ты нас завел?!

Взоры людей были обращены к королю Немедии, и никто не заметил, как из-за чаши вышел маленький бледнокожий человечек с огромным, нависающим над лицом лбом.

Увидев Тезиаса, Конан затаил дыхание. Инстинкт подсказывал ему, что сейчас произойдет нечто ужасное, смысл которого не укладывается в мозгу нормального человека. Ум киммерийца рассчитывал, сколько секунд потребуется, чтобы раскидать стоящих впереди и, преодолев отделяющие Тезиаса от людского моря метры, вонзить меч в сердце негодяя.

Тезиас улыбнулся. Толпа, увидев неожиданное явление, несколько притихла. Вокруг головы карлика появился светящийся нимб.

– Это дьявол! – услышал Конан испуганный шепот.

Тезиас простер руки к толпе и заговорил:

– Я отнимаю у вас вашу волю!

Тысячи мечей одновременно попадали на каменный пол пещеры, и руки их обладателей безвольно повисли. Конан с ужасом чувствовал, как неведомая сила рвет его душу и его воля вытекает из него, как вода из дырявой бочки. «Сейчас или никогда!» – мелькнуло в мозгу короля Аквилонии. Издав победный киммерийский клич, Конан легко раскидал стоящие впереди него живые, но лишенные воли тела и, на ходу обнажая меч, бросился к Тезиасу.

– Ба, да это же сам Конан! Ты пришел за своей смертью, киммериец? – злобно оскалился Тезиас, но страх уже перекосил его лицо.

– Умри же ты, гнусный карлик! – прогремел Конан, и его меч вонзился в грудь Тезиаса.

Но нет – о, чудо! – скользнув по одежде карлика, тяжелый меч ушел в сторону, увлекая за собой Конана. Тезиас засмеялся; он не планировал расправляться с киммерийцем так скоро.

Конан сделал новый выпад, желая снести королю голову, и меч опять ушел в сторону, отталкиваемый ж видимой силой. Еще и еще – бесполезно. Видя, меч бессилен против чар

Тезиаса, Конан метнул тяжелое оружие в огромный стеклянный шар. Лицо карлика исказила мучительная гримаса. Быстрее, чем меч Конана коснулся блестящей поверхности шара, взметнулась рука Тезиаса, из его ладони вырвался голубой луч, и в следующий миг Конанов меч, не долетев до своей цели какие-то сантиметры, рассыпался в прах.

Зарычав от ярости, Конан бросился на карлика, намереваясь задушить его голыми руками. Странное это было зрелище – могучий, загорелый гигант обхватил пальцами, каждый из которых был величиной едва ли не с шею Тезиаса, щуплого бледнокожего человечка, в два раза меньше его по росту. Казалось, злой демон душит ребенка!

Тезиас уже не смеялся. Не помня себя, в ярости Конан душил своего противника; его железная воля вновь была с ним. Едва слышно Тезиас захрипел:

– Возьми… мою боль.

В тот же миг невидимые руки обхватили шею Конана, и чем больше душил он мерзкого карлику, тем сильнее сдавливали эти руки его собственное горло.

«Бели я убью его, я убью и себя», – понял Конан. Сильные пальцы невольно ослабили хватку. В черных глазах Тезиаса появилось выражение торжества, они смеялись над киммерийцем. Взгляд Конана прошелся по рядам лишенных воли людей, упал на чашу и огромный стеклянный шар над нею. В пронзительном взгляде Тезиаса прочитал он несокрушимую волю осуществить задуманное. «Если я отпущу его, жизни этих тысяч невинных людей, как и жизни многих других, будут обречены», – прожгла его мозг отчетливая мысль. Он вспомнил рассказ Пелиаса; нет, ужасный карлик не должен жить на этом свете! Конан долго не раздумывал: пусть он умрет, но прежде утащит в могилу и злобного монстра, которого он держал теперь в своих руках, человека, присвоившего себе право распоряжаться душами себе подобных.

Немедля снова сжал Конан тонкую шею карлика. По мере того, как из Тезиаса уходила жизнь, невидимые руки все сильнее сжимались и на шее Конана.

– Не возьмешь, пес! – прохрипел киммериец.

– Возьми… мой страх! – из последних сил прошипел Тез нас; его красный язык уже вываливался из маленького рта.

Конан ощутил, как жестокой судорогой свело ему желудок. Душа его, казалось, спряталась в самую маленькую клеточку ноги. Но страх Тезиаса не убил его: киммериец за свою жизнь видел столько ужасов, что в сердце и душе его не было места страху. Еще сильнее сдавил он шею карлика.

Тезиас затих. Его большие черные глаза остекленели. Но могучая воля карлика задержала последнюю искорку жизни, остававшуюся в этом теле. Синие губы умирающего беззвучно прошептали:

– Отдай мне свое мужество.

Это было уже слишком даже для Конана. Душа его разрывалась на части, сердце бешено колотилось, ужасные невидимые руки мертвой хваткой стиснули горло. Он понял, что ему не одолеть ужасного карлика. Сейчас. Пока. Завтра он сделает это обязательно.

Конан отпустил шею карлика. Первыми вернулись к жизни глаза Тезиаса. В них прочитал Конан не смерть свою – страстное желание Тезиаса растащить по частям душу киммерийца. Конан уже раздумывал, как подороже продать свою жизнь, как вдруг неизвестно откуда поднявшийся ветер легко подхватил гиганта и, сметая все на своем пути, понес его прочь. Конан больно ударился о каменную дверь зала. Падая, он увидел черную муху; муха бормотала что-то невнятное, от нее к двери исходили малиновые лучи.

– Где тебя носило, Пелиас? Я едва не отдал душу этому вампиру!

Муха не ответила, продолжая бормотать заклинания. Каменная дверь наконец распахнулась, и волшебный ветер вновь подхватил Конана, унося его из страшного подземелья.

– Прости меня – я не пришел к тебе на помощь, Конан, – прожужжал Пелиас, когда ветер вынес их на поверхность. – У человека свои опасности, у мухи свои: я попал в паутину.

– Тезиас отлавливал своего учителя? – деловито осведомился Конан.

Муха густо покраснела, и варвар, не выдержав, расхохотался: он впервые видел, как краснеют мухи и как краснеет Пелиас.

– Паутина обыкновенная, – буркнуло волшебное насекомое. – Мне пришлось превратить паука в аппетитное дерьмо, и только после этого мне удалось порвать паутину. Когда я выбрался, ты уже отпустил Тезиаса. Позволь мне вернуть тебя в Гарантию – здесь мы уже ничего не сможем сделать!

– Нет, Пелиас, за мной кое-какой должок, и я не уйду, пока не возвращу его по адресу! – угрюмо произнес Конан и двинулся внутрь королевского дворца. Он хорошо знал, где находятся апартаменты Тараска.

С немедийским королем он столкнулся прямо в дверях опочивальни. Конан был по-прежнему безоружен, но не сомневался, что свернуть шею Тараску будет легче, чем задушить Тезиаса.

– Я принес тебе смерть, собака! – заревел Конан, готовясь прикончить Тараска голыми руками. Но тот почему-то не испугался. Отступив вглубь комнаты, Тараск спокойно молвил:

– Ты можешь убить меня. Жизнь, которую я принужден вести сейчас, не дорога мне. Но, думаю, теперь не это главное; убить меня ты сможешь всегда, а вот проклятый карлик с каждым часом становится все сильнее!

Удивленный такой речью, Конан спросил:

– Есть ли у тебя что-то, что дало бы тебе право жить?

– Да! – Тараск достал из тайника большую книгу в сверкающем голубом переплете. Книга казалась каменной, так срослись ее страницы с переплетом.

Черная муха, вертевшаяся вокруг головы киммерийца, увидев книгу, чуть не свалилась на пол.

– Клянусь Иштар, это же великая Книга Судеб! Да ради того, чтобы забрать ее у Тезиаса, я сохранил бы жизнь самому Сету! – вопил Пелиас.

– Какую игру ведешь ты, Тараск? – словно не слыша волшебника, спросил Конан.

– Уничтожь Тезиаса! – ответил король Немедии. – Не знаю, поможет ли тебе эта книга, но знай: карлик дрожит над нею. Думаю, она для него бесценна. Чудом я выкрал ее, пока он был занят схваткой с тобой…

Тараск еще что-то хотел сказать, но муха не выдержала: обратившись человеком, Пелиас вырвал Книгу Судеб из рук опешившего короля.

– Давай ее сюда, недоумок! Не твоим лапам пачкать бесценную книгу! Не был бы ты таким негодяем – не пришлось бы тебе сейчас просить своего злейшего врага избавить тебя от карлика! Зачем пригрел его? Что, отомстить захотелось? Вот ты и отомстил – самому себе за свою глупость! – приговаривал Пелиас, терзая пронзительным взглядом ничего не понимавшего Тараска.

Король Аквилонии с интересом взирал на забавную сцену. Наконец он счел нужным представить волшебника своему венценосному врагу:

– Это Пелиас, чародей из Ханарии, что в Хорайе. Книгу Судеб карлик украл именно у него.

Услышав сие известие, Тараск перешел в наступление. Осуждающе глядя на волшебника, он сурово произнес:

– Тебе ли, чернокнижнику, осуждать меня?! Сам хорош! Карлик не раз поминал тебя добрым словом! Воистину ты многому научил своего выкормыша! Не будь тебя и твоей науки, шакал давно бы гнил где-нибудь в нищете и безвестности! А книга – что книга? Прятать нужно лучше, если не хочешь быть обворованным!

Злобно глядя на немедийца, маг уже вытянул палец, чтобы стереть в порошок дерзкого негодяя. Крепкий пинок Конана заставил Пелиаса взять себя в руки.

– Довольно драться, петухи! Оба хороши! Ладно, Пелиас, можешь ли ты показать нам, что делает Тезиас?

Два короля и волшебник обратились к зеркалу Лазбекри.

…Карлик все еще лежал на холодном полу, с трудом | оправляясь от схватки с Конаном.

– О, да ты хорошо потрепал этого шакала, – злорадно произнес Тараск.

Конан не удостоил его ответом. Тезиас поднял голову. Застывшее людское море невидящими глазами смотрело на него.

– Ты, – Тезиас обратился к крепкому парню, в котором Конан узнал Алкемида, – отдай мне твою жизненную силу!

Алкемид вскрикнул; искрящееся облако отделилось от его тела и вошло в плоть Тезиаса. От того, кто был Алкемидом, осталась лишь густая лужица омерзительной жидкости цвета гнилых яблок.

– Протоплазма, – философски констатировал Пелиас.

– Проклятие! – вырвалось у Конана. Тараск молчал.

Тезиас уже стоял на ногах, полный жизненной силы. Энергетический вампир был бодр и готов продолжать прерванную Конаном церемонию.

По мановению руки карлика в чаше зажегся ослепительный голубой огонь. Повинуясь немому приказу Тезиаса, лишенные воли люди ступали на ведущий к чаше трап, ставший последней дорогой для их тел и душ. И вот первые жертвы бросились в голубое пламя. Тезиас весело засмеялся. Жизненная сила несчастных, поднимаясь, как пар, вверх, накапливалась в огромном стеклянном шаре, неподвижно висевшем над жертвенной чашей.

– Пелиас, ты можешь остановить это? – не выдержал Конан.

В ответ старый волшебник лишь отрешенно покачал головой. Тем временем все новые и новые жертвы исчезали в страшном неземном пламени. Искрящиеся облака жизненной силы поднимались внутрь шара, где они смешивались в клокочущую голубую массу. Как завороженные, взирали люди на ужасную картину, демонстрируемую им бесстрастным зеркалом Лазбекри.

Вскоре в адском пламени исчезла последняя жертва. От пяти тысяч человек осталась только их жизненная сила, которой отныне безраздельно владел Тезиас. Даже протоплазма – и та сгорела в голубом пламени, бушевавшем в жертвенной чаше.

Торжествующий Тезиас обошел чашу. Воздев глаза I вверх, он увидел холодное голубое солнце, горевшее в огромном шаре. То была его сила, его энергия, его будущая Абсолютная Власть…

Но и это был не конец. Изумленные люди у зеркала видели, как, повинуясь взмаху руки карлика, в стене зала открылась дверь и Тезиас вошел в маленькую комнатку. Единственной

«мебелью» ее был прозрачный огромный кристалл, похожий на большую хрустальную раковину. Тезиас открыл верхнюю створку кристалла-раковины и улегся на невидимое ложе. Как только карлик закрыл глаза, верхняя створка раковины герметично затворилась за ним.

Не ведая, что это означает, короли и волшебник внимательно смотрели на раковину и покоящегося внутри нее маленького человечка. Но ничего не происходило – карлик если и не умер, то уж точно крепко спал в своем хрустальном гробу, отрешенный от остального мира.

– Попробую поразить его, – сказал Пелиас и произнес магическую формулу. Из его груди вырвался белый огонь. Казалось, огонь жил и обладал разумом.

– Убей его! – велел огню волшебник, указывая на изображение в зеркале.

И вот Полиасов огонь обрушился на раковину, где спрятался карлик. Но что это?! Огненный меч, ударив в кристалл, неожиданно был остановлен такой же прозрачной, как и сам кристалл, голубой стеной. Огонь Пелиаса охватил уже всю раковину, стремясь добраться до маленького тельца, но голубая аура надежно охраняла раковину со всех сторон. Спящий карлик даже не пошевелился.

– Бесполезно, – устало сказал Пелиас. – Он позаботился о своей безопасности.

Посланный волшебником огонь погас, и в тот же миг исчезла голубая аура вокруг раковины.

– Зеркало, покажи зал с чашей! – внезапно догадался Конан.

…В Жертвенном зале никого не было. И все же что-то происходило. Клубящееся внутри стеклянного шара голубое облако меняло форму.

– Оно сжимается! – воскликнул Тараск.

И действительно, концентрат жизненной силы, украденной Тезиасом у пяти тысяч отважных мужчин, все более уплотнялся, уменьшаясь в размерах. Наконец он превратился в синюю горошину, едва различимую для человеческого взгляда. Горошина, двигаясь вверх, к сводам пещеры, прошла сквозь стекло и… исчезла.

Глава IV

«Проклятие Преисподней»

Душа Тезиаса неслась сквозь пространство, купаясь в горячих информационных потоках Земли. Оставив свое человеческое тело в хрустальной раковине, она вобрала в себя нервную энергию пяти тысяч человек и устремилась навстречу своей судьбе.

То, что покоилось на невидимом ложе в подземелье Бельверуса, уже не было Тезиасом. Нет, Тезиасом была эта бестелесная сущность, мыслящая и живущая вне своего материального тела – его душа.

Тезиас мчался на восток; давно уже остались позади Кезанкийские горы, море Вилайет, и исчезли Гирканские степи. Тезиас летел над неизвестными землями. Возможно, он был первым человеком, видящим их воочию. Да, он ведь по-прежнему был человеком, хоть и без тела.

Неизведанные земли сменились океаном. Разочарование все более овладевало Тезиасом. Внизу мелькали какие-то острова, но они были еще менее примечательны, чем материк. Не зная, куда направиться дальше, Тезиас завис в воздухе. Внезапно он осознал, что информационный поток несет его. Покинув этот поток, он попал в другой. Как и первый, этот поток мягко поворачивал на юго-восток. «Осмысленное» движение вольного информационного потока, да еще в совершенно ненаселенной части Земли, посреди безбрежного Восточного океана, весьма удивило Тезиаса. Вскоре он убедился, что все без исключения информационные потоки двигались, словно притягиваемые магнитом, в одном и том же направлении. Он решил следовать за ними. Между тем океан становился все более безжизненным. Здесь не было даже насекомых. Всмотревшись в толщу вод, Тезиас не заметил какой-либо жизни и там. Казалось, сам воздух застыл в этой части земного шара. Даже солнце светило как-то по-особому – тускло, немощно, словно кто-то поглощал солнечные лучи…

Информационные потоки поворачивали на юг. Тезиас уже клял себя за то, что углубился в эти мертвые земли (вернее, воды), когда внезапно на горизонте показалось какое-то свечение. По мере приближения к его источнику Тезиас все явственнее осознавал, что туда и движутся бесчисленные информационные потоки. Казалось, прямо в океане сняло второе солнце, притягивая их.

Подлетев еще ближе, так что удивительный объект, являвшийся источником свечения, был виден воочию, Тезиас остановился. Очарованный, он взирал на открывшееся ему зрелище. Посреди мертвого океана возвышалась гигантская, не менее мили высотой, серебристая пирамида. Она была заключена в оболочку из ослепительно светящегося воздуха. Кроме пирамиды, в открывшемся взору Тезиаса мире ничего не было. Пирамида была и солнцем, и небом, и твердью этого мертвого мира. Не существовало ни ветра, ни воздуха, и даже сам океан возле удивительной пирамиды застыл, словно зеркало. В мире пирамиды господствовала! мертвая космическая тишина. Как океанские волны в бурлящий водоворот, закручивались в гигантскую воронку мощные информационные потоки, поглощаемые светящейся аурой пирамиды. Из пирамиды же не исходило ничего.

Информационные потоки, словно ручейки в море, впадали в ослепительную пирамиду, и | ни один из них не возвращался обратно.

Тезиас понял, почему его приборы, сотни раз просканировавшие весь земной шар, не обнаружили гигантскую пирамиду. Он уже не сомневался, что нашел свое Нечто, существующее в подлунном мире независимо от всего сущего… Космически прекрасная пирамида была его Судьбой, и он нашел ее.

Но что делать дальше? Мертвый мир пирамиды не пугал его. Его больше страшила возможность, подобно бесчисленным информационным потокам, навечно исчезнуть в ее безднах. Тезиас медленно облетел пирамиду. Он насчитал шестнадцать правильных граней, сходящихся высоко в небе в остроконечный, устремленный к звездам шпиль. Ощущение Абсолютного Могущества, которым дышала пирамида, передалось ему. Он во что бы то ни стало должен узнать ее тайну!

Тезиас отлетел подальше, так что неземная пирамида была едва видна на горизонте. Спустившись к водам океана, он почувствовал под собой твердь; ощущение, будто сама вода вокруг пирамиды застыла, не обмануло его. Тезиас был уверен, что ни один смертный не знал о существовании космической пирамиды. Поэтому решил он призвать демона – в безднах ада, считал он, должны знать, что это такое!

Он не любил эту работу; Тезиас ненавидел когтистых и клыкастых смердящих тварей, само существование которых было вызовом природе. Пелиас научил его заклинаниям, способным призвать из преисподней любого демона, но никогда еще Тезиасу не приходилось пользоваться ими. Однако сейчас не было иного выбора: он должен был вызвать демона и вытрясти из него правду о гигантской пирамиде.

Начертив в воздухе магический куб, в который предстояло заключить демона, он произнес заклинание. Тезиас не раздумывал, какого именно демона призвать для допроса, и с интересом всматривался в магический куб.

Появился ядовито-черный дым, и вот уже в кубе высился отвратительный шестилапый монстр; комочки слизи с шипением скатывались с его коричневатого тела. Порождение Мрака не успело еще отравить воздух гнусным проклятием тому, кто осмелился потревожить его, когда что-то заставило демона поднять кроваво-красные глаза на пирамиду. То, что произошло затем, было столь стремительно, что Тезиас успел заметить только выражение дикого, суеверного ужаса, застывшего в глазах демона. Страх, поразивший демона, смог бы, наверное, убить не одну сотню смертных…

Демон взорвался! Частицы адской плоти осыпались застывший океан, и он поглотил их. Ошеломленный случившимся, Тезиас заглянул внутрь магического куба. Там было пусто. Порождение преисподней, вызванное им, погибло, едва взглянув на пирамиду…

Тезиас повторил опыт. На сей раз он призвал Заревула, одного из самых мужественных демонов ада. Заревул был ростом с трехэтажный дом и был известен тем, что хранил свое сердце глубоко под землей, в каменном сундуке, до которого не мог добраться сам Сет. Кроме того, Заревул был неглуп, и Тезиас надеялся, что он не будет пялиться на пирамиду, пока его об этом не попросят.

– Да как ты осмелился! – заревел демон, не тратя времени на проклятия. Тезиас знал, что порождениям Мрака дано видеть человеческую душу, заключенную в теле, и потому был уверен: Заревул видит и его душу, лишенную тела.

– Слушай меня, Заревул! – при упоминании своего имени демон вздрогнул. – Я отпущу тебя, как только ты скажешь мне, что это такое!

Невидимая рука Тезиаса указала на светящуюся точку, едва заметную на горизонте. Демон взревел; резкая судорога прошла по всему его телу. Заревул взорвался, разбрызгав омерзительную плоть на десятки метров вокруг.

Тезиас был озадачен, но не сдавался. Он вызвал другого демона, но и его постигла участь двух первых. В исступлении Тезиас призывал все новых и новых детей преисподней, но результат был неизменен: демоны взрывались, едва взглянув на космическую пирамиду, и их гнусную плоть поглощал безжизненный океан.

Наконец он решился призвать бога – одного из бессмертных богов тьмы и едва ли не самого страшного из них – офирского бога Аль-Киира. Когда-то, в глубокой древности, Аль-Киир был необычайно могуществен – более, чем Митра, Иштар и Асура, вместе взятые. Тысячи лет назад Аль-Киир был изгнан из своего земного тела и ныне обитал в запредельных мирах, недоступных смертным. Будь Тезиас в здравом рассудке, он ни за что не решился бы вызывать на допрос жестокого бога тьмы – это было чистым самоубийством. Но сейчас им владела только одна мысль: он во что бы то ни стало хотел знать, что скрывается за ослепительными гранями гигантской пирамиды.

Безжизненный океан разверзся, и показалась зловещая четырехрогая голова Аль-Киира. Выйдя из запредельных миров, жестокий бог легко разорвал магический куб. Освободившись, молча схватил Аль-Киир душу Тезиаса, намереваясь утащить ее в преисподнюю. Против могущества бога волшебство было сильно. Шестым чувством осознал Тезиас, что спасение его – в космической пирамиде.

– Великий бог, открой мне, что это такое? – прокричал он в лицо гнусному исчадию Тьмы.

Неведомая сила заставила Аль-Киира бросить взгляд на пирамиду. Гримаса безмерного изумления и страха исказила и без того омерзительный лик жестокого бога. Аль-Киир выпустил душу Тезиаса и упал на колени. Коричневый пот ручьями стекал с могучего тела бога, конечности его охватил холодный голубой огонь.

– Пощади, Великая Душа! – взмолился Аль-Киир.

– Скажи, что это, и я сохраню тебе жизнь! – вне себя заорал Тезиас.

– То Проклятие Преисподней, Вечный… – успел вымолвил жестокий бог. Неземной огонь охватил все тело бессмертного бога, и через минуту от Аль-Киира не осталось и следа.

Потрясенный, Тезиас обдумывал то немногое, Что успел сообщить ему непобедимый бог перед своей смертью. «Проклятие Преисподней», – сказал Аль-Киир о гигантской пирамиде. Вот почему создания ада погибали, едва взглянув на нее! Пирамида убила самого Аль-Киира, словно мошку! Да, воистину в ней сокрыта Абсолютная Власть! И он, Тезиас, обязательно доберется до этой власти. Недаром бессмертный бог тьмы назвал его Великой Душой!

Но сейчас Тезиас должен был возвращаться. Ему было ясно: ни боги, ни демоны не живут вблизи великолепной пирамиды. Возможно, дома, в своей лаборатории, подумал Тезиас, я смогу узнать ее тайну. И очарованная душа пустилась в обратный путь. Загадочный в космической пирамиды легко отпустил ее.

Когда Конан и Пелиас покинули дворец в Бельверусе, увозя с собой в Гарантию Книгу Судеб, король Тараск ощутил всю безысходность своего положения. До него наконец дошел смысл содеянного им. Он украл у могущественного карлика самое ценное, чем тот обладал! Неизвестно, успеет ли Конан обезоружить Тезиаса до того, как тот обнаружит пропажу и

отыщет ее виновника. Перспектива провести остаток дней в теле попугая (или того хуже) сводила Тараска с ума. Вспомнив ужасную чашу с голубым огнем, где сгинули тысячи приведенных им на убой мужчин, Тараск глухо застонал. В кои-то веки он нашел в себе мужество восстать против зла, и что же?! Неужели от него останется лишь омерзительная лужица протоплазмы, как от того парня, чью жизненную силу выпил Тезиас?!

Бежать было бесполезно – Тараск не сомневался, что карлик отыщет его и в преисподней. Кроме того, бегство сразу выдаст его. Мысль умереть, поскорее вручив свою душу Митре, показалась Тараску самой удачной. Он уже занес кинжал, чтобы поразить свою грудь, но остановился. Светоносный Митра не принимал к себе самоубийц, и их душам суждено было вечно скитаться по Серым Землям…

Мысленно вручив судьбу Митре, Тараск забылся в беспокойном сне. Кошмар не отпускал его. Ему снилось, как в королевскую опочивальню входит Руфий, слуга, как он, Тараск, приказывает Руфию убить его. Руфий пугается страшного приказа и падает на колени перед королем. Тараск настаивает. Вдруг слуга выпрямляется, лицо его искажает зловещая улыбка, кожа бледнеет, а изо рта доносится насмешливо-сладкий голос Тезиаса: «А с чего ты взял, что я Руфий?» Тараск кричит: «Изыди, нечистый!» Но Руфий-Тезиас, скалясь в усмешке, подходит к его ложу, вынимает из кармана маленькую крысу. Вот он подносит тварь к лицу Тараска и, показывая на короля, обращается к крысе: «Возьми его разум!» Тело Тараска постепенно превращается в омерзительную желто-зеленую слизь; гадость шипящими каплями стекает по ложу на пол, и от нее шарахаются дворцовые тараканы. Сам Тараск видит все это глазами крысы, которой был отдан его разум. Удерживая Тараска-крысу за хвост, Тезиас кричит: «Кис! Кис! Кис!» На зов откуда-то выбегает любимый королевский кот, его желтые глаза светятся голодным огоньком. Облизываясь, кот радостно мурлычет. «Кушай, кушай, киска!» – сладко щебечет карлик…

Собственный вопль разбудил Тараска. Холодный пот струился по всему его телу. В дверях опочивальни показался испуганный слуга.

– Вы звали меня, Ваше Величество? – спросил Руфий.

– Изыди, нечистый! – как во сне, повторил король. – Ты кто?

Слуга в изумлении уставился на монарха. Король был явно не в себе.

– Я Руфий, преданный слуга Вашего Величества! – как можно более твердо ответил Руфий.

– Чем ты это докажешь? – недоверчиво произнес король, опасливо пялясь на знакомую физиономию слуги.

«Король не узнает меня!» – со страхом подумал Руфий. Вслух он сказал:

– Другие слуги Вашего Величества подтвердят это, равно как и моя семья. Я давно служу здесь и всегда… Тараск нетерпеливо перебил его:

– Все это не то! Подойди к столу! Руфий, все более удивляясь странному поведению короля, выполнил приказ.

– Видишь этого паука?

На столе находились не один, а два паука: один из них был жив, другой, по-видимому, мертв.

– Скажи пауку: «Возьми его боль!» – велел Тараск.

«Король сошел с ума», – утвердился в своем подозрении Руфий. Однако он ошибался: Тараск звал, что делает. За месяцы общения король Немедии хорошо усвоил характер и

способности карлика. Если Руфий – это Тезиас, значит либо оба паука умрут, либо оба оживут, в зависимости от того, какой из них возьмет боль другого. Если же Руфий – это Руфий, тогда все останется без изменений.

– Возьми его боль, – пролепетал слуга. На столе по-прежнему находились один живой и один мертвый паук.

«Слава Митре! – обрадовался Тараск. – Это не Тезиас!» И тут же стал проклинать свою глупость, он вспомнил, что гнусный карлик не умел вселяться в людей! Слуга озабоченно взирал на своего повелителя.

– Успокойся, Руфий, я всего липа пошутил!

– Шутки у вас, Ваше Величество… – отдуваясь, вымолвил слуга.

– Но довольно об этом! Передай мой приказ: пускай завалят камням? все входы в пещеру Тезиаса, так чтобы и мышь не проскочила! Передай также: пусть не боятся – карлик надежно усыплен и проспит до тех пор, пока его логово не превратится в его могилу!

Когда душа Тезиаса возвратилась в тело, на Бельверус уже надвигались сумерки. Карлик усмехнулся: хрустальная раковина была его выдающимся изобретенном. Силы магии и науки объединил он, чтобы быть уверенным: в отсутствие хозяина с его телом ничего не случится. Древние заклятия, почерпнутые из Книги Судеб, и защитное силовое поле надежно охраняли раковину от любого внешнего воздействия. Рухнет ли дворец, разверзнется ли земная твердь, или сонм демонов обрушится на хрустальное ложе – в любом случае с его телом ничего не случится. Покинув раковину, Тезиас осмотрел ее наружную поверхность. Следы белого огня были едва заметны, и Тезиас удовлетворенно кивнул – как и следовало ожидать, ученик намного перерос своего учителя.

В огромной лаборатории стояла мертвая тишина. Острое предчувствие чего-то недоброго овладело Тезиасом. Он бросился к выходу из пещеры. Каменная дверь, открывавшаяся наружу, не поддавалась. Тезиас пробормотал заклинание, и дверь исчезла. Коридора, связывавшего его лабораторию с внешним миром, больше не существовало! Пока вольная душа путешествовала по свету, вероломный союзник запер его в каменном мешке! Видимо, не доверяя силе камня, Тараск возжелал отравить его; чуткий нюх Тезиаса уловил едкий запах, просачивающийся снаружи сквозь нагромождение скал. Проклиная коварного монарха, Тезиас восстановил каменную дверь; она была достаточно герметична.

Конечно, его магического искусства вполне хватило бы, чтобы, разметав камни, выбраться на поверхность. Он сурово покарает Тараска, предавшего его в такой день! Но сейчас в том не было никакой срочности. Тезиас не был мстителен, и его не заботило, когда именно умрет Тараск – сейчас, на следующий день, через неделю или через год. Предав его, король сам подписал себе смертный приговор; Тезиас приведет его в исполнение, когда сочтет нужным.

Однако сейчас были дела поважнее. Тезиас начертил магическую пентаграмму. Даже хорошо, что его замуровали, – никто во всяком случае не помешает ему в его опытах. Он вспомнил схватку с Конаном и поежился. Гигант едва не прикончил его! В следующий раз нельзя так рисковать, обязал себя Тезиас. Он должен поразить киммерийца наверняка, иначе проклятый варвар, обладатель железной воли и стальных мышц» рано или поздно свернет ему шею…

Карлик произнес заклинание, и внутри пентаграммы заклубился серый дымок. На сей

раз он решил вызвать одного из самых древних демонов преисподней – Люфа. Предания о Люфе считались старыми еще во времена расцвета Атлантиды. Даже опытные стигийские колдуны Черного Круга не были уверены, существует ли мудрый демон на самом деле или он только плод бесконечно древнего фольклора. Но Тезиас твердо знал: мудрый Люф действительно существует, и в глубинах ада дает советы Сету, Князю Тьмы.

Скрип явственно свидетельствовал, что материализация демона прошла успешно. Ушастый Люф сидел в магической пентаграмме, с удивлением пялясь на бледнокожего человечка. Беззубая пасть пролепетала какое-то давно забытое проклятие. Демон был настолько дряхл, что Тезиас стал сомневаться, выдержит ли Люф приготовленное для него испытание.

– Тысячи лет не терзал я человеческую плоть, – глухим скрипучим голосом сообщил демон. – Скажи мне свое имя, смертный, и я заберу тебя в преисподнюю!

– Ты хочешь знать мое имя, Люф? Я Тезиас, тот, кого бессмертный бог Аль-Киир назвал Великой Душой!

В маленьких умных глазах Люфа отразился страх. «Ну, только не это!» – уныло подумал Тезиас.

– Я не сделаю тебе ничего дурного, – заверил он демона. – Напротив, с моей помощью ты снова станешь богом, и смертные будут поклоняться тебе, как и миллионы лет тому назад. Если ты поможешь мне.

Старый Люф с интересом посмотрел на карлика. Видно было, что перспектива стать богом побеждала в нем страх.

– Что я должен сделать для тебя, Великая Душа? Старательно подбирая слова, Тезиас ответил:

– Мне нужна кое-какая информация. Люф нетерпеливо заерзал в магической пентаграмме.

– Что же еще на свете неизвестно тебе, Вели Душа? Ты вызвал Люфа, а уже сто тысяч лет я пребываю в уверенности, что это заклинание забыто смертными!

– Ты прав, исчадие ада! Я прочитал его в великой Книге Судеб!

– Да, я помню ее! – задумчиво молвил демон. Казалось, миллионы лет проплывали в его памяти. Он глядел на карлика со всевозрастающими уважением и опаской. – Ты первый, кому удалось раскрыть ее! Так тебе потребно знать, кто создал Книгу Судеб? Это была раса мыслящих существ, спустившихся со звезд. Это знаю только я.

– О нет, мой будущий бог! То не имеет большого значения. Меня интересует другое. В Книге Судеб прочел я загадочную фразу. Вот она: «В подлунном мире существует нечто…»

Тезиас не договорил. Гримаса суеверного ужаса прошла по физиономии дряхлого демона. Он завопил:

– Умоляю тебя, не продолжай! Несчастный, понял, чего ты хочешь! Остановись, безумец! В твоем мозгу не может уместиться то, что жаждешь ты узнать! Это выше понимания богов!

Однако Тезиасу надоела эта странная игра «а ну-ка, отгадай!». Глядя прямо в глаза Люфа, он твердо заявил:

– Слушай меня внимательно, сын Тьмы! Я был там, порождение Мрака. Я видел это. Умирая, Аль-Киир назвал его «Проклятием Преисподней». Я буду знать, что это такое, даже если мне придется провести остаток дней возле него, вызывая ваших братьев – по одному – до тех пор, пока ад не опустеет, а мертвый океан не поглотит вашу мерзкую плоть! Отвечай

же, Люф, или тебя постигнет участь великого Аль-Киира!

– В твоей душе, безумец, читаю я непоколебимую решимость идти до конца. Но не волен я открыть тебе истину, не посоветовавшись с высшими демонами преисподней: то дело касается всего ада.

– Иди же, Люф, к своим хозяевам, и передай им мое условие; я не шучу! Или вы выкладываете мне правду, или я уничтожаю вас! Ты помнишь, что мне нужно? Я только хочу знать: что это такое?

Злобно сверкнув маленькими красными глазами, дряхлый демон исчез. Прошла минута, но Тезиасу она показалась вечностью. Он внимательно вглядывался в глубь магической пентаграммы, не сомневаясь, что вскоре он вновь увидит старого Люфа.

Однако он ошибался. Тихий шорох заставил его оглянуться. Со всех сторон, обнажив ядовитые зубы, к нему ползли змеи. «Проклятие! Хозяева преисподней хотят избавиться от меня!» – подумал Тезиас. Взмахом руки он обратил в прах адских пресмыкающихся. Но тут же их место заняли еще более гнусные твари, сам вид которых способен был парализовать волю и убить душу. Стараясь не смотреть на бестий, Тезиас заключил себя в прозрачную защитную сферу. Порождения Ночи клацали зубами у границ сферы, их когтистые лапы царапали невидимую стену, но добраться до Тезиаса не могли. Тогда разверзлась земля, и Нечто Ужасное, бесформенное и бестелесное, простерло к Тезиасу черную. Казалось, сам Мрак явился в мир людей, чтобы карать безумца. Тезиас понял, что магическая сфера не спасет его от адских объятий Мрака. Никакие заклятия не остановят эту черную тучу, неумолимо обволакивающую его. Повинуясь скорее наитию, чем рассудку, Тезиас прошептал загадочную фразу, прочитанную им в Книге Судеб, – ту самую фразу, которая подвигла его на безумный путь отыскания главной тайны ада…

И невозможное свершилось: на середине фразы Мрак, уже душивший его, отступил; когда же она прозвучала целиком, черная туча исчезла и вместе с нею пропали все мерзкие твари, окружавшие Тезиаса. Словно по мановению волшебной палочки, затянулась огромная дыра в земле, и каменный пол вновь встал на свое место. Тезиас увидел внутри магической пентаграммы дряхлого демона.

– Ты победил, безумец, – мрачно процедил Люф. Можешь снять свою магию: мы больше не потревожим тебя.

Тезиас удалил защитную оболочку. Люф продолжал:

– Мы посоветовались, и хозяева преисподней выдвигают тебе, Великая Душа, встречное предложение. Мы согласны служить тебе, выполнять твои приказы. Великий Змей Сет будет лежать у твоих ног, и его бесчисленные слуги – люди и демоны – будут исполнять любую твою прихоть. Ты станешь Владыкой Ночи, и смертные будут страшиться одного твоего имени. В обмен мы просим тебя отказаться от попыток узнать о Проклятии Преисподней.

«Крепко же я их достал, если адское отродье согласно лизать пыль у моих ног, лишь бы не выдавать своей тайны!» – удовлетворенно подумал Тезиас. Охотничий азарт, разгоревшийся в его душе, не давал Тезиасу времени на размышление.

– Твое предложение заманчиво, Люф. Но знай: я не простой чернокнижник, чья главная мечта – господство над силами Тьмы. Ваши омерзительные слюнявые пасти противны мне, и я содрогаюсь при мысли, что могу провести в вашем обществе свою жизнь, даже помыкая вами, как рабами. Не для того я высвободил свою Великую Душу, чтобы вступить в правление преисподней. А что касается власти, что ж, я считаю, Нечто, которого вы так страшитесь, даст мне власть большую, чем все демоны ада! Так что я отвергаю предложение

твоих хозяев, Люф, и повторяю: если ты немедленно не ответишь на мой вопрос, я уничтожу всех твоих братьев!

Люф злобно плюнул в самодовольную физиономию Тезиаса.

– Ад не знает такого проклятия, которого ты заслушаешь, безумец! Никогда еще столько демонов так не {желали плоти смертного, как мы – твоей!

– Я польщен, – расхохотался карлик. – Твой мозг не в силах постичь того, что желаешь ты знать! Последний раз призываю тебя: опомнись!

– Я нахожу, что ты слишком болтлив для своего возраста, Люф, – зашипел Тезиас. – Мне надоели твои уговоры! Великая Душа сам знает, что ему нужно! В той пирамиде – моя Судьба, и ничто и никто не заставит меня отказаться от моей затеи! Так что не трать зря время. Расскажи, и я отпущу тебя!

– Слушай же, безумец, и не говори, что я тебя не предупреждал! Не сомневаюсь, ты еще не раз проклянешь себя за свое любопытство! Но ладно, ты сам напросился… Итак, слушай. Когда-то на Земле безраздельно господствовало Зло. Каждый из демонов моего рода живет по многу миллионов лет, но те времена застали мои очень далекие предки. Мировое Зло губило эту дивную планету. И вот когда уже казалось, что силы Зла разорвут планету на части, из Бескрайнего Космоса спустились на Землю неведомые мыслящие существа. Космические силы, которыми они владели, загнали создания Тьмы в преисподнюю, глубоко под землю, где они по сию пору и пребывают. Именно так возник Ад. Символом и хранителем этих космических сил и был оставлен на Земле Тот-Кто-Сидит-В-Пирамиде. Он вечен, и мощь его безгранична. Нет сомнения, что уничтожить Ад или поразить любого бога ему легче, чем слону раздавить букашку. Однако он почти не вмешивается в дела суетного мира. Тем не менее непостижимым образом он узнает о движении каждой земной песчинки. Что нужно ему на этой планете и зачем он вообще существует, то нам неведомо. Я сказал тебе все! – торжественно молвил мудрый демон.

Пребывая в великом возбуждении, Тезиас не заметил, как вцепился руками в дряхлую грудь Люфа.

– Так ответь мне, кто же есть Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде?

Демон сокрушенно вздохнул:

– Я же сказал тебе: то неведомо нам! Ничто сущее никогда не проникало сквозь стены Пирамиды. С рождения мы, дети Мрака, знаем, что в Пирамиде кто-то есть, но кто это, как он выглядит и чем занимается, то нам неведомо.

Демон явно не врал.

– Но есть ли вообще способ проникнуть в Пирамиду? – спросил Тезиас.

– Как же ты все-таки глуп, Великая Душа! Кто, как не ты, раскрывший Книгу Судеб и высвободивший – при жизни – свою душу из бренного тела, только и способен войти к Тому-Кто-Сидит-в-Пирамиде и, если на то будет его воля, вернуться обратно?

Глава V

«В гостях у духа Земли»

– Так вот она какая, Книга Судеб! – сказала Зенобия, с интересом рассматривая голубой фолиант.

– Да, и она снова принадлежит мне, – поспешил добавить Пелиас.

– Так, значит, гнусный карлик лишился своей власти? – спросил граф Троцеро.

– О нет, к сожалению, не все так просто, – ответил волшебник. – Судя по тому, что я о ней знаю, Книга Судеб – это не талисман и не источник мистической силы. В ней вообще нет ничего волшебного. Однако она содержит знания, которых больше нигде нет. По-видимому, Тезиас не смог пока постичь большей части этих знаний, иначе бы он мигом превратил в прах не только меч Конана, но и его самого!

При упоминании о своем поражении король недовольно засопел.

– Во всяком случае, мы вырвали у гада его жало. И помог нам в этом Тараск. Бедняге не везет на колдунов, – сказал Конан.

– А не может ли Тезиас вернуться за Книгой? – озабоченно спросила Зенобия.

– Не беспокойся, прекрасная королева, – рассмеялся Пелиас. – Во второй раз он ее не получит, я уж позабочусь об этом. Однако, с твоего позволения, Конан, я хотел бы еще раз взглянуть на нашего маленького друга. Видите ли, господа, когда мы с королем покидали Бельверус, он спал довольно-таки необычным сном.

Конан кивнул. Зеркало Лазбекри уже не раз доказывало свою полезность.

…Зеркало показало картинку Тезиасова логова как раз в тот момент, когда «беседа» карлика и демона подходила к концу.

– Ты прав, порождение преисподней – я отправлюсь туда! – вскричал Тезиас. На мертвенно-бледном лице карлика играл нездоровый румянец.

– Но помни, Великая Душа: одна ошибка – и ты попадешь туда, где геенна огненная покажется тебе раем' – угрожающе заскрежетал демон.

– Будь я проклят, если это не старый Люф! – озадаченно прошептал у зеркала Пелиас.

Дряхлый демон исчез. Тезиас все еще пребывал в восторженной задумчивости, сверля черными глазами пустоту магической пентаграммы.

– Эй, Пелиас, а ты говорил, что он чурается созданий Тьмы? – удивился Просперо.

– Я и сам не понимаю, зачем ему понадобился Люф, – пробормотал волшебник.

Тем временем карлик неспешно обошел все двери своей лаборатории. Выхода не было.

– Да он замурован! – воскликнул Конан. – Ай да Тараск!

– Друзья мои, кажется, он попался! – мстительно произнес Пелиас. – Смотрите же!

Волшебник собрался и, неотрывно глядя в зеркало

Лазбекри, стал читать заклинания.

– О Свет и Мрак, к вам взываю я! Объедините свою мощь! Дети Земли, умертвите эти камни так, чтобы никто и ничто не прошло сквозь них! Дети Солнца, слепите эти камни в несокрушимый монолит! Воздух подземелий, забудь дорогу в эту каменную гробницу! Свет и Мрак, к вам взываю я! Силами, данными вам, превратите в могилу пещеру Тезиаса!

В огромной пещере-лаборатории Тезиас обдумывал свои дальнейшие действия. Какой же он был дурак! Находился рядом с пирамидой и даже не попытался проникнуть в нее! Будь проклята его трусость! Впрочем, ничего еще не потеряно: он снова отправится к пирамиде, войдет в нее, а затем вернется в этот мир властелином! Для этого нужна только новая жизненная сила.

Тут он вспомнил, что замурован. Нужно освободиться и наказать вероломного Тараска, подумал Тезиас. Потом он насытится от верной стражи короля – право, немедийского владыку стерегут бравые ребята! – и отправится в гости к Тому-Кто-Сидит-в-Пирамиде.

Тезиас подошел к каменной двери, обозначавшей главный выход из лаборатории, и прочитал магическую формулу. Дверь исчезла. Тезиас улыбнулся, но улыбка эта гримасой застыла на его лице, когда вместо нагромождения скал он увидел монолитную, отполированную неведомой рукой каменную стену. Он бормотал одно заклинание за другим, но с тем же успехом можно было ломать эту стену руками. Тезиасовы заклинания не действовали на волшебный монолит.

Словно безумный, носился карлик по своей могиле, пытаясь сокрушить стены гигантского гроба то магией, то веществами, в избытке разбросанными по его рабочим столам, но все было бесполезно! Обессиленный, Тезиас тяжело опустился на холодный каменный пол. Мозг его работал с лихорадочной быстротой. Не похоже было, чтобы ад мстил ему за свою тайну…

– Пелиас, проклятый колдун! – внезапно догадался карлик. – Я чувствую твою руку! Я должен был прикончить тебя там, в башне!

…А в Тарантии старый волшебник безудержно хохотал, наблюдая в зеркале метания своего бывшего ученика.

– Ему даже не у кого попросить немножко страха! – насмехался чародей. Радость волшебника передалась и его друзьям.

– Да, Пелиас, ты снова доказал свою мудрость и силу магического искусства! – в один голос хвалили чародея Троцеро и Просперо; Зенобия же смотрела на старика восторженными глазами. Один лишь Конан не разделял всеобщего торжества.

– Если я правильно понял, карлик говорил демону, что намеревается куда-то отбыть! – мрачно сказал Конан. – И еще у меня никак не выходят из головы те непонятные слова, что он шептал тебе, Пелиас, когда ты погрузил его в гипнотический сон.

– Теперь уже это не имеет никакого значения! – заверил его Пелиас. – Пещера Тезиаса превратилась в его могилу: даже бактерия – и та не проскочит сквозь стену из магического камня, совместного творения Света и Мрака, порожденного моим волшебным искусством!

Однако что-то подсказывало Конану, что мудрый чародей на сей раз жестоко ошибался…

…Неимоверным усилием золи Тезиас заставил себя успокоиться. Он замурован, и надежды выбраться нет никакой – все доступные ему способы уже испробованы. Отсюда есть только одна дорога – в ад. Тезиас вспомнил последние слова дряхлого демона и похолодел: в аду его ждут, как никакого другого смертного…

И вдруг его осенило. Ведь он же Великая Душа! Оставив тело в хрустальной раковине, он может выбраться из проклятой ловушки! Однако жизнь без тела – не жизнь, да и энергия, выпитая из пяти тысяч жертв, на исходе. Вот если бы он мог, высвободив душу, устремиться к Тому-Кто-Сидит-в-Пирамиде!

А почему бы и нет? Если Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде погубит его, эта смерть наверняка

будет интереснее, нежели гибель здесь, в пещере, от жажды и голода! Если же этот Некто примет его, Великую Душу, подобающим образом, вероятно, кто-нибудь из них вытащит-таки его бренное тело из гигантского склепа.

Тезиас решился – ему, узнику каменной ловушки, нечего было терять. Его душа отправится к пирамиде – а там будь что будет. Оставшейся энергии должно хватить. Если полететь по прямой, ведь он уже знает дорогу…

Легко и уверенно прошел он к своему хрустальному ложу. И, оставив тело в раковине, Великая Душа воспарил в ночное небо.

Застывший мир гигантской пирамиды нисколько не изменился за те часы, что прошли с момента первого его посещения Тезиасом. Так же мертв был подобный зеркалу океан, столь же неподвижен воздух. Такая же аура из светящегося воздуха окружала шестнадцатигранную пирамиду, и так же исчезали в ней мощные информационные потоки, стремящиеся сюда со всего мира.

«Наверное, подобную картину можно было лицезреть здесь и сто тысяч, и миллион лет тому назад», – подумалось Тезиасу. Однако пирамида не производила впечатление древней; напротив, все ее шестнадцать граней ослепительно сверкали, словно сейчас был день, а не ночь. Казалось, могучая пирамида улавливает какие-то неведомые излучения и непостижимым образом превращает их в свет.

Тезиас подлетел поближе, чтобы осмотреть поверхность пирамиды. Она состояла из неизвестного Тезиасу вещества, больше похожего на застывшую жидкость, чем на металл. Ни одного гвоздя, ни одной щелочки не было видно на ее абсолютно гладкой поверхности. Не было ни входа, ни выхода – в обычном, человеческом понимании. Однако информационные потоки легко проходили сквозь монолит удивительной пирамиды…

Великая Душа еще раз облетел пирамиду. Поразительно, но в этом загадочном мире не было ни единой пылинки; ни одна капелька воды не виднелась на зеркальной глади пирамиды. «Неужели здесь никогда не бывает дождей?» – эта мысль нисколько не удивила Тезиаса. Он посмотрел вверх. Ни одно облачко не заслоняло прекрасное звездное небо, в которое загадочная пирамида устремила свой неподвижный взор.

Энергия, приведшая Тезиаса в этот мир, заканчивалась. Нужно было решаться. Вручив свою судьбу Тому-Кто-Сидит-в-Пирамиде, Великая Душа слился с одним из потоков и… легко прошел сквозь грань неземной пирамиды.

– Приветствую тебя, Тезиас! Ты нашел, что искал!

То, что почувствовал Тезиас, очутившись внутри пирамиды, очень трудно описать доступным человеку способом. Голос шел отовсюду – со всех сторон, снаружи и изнутри Великой Души. Но не это было даже столь удивительно, как то, что голоса никакого не было – была только мысль, и она принадлежала… самому Тезиасу. Подсознательно Тезиас знал, что он ничего не говорил и не думал, но – одновременно – он знал и другое: мысль была его, Тезиаса. Как будто кто-то овладел его душой и разумом и жил в них совместно с тем, что еще было самим Тезиасом!

– Ты еще слишком слаб, чтобы понимать себя, – пронеслось в его разуме. – Поэтому я буду беседовать с тобой доступным тебе способом.

…Внутри пирамида казалась крохотной. В сжатом пространстве бушевали энергетические вихри, пронзавшие душу Тезиаса. Но он их не чувствовал. Он существовал в

пространстве, где вовсе не было материи – была только энергия. Энергия в необозримых количествах, движения ее были осмысленными, она жила в образах бесчисленных, накладывающихся одно на другое силовых полей, каких-то излучений и не видимых глазом потоков частиц. В этом мире как будто смешались все земные и неземные стихии: огонь и вода, твердь и ветер, жизнь и вакуум. Воздух, заполнявший внутреннюю полую часть пирамиды, был тяжелее и плотнее, чем гора свинцовых плит. Этого не могло быть – но это было, как будто природа целиком вместилась в этот крошечный мирок, будто разом взыграли все ее тайные и явные силы, непостижимым образом уживаясь друг с другом…

Мир чудовищных энергий неизбежно должен был

разорвать душу Тезиаса на атомы – но этого не происходило.

– Ты первый туземный разум, посетивший мое жилище, – возвестил доносившийся отовсюду голос. Да, теперь это уже был голос! Беззвучный, он все же исходил не от Тезиаса.

Вероятно, голос издавало Нечто, очень похожее на мозг, неподвижно висевшее в самом центре бушующих энергетических вихрей. Мозг очень походил на человеческий, но был немного меньше и имел форму неправильного шара. Шар испещряли мельчайшие бороздки, по которым непрерывно проносились голубые молнии. Несомненно, мозг жил и разговаривал с Тезиасом.

«Кто ты?» – хотел спросить Тезиас, но мозг уже отвечал:

– Я – Начало и Я – Конец. Я – Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Я – Жизнь. Я – Разум и Дух Земли.

– Прошу тебя, говори после того, как я подумаю. Иначе я не смогу понять тебя! – мыслил Тезиас.

– Хорошо, – согласился мозг. – Ты мой гость, и я постараюсь, чтобы ты понимал меня.

Тезиас знал, что его Судьба, к которой он шел, преодолевая сопротивление сил Света и Тьмы, – перед ним. Но тысячи вопросов, накопившихся в его мозгу, разом забылись…

– Ты жив? – наконец спросил он.

– О да, я жив! Я живу вместе с этой планетой и буду жить столько, сколько проживет она. Я вечен, как вечна Земля под могучим Солнцем.

– Сколько тебе лет? – Тезиас знал, что задает наивные вопросы, но ничего поделать с собой не мог. Однако мозг отвечал на них, ничуть не смущаясь:

– Миллиард лет тому назад космический разум создал меня, чтобы, заключенный в эту пирамиду, я концентрировал в себе Душу и Разум Земли и связывал ее с Космическим Сообществом.

– А разве у планеты могут быть душа и разум?

– Безусловно! Земля – она живая, она мыслит, чувствует и переживает; Земля разумна, иначе бы она была мертва, подобно другим мирам этой звездной системы.

– И ты поддерживаешь эту жизнь?

– Я рад, что ты понимаешь меня! Моя миссия – жить на Земле и охранять ее. Так, узнав, что две планеты – большая и малая – столкнутся и обе погибнут в эй катастрофе, я изменил их орбиты так, чтобы они были во Вселенной в согласии. Большая планета – Земля, малая же известна ныне как Луна.

– Каково же твое имя?

– Имя? – Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде, казалось, был удивлен. – У меня нет имени. Имя нужно человеку, чтобы отличать его от других людей. Имя нужно и любому животному, ибо в мире всегда найдется другое животное, похожее на него. Имена носят и демоны, поскольку и

тех, и других больше, чем один. Я же один, и нет на этой планете кого-либо или чего-либо, похожего на меня. Поэтому мне и не нужно имя. Мое имя – это я сам.

– Тогда можно я буду называть тебя Стражем Земли?

Идея Тезиаса явно понравилась мозгу; стремительные голубые молнии еще быстрее заструились по бесчисленным его извилинам.

– Что ж, зови так! Я могу это тебе позволить.

– Скажи же, Страж Земли, как умудряешься ты существовать так долго, с Начала Времени? И как ты держишь в повиновении могучие стихии природы? – допытывался Тезиас.

– Не проси дать тебе то, что погубит твой разум, человек! Люф, демон, предупреждал тебя об этом! «Наверное, это его страшная тайна», – подумал Тезиас, но Страж тут же ответил на невысказанный вопрос:

– Ты ошибаешься, Тезиас. Мне нет нужды скрывать свою сущность, ибо любое знание обо мне не может мне повредить. Но человек не в состоянии ее постичь. Я пришел сюда извне, и детям Земли не дано постичь замыслы тех, кто создал меня.

– Так ты все-таки машина, Страж Земли! – не унимался Тезиас.

– О нет, Великая Душа! Я плод мудрости шестнадцати миров, шестнадцати разбросанных по Вселенной могущественных цивилизаций. Хочешь ли ты знать, что означают шестнадцать граней моей обители? Это шестнадцать групп, каждая из которых помечена числом шестнадцать. Знай: шестнадцать – это число, лежащее в основе мироздания. Шестнадцать измерений всего есть во Вселенной. Шестнадцатеричная система счисления составляет основу мудрости. Шестнадцать стихий – четыре из них известны людям. Шестнадцать сторон света – четыре земных и двенадцать космических. И так далее. В том числе и четыре моих группы: шестнадцать моих обязанностей на Земле, шестнадцать запретов – то, чего я не могу делать, шестнадцать же ограничений.

– Значит, есть что-то, что не подвластно тебе?

– Разумеется. На всякую силу всегда есть еще большая сила.

– Чего же ты не можешь?

– Большей частью это непонятные тебе запреты. Так, я не могу принимать квадро-лучи; я обязан их только испускать. – Тезиас действительно ничего не слышал о квадро-лучах. – Далее, мне запрещено пребывать в двух последних измерениях – пятнадцатом и шестнадцатом: они зарезервированы для высших психоэнергетических сущностей. Но есть и запреты, вполне постижимые для твоего разума. Так, я не волен покидать пределы Земли. Не должен я и создавать новые виды жизни – природа должна развиваться естественно. Еще мне запрещено изменять прошлое, но фактически есть способ обойти этот запрет.

– Как это? – изумился Тезиас.

– Я могу сделать это, используя свою четвертую группу, которую составляют шестнадцать моих особых возможностей. Особыми они названы потому, что требуют исключительных затрат энергии. Так вот, я, в частности, могу вернуть любой материальный или энергетический объект в его прошлое, чтобы судьба этого объекта сложилась иначе.

– То есть ты все-таки меняешь прошлое?

– Не совсем. Я изменяю индивидуальный пространственно-временной континуум объекта таким образом, чтобы время или пространство вернулись назад, в определенную точку, когда-то пройденную данным объектом. Отныне эта точка становится его настоящим. Видя, что Тезиас его не понимает, Страж добавил:

– Проще говоря, я как бы отрезаю то время и то пространство, которые неблагоприятны для объекта, и возвращаю его в некую точку, из которой он может продолжить жизнь иначе. Но к этой функции я прибегал всего лишь раз.

– Когда это было? – поинтересовался Тезиас.

– Семьсот миллионов лет назад к Земле неслась гигантская комета. Если бы она столкнулась с Землей, наша планета перестала бы существовать. Моих сил не хватало, чтобы отклонить траекторию кометы и тем более уничтожить ее – она была слишком далеко, но приближалась с редкостной даже для комет скоростью. Гибель Земли казалась неизбежной. Тогда я вернул Землю на час назад – на большее не хватало моей энергии – этот час отныне был вычеркнут из ее истории. За это время гигантская комета прошла там, где должна была находиться Земля, и в конце концов упала на Солнце. Наша планета была спасена.

Тезиас с трудом постигал степень могущества Стража Земли. Он спросил:

– А будущее? Ты знаешь его?

– Да, я могу увидеть будущее, но не более чем на миллион лет вперед. Здесь есть ограничение.

Такой срок Тезиаса не интересовал. С содроганием он промолвил:

– Можешь ли ты, Страж, сказать мне мое будущее?

– Нет! Объект не должен знать, что его ждет впереди – на это тоже есть ограничения.

– Но если есть ограничения, значит, что-то можно знать! – настаивал Тезиас.

– Ты умен для человека! Но действительно ли ты хочешь знать, что тебя ждет? Ведь это знание тяжким грузом ляжет на твою душу и во многом изменит твою Судьбу!

– Да! – страстно произнес Тезиас.

– Раз ты настаиваешь, я скажу тебе то единственное, что ты можешь знать о своем будущем. Это касается завершения твоего пути.

– Смерти? – Тезиас вцепился мыслью в искрящийся мозг. – Ты можешь сказать мне, когда я умру?

– Нет, – ответствовал Страж. – Не «когда», а «как».

– Как же я умру?

– Ты не умрешь, Тезиас, Великая Душа, – торжественно произнес Страж Земли, – в человеческом понимании смерти. Но ты закончишь жизнь – это правда. И произойдет это здесь, в моей пирамиде.

– Ты убьешь меня! – в ужасе вскричал Тезиас. – Но почему?

– Ты снова ошибаешься.

– Но как же тогда… – Тезиас, кажется, сходил с ума.

– Вижу, напрасно я сообщил тебе о будущем, – сокрушенно молвил Страж, однако Великая Душа его уже не слышал. – Но это можно поправить. Ты забыл свое будущее!

– Что я забыл? – очнулся Тезиас. Он действительно не помнил, о чем они со Стражем только что говорили. – Я помню: ты рассказывал мне, как избавил Землю от гибели. А что это за ограничения, о которых ты говорил?

– Например, мне не позволено уничтожать более пятидесяти процентов существ каждого вида.

– А если это попытается сделать кто-то другой?

– Тогда я воспрепятствую ему!

– Скажи, Страж Земли, какова твоя главная способность – из тех, что я готов постичь? – в своем стремлении знать все больше и больше Тезиас не мог остановиться.

– Знай же: я могу проникать внутрь любого материального объекта этой планеты, будь то капля морской воды или адская тварь, порожденная преисподней! При этом человек останется человеком – со своим разумом и душой, зверь – зверем, камень – камнем. Я способен как бы подселяться в их Я, в том числе и в твое. Я, Тезиас.

Тезиас был потрясен. Но вспомнив, как его встретил Страж, он осознал: Дух Земли мог жить во всех ее обитателях!

Наконец он спросил Стража:

– Раз ты всемогущ, почему же на свете правят порок и несправедливость? Почему господствует Зло? Почему ты миришься с существованием ада?

– Я не мессия, и нести Добро в этот мир – не моя функция. Ты верно подметил: я Страж, моя задача – оберегать эту планету и саму жизнь на ней. Мне нет дела до частных проблем туземных разумов. За свою жизнь я видел столько крови, что она могла бы трижды покрыть Землю могучим океаном. Но мне нет до того дела: нет, пока, как я уже тебе сказал, число жертв не достигнет пятидесяти процентов существ каждого вида. Я наблюдал миры и более, и менее жестокие, чем тот, в котором ты живешь. Что же касается Мирового Зла, оно недаром заключено в преисподнюю. Зло необходимо жизни точно так же, как и Добро. Поверь мне, прожившему миллиард лет: в сущности, Добро от Зла немногим отличается. Но если не будет Зла, не будет и Добра. В мире все относительно – таков Основной Закон Вселенной. Моя же главная задача – удержать Добро и Зло этой планеты от взаимоистребления, ведь жизнь и прогресс – это постоянная борьба Добра и Зла. Если эта борьба прекратится, в тот же миг закончится и сама Жизнь!

Страж Земли помолчал, а затем, словно вспомнив что-то, добавил:

– И еще одно, Тезиас. В твоей душе давно читаю я наивную надежду использовать меня для претворения твоих амбициозных замыслов. Не тешь себя понапрасну – Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде не помогает туземным разумам! Станешь ли ты повелителем мира или же будешь гореть в геенне, терзаемый злобными демонами, – в том не будет моего участия. Я не бог, и мне ничего не нужно от существ, населяющих Землю – ни молитв, ни жертвоприношений, ни прославлений.

– Но неужели ты ничего не сделаешь для того, кто единственный за миллиард лет посетил тебя, Страж Земли? – в отчаянии вскричал Тезиас.

– Я сделаю для тебя то, что сделал бы для каждого туземного разума. Я дам тебе Знания – столько, сколько ты сможешь взять. Я научу тебя тому, что давно забыто или никогда не было известно на этой планете.

А вот как ты распорядишься этими Знаниями – на то твоя воля! Готов ли ты, Тезиас, принять эти Знания?

«Что ж, нужно брать, пока дают и что дают», – сокрушенно подумал Тезиас. Он не успел ничего ответить Стражу, когда тот сказал:

– Я рад, что ты согласен. Ведь Знание – это единственное истинное богатство Вселенной, одинаково ценное во всех ее мирах.

– Прости, Страж, мою дерзость! У меня есть еще одна проблема…

– Ты снова не прав, Великая Душа! Не одна, а две: ты беспокоишься, как вытащить свое тело из каменного гроба, не так ли? Но ты не знаешь, что время в пирамиде течет медленнее, чем в остальном мире, и, пока мы здесь беседовали, прошли часы; твое тело в раковине остыло, и из него ушла жизнь!

Сказать, что Тезиас был уничтожен, – значит, ничего не сказать! Он понял, что, встретив

Абсолютное Величие, он потерял самое Жизнь!

– Ты жестоко подшутил надо мной, Дух Земли! Чем я прогневал тебя, того, кому чужды страсти человеческие?! Я остался без тела, и моя голая душа даже не имеет силы, чтобы выбраться из твоего застывшего мира!

– И опять ты не прав! Четырехрогий Аль-Киир, верно, поторопился, назвав тебя Великой Душой! Кстати, я вернул его из мира мертвых – Зло, воплощаемое им, здесь еще понадобится.

– Ты издеваешься над несчастным, Бог-из-Космоса! Конечно, ведь мы все для тебя всего лишь, как ты выразился, туземные разумы – этакие червячки, копошащиеся под бесчисленными объект ивами твоего всевидящего ока! Или, постой… – В душе Тезиаса зажглась надежда. – Ты все-таки поможешь мне?

– Я уже помог тебе, человек! Остальное ты можешь сделать сам.

Душа Тезиаса была в смятении.

– Но как я вернусь в свой мир? У меня же нет жизненной силы – та, что я взял у людей, закончилась.

– Тебе необязательно выпивать энергию из себе подобных – возьми ее из Космоса, она там в безграничных количествах.

– Но я же не умею! – взмолился Тезиас.

– Нет, ты умеешь – я научил тебя, – невозмутимо ответил Страж.

– Когда же?

– Как только ты вошел сюда, я проник в твой разум ведал Знания, чтобы ты мог выбраться из моей обители» Сейчас твой разум переполнен информацией, но он не в состоянии еще ее использовать, потому-то ты и сам не знаешь, на что способен. Но если ты посетишь меня снова, я дам тебе еще Знаний, и тогда ты получишь шанс стать повелителем мира людей.

Но что будет с моим телом? Много ли стоит человеческая душа, если она не может вернуться в тело?!

– Твое тело хранится за надежными стенами. Ни бог, ни волшебник не сможет извлечь его оттуда: чтобы создать эту гробницу, сошлись воедино силы Света и Тьмы.

– Но ты-то, ты не можешь вытащить меня оттуда и оживить мое тело?! – умоляюще произнес Тезиас.

– Я говорил тебе: Дух Земли не помогает людям. Я могу лишь допустить твое тело внутрь пирамиды, но здесь оно не проживет и миллионной доли секунды: космические силы, бушующие в моей обители, превратят в ничто любой материальный объект.

– Пожалуйста, вдохни в мое тело жизнь! Сделай хотя бы это, а из заколдованной пещеры я и сам как-нибудь выберусь! – продолжала ныть душа Тезиаса. Но Страж был неумолим.

– Ты напрасно теряешь время! В сущности, зачем тебе тело? Ты можешь жить и без него, Великая Душа!

– А ты, почему же ты сам миллиард лет – я и представить себе не могу, как это долго! – сидишь в своей пирамиде? – с горечью воскликнул Тезиас. – Готов ли ты оставить ее, ведь она – твое тело, как и то, покоящееся в бельверусской темнице, – мое?

– Ты прав, Великая Душа! И все же я не стану освобождать тебя из твоей могилы – ты сделаешь это сам! Гам, где бессильны боги, победит Знание. Я дам его тебе, и ты – сам! – разверзнешь заколдованные камни, освободишь свое тело и вернешь ему жизнь!

– Не знаю, смогу ли я…

– Ты должен смочь! Бели претендуешь на целый мир, ты должен завоевать его сам, без чьей-либо помощи, без талисманов и волшебных камней. Только Знания! Знания дают великую силу, я уже говорил тебе. Ты жаждешь власти – так возьми ее сам! Власть, подаренная кем-то, непрочна. Имей же волю добиться своих целей, не уповая на всевышних. Я, твоя Судьба, говорю тебе; старайся и ты достигнешь!

Потрясенная душа Тезиаса с упоением внимала искрящемуся мозгу, мудрость которого с трудом умещалась в его сознании.

– А тело, долго ли я пробуду без тела?

– Столько, сколько сам того пожелаешь! Плоть, покоящаяся в хрустальной раковине, – не единственное твое тело. Вообрази, что тело у тебя уже есть, – и ты почувствуешь его! Оно будет нематериальным, ненастоящим – но оно все же будет, дока ты не освободишь из плена свою человеческую плоть!

Глава VI

«Зловещий ультиматум»

Король Немедии не видел Тезиаса уже более суток – с того самого момента, когда, приведя пять тысяч несчастных в лапы ужасного карлика, он, Тараск, покинул пещеру, чтобы выкрасть Книгу Судеб. Всю прошедшую ночь Тараск не спал, ожидая неминуемого возмездия. Он не очень надеялся, что обломки скал, которыми он велел завалить Тезиасово логово, равно как и ядовитый газ, удержат проклятого колдуна в каменной ловушке. А потому король был готов к смерти, моля Митру лишь о том, чтобы эта смерть была человеческой…

Однако ночь прошла спокойно, миновало утро, и вот уже ослепительное солнце светило сквозь редкие облака – и ничего не происходило. Тезиас не появлялся; его не видели ни во дворце, ни в подземных галереях, ни на улицах города. Тем не менее все стражи порядка получили словесное описание карлика и приказ поражать его насмерть, не раздумывая, желательно посредством отсечения головы.

В одиночестве Тараск сидел на своем троне, крепко сжимая меч. Он передумал умирать; если карлик заявится, король по меньшей мере попытается утащить в ад и его. Так минул еще час, и Тараску наскучило томительное ожидание. Он не чаял столь быстро избавиться от зловещего гостя, но, похоже, Митра смилостивился к немедийскому монарху. Как жаль, что волшебник Пелиас унес с собой чудесное зеркало – Тараску так хотелось посмотреть, где же карлик – все еще там, в своей раковине, или уже шепчет свои тайные заклятия, дабы жестоко покарать короля-предателя…

Озабоченный голос Руфия вернул короля на грешную землю.

– Ваше Величество, – опасливым шепотом произнес слуга. – На площади море народу, так что яблоку негде упасть. Люди возмущены, похоже на бунт!

– Что же им нужно? – отрывисто бросил Тараск.

– Они пришли за своими отцами, сыновьями и братьями – теми, кто отправился вчера с Вашим Величеством в подземелье…

Тараск помрачнел. Еще одна проблема. Как объяснить людям, что их мужчин уже не вернуть? Если бы они знали, какая жуткая смерть постигла смельчаков, король вряд ли спасся бы от растерзания!

– Они требуют вас или… вашу голову, – пролепетал слуга.

Тараск укрепил свой дух и поднялся с трона. Он уже принял решение. Он скажет людям правду – вернее, то, что он сам сочтет правдой…

Выйдя на балкон, король содрогнулся. Огромная площадь была переполнена. Казалось, весь Бельверус пришел в этот солнечный полдень к его дворцу. Здесь явно были не только те, кто потерял родных, но и просто зеваки, и наверняка его враги, готовые воспользоваться всеобщим недовольством.

Увидев короля, площадь взревела. В Тараска полетели гнилые помидоры. – Где наши дети? Отдай наших мужчин, Тараск! – бушевало людское море.

Надрывая голосовые связки, Тараск закричал в толпу.

– Слушайте меня, жители Бельверуса! Узнайте же горькую правду! Я, ваш король, не таясь скажу вам ее!

Десятки тысяч глоток замолкли. Воцарилась тишина, но то была тишина перед штормом. Понимая это, Тараск скороговоркой прокричал:

– Знайте же, люди: слухи о дьяволе не были вымыслом! – Площадь охнула. – Да! Злой и могущественный дух воцарился в нашем городе! Он овладел разумом вашего короля, и я был лишь игрушкой в его руках! Злой дух увел ваших сыновей в подземелье, чтобы утолить свою страсть! Люди! Ваших мужчин нет больше, и я скорблю вместе с вами! Каждая семья, потерявшая вчера кормильца, получит из казны по десять золотых…

Для немедийцев десять золотых были большими деньгами. Однако толпа возмущенно проревела:

– Нам не нужны твои подачки! Ты – злой дух! Сгинь – мы выберем нового короля!

В Тараска полетели камни. Кто-то даже метнул копье. Но он знал: бежать было нельзя, бегство означало бы полное поражение и неминуемую смерть – такая толпа легко разнесет королевский дворец! Увертываясь от камней, Тараск что есть силы прокричал:

– Я не дух! Неимоверным усилием воли я изгнал его из себя. Успокойтесь, люди! Злой дух повержен и отныне надежно заперт в каменной гробнице глубоко под Бельверусом! Моим подданным больше ничего не грозит! Вы можете…

Излияния Тараска неожиданно прервал высокий пронзительный голос, доносившийся откуда-то сверху:

– Ты и в самом деле так считаешь, бывший король?!

Взоры тысяч глаз обратились к источнику голоса. Высоко над землей, почти на крыше дворца, прислонясь к портику, стоял маленький человечек с мертвенно-бледной кожей и огромным, нависающим над лицом лбом. Казалось невероятным, как человечек мог взобраться туда и к тому же остаться незамеченным.

Человечек зловеще скалился, и в лучах полуденного солнца его большие черные глаза были подобны двум волшебным фонарям.

– Это он, дьявол… – прошелестело по площади.

– Митра! Скорее же убейте его! – в отчаянии приказал Тараск, сам обнажая меч.

Дальше произошло невероятное. Карлик обратил свои огненные очи к балкону. На глазах тысяч оцепеневших от ужаса людей тело Тараска покрывалось трещинами, и с него сыпались куски плоти. Казалось, эти человеческие обломки живут своей жизнью; они ползали по перилам балкона, словно стараясь опять собраться воедино, но, наоборот, тот, кто был Тараском, уже рассыпался на куски, как ветхий пергамент от прикосновения ветра. Куски тела в свою очередь продолжали делиться, пока не обратились наконец в мельчайшие частицы пыли… Когда все уже было кончено, человечек взмыл в воздух и перелетел на балкон, где еще копошилась пыль, минуту до того бывшая королем Тарас-ком.

– Жители Бельверуса! – заявил человечек. – Великая честь выпала вам! Я, тот, кого вы отныне будете называть своим Богом и Повелителем, вступаю во владение жизнями и душами людей Немедии! Отсюда, из вашего города, я начну свое восхождение к вершинам Абсолютной Власти! Следующей будет Аквилония, затем Офир, Коф, Артос, Туран, далее – весь мир! Радуйтесь же, немедийцы, – я сделаю Бельверус столицей своего мира!

Задрав голову вверх, человечек рассмеялся:

– Вы больше не поклоняетесь Митре и другим глупым богам! Я – ваш новый бог! Я – Великая Душа! Молитесь и служите мне! Кто же хоть в чем-то ослушается своего нового

бога, позавидует бывшему королю!

Театральным жестом человечек сверг с перил балкона остатки плоти Тараска. Серое облако копошащейся пыли накрыло первые ряды. Внезапно, обезумев от ужаса, толпа пришла в движение. Толкаясь и калеча друг друга, люди стремились поскорее покинуть проклятую площадь. Всеобщая паника переросла в хаос. Те, кто уцелел в страшной давке, уносили ноги по окрестным улочкам. И еще долго в их ушах звенел пронзительный смех человечка, в одиночестве стоявшего на балконе королевского дворца.

– Уже покидаешь нас, Пелиас? – угрюмо спросил Конан.

– Увы, о король! Теперь, когда с Тезиасом покончено, а Книга Судеб вернулась к законному владельцу, – Пелиас осторожно спрятал голубой фолиант в складках своего широкого плаща. – Теперь меня ничего здесь не держит, и я возвращаюсь домой. Ох, как я соскучился по своим ученым занятиям!

– Останься еще хотя бы на день, Пелиас! – взмолилась Зенобия. – Мы даже не показали тебе Тарантию!

– Не могу, прекрасная королева! Не забывай – я полгода просидел в огненной клетке и теперь жду не дождусь своих книг, склянок, порошков… – Пелиас замялся, – и других принадлежностей магического искусства.

Конан, Зенобия и Пелиас тепло попрощались. Старый Пелиас был единственным магом, не раз доказывавшим свою верность Добру.

– Ты уверен, что надежно запер своего выкормыша? – необъяснимое беспокойство не покидало короля Аквилонии.

Пелиас с видимым усилием произнес:

– Я уже говорил тебе: крышку этого гроба не откроет и сам Сатана! Живи себе спокойно, Конан, и радуйся, что совладать с карликом оказалось столь легко!

Но Конан задумчиво покачал головой. Ему казалось по меньшей мере странным то, что, выпив жизненную силу тысяч крепких мужчин, Тезиас улегся спать! Здесь что-то нечисто!

Однако подозрения ничем не подкреплялись, карлик более суток спал в своем саркофаге, не меняя позу, а Конан не любил ломать голову над неразрешимыми загадками. Сейчас опасности не было; если же она появится, он, как всегда, встретится с ней лицом к лицу.

Пелиас уже сложил губы в трубочку, готовый призвать из небесных миров крылатого коня, дабы на нем отправиться домой, в Ханарию, когда в королевские покои ворвался встревоженный Просперо.

– Конан, прибыл гонец из Немедии! Он еле дышит – то ли от усталости, то ли от страха. Говорит, что принес весть исключительной важности!

– Зови! – проревел Конан. Теперь его мрачные предчувствия переросли в уверенность.

Шатаясь, в покои вошел солдат. На ногах его были ободранные сапоги; вся одежда гонца была покрыта толстым слоем дорожной пыли. На высохших губах воина вздувалась белая пена.

– Король! – гонец повалился в ноги Конану. – День и ночь без устали скакал я к тебе из Бельверуса с ужасной вестью! Тараск мертв!

Королева Зенобия приблизилась к гонцу. Поднимая его с колен, она заметила:

– Скажи, солдат, чего же ужасного в этой вести? Тараск нам враг!

– О нет, королева, вы не понимаете! – заплетающимся языком произнес гонец. – И враг не заслуживает такой смерти!

– Говори толком, что тебе известно! – приказал Конан.

– Дьявол захватил власть над Бельверусом и всей Немедией! Король Тараск рассыпался в пыль, как трухлявый дуб! – шептал гонец; его впалые глаза расширились от ужаса. – Дьявол летал по воздуху! Он проклял Митру, провозгласил себя богом и обещал покорить весь мир, начиная с Аквилонии! Я был при этом, видел и слышал все своими глазами и ушами!

– Пелиас, зеркало! – рявкнул Конан. Дрожащими руками волшебник развернул зеркало Лазбекри.

– Покажи Тезиаса! – велел зеркалу Пелиас. Люди с тревожным нетерпением уставились в туманную гладь.

…Карлик по-прежнему спал в своей хрустальной раковине, и поза его была неизменна.

– Вот видишь, король…, – начал Пелиас, но в голосе его уже не было прежней уверенности.

– Митра и демоны! Клянусь, это он! – глядя в зеркало, завопил гонец. – Это тот дьявол, что превратил в пыль короля Немедии! Я узнал бы его и в гробу!

Гонец лишился чувств.

– Ну, что скажешь, волшебник? – грозно вопросил Конан, схватив Пелиаса за белую бороду.

– Но, Конан, ты же видишь – он спит, как и раньше. Зеркало не может врать, – сумрачно ответствовал Пелиас.

– Твое зеркало, мой добрый учитель, годится лишь для того, чтобы подглядывать за нагими девственницами! – разрезал тишину резкий, насмешливый голос.

Конан тотчас отпустил бороду волшебника. Варвар и его друзья обернулись на голос. В двух шагах от короля стоял Тезиас. Конан не раздумывал. Секунду потратил он, чтобы выхватить меч, и еще полсекунды – чтобы пронзить тяжелой сталью шею карлика.

…Меч свободно прошел сквозь тонкую, как палец киммерийца, шею Тезиаса. Не встретив на своем пути твердую плоть, меч увлек за собой Конана. Потеряв равновесие, Конан сделал два шага вперед и… сам прошел сквозь Тезиаса. Тот неподвижно стоял, ухмыляясь.

– Проклятие! – вскричал король.

– Это фантом, призрак, – побледневшими губами прошептал Пелиас. – Но если ты фантом, почему ты разговариваешь, а мы тебя слышим? Почему ты не прозрачен, а, наоборот, выглядишь как человек? Или ты наваждение, плод чудовищного гипноза?

– О нет, составитель волшебных порошков, я не наваждение и не плод гипноза. Плод гипноза – это вон та дохлая собака! Смотри!

На глазах людей лежащий без сознания гонец превратился в большого лопоухого пса. Открыв глаза, полные неутолимой человеческой тоски, пес жалобно взвыл и, преданно взглянув на Конана, испустил дух. Через секунду вместо пса на полу королевских покоев вновь лежал человек – мертвый…

Сомнений больше не было: если Тезиас и фантом, то уж фокусы он выделывает настоящие!

Пелиас направил на своего бывшего ученика белый огонь. Но, пройдя, подобно мечу Конана, сквозь тело фантома, волшебный огонь ударился о каменную стену и в секунду сжег

ее.

Зенобия, взвизгнув, схватила со стола табакерку и запустила ею в карлика. Едкий порошок высыпался прямо на тело призрака и зашипел, сгорая. Тезиас остался невредим.

Подкравшись к фантому сзади, Просперо ткнул горящим факелом в голову карлика. Факел погас, зато его древко загорелось, и Просперо быстро отдернул руку.

– Ну, наигрались! – все также насмешливо молвил Тезиас. – Теперь-то вы видите, что я неуязвим?

– Что тебе нужно, гнусный карлик? – прямо спросил Конан.

– Видишь ли, король Аквилонии, вчера я приступил к покорению этого мира, – серьезно сказал Тезиас. – На очереди твоя страна. Ты, вероятно, знаешь, что я не любитель бесцельно проливать невинную кровь…

– Да, а те тысячи несчастных…

– …Были необходимы для завершения грандиозного научного эксперимента, – закончил за Конана Тезиас. – Согласись, это достаточно уважительная причина! К тому же я позаимствовал у них не кровь, а нечто иное, так что и здесь ты не прав! Знай же: я миролюбив и больше не испытываю необходимости в человеческих жизнях – я нашел другой источник для поддержания… своей силы. При покорении Немедии я – клянусь! – не убил ни единой души, кроме этого безумного короля! Все остальные пошли ко мне на службу добровольно. Так вот, я не желаю и аквилонской крови!

– Очень благородно с твоей стороны, Тезиас! – позеленевший от бессильного гнева Пелиас. Всегда ценил твою похвалу, учитель! – ехидно ухмыльнулся фантом и продолжал, обращаясь к Конану. – Иначе говоря, твое варварское величество, я не намерен поминать старое и причинять неудобства тебе и твоим подданным. В обмен я прошу всего лишь одного: ть1Признаешь меня своим повелителем и богом. Судя по всему, ты был хорошим королем и, надеюсь, будешь хорошим наместником нового бога Аквилонии!

Конан молча выслушал Тезиаса и, когда тот закончил свою речь, твердо заявил:

– А теперь послушай меня, недоношенный шакал! Я добыл это королевство в тяжелой борьбе, свергнув жестокого и трусливого тирана! Я люблю Аквилонию и не отдам ее на поругание такому выродку, как ты! Да, я хороший король, но никогда не буду чьим бы то ни было приказчиком! Мой народ верит в своих древних богов; он никогда не станет молиться какому-то самозваному призраку! Ты безумен, если вообразил, что мир падет перед тобой – существом без костей и плоти! Мои люди не убоятся тебя, как не убоялся тебя я сам, – помнишь?! Ты ведь уже пытался изуродовать мою душу – и что же? Я, как и был, стою перед тобой, живой и невредимый, ты же гниешь в своем хрустальном гробу в мрачном подземелье Бельверуса! Так что мой тебе совет, пес, – возвращайся в свое тело и умри по-человечески!

– Ну что ж, ты сам напросился! – зашипел Тезиас, и в его голосе послышались угрожающие нотки. – Я предлагал тебе больше, чем ты заслуживаешь, но ты, варвар, похоже, не ведаешь, с кем имеешь дело! Я – не демон и не колдун; тебе не одолеть меня! Ты в гордыне своей отказался пропустить меня вперед, и я буду вынужден сокрушить тебя!

Тезиас замолчал. На него с ненавистью смотрели мужественные люди, и в их глазах не было страха. Подумав, Тезиас добавил:

– Я дам тебе на размышление еще сутки. Мне нужно кое-куда слетать, у тебя же будет время либо одуматься, либо приготовиться к битве со мной. Если ты одумаешься, я не колеблясь приму твою службу. Если же нет, ты увидишь, как легко я сокрушу твои силы! Может быть, тогда ты поймешь, как ничтожны вы, человека, передо мной, которого

называют Великой Душой?! Итак, до скорой встречи, киммериец!

Произнеся эту тираду, фантом растворился в воздухе. «Из Тарантии до обители Стража Земли лететь почти столько же, сколько и из Бельверуса. А это значит, – подумал Тезиас, – что моя империя еще очень мала! Но я же только начал! – успокоил себя Великая Душа. – Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде даст мне новые знания, и сила моя станет воистину несокрушимой!»

Конан, Зенобия и Пелиас, взявшись за руки, шептали молитвы. Ритуал был обращен к могущественным богам Запада – Крому, Митре и Иштар. Люди просили у богов помощи, совета, как справиться с нежданной напастью, перед которой были одинаково бессильны крепкая сталь и волшебные заклинания.

Магическое искусство Пелиаса принесло свои плоды – боги услышали молитвы людей, а люди – голоса богов. И голоса эти были печальны:

«Не в нашей власти помочь вам, смертные! Враг ваш соединился с силами великими и всемогущими, которым нет названия на языке богов и людей. Освободив свою черную душу из бренного тела, проник он в тайную обитель Абсолютной Мощи и оттуда черпает он силы свои. Не властны существа земные и небесные восстать против Того, кто Был, Есть и Будет всегда, пока существует жизнь, и потому не можем мы, боги этой земли, остановить врага вашего. Вручаем же судьбу вашу вам самим, смертные. Отныне вы сами вольны распоряжаться ею… Одно лишь известно нам: Сет, чешуйчатый бог Стигии, знает средство, как остановить врага вашего!»

Подавленные, внимали люди богам. Отныне им можно было рассчитывать только на собственные силы – в борьбе против зла невиданного и непредсказуемого… Но воля их не была сломлена. Пелиас начал свои волшебные приготовления.

– Не пойду я на поклон к Сету! – вдруг взорвался Конан. – Как могут силы Тьмы помочь нам в благородном деле?! За свою жизнь я прикончил столько последышей Сета – и людей, и демонов, – что из них можно было бы составить армию! Ты думаешь, Сет был это?!

– Ты предпочитаешь служить Тезиасу? – строго просил Пелиас. С тех пор как он потерпел поражение борьбе со своим учеником, старый маг был полон мрачной решимости. – У нас нет выбора, Конан. Если т знает, как победить Тезиаса, это должны знать – Но отчего же, Пелиас, решил ты, что Князь Тьмы станет помогать своим заклятым врагам? – спросила Зенобия.

– У него тоже нет выбора. Тезиас желает стать повелителем и богом всего мира, в том числе и Стигии, где издревле почитают Сета. Пока жив призрачный бог, трон Князя Тьмы непрочен! Кроме того, Тезиас люто ненавидит адские создания, и, если он одержит верх, силам Тьмы придется даже хуже, чем роду людскому. Это невероятно, но факт: Добро и Зло одинаково заинтересованы в победе над Великой Душой!

Конан был варваром, и сердце его отказывалось принять то, что понимал разум. Мысленно он много пообещал Тезиасу за эти мгновения!

Между тем Пелиас стал читать заклинания, известные только узкому кругу особо посвященных магов-чернокнижников.

– О Сет, Великий Змей, чешуйчатый бог Тьмы, хозяин Мрака, властелин преисподней, отмеченный семиконечным знаком, тебя призываю я из бездн ада! О Сет, явись на мой зов, услышь молитвы рабов твоих! В заступничестве твоем нуждаясь, приношу я вечную клятву служить тебе, пока не падет враг – мой и твой…

Долго еще звучали магические слова, и вот наконец в черном дыму показалось странное существо. Сморщенное, похожее на черепаху, только с непропорционально большой головой, огромными змеиными глазами и слоновыми ушами, существо в злобном изумлении уставилось на людей.

– Разве это Сет? – удивленно прошептала Зенобия.

– Нет, конечно же, нет! Это демон Вельзевул, глаза и уши Сета. Через него Сет общается со смертными, – ответил Пелиас. – И пусть вас не обманывает вид этого существа; мы будем беседовать с самим Князем Тьмы!

– Кто ты, посмевший потревожить меня? – произнес наконец демон. – Ты не мой жрец! Ты даже не стигиец!

– О нет, великий бог Мрака! – смиренно ответствовал волшебник. – Я Пелиас, чернокнижник, и поклоняюсь Иштар.

– Какое дело может быть ко мне у раба Иштар? Говори, или ты пожалеешь, что родился на свет! – приказал демон.

– Известно мне стало, о великий бог, что ведомо тебе, как победить Тезиаса…

– Не напоминай мне о нем, человек! – перебил волшебника Сет. – Он осмелился унизить меня, бессмертного властелина Ночи! Страшной угрозой он сумел вырвать у ада тайну, хранимую нами тысячи тысяч лет! Он, высвободив из тела свою душу, посетил Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде, и остался жив! Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде поделился с ним своей силой…

– Скажи мне, как найти Сидящего-в-Пирамиде, и я убью его! – в гневе воскликнул Конан.

– Оставь все мысли о том, смертный! Не ведаешь ты, с чем имеешь дело! Он сильнее, чем тысячи богов, и он непобедим!

– Но должен же быть способ остановить Тезиаса! – не унимался киммериец. – Тезиас-то – человек!

– О да! – чешуйчатый бог задумался, будто что-то вспоминая. – Но не мне ведом сей способ. Я лишь укажу того, кто должен знать его. Отправляйтесь в Стигию, смертные! Там, близ города Птейона Проклятого, в мрачной пещере, что скрыта водами Стикса, живет Хъяхья. Тысячи лет тому назад Хъяхья навлек на себя гнев Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Если Хъяхья не поможет вам, вам не поможет никто! Идите же! Слуги мои – жрецы и демоны – будут сопровождать вас!

Глава VII

«Завоевание Аквилонии»

Великая Душа возвращался от Стража Земли во второй раз. Это был не сон – истинный властелин мира действительно существовал, коротая эры и эпохи в гигантской пирамиде посреди безжизненного океана. Он был лишен каких бы то ни было амбиций, этот вечный Дух Земли, и страсть к власти, славе и богатству также была неведома. Он просто нес свою миссию, возложенную на него когда-то, в безмерно далекие, доисторические времена, великим Космическим Разумом, и миллионы лет протекали сквозь маленький искрящийся мозг, словно песчинки, гонимые знойным ветром бескрайней стигийской пустыни…

Страж Земли не обманул Тезиаса – и во второй раз Великая Душа получил новую порцию Знания. Разум Тезиаса раскалывался от обилия неведомой доселе информации, а она, словно непокорная река, затопляла тайные сферы человеческого мозга, вытесняя собой то, что было заложено в них природой. Тезиасу нужно было время, чтобы самому отфильтровать нужные и ненужные знания. И хотя интересно было все, – да за мельчайшую крупицу этого Знания любой чародей или ученый Хайборийского мира отвалил бы ему не один мешок золота! – Тезиас вынужден был изгонять из своего разума сокровенные тайны мироздания, описания всеобщих законов движения материи и энергии, истории могущественных цивилизаций. Сейчас для Тезиаса более важны были знания, так сказать, практические – те, что помогут ему стать владыкой мира людей. О, этих знаний также было в избытке!

Главное, что вынес Тезиас из своего второго визита к Стражу Земли, – это способность к телекинезу. То было не просто умение передвигать предметы на расстоянии, не касаясь их. Нет, Тезиас отныне мог сокрушать скалы, испепелять дворцы, создавать реки – и делать все это, не призывая жутких детей бездны, демонов земли, – одной лишь силой своей Мысли.

Возвращаясь от Стража, Тезиас опробовал новые возможности на одном из безлюдных островов Восточного океана. Вздрогнув, островок исчез под водой, словно жаба, испугавшаяся аиста. Да! Он, Тезиас, сделал это! Силы природы медленно, но верно покорялись ему. Он уже умел больше, чем бог, – и разве не по праву требует он от глупых людишек, чтобы они почитали его, как бога, как более сильного, чем их старые боги?! Страж был прав – он, Тезиас, всего добьется только сам, и в гордом одиночестве воссядет на земной престол! Он уже не сомневался, что сможет победить заклятие и вытащить свое тело из каменной могилы. Но это будет потом; сейчас же для завоевания мира ему до статочно воображаемого тела.

Великая Душа гордо несся сквозь пространство, и редкие птицы в ужасе отшатывались от парящего фантома…

– Воистину, век живи – век учись! – сокрушенно философствовал Пелиас, наблюдая за военными приготовлениями Конана. – Старик из стариков, я десятилетиями познавал сокровенные тайны магической науки! Сотни чародеев признавали меня своим патриархом. Я прочел тысячи ученых книг и в иные мгновения мнил себя мудрее богов… И что же? За

какие-то секунды я узнаю, что где-то – черт знает где! – стоит некая пирамида, а в ней с основания мира живет некто, сумевший внушить животный страх самому Сету – существу бесстрашному, так сказать, по определению! Двадцать раз исколесил я мрачную Стигию; бывал и в Птейоне Проклятом… Но, клянусь алебастровыми бедрами Иштар, ни о каком-таком Хъяхъе я слыхом не слыхивал!…

– Кончай ныть, чародей! – заявил Конан. – Мне и самому не по душе это путешествие. Я отдал бы все золото моего королевства, чтобы только никогда больше не видеть стигийских ублюдков, лижущих чешую этому омерзительному змею, которого они почитают богом! Но, клянусь Кромом, ради спасения своей чести и державы я сделаю все!

– Сердце Аримана! – благоговейно произнес Просперо, внося на атласной подушечке фантастических размеров драгоценный камень, ослепительно сияющий алым и золотым пламенем.

– Да, Сердце… – задумчиво проговорил Пелиас. – Бели что-то и способно защитить Аквилонию, так это оно. Не знаю, откуда черпает силы Тот-Кто-Живет-в-Пирамиде, но Сердце Аримана явилось на Землю прямо из Космоса, погромная мощь заключена в нем.

Конан кивнул. Если бы не Сердце, сейчас на месте королевств Запада простирался бы зловещий Ахерон, возрожденный магическим гением Ксальтотуна, а сам Конан наверняка давно бы ухе присоединился к Крому… По плану Пелиаса, одобренному королем Аквилонии, Сердце Аримана, повинуясь искусству волшебника, должно было поразить фантом Тезиаса, пока не будет привезено из Стигии средство, способное покончить с карликом раз и навсегда.

Королева Зенобия с преданностью смотрела на мужа. И хотя во всей истории с Тезиасом Конану ни разу не помог верный меч – символ его воинской силы, – королева, как всегда, восхищалась его мужеством и оптимизмом. Даже зная о страшной угрозе, час воплощения которой неумолимо приближался, она ни на секунду не утратила веры в своего Конана, в его окончательную победу. Главное – они были вместе, и никакое злое волшебство более не разлучит их…

Фантом появился неожиданно. Конан заметил его чисто случайно, ощутив холодное дыхание за своею спиной.

– Так, значит, Сердце Аримана?! Я должен был догадаться… – насмешливо произнес Тезиас. – Итак, ты отказываешься повиноваться мне! Смотри же…

Не отвечая ни слова, Конан стремительным движением схватил волшебный камень и направил луч Сердца на Тезиаса. Но прежде, чем Пелиас открыл рот, чтобы произнести заклинание, фантом исчез.

– Ишь как драпанул! – расхохотался король. – А еще бог!

– Боюсь, мы упустили его, – мрачно заявил волшебник.

Вскоре с улицы донесся неясный шум. Звук возрастал, приближаясь. Нехорошее предчувствие овладело Конаном и его друзьями.

– Пойду узнаю, что это такое, – сказала Зенобия. Ее стройная фигурка скрылась в дверях опочивальни.

Через минуту в покои вбежал Просперо. На бравом солдате не было лица.

– Господин! Ты не поверишь – я и сам не верю.

– Что еще? – вскричал Конан.

– К твоему дворцу движутся бесчисленные толпы тарантийцев. Дикий гнев внезапно обуял их; они крушат все на своем пути. Все как один люди кричат, что ты, Конан… – верный

Просперо замялся.

– Ну, говори!

– …Что ты продал душу дьяволу и что вместо тебя страной правит злой колдун по имени Пелиас!

Со стоном изумления волшебник опустился на пол.

– И еще они говорят, – краска залила лицо храброго Просперо, – что ты отменил культ Митры и объявил богом Аквилонии этого колдуна. Что ты приносишь ему в жертву по сто девственниц за ночь, а сам питаешься кровью собственноручно задушенных тобою же младенцев… Что ты…

– Ну все, довольно, я понял! – рассвирепел Конан. – Прикажи солдатам гнать прочь этих сумасшедших!

Просперо сжался под гневным взглядом короля:

– Аквилонские солдаты кричат то же самое.

– Что, мои солдаты? – Конан, казалось, вот-вот разрушит стены своим ревом.

– Да, и они. Верные воины едва сдерживают толпу, но им долго не продержаться: люди продолжают прибывать тысячами.

В окно полетели камни. До Конана донеслись яростные вопли:

– Выходи, киммерийский змей! Мы скормим тебя собакам! Долой ублюдка, пожирающего наших детей! Смерть Конану-узурпатору!

У короля даже не было времени на выражение захлестнувших его чувств: в опочивальню ворвался Паллантид, начальник Черных Драконов – королевской гвардии.

– Король! Прибывают гонцы из близлежащих деревень. Они сообщают: все жители в панике бегут из своих домов и направляются сюда! Прошел слух, будто злой колдун Пелиас, захвативший власть над Аквилонией, с минуты на минуту сотрет с лица земли их жилища!

Пелиас охнул и пробормотал что-то на неизвестном Конану языке. Дворец дрожал, сотрясаемый ударами стенобитных машин. Ломают ворота, машинально отметил Конан.

– Митра покарает всякого, кто не оторвет кусок плоти от смердящего тела киммерийской собаки! – зычный голос приближался. – Смерть узурпатору!

В дверях показался Публио, верный канцлер короля. В глазах всегда спокойного и рассудительного канцлера застыло безумие, а полное лицо искажала отвратительная гримаса. Увидев Конана, Публио что есть силы завопил:

– Эй, воины, сюда, я нашел его! И колдун с ним! Тотчас за его спиной возникла дюжина вооруженных рыцарей; глаза их светились ненавистью.

– Вот он! – вскричал Публио, указывая на короля. – Благословение Митры и мешок золота тому, кто первым убьет варвара!

Оттолкнув канцлера, рыцари с ревом ворвались в опочивальню. Не раздумывая, Конан схватил Сердце Аримана и заорал:

– Пелиас, Просперо, Паллантид! Живо за мной!

Нажав на известный одному ему рычаг, Конан распахнул скрытую в стене дверь. Четверо преследуемых успели скрыться в тайном коридоре прямо перед носом у озверевших рыцарей.

– Что стоите, собаки? – услышали они дрожащий от ярости голос Публио. – Найдите и убейте узурпатора! Колдуна хватайте живьем – мы спустим с него кожу!

Конан и его друзья, не оглядываясь, бежали по тайному ходу.

– Гипноз, жуткий, безмерно чудовищный гипноз… – задыхаясь от внезапных

переживаний и стремительного бега, бормотал старый волшебник.

Внезапно они услышали пронзительный женский крик. У Конана защемило сердце. Он остановился и рванул на себя одну из дверей тайного коридора; древний ход имел связь почти со всеми помещениями дворца.

Ворвавшись в комнату, они застали удивительную картину. Королева Зенобия держала кувшин, в котором раньше была вода. Теперь эта вода с шипением стекала с призрачного тела Тезиаса. Судя по всему, фантом испытывал нестерпимую боль.

– Он боится воды, Конан! – радостно воскликнула Зенобия.

– Глупая девчонка! – зашипел Тезиас. – Я ничего не боюсь, а вот ты навеки останешься водой!

Огромные черные глаза фантома сверкнули молнией. В тот же миг ноги Зенобии потекли, и тело королевы, превращаясь в воду, стало медленно стекать в кувшин.

Бледный Пелиас выкрикнул заклинание, и фантом, изменившись в лице, растворился в воздухе. Конан бросился к своей королеве.

– Любимая, я спасу тебя! – в отчаянии шептал он, стараясь удержать в своих руках части тела Зенобии, еще не успевшие стать водой.

В комнату ворвались вооруженные рыцари Публио.

– Беги, дорогой! Я верю в тебя… – успела прошептать Зенобия, прежде чем ее голова, также как и тело, превратилась в воду и вылилась в жестяной кувшин.

Горестный, пронзительный рев смертельно раненного зверя заставил рыцарей остановиться. Обезумевший от горя, Конан обнажил меч и пошел на рыцарей. Просперо и Паллантиду встали рядом с королем.

– Ну, кто первый, шакалы? – хрипло спросил киммериец.

– Ты не можешь драться с ними – они же заколдованы! – воскликнул Пелиас. – Твои подданные не ведают, что творят!

Волшебник метнул в рыцарей какой-то шарик, и те замерли, словно каменные.

– Это ненадолго остановят их, – заметил чародей. – А теперь – бежим!

– Клянусь Кромом, я вернусь за твоей душонкой, падаль! – воскликнул Конан и, подхватив кувшин с Зенобией, скрылся в тайном коридоре. Его спутники последовали за ним.

Тезиас чувствовал себя ужасно: все части его воображаемого тела ныли, словно тело было настоящим и с него сдирали кожу. Голова нещадно болела, и разум, казалось, выплескивается наружу. Даже порции космической энергии, которой он подкрепился, не принесли желаемого облегчения.

Воистину завоевание Аквилонии оказалось тяжким трудом! Его мыслительной души едва хватило, чтобы устроить всенародное умопомешательство. Однако спектакль получился славный! То, что его враги остались живы, ничуть не огорчало Тезиаса. Так было даже интереснее! Тезиас представил себе искаженное гневом лицо короля-гиганта, вынужденного, подобно мыши, спасаться тайными ходами, и расхохотался. Он, Тезиас, придумал для киммерийца нечто худшее, чем смерть, – всенародное унижение и позорное бегство. Участие в этом бегстве старого учителя еще более воодушевило Тезиаса.

Итак, он победил. Поверженные, враги спасаются бегством. Правда, Конан обещал вернуться, и Тезиас знал: варвар всегда держит слово. Ну что ж, пускай приходит – завтра Великая Душа станет еще сильное!…

– Второй раз уже твой бог дает мне приют в час испытаний, благородный Хадрат!

Покинув королевский дворец, Конан и его товарищи скрылись в тайном храме Асуры – мудрой древней богини, поклонники которой, однако, не пользовались уважением мигрантов. Конан стал первым монархом Аквилонии, защитившим сторонников культа Асуры от преследований. Те ответили королю взаимностью: когда Конан вынужден был скрываться от немедийцев, захвативших его столицу, и их ставленника Валерия, поклонники Асуры не только укрыли его от врагов, но и немало сделали, чтобы помочь ему найти «сердце своего королевства» – волшебное Сердце Аримана.

Да, в истории с Ксальтотуном Хадрат, этот задумчивый жрец в неизменном черном плаще, сыграл далеко не последнюю роль. Именно он, когда уже пифонский маг готов был обрушить на армию Конана мощь своих злых чар, с помощью Сердца Аримана превратил Ксальтотуна в высохшую мумию, и колесница, запряженная тройкой волшебных коней, унесла великого мага в древний Ахерон. И вот злая судьба вновь свела свергнутого короля и жреца забытого бога.

Конан, Пел нас, Просперо и Паллантид провели в обществе Хадрата весь день; высовываться наружу было опасно. Жрец Асуры был посвящен во все подробности борьбы с Тезиасом – борьбы, в которой Конан и его друзья потерпели поражение. Однако Хадрат, как и Конан, не склонен был сдаваться.

– Не стану скрывать от тебя, господин: будущее Аквилонии и всего мира под большой угрозой! – сказал Хадрат. – И если Ксальтотун покушался на жизнь твоих подданных, то наш новый враг выпивает из людей душу и разум, а это куда хуже! И все же я верю в нашу победу: тогда, три года назад, у нас не было Сердца Аримана!

– А сейчас есть, ну и что с того? – хмуро отозвался Пелиас. Он никак не мог пережить свое фиаско в борьбе против собственного же ученика. Кроме того, старый маг, как и любой чернокнижник, не выносил асурских жрецов, и выслушивать мнение Хадрата было ему неприятно.

– Да, негодяй дьявольски быстр, – заметил Просперо. – Мы и очнуться не успели, как он заколдовал твоих подданных, господин. И даже Публио – кто бы мог подумать!

– Нельзя забывать, – добавил Паллантид, – что Тезиас мнит себя новым богом и намерен покорить весь мир. Мне трудно верится, что человечество, с помощью богов, не справится с одним-единственным призраком!

– Боги отвернулись от нас, – мрачно молвил Пелиас. – Даже они ничего не могут противопоставить могуществу Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде…

В зал вошел человек в одеждах поклонника Асуры.

– Говори! – приказал Хадрат.

– Ночь опустилась на улицы Тарантии, – сказал Дошедший, – и жители города вернулись в свои дома, объявлено, что Митра предал своих поклонников, свя-1авшись с силами Тьмы, и потому был повержен. Теперь в Аквилонии новый бог, и зовут его Великая Душа.

– А что слышно о короле? – спросил Конан.

– Новый бог обещал за твою голову столько золота, сколько весишь ты сам, господин! Целые орды тарантийцев рыщут повсюду, желая первыми доставить тебя Великой Душе. Богатая награда назначена и за голову колдуна по имени Пелиас. Прости, господин, но мне не встретился ни один человек, кто сохранил бы тебе верность… – опустив глаза, сказал асуриец.

– Прекрасно! – процедил Конан. – Значит, повсюду одни враги! Как легко мой народ

предал меня!

– Не горячись, повелитель, – сказал Хадрат. – Помни: люди Аквилонии – всего лишь жертвы чудовищного гипноза,

– Кто правит теперь в Тарантии? – спросил Конан. – Не сам же бог воссел на мой трон?!

– Нет, господин. Нового бога пока мало кто видел. От его имени правит Троцеро, граф…

– Что?! Кром и Митра! – не веря своим ушам, воскликнул Конан. – Троцеро – мой самый верный друг!

– Прости, господин… – Низко поклонившись низвергнутому королю, поклонник Асуры покинул собравшихся.

Воцарилось тягостное молчание. Наконец зловещую тишину разрезал могучий голос Конана:

– Ксальтотун украл у меня королевство – я вернул его. Ях Чиенг похитил мою Зенобию – и я освободил ее. Тезиас отнял у меня все – друзей, власть, уважение народа, мою любимую супругу! Мои подданные сошли с ума, моя королева плещется в этом кувшине, сам я предан теми, кому верил. Но, клянусь Кромом, – Конан возвысил голос; соленые слезы стекали по его испещренному шрамами лицу, – я покараю злодея, верну себе супругу, царство, любовь аквилонцев – хотя бы для этого пришлось сразиться со всеми демонами ада сразу. И пусть проклянут меня боги, если я проживу хотя бы один миг, не веря в нашу победу!

Пелиас, Просперо, Паллантид, Хадрат поддержали его. Верные друзья также поклялись отдать жизнь за освобождение Аквилонии и всех стран Хайборийского мира от власти Великой Души.

Помолившись своим богам, люди обсудили план действий. Действовать же следовало незамедлительно; даже здесь, в тайном храме Асуры, оставаться долго было небезопасно.

– Я отправлюсь в Стигию, разыщу Хьяхъю, кем бы ни был, и вытрясу из него, как справиться с Тезиасом. Зенобию возьму с собой, – твердо произнес

Конан.

– Мы поедем с тобой! – в один голос заявили друзья.

– Я привык путешествовать один! – отрезал киммериец.

– Послушай, Конан! – в волнении молвил Пелиас.- В том, что случилось, больше всего моей вины. Не забывай: именно я воспитал злодея, именно я, старый дурак, не углядел, какой змей растет под моим крылом. Не лишай же меня возможности исправить главную ошибку всей моей жизни! И еще. Да, против мощи Тезиаса мои чары оказались бессильны, но, Конан, ты не можешь предугадать, что ждет тебя в опасном путешествии, а я все же волшебник и, кто знает, вдруг и окажусь полезным тебе! Кроме того, мне некуда идти: за мою голову обещана щедрая награда, и скоро проходимцы разных стран будут рыскать повсюду в поисках старого Пелиаса! Наконец, Конан, кто, как не я, может быстро доставить тебя в Стигию, обратившись за помощью к своим крылатым друзьям?! Знаю, путешествие на верном коне более привычно для тебя, и опасности в пути не страшат столь отважного героя, но, согласись, время работает против нас, и каждая потерянная нами секунда укрепляет силу Тезиаса!

– Ты прав, Пелиас! – прочувственная речь мага тронула сердце варвара, острый же ум его воспринял все доводы чародея. – Не любитель я путешествовать в обществе волшебников, но так и быть, ты меня убедил!

– Послушай и меня, господин! – вдохновенно произнес Хадрат. – И мне ведомо, что больше, чем в помощь богов, веришь ты в собственные силы и мощь доброго оружия в твоих

крепких руках! Ты уже раз отказывался разделить свою дорогу с поклонниками нашего бога. Но пойми, сейчас другой случай, и я уверен: тебе пригодится мудрость Асуры, хранимая нами века! Ты знаешь, господин, и другое: никто лучше меня не умеет обращаться с Сердцем Аримана. Сердце же мы должны взять с собой; если оно попадет в лапы Тезиаса, карлик станет воистину непобедим! Позволь же и мне сопровождать тебя в опасном твоем путешествии!

– Ладно, Хадрат, и ты меня убедил! – согласился Конан.

Обращаясь к Просперо и Паллантиду, король сказал:

– Итак, мои верные товарищи, вы остаетесь здесь, в Тарантии. Будьте начеку, враг силен, дьявольски хитер и потому очень опасен! Границы его возможностей нам неведомы. Никаких инструкций не оставляю: вы сами знаете, что предпринять. Когда нужно будет, я сообщу о себе. Если же мне и моим друзьям, – он кивнул на Пелиаса и Хадрата, – суждено умереть, не дойдя до цели, все равно продолжайте борьбу! Не верю я, что гордая Аквилония долго будет терпеть иго призрачного бога! Прощайте!

– Мы не подведем тебя, Конан! – неловко смахивая слезы, заверили короля Просперо и Паллантид.

…И никто не заметил, как три большие птицы, похожие на орлов, но со странными горбами на спине, взмыли в ночное небо Тарантии и взяли курс на юго-восток.

Глава VIII

Сообщив Конану, что ради покорения Немедии пришлось пожертвовать одним лишь ее королем, Тезиас слукавил. Театральное действо с распылением Тараска над площадью перед королевским дворцом было сплошным надувательством. Тараск был жив и сейчас, парализованный, лежал в своей опочивальне. Работали только его голова, глаза, уши, рот и – пока еще – разум.

В воздухе над лежащим пластом Тараском висел фантом.

– Дурак ты, бывший король, как есть дурак! – ехидно щебетал Тезиас. – Зачем ты запер меня в подземелье? Глупо было надеяться, что камни земные удержат мою Великую Душу!

– Будь ты проклят, гнусный карлик! – стараясь не смотреть на фантома, молвил Тараск. Его тошнило от безмерного унижения и сознания своего полного бессилия. Но Тезиас не обращал внимания на проклятия.

– Напрасно ты презираешь меня, Тараск! Разве я не самый гуманный завоеватель всех времен и народов?! Знаешь, как я покорил Аквилонию? Местные жители сами выгнали Конана и, плача от внезапно свалившегося на них счастья, провозгласили меня своим богом! Спасаясь от народного гнева, бывший король с позором бежал.

– Он вернется и открутит твою подлую башку, пес! – убежденно заявил Тараск.

– Ой, какие мы стали злые! – сокрушенно протянул фантом. – Не ты ли взял меня в слуги, чтобы я помог тебе сокрушить киммерийца? И вот теперь я сделал это – без твоей помощи, как видишь, – а ты, неблагодарная душа, желаешь ему победы!

– Лучше он, чем ты, фальшивый божок! Митра покарал меня за мою глупость!

– Митра? Где твой Митра? Опомнись, Тараск, наступила новая эра, эра Великой Души. Избавляясь от старых богов, мир стремительно катится к моим ногам! Завтра я завоюю Офир и Коф. Древние королевства будут управляться от моего имени. А ведь и ты, глупый король, мог стать моим наместником в Немедии, вознося хвалу новому богу!

– Убей меня, собака! Не могу я больше слушать твои бесстыдные речи! Верю, недолго тебе помыкать гордыми народами!

– Убить? – Тезиас расхохотался. – И тебя не страшит смерть, которую я тебе могу дать? Помнишь? У меня ведь особая смерть! Где ты желаешь провести остаток дней – в пауке? В попугае? В твари подземной? Или посадить твой ограниченный разум в тело демона?

Вот будет умора! Ты будешь ползать по аду и терзать плоть своих бывших подданных – это так романтично! Стиснув зубы, слушал Тараск излияния фантома. Ему ухе было все равно, где, когда и как он умрет. Жгучая ненависть к Тезиасу поглотила всю его душу. Желая хоть как-то досадить карлику, Тараск сказал:

– Эй, тварь бестелесная! Ведомо ли тебе, как Конан и Пелиас овладели твоей Книгой Судеб? Это я украл ее, покаты забавлялся в своей конуре…

Фантом помрачнел, но затем снова рассмеялся высоким, пронзительным смехом.

– Поздно ты опомнился, король глупцов! Книга Судеб более не нужна мне, а твои новые друзья ни за что не раскроют ее! Но я ценю твою откровенность. В благодарность за нее ты узнаешь, что я с тобой сделаю. Пройдет немного времени, и моим подданным понадобится чудо. Я свершу его, воскресив тебя из серого праха. Но не радуйся раньше времени: это будешь, скажем так, не совсем ты. Твоим будет только тело… и еще кое-что! Нужно ли

говорить, сколь преданно ты будешь служить мне после своего воскрешения?!

Не в силах больше сдерживаться, Тараск смачно плюнул в ухмыляющуюся физиономию фантома.

Добрые скричи, не зная усталости, несли Конана, Пелиаса и Хадрата в мрачную Стигию. Они летели над горами и степями, лесами и реками, городами и пустынями. Горько было сознавать, что пройдет еще день-другой, максимум неделя, и эти по-своему прекрасные страны пополнят список провинций империи призрачного бога…

Вот показался Стикс; его черные воды по слухам таили в себе не только тварей земных, но и создания более ужасные, чем те, что обитают на суше. Где-то под водами черной реки, если верить Сету, жил и некий Хьяхья; к нему-то и держали путь отважные путешественники.

Стигия встретила Конана и его друзей знойным палящим солнцем. Слабый ветерок от могучей реки не мог принести прохладу в это сумрачное царство Сета.

Зловещими скалами чернели на горизонте руины Птейона Проклятого. Близ разрушенных тысячи лет тому назад городских стен виднелся шатер. Вокруг шатра стояли и исступленно размахивали руками наголо обритые люди в одинаковых белых хитонах. Завидев стигийских жрецов, Конан смачно выругался. Необходимость сотрудничества с ними казалась королю пыткой. За свою бурную, полную приключений жизнь ему пришлось встречаться с представителями разных народов – от изнеженных вендийцев до диких пиктов и чернокожих людоедов из Дарфара. Но если бы его спросили, какое племя неприятно ему более всего, он не раздумывая ответил бы: стигийцы. Среди же стигийцев жрецы Сета были созданиями наиболее отвратительными. Судьба постоянно сталкивала его со служителями культа Великого Змея, и всякий раз они были его злейшими врагами. Конан знал: если рядом жрец Сета, там всегда будет кровь – его, Конана, или самого жреца. Хвала Крому, крови жрецов лилось во сто крат больше, чем крови киммерийца…

Чудесные птицы, сделав круг над шатром, мягко опустили своих седоков на песок. Группа жрецов приблизилась к путешественникам. В предводителе, крупном стигийце с ястребиными чертами лица, Конан узнал самого Тот-Амона, верховного жреца Сета, называемого Величайшим. Тот-Амон вот уже более двух десятков лет был заклятым врагом Конана, и неудивительно, что рука киммерийца легла на меч, готовая мгновенно выхватить его из ножен. Быстрый предостерегающий взгляд Пелиаса заставил Конана взять себя в руки: ничто не должно было нарушить ход их миссии. Для Хадрата же, как и для большинства людей Запада, Тот-Амон был страшной легендой – его именем асурийцы нередко пугали отступников – так же, как и мигранты – именем Асуры. Но для тех и других Тот-Амон слыл воплощением Зла. Для асурийцев, впрочем, в большей степени, ведь жуткие обряды, свершаемые стигийскими Мастерами Черного Круга, людская молва часто переносила в храмы Асуры. И вот теперь этот страшный человек стоял перед ними.

– Воля Сета – закон для его слуг! – проскрежетал Тот-Амон, приветствуя Конана и его товарищей; глаза же его пылали ненавистью – черный маг с большей охотой всадил бы в киммерийца острый, как жало Сета, стигийский кинжал. – Не чаял я, варвар, видеть тебя и твоих друзей среди слуг нашего бога, но воля Сета – закон для его рабов! – важно повторил колдун.

Конан хотел ответить негодяю, что в слуги омерзительного бога не нанимался, а прибыл сюда по собственной нужде, и что не ему, стигийской собаке, повелевать монархом

могущественного царства Запада, но хитрый Пелиас опередил его.

– Приветствую тебя, мудрый Тот-Амон! Узнаешь ли ты меня?

– Ты Пелиас, чернокнижник из Хорайи! Что делаешь ты в компании киммерийца?

– Я прибыл сюда на случай, если Сету потребуются мои волшебные познания! – туманно ответил Пелиас.

Тонкие губы верховного жреца скривились в недоброй усмешке:

– Не беспокойся, почтенный Пелиас, Сету они не пригодятся. А кто это с вами?

Человек в черном плаще легко поклонился Тот-Амону.

– Я Хадрат, жрец Асуры, сопровождаю короля Аквилонии.

Величайший ничем не высказал своего неудовольствия, но видно было, что присутствие асурийского жреца понравилось ему не больше, чем присутствие знаменитого Пелиаса. «Пожалуй, варвар поумнел с момента нашей последней встречи», – с досадой подумал Тот-Амон. Вслух он сказал:

– Презренный карлик, в диком безумии своем бросивший вызов Сету, будет раздавлен. Мы сделали бы это и без вашей помощи, люди с Севера. Но раз уж вы решили присоединиться к нам, прошу в шатер. Я покидаю вас – меня ждут неотложные дела. Но с вами остается посвященный жрец Тотоакр – он также отправится к Хьяхье.

Человек, названный Тотоакром, был чуть выше Конана, но уже в плечах. На смуглом бритом лице горели колючие глаза, и они были полны скрытой злобы. Кривые тонкие губы выдавали склонность их обладателя к изощренной хитрости и предательству. Взглянув на сильные, плотные руки Тотоакра, Конан отметил про себя: этот человек либо до посвящения был палачом, либо в его обязанности входило отправление самых гнусных обрядов в храмах Сета. Так или иначе, их новый попутчик, без сомнения, был опасным человеком.

Стигийская ночь опустилась внезапно. Конан, Пелиас и Хадрат устроились в шатре, отдыхая после утомительного путешествия на скричах. Тот-Амон и с ним большая часть стигийцев отбыли, оставшиеся же грелись у костра и стерегли коней. Лишь Тотоакр составил компанию киммерийцу и его спутникам. Король никак не мог понять, почему, когда на счету каждая минута, нужно ждать до утра, чтобы идти к Хьяхье.

– Чего мы ждем? – спросил он у Тотоакра. – Или ты боишься нырять ночью?

– Ночью в Стикс лезет только безумец, самоубийца или демон! – презрительно ухмыльнулся стигиец. – Ты кто? Твари, плавающие по ночам в глубинах реки, не подчиняются Сету, но род людской ненавидят еще больше. Так что придется ждать до утра.

– Ну что ж, подождем! – примирительно сказал Пелиас.

Хадрат же спросил стигийца:

– А этот Хъяхья – кто он такой?

Тотоакр помрачнел. Подумав, он сумрачно молвил:

– Никто и никогда не видел его. Хъяхья – это легенда. Вы – первые непосвященные, кому известно о нем. Когда-то, тысячелетия назад, легенда о Хъяхье передавалась по Стигии из уст в уста. Молва рисовала его то огромным подводным змеем, то семиглавой акулой, то гигантским сказочным осьминогом. Им пугали детей, и даже отважные стигийские моряки не решаясь плавать в этих водах. Постепенно страх перед загадочным чудовищем проходил, ибо оно ничем не напоминало о себе. Тысяч пять лет тому назад прошел новый слух: будто Хъяхья – это клад несметных богатств, собранных змеиным народом в пещере на дне Стикса. Десяток смельчаков в яркий полдень, воздав молитвы Сету, бросились в реку, дабы отыскать Хъяхью. Больше их не видели…

– Хъяхья… – задумчиво произнес Конан. – Странное имя как для человека, так и для демона!

– Ты прав, киммериец! – перейдя на шепот, произнес Тотоакр. – Из глубины тысячелетий дошла до нас и другая легенда. Она гласит: Хъяхья – могучий пришелец из неведомых миров… Но почему живет он здесь и чем занимается – то нам неведомо. Одно лишь доподлинно известно носителям тайного Черного Знания: Хъяхья – не миф, он существует и скрывается в пещере колоссальных размеров, проникнуть в которую можно, лишь преодолев толщу вод Стикса!

– Ладно, судя по всему, завтра предстоит работенка не из легких, а потому – спать! – приказал Конан. Ему надоели стигийские ужасы и назидательный тон, которым разговаривал жрец.

Смерив киммерийца полным презрения взглядом, Тотоакр промолчал. В шатре и вокруг него установилась тишина. Засыпая, Конан крепко телом обхватил драгоценный кувшин, в котором, заколдованная, спала его любимая супруга.

Конан проснулся первым. Он разбудил Пелиаса и Хадрата. Тотоакр спал сном невинного младенца. Конан вывел своих друзей из шатра. Стигийцы также спали.

– Не нравится мне эта компания, – доверительно сообщил киммериец товарищам. – Оставим стигийцев греться на солнышке, а сами пойдем к Стиксу. Я и без Тотоакра отыщу ихнего Хъяхью.

– Это слишком рискованно! – возразил Пелиас. – Ты забыл: мы не имеем права рисковать!

– Вряд ли ты, чужеземец, сразу найдешь монстра,- поддержал волшебника Хадрат. – А если ты погибнешь, кому от того будет весело – подумай, господин!

Конан сознавал, что друзья правы. Тем не менее он не сдавался:

– Стигийцы вероломны, а жрецы Сета вероломнее! Кто может поручиться, что этот Тотоакр не столкнет нас в пасть чудовища при первой же возможности? Эх, кабы какой демон пожрал душу проклятого карлика – не пришлось бы якшаться со стигийцами! Эй, Пелиас, да что с тобой?

Старый волшебник неожиданно вскрикнул. Выражение радостного изумления застыло на его лице. Конан не мог понять, что было тому причиной.

– Чему ты так обрадовался, Пелиас?

– Ты гений, Конан, гений! – чуть не прыгая по холодному песку, возбужденно шептал волшебник. – А я-то, старый дурак, опять едва не проморгал наше спасение!

– О чем ты говоришь, чародей? – насторожился Хадрат. Ему также была непонятна радость, внезапно обуявшая мудрого мага.

– Да как же вы не понимаете?! Ты, Конан, посетовал, что нет демона, который мог бы сожрать душу Тезиаса.

– Ну?

– Такой демон есть, и зовется он Морат-Аминэ!

И тут-то Конан вспомнил, как когда-то судьба на несколько мгновений позволила ему узреть Мората-Аминэ, Пожирателя Душ. Нечеловеческий вопль, который издавали жертвы Пожирателя Душ, он не сможет забыть до конца своих дней…

– Но постой же, Пелиас! – озадаченно пробормотал киммериец. – Я своими глазами видел, как этот демон сгорел вместе с колдуном по имени Аманар, который прислуживал Морату-Аминэ. Я лично бросил камень, в который Аманар заключил свою душу, в пасть

чудовищного змея.

– О нет, король, глаза не выдали тебе всей правды! Знай же: Морат-Аминэ, как и Сет, принадлежит к числу высших демонов, а их не так-то легко убить. В древние времена, когда люди еще ползали на четвереньках, Морат-Аминэ восстал против Сета и был заточен в темные безымянные пещеры – здесь, Конан, под этим городом! – Пелиас махнул рукой в сторону руин Птейона. – Отступник Аманар освободил его, и с помощью Пожирателя Душ обрел страшную власть, но он едва удерживал контроль над демоном. Когда ты убил Аманара, пало заклятие, освободившее Мората-Аминэ, и, клянусь Иштар, он должен был вернуться в свою темницу – таковы священные законы магии!

– Так значит, Пожиратель Душ рядом с нами?! – вскричал Хадрат.

– Истинно так! И я, используя силу Сердца Аримана, которая заменит мне Амаиарово заклятие, готов попробовать освободить его! Хотя после этого мне будет открыта прямая дорога в ад, – пробормотал волшебник.

– И он сожрет душу гнусного карлика? – спросил Конан.

– Почти наверняка. Морат-Аминэ – очень сильный демон, и я не думаю, что Тезиас справится с ним. Кроме того, Морат подавляет волю жертвы, даже если Тезиас имеет защиту против него, вряд ли он успеет ею воспользоваться – Пожиратель Душ атакует мгновенно!

– Почему же Сет послал нас к какому-то Хъяхъе, когда рядом сидит Пожиратель Душ? – недоверчиво молвил король.

– Это как раз неудивительно: Морат-Аминэ – самый заклятый враг Сета в мире демонов. Само его имя жрецам и всем поклонникам Сета запрещено произносить вслух под страхом ужасной смерти. Если Морат-Аминэ получит свободу, безраздельной власти Сета над силами Тьмы может прийти конец.

– Но, Пелиас, если ты выпустишь Пожирателя Душ, как мы будем знать, что он сожрет именно душу Тезиаса? Логика демонов непостижима для человека. Где гарантии, что Морат-Аминэ не обрушится на ни в чем не повинных людей?

Волшебник задумался – эта мысль не приходила ему в голову.

– Ну, во-первых, необходимо убедить демона, что душа Тезиаса представляет для него особый интерес. Учитывая проделки нашего маленького друга, это будет несложно сделать, - устало усмехнулся Пелиас. – Во-вторых, наша главная задача – покончить с карликом; если ради этого придется пожертвовать сотней-другой невинных душ – значит, такова воля богов! Хадрату логика Пелиаса не пришлась по сердцу.

– Подумай хорошо, чародей, что ты предлагаешь! е один ты после этого попадешь в ад! Где это видано, бы жрец Асуры участвовал в освобождении Зла!

– А тебя, святоша, и не просят! – свирепо оскалившись, ответствовал Пелиас. – Думаешь, мне приятно выпускать на волю чудовищного змея? Я просто выбираю из двух зол меньшее!

– Ты считаешь, что оба Пожирателя Душ не стоят один другого? – не отступал от своего Хадрат.

– Разумеется, нет! Морат-Аминэ пришел из глубины веков, и, как видишь, за все это время мир не рухнул. Тезиас же, противопоставивший себя воле богов, мирам Дня и Ночи, неумолимо одерживает верх, сокрушая привычный порядок вещей. Наши древние боги умыли руки, убоявшись Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Разве так поступили бы они, окажись на месте Тезиаса Морат-Аминэ? Помни: Пожиратель Душ – всего лишь демон, и он из нашего мира – из мира Зла, но из мира нашего Зла; Тезиас же связался с чем-то глубоко

чуждым вашей цивилизации…

– То есть ты хочешь сказать, что нужно сначала покончить с Тезиасом, а с Моратом-Аминэ разбираться после? – подытожил ученые рассуждения Пелиаса Конан.

– Именно. Мы не знаем, кто такой Хъяхья, и все же прибыли в это царство Ночи ради одной лишь надежды, поверив Князю Тьмы и его стигийским прислужникам. Пожиратель же Душ – наш верный шанс!

Маг говорил так убедительно, что даже у Конана, всю жизнь сражавшегося с силами Мрака, отпали последние сомнения. И потом, если они молились Сету, почему бы не выпустить его злейшего врага?

Хадрат же не унимался:

– Хорошо, Пелиас, вот освободишь ты демона – а дальше?! Тез нас-то далеко, а мы – под боком! Чьи, по-твоему, первыми сожрет Морат-Аминэ?

– Я и не говорю, что план мой легок…

– Доставку фантома сюда я беру на себя! – загадочно сказал Конан. – У меня есть наживка, на которую Тезиас наверняка клюнет!

– Что же до нашей безопасности, – продолжал Пелиас, – для зашиты от Пожирателя Душ носят особый амулет, изображающий золотого змея в когтях серебряного ястреба.

– Точно, я видел такой у Аманара, – подтвердил Конан. – У тебя есть три таких амулета, Пелиас?

– Увы, мой добрый друг… – Волшебник смутился, но, заметив торжествующий взгляд Хадрата, поспешил добавить: – Сердце Аримана заменит нам амулеты! Сила Сердца отвратит от наших душ щупальца Пожирателя.

Похоже, последний аргумент волшебника частично убедил Хадрата. Он сказал:

– Имей, однако, в виду, Пелиас: от твоего искусства зависит, победим мы или же погибнем жуткой, беспримерной смертью! Но не только мы: вспомни о тех, к чьим душам подбирается призрачный бог!

Чародей кивнул – все было ясно.

– А что будем делать со стигийцами? – спросил он.

И только теперь трое заговорщиков заметили, что Тотоакр и его люди вовсе не спят; напротив, бесшумно, как умеют только стигийцы, подкравшись к Конану и его товарищам, они внимательно вслушивались в их беседу.

– Мы слышали все, северные собаки! – злобно прошипел Тотоакр. – Прав был Величайший: вы не слуги Сета, вы – гнусные предатели!

Пока Тотоакр держал свою обвинительную речь, Конан прикидывал, сколько шансов было у них против трех десятков крепких, к тому же наверняка наученных приемам черной магии стигийцев. Пелиас же попытался уладить дело миром:

– Ты ошибаешься, благородный Тотоакр! Мы не предатели Сета. Напротив, мы искали способ, как вернее победить его врага!

– Лжешь, ничтожнейший из некромантов! – заорал в ответ высокий жрец. – Мы знаем все! Ты замыслил освободить Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух, и нет большего преступления, которое бы мог смертный совершить против Сета! Смерть предателям!

И стигийцы с ревом бросились на Конана, Пелиаса и Хадрата). Завязалась кровавая схватка. Сверкали мечи и кинжалы. То тут, то там на миг показывалась черная ладонь Тотоакра; посвященные жрецы умели убивать даже и вооруженного человека, лишь приложив «черную ладонь Сета» к груди врага. Но трое смельчаков казались неуязвимыми,

хотя каждый из них дрался своим оружием: Конан – верным двуручным мечом, так что головы, руки и прочие части тела стигийцев, словно град на землю, сыпались на песок; Пелиас – белым волшебным огнем, душившим смуглых демонов не хуже знаменитого кхитайского шелкового пояса. Как же дрался Хадрат, вообще было сложно сообразить: он, как ветер, проскальзывал сквозь ряды врагов, да так, что после этого крепкие стигийцы, хрустнув переломанными костями, оседали на песок – у жрецов Асуры свои боевые премудрости…

Наконец все было кончено. Усталые Конан и его друзья пожинали плоды нелегкой победы. Белый песок стал красным – от пролитой стигийской крови. Тела врагов, расчлененные и целые, но одинаково безжизненные, валялись в радиусе десяти шагов. Пелиас был невредим, как будто волшебник играл в кости, а не сам дробил кости врагов. Конан был ранен, но это бывалого воина ничуть не смущало. Хадрат же пострадал больше других: у него была сломана рука.

Чародей извлек из складок своего широкого платья маленький флакончик с мутной голубой жидкостью.

– Подставь руку, асуриец!

– Это еще зачем? – насторожился Хадрат.

– Подставляй, не бойся! – рассмеялся волшебник. Хадрат вопросительно взглянул на Конана. Король кивнул. Все еще ожидая подвоха, Хадрат подошел к Пелиасу. Взболтнув флакончик, чародей осторожно вылил его содержимое на рану жреца. И, о чудо, перелом руки затянулся сам собой, кости срослись – раны больше не было!

– Спасибо! – озадаченно сказал жрец Асуры.

Ту же операцию волшебник проделал и с ранами Конана. Итак, после изнурительной битвы трое смельчаков снова были в полном здравии.

– Хвала Асуре, нас только пощекотали! – оправившись от изумления, заявил Хадрат. – Чего нельзя сказать о наших смуглых друзьях – Сету придется обходиться без их молитв. А где же наш доблестный провожатый?

И правда, осмотрев мертвые тела, друзья нигде не обнаружили Тотоакра. Не было его и в шатре. Жрец словно провалился под землю. Конан вопросительно уставился на волшебника.

– Что скажешь, Пелиас? Бьюсь об заклад, стигийский пес удрал, призвав на помощь черную магию!

– А это мы сейчас выясним! – засмеялся волшебник. Киммериец вздрогнул: однажды, много лет назад, он уже слышал такой смех из уст мага и догадался, что тот задумал.

Подойдя к одному из трупов, который принадлежал, судя по всему, жрецу чешуйчатого бога, Пелиас громко хлопнул в ладоши возле уха трупа и закричал:

– Эй, ты! Да, ты! Восстань из ада, где, несомненно, пребываешь; поднимись с окровавленного песка и скажи мне: где скрывается посвященный жрец Тотоакр? Вставай же! Повелеваю тебе!

Бледное лицо Хадрата стало пепельно-серым, когда жрец, туловище которого было перерублено пополам, с жутким стоном оторвал спину от песка и, опираясь на искалеченные руки, слегка приподнял грудь и голову. Безжизненные глаза жреца уставились на мучителя.

– Тотоакр отправился за подмогой, – бесцветным голосом произнес жрец. – Он набирает людей, чтобы вернуться и помешать тебе освободить Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух.

Жрец задрожал и едва не повалился обратно. Но Пелиас вовсе не был склонен так скоро отпускать его.

– Скажи мне: как найти пещеру Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух?

– Иди в Птейон; там разыщи дом, отмеченный перечеркнутым семиконечным знаком. Войди в дом. В доме ты увидишь дверь, на которой изображен змей в когтях ястреба. Открой эту дверь, и ты попадешь в коридор, ведущий в подземелье. По коридору спустишься ты в пещеру безымянную; вход в нее сторожит демон. В пещере той и найдешь ты Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух.

Сказав это, мертвец рухнул на кровавый песок. Хадрата стошнило.

– Клянусь Иштар, этот негодяй знает гораздо больше, чем мне удалось из него выудить, – самодовольно бросил Пелиас, – но я не могу слишком долго пытать его; ад требует к себе этого человека.

– Ты чернокнижник! – мрачно буркнул жрец Асуры, с опаской косясь на чародея.

– А я этого и не скрываю! – волшебник от души расхохотался, чувствуя себя на коне. – Зато теперь мы знаем дорогу к темнице Пожирателя Душ!

– Ладно, пошли, да быстрее! – сурово приказал Конан. – Тотоакр видел, как мы деремся, и наверняка сделал выводы. Порази меня Кром, если он не приведет сюда целую армию колдунов! Поспешим же!

Наскоро собрав пожитки, главными среди которых были волшебное Сердце Аримана и жестяной кувшин с заколдованным телом Зенобии, трое отважных путешественников бодро зашагали в сторону руин Птейона проклятого.

Глава IX

«Пожиратель Душ против Неподвластного Богам»

Вот дом, о котором говорил мертвый жрец Сета! – сказал Конан, когда он и его спутники приблизились к мрачному сооружению из черных каменных плит, больше похожему на жертвенник, чем на жилое здание. Действительно, единственным украшением «дома» был огромный семиконечный знак – знак Сета, – перечеркнутый копьем с головой змеи вместо наконечника.

В течение всего путешествия сквозь развалины Птейона киммериец держал наготове обнаженный меч.

Зоркие глаза и чуткие уши Хадрата следили за каждым шорохом. Даже многоопытный Пелиас молча передвигался по зловещему городу. И эти опасения были не напрасны: люди знали – из-за каждого угла птейонских развалин на них – без предупреждения – мог напасть голодный клыкастый демон или бестелесный призрак давно умершего мага, кои водились здесь в избытке…

Конан со всей силой навалился на каменную плиту, обозначавшую вход, и дверь отошла, обнажив черноту, в которую смельчакам предстояло вступить.

Пелиас извлек из плаща тонкую палочку, трижды щелкнул пальцами у одного из ее концов, и палочка зажглась ярким белым светом.

– Вот, возьми! – сказал волшебник, передавая палочку Конану. – Это заменит нам факел.

Король осторожно принял фонарь. Общаясь с Пелиасом, варвар постоянно открывал для себя что-то новое. На сей раз его поразило, как палочка, испуская столь яркий свет, совсем не жгла руку. Впрочем, киммериец никогда не отличался особым желанием во всем докапываться до сути. Вот и теперь: светит – и ладно!

Внутри помещение не было большим. Слой пыли, покрывающий все и вся в этом «доме», явственно свидетельствовал, что его не посещали веками, если не тысячелетиями. Да и само наличие пыли в наглухо запечатанном здании-склепе выдавало присутствие чего-то магического, зловещего.

– Аманар не ходил здесь, – отметил Пелиас. Новое наблюдение заставило людей задуматься: куда-то приведет их это путешествие? Но страха не было в их отважных сердцах, и они смело продвигались к своей цели там, где щемящий, безотчетный ужас погонит прочь и демона.

Дверь со змеем и ястребом появилась неожиданно, словно вынырнув из объятий Мрака. Дверь была так же стара, как и все в этом проклятом богами городе, но крепость ее не вызывала сомнений. Конан взялся было за дверную ручку, но тотчас отдернулся: ему показалось, будто дверь – или змея, изображенная на ней? – зашипела.

– Дверь заколдована! – догадался Хадрат.

Достав из сумки Сердце Аримана, Пелиас приблизил алый камень к рисунку на двери. В свете волшебного камня Конану показалось, что змея кивнула Сердцу.

– Теперь открой дверь, – сказал волшебник.

Конан дернул за ручку, но усилие его было излишним: стальная дверь открылась легко и

быстро. За нею виднелся пробитый в скальных породах ход, круто уходящий вниз. На счастье людей, в полу коридора неизвестная рука выдолбила ступеньки. Осторожно, стараясь не нарушить шагами обманчивую тишину подземелья, смельчаки стали спускаться: сначала Конан, за ним Пелиас, Хадрат же замыкал шествие.

Шли они долго, и волшебный фонарь Пелиаса, закрепленный в пышной гриве Конана, освещал им дорогу. Казалось, спуску не будет конца. Даже киммериец, с его обостренными, как у дикого зверя, чувствами, не мог определить, в каких направлениях петлял подземный ход.

– Это дорога в ад, клянусь Асурой! – прошептал Хадрат, но чародей сделал ему знак: молчи!

…Страж пещеры напал внезапно. Это был трехголовый змей, не очень большой, – Конан видел ползучих тварей и покрупнее, – но и не слишком маленький, чтобы не внушать страх любому, кто осмелится потревожить темницу злейшего врага Сета. Без сомнения, змей был ядовит: мутная желтоватая жидкость стекала с острых клыков, что имелись на каждой из трех голов. Пелиас, шедший сзади по узкому коридору, и тем более Хадрат не могли помочь Конану. Киммериец понял, что быстрота – единственный его союзник. И еще – свет, ибо трехглавый демон, привыкший к тьме, был явно ослеплен волшебным светом, сиявшим из волос человека. Свет и Мрак – в прямом смысле – сошлись в этой битве.

В первом броске змей промахнулся, и ядовитые клыки лязгнули в пустоте. Но Конан не упустил свой шанс, и в тот же миг первая голова змея покатилась по каменной лестнице. Змей напал снова – Конан едва успел увернуться от его клыков. Отскочив, король ударил сзади – вторая голова демона глухо стукнулась о древний камень. Змей ударил человека хвостом, и тот, поскользнувшись, растянулся на крутых ступеньках. Третья голова неумолимо приближалась – то была смерть. И здесь на помощь неожиданно пришел Хадрат; странным звуком, похожим на свист смертельно раненной кобры, он на полсекунды отвлек внимание змея. Этого мгновения хватило Конану, чтобы, подтянув меч, из лежачего положения срубить змею последнюю голову. Путь к Пожирателю Душ был свободен.

Подземный коридор закончился, плавно перейдя в большую пещеру. Гигантские сосульки, свисавшие с потолка пещеры, освещали ее тусклым фосфоресцирующим светом. В глубине пещеры, в природной – природной ли? – нише возвышался алтарь; на его мраморном монолите лежал невиданных размеров золотой змей. Голова змея напоминала череп, вокруг его черепа обвивались щупальца – всего их было двенадцать, – и каждое из них в длину и толщину превосходило тело человека, даже такого крупного, как Конан. Хорошо видны были только череповидная голова и ужасные щупальца; тело его и хвост змея терялись во тьме за алтарем. Змей спал.

Увидев змея, отважные люди невольно содрогнулись. Даже Конан, единственный впрочем, была еще девушка – Велита, кто видел этого змея раньше, четверть века назад, и остался жив. И хотя змей спал, то был воплощенный Ужас, Смерть в своем самом отвратительном виде.

Взирая на страшного змея, люди не призывали своих богов, ибо знали: здесь, в этой пещере, их боги были бессильны. Здесь было царство золотого черепа, и ни один демон, не говоря ух о смертных, не отваживался спуститься в этот спящий ад. Они были первыми.

– И ты хочешь разбудить это? – заплетающимся языком спросил Хадрат, Пелиас не ответил. Знаком он пригласил спутников следовать за ним. Прижавшись к скользкой стене,

люди приблизились к спящему змею на расстояние примерно в десять шагов. Волшебник взял у Конана Сердце Аримана; руки Пелиаса были мертвенно холодны.

– Не могу поверить, что мы делаем это, – тихо сказал Конан.

Пелиас остановился, задумавшись. Трое смельчаков, не отрывая глаз, взирали на спящего демона. Каким он будет, когда проснется? Сможет ли удержать золотого змея Сердце Аримана? Сработает ли вообще их дерзкий план?… Но отступать было поздно. Пелиас решительно поднял Сердце над своей грудью и начал нараспев читать заклинания:

– О великий Морат-Аминэ! Пожиратель Душ, чье третье имя – Смерть! Проснись для земной жизни! Очнись от заклятого сна! Призываю тебя в мир людей!

Ослепительный алый луч связал волшебный камень с золотым черепом. Раздался оглушительно-высокий, пронзительный свист, словно это сон выходил из демона. Медленно – эти мгновения показались людям часами – змей открыл глаза. Огромные красные фонари уставились на смельчаков.

Холодный пот покрыл тела людей. Конан чувствовал, как леденящий душу взгляд проникает в его сознание, в каждую клетку его Я. Взгляд золотого демона сковывал волю, отнимал у людей способность мыслить и действовать.

– Сердце! – борясь со всепроникающим взглядом демона, выдохнул Пелиас. Собрав всю свою волю, люди положили руки на алый камень. Взгляд змея потух.

– Зачем вы разбудили меня? – пробуравил мозги людей свистящий голос.

Неимоверных усилий стоило людям сдерживать первобытный страх. Стараясь говорить уверенно, Пелиас обратился к золотому змею:

– О великий Морат-Аминэ! Ты вернулся в этот мир, чтобы править им! Мы, верные слуги твои, пробудили тебя от проклятого сна, чтобы принял ты власть над силами Тьмы!

– Ты лжешь, смертный! – просвистел голос. – Я вижу ваши души насквозь! В мозгу вашем читаю я страстное желание уничтожить с моей помощью маленького человечка, возомнившего себя богом… Но ты ошибаешься, смертный! И эта ошибка будет стоить тебе и твоим друзьям самого дорогого, что у вас есть, – не жизни, но души!

И золотое щупальце, медленно, словно в глубоком сне, выпрямляясь, направилось в сторону людей.

– Ты не можешь убить вас, Пожиратель Душ! – отчаянным фальцетом воскликнул Пелиас. – Нас защищает сила Сердца Аримана!

– Жалкие, тупые создания, – прошипел в мозгу насмешливый голос. – Вы не сможете стоять здесь вечно! Скоро ваши руки, прильнувшие к Сердцу, устанут, и души ваши будут первыми, взятыми мною в жертву по возвращении в этот мир…

– О великий Морат-Аминэ! – пропел волшебник. – Мы, червяки, ничтожны перед тобой, владыкой Мрака! Осмелились мы предстать пред твоими очами, чтобы принести своему богу – тебе, Морат-Аминэ, – в жертву не наши жалкие души, но того, кого полмира называет Великой Душой! Приходилось ли тебе, о Пожиратель Душ, принимать в жертву не человека, но бога?! Такую жертву мы приготовили для тебя, чтобы ты стал сильнее. Когда съешь ты эту душу, никто и ничто не сможет противостоять тебе, и тогда Сет, а не ты, будет заперт во мраке этого подземелья! Позволь же нам, владыка…

Пелиас не успел договорить. Громкий шум заставил Конана и его друзей, держа в поле зрения золотого змея, обернуться. У входа в пещеру остановилась толпа смуглых людей в белых хитонах. Яростью и огнем мести пылали их глаза. Взоры стигийцев были обращены к

тройке смельчаков; золотой череп они не видели.

– Это они, предатели Сета и убийцы наших братьев! – раздался из толпы визгливый голос Тотоакра. – Они дерзнули явиться сюда, чтобы разбудить Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух! Этому не бывать никогда – смерть безумцам!

Сотня глоток, подхватила вопль Тотоакра. Разъяренные стигийцы готовы были броситься на смельчаков и безжалостно растерзать их. И тут из темноты навстречу толпе выплыл золотой череп чудовищного змея.

– Вы опоздали, рабы моего врага! – шипящий голос разрывал разум. – Ваши черные души сделают меня сильнее… с религиозным шоком, вырвался из глоток стигийцев. Этот вопль перерос в стон, глухой, тоскливый, бесконечно долго тянущийся стой, когда гигантские щупальца стали быстрее молний бить по белым шеренгам. Десятки людей стали безумными в одну секунду. Оцепенев от ужаса, они падали ниц, не в силах противостоять неминуемой участи, и ждали смерти, страшнее которой не было на свете. Колдуны Черного Круга и посвященные жрецы Сета вмиг забыли о своей силе. В любой другой ситуации они, не страшась и не задумываясь, использовали бы ее, свою черную силу, но сейчас. Сейчас перед ними был воплощенный Ужас их веры, и ему они противостоять не могли. Те из жрецов, кто каким-то чудом сохранил остатки воли, повинуясь инстинкту, в панике бросились обратно, вверх по каменной лестнице. Но золотые щупальца, удивительным образом удлиняясь, доставали многих и там. Камни мрачной пещеры дрожали от тоскливого утробного крика несчастных. Стон одного, чья душа уже исчезла в бездонной пасти змея, передавался по эстафете другому, сливаясь в один бесконечный, не имеющий аналогов вой. Лишенные душ, тела медленно оседали на камни пещеры – так валится наземь плод высохшего винограда или мокрая, использованная тряпка. А Морат-Аминэ не знал усталости; напротив, каждая новая душа укрепляла его силу, и «мокрые тряпки» продолжали сыпаться на дно подземной пещеры каждую секунду…

Конан, Пелиас и Хадрат стояли в стороне, и их взгляд был намертво прикован к беспримерной бойне. Ни змей, ни тем более его жертвы не обращали на них внимания. Они были в безопасности, хотя в нескольких шагах от них пульсировало само Сердце Ада. • И вот все было кончено. Последний стон медленно угасал среди равнодушных камней подземного склепа.

– Это слишком жестоко даже для них, – взгляд Конана скользнул по белым тряпкам, которыми было устлано дно пещеры.

– Друзья, смотрите, сила Сердца слабеет… – дрожащим голосом произнес Пелиас. И действительно, алый свет волшебного камня как-то потускнел, сжался. Напротив, золотое свечение вокруг черепа Пожирателя Душ все более усиливалось. Светящийся лоб вместе с золотыми щупальцами создавал иллюзию Солнца, зажженного во мраке этого подземелья. Но то было солнце, не дающее жизнь, а отнимающее ее…

Когда стих последний стон, Морат-Аминэ, будто вспомнив о чем-то, степенно повернул череп к Конану и его товарищам. Золотой свет, исходивший от него, залил людей, почти погасив волшебный камень в их руках. Змей с интересом разглядывал тех, кто не побоялся пробудить его от заклятого сна.

Конан прикидывал, сколько щупалец чудовищного змея успеет перерубить его меч, пока душа не скроется в пасти Пожирателя. Увы, это уже не имело никакого значения. Выдерживая проникающий взгляд золотого демона, Конан прошептал;

– Держитесь, друзья! Не отводите глаза – умрем достойно…

– Прощай и ты, мой благородный друг! – выдохнул Пелиас, отнимая руку от ставшего бесполезным алого камня и сжимая ею запястье короля. И только Хадрат ничего не сказал, а только зачарованно взирал на золотое сияние своей смерти…

Но змей не собирался нападать.

– Я доволен жертвами, которые вы принесли своему богу, люди, – просвистел в мозгу голос Мората-Аминэ. – Души рабов моего врага укрепили меня. Теперь я достаточно силен, чтобы продолжить борьбу за престол Князя Тьмы. Вы трое будете моими жрецами. Когда силы Мрака покорятся мне, вы получите власть, о которой смертные не могут даже и мечтать. Вы будете приводить ко мне стигийцев, чтобы я был сыт…

Ход мыслей Пожирателя Душ заставил киммерийца впервые в жизни пожалеть стигийских собак… Они вполне заслуживали удара крепкой стали, но не ТАКОГО!

– О владыка мира, великий Морат-Аминэ! – проникновенно пропел Пелиас. – Мы рады, что ты убедился в преданности твоих слуг! Наши ничтожные сердца переполняются гордостью от твоей грядущей (обеды! Греться в лучах твоего могущества у подножия она нового Князя Тьмы – величайшая честь для нас позволь же мне, рабу твоему, обратить мой жалкий разум во славу и мощь твою!

– Говори! – приказал золотой демон.

– О Пожиратель Душ! Подумай: пристало ли тебе, владыке, сражаться с низшими тварями адовыми, в безумном ослеплении своем лижущими чешую врага твое-1-о? И хотя победа твоя вызывает сомнение только лишь у сумасшедших, подумай: не лучше ли было бы, если бы Создания Тьмы без борьбы склонились бы перед тобой, новым Князем Тьмы?!

– Ты смеешься надо мной, смертный? – прошипел Морат-Аминэ. – Сет никогда добровольно не отдаст мне своих слуг!

Но Пелиас продолжал свою опасную игру:

– О нет, владыка Ночи! Не о том забочусь я. Скажи, если бы твари адовы увидели, насколько ты сильнее Сета и себя самого прежнего, разве не оставили бы они врага твоего подыхать во мраке преисподней?!

– О чем ты говоришь, человек? – просвистел демон, но видно было, что размышления волшебника весьма заинтересовали его.

– Я предлагаю тебе, Пожиратель Душ, в жертву душу бога! – торжественно заявил Пелиас. – Овладев ею, ты, и только ты, Морат-Аминэ, станешь сильнее всех, и создания Тьмы, увидев, как легко проглатываешь ты душу бога, стремглав побегут лизать твою золотую чешую, и без борьбы, о победитель мира, ты вознесен будешь на престол Ночи!

Воцарилась тишина. Золотой демон обдумывал необычное предложение своего нового жреца. От решения Мората-Аминэ зависело, удастся ли дерзкий план Пелиаса или в лучшем случае они уйдут отсюда ни с • чем, освободив лишь это страшное исчадие ада…

– Я приму от тебя эту жертву! – сказал наконец золотой череп. – Когда же ты преподнесешь мне душу бога?

Стараясь скрыть нахлынувшую радость, Пешню пропел;

– Сейчас же! Мой помощник заманит бога Великую Душу в твое чрево, и тебе, о владыка, останется только принять нашу жертву.

Золотой череп кивнул.

– Но, – продолжал Пелиас, – этот призрачный бог дьявольски осторожен, и, завиден владыку Ночи, он немедля попытается скрыться. Поэтому прошу тебя, о великий Морат-Аминэ, затаись во мраке и напади на призрачного бога, когда тот возникнет перед тобой!

– Я сделаю так, как ты просишь! – согласился Морат-Аминэ. – И если не обманешь, я достойно вознагражу тебя: в царстве Тьмы ты станешь моим визирем, и твари преисподней будут внимать одному лишь шевелению твоих век!

«Как хорошо, что Пелиас на нашей стороне, – подумал Конан. – Будь на его месте любой другой чернокнижник, он, забери меня дьявол, вряд ли устоял бы перед столь заманчивым предложением!»

Пелиас низко склоняв голову, так что она легла на его впалую грудь. Он был сама покорность.

– Начинай же! – повелел змей и, издав торжествующий свист, исчез во мраке черного алтаря.

Волшебник сделал знак Конану, и тот заговорил:

– Эй, ты, Тез и ас, ничтожнейший из богов! Я зову тебя, чтобы посмеяться над твоим уродством! Ты, рассыпающийся в прах от дыхания младенца! Ты, пропивший свое тело! Ты, переспавший с дряхлой ведьмой, выпившей из тебя все соки! Ты, боящийся тени таракана! Ты, облизывающий внутренности демонов! Ты, питающийся мочой шакала! Ты, кого поганая шлюха в припадке безумия назвала Великой Душой! Ты…

И хотя запас оскорблений в лексиконе Конана был почти неисчерпаем, в душу его незваным гостем стал закрадываться страх. А если Тез нас не услышит его? Если заподозрит ловушку? Если, наконец, золотой демон устанет ждать? Проклятые вопросы буравили его мозг, но глотка киммерийца как ни в чем не бывало продолжала сыпать проклятиями.

И опасная игра увенчалась успехом! Прямо перед людьми в тусклом свете сосулек появился фантом. Его призрачное лицо было перекошено от гнева; неудивительно – брань Конана способна была пробудить и мертвеца!

Фантом простер призрачные руки к Конану, собираясь напустить на него свои чары. Но… Но не этому суждено было случиться. Из мрака, словно молнии, выросли шесть золотых щупалец и устремилась к телу Тезиаса.

Мертвенную тишину разрезал пронзительный визг. То кричал фантом, и в этом визге смешались изумление и страх Великой Души. И, несомненно, визг Тезиаса перерос бы в тоскливый утробный стон, уже слышанный троими смельчаками из уст несчастных стигийцев, бы… Если бы золотые щупальца, сомкнувшись вокруг фантома, не задержались на мгновение, ощутив перед собой вместо привычной твердой плоти пустоту. Морату-Аминэ нужна была секунда, что бы понять, КАКУЮ жертву ему преподнесли. И этого секундного замешательства демона хватило Тезиасу, что бы, проскользнув мимо сомкнувшихся щупальцев, рваться из смертельных объятий Пожирателя Душ. Но и Морат-Аминэ не желал отпускать свою добычу. Справившись с замешательством, змей молниеносно бросился вослед фантому. Тот стремительно прошел сквозь камни – наружу. Золотой череп исказила гримаса неописуемого бешенства – как его жертва уходит?! Такого не случалось никогда! Змей с силой ударил огромным хвостом по полу пещеры, так что люди попадала на камни, стараясь одновременно уклониться от града летящих с потолка огромных сосулек. Из-под хвоста змея рассыпались золотые звезды, и могучий свод исчез! Над головами блестело голубое небо. Издав победоносный свист, гигантский змей взмыл в воздух, его длинное

туловище еще какое-то время стремительно уносилось из мрака пещеры. Сметая ударами могучего хвоста развалины Птейона, золотой демон преследовал фантома. Тогда фантом поднялся в небо – и змей последовал за ним. Удивительно, как Морату-Аминэ удавалось парить в пространстве – ведь у него не было крыльев! Но Зло, воплощением которого он отныне являлся в этом мире, придало ему особую мощь, и он летел, все более приближаясь к своей жертве…

Тезиас победителем несся над новыми владениями, когда в случайном информационном потоке услышал брань киммерийца. Возможно, в другой раз он только посмеялся бы над жалкими потугами незадачливого варвара задеть его за живое. Но в этот день он покорил три царства и чувствовал себя всемогущим. Невозможно было допустить, чтобы кто-то позволял себе оскорбления в адрес великого бога! Выяснив источник информационного потока, фантом направился в сторону Птейона Проклятого.

Нет, он вовсе не стремился лишать жизни забавного киммерийца. Он, Великая Душа, просто избавит варвара от его силы, уподобив могучего Конана Аквилонского ничтожному королю Тараску. Полный этих гуманных замыслов, и оказался фантом в пещере Пожирателя Душ.

…Смысл того, что произошло впоследствии, не успел проникнуть в его сознание. Да, им безраздельно овладели изумление и страх. Он так и погиб бы, не поняв, что же, собственно, случилось. Но щупальца, схватившие его, замешкались, и он вырвался. Лишь взмыв над мертвым городом, он осознал, КТО преследует его. И он бежал.

Скорее всего он сумел бы остановить золотого змея каким-либо заклинанием из числа тех, что в избытке получил от Стража Земли. Сила Великой Души была огромна, и он мог бы потягаться с Моратом-Аминэ. Но он знал: стоит только сосредоточиться на чем-то ином, кроме бегства, чуть-чуть замедлить бег – и Пожиратель Душ настигнет его. Бежать, бежать, бежать – стучало в мозгу фантома. И он бежал – в бегстве было его единственное спасение.

А змей не отставал. Его огромное тело, раскинувшись в небе почти на полмили, с оглушительным свистом рассекало воздух. Люди, имевшие несчастье поднять глаза на небо в поисках источника свиста, в ужасе падали ниц, закрывая лицо руками. Отражая и усиливая солнечные лучи, золотое тело змея заливало землю ослепительным светом. В этот день многие стали безумными…

Беспримерная погоня продолжалась. Тезиас ослабевал, а остановиться, чтобы перекусить спасительной энергией Космоса, было самоубийственно. Какая смерть ждет его, если его настигнет чудовищный змей, холодел даже разум. Змей же, казалось, не уставал – какие силы Мрака питали его?! Наоборот, Тезиасу стало чудиться, что змей видит его, Тезиаса, усталость, и близость жертвы придает ему новые силы.

К пирамиде! Эта мысль пробуравила разум Тезиаса, вселив робкую надежду на спасение. Да, конечно, пирамида убьет это создание Тьмы, как только погоня приблизится к ее застывшему миру! И Великая Душа бежала сквозь пространство – к пирамиде. Но было еще слишком далеко – внизу проносились горы Иранистана. А смертельный свист раздавался все ближе и ближе, и довольное шипение демона уже проникало в мозг. Нет, он не успеет!

Тезиас не хотел умирать. Особенно сейчас, когда он достиг большего, чем любой смертный за всю историю. И особенно ТАК! Возможно, он сделал немало "зла этому миру, но участи, с шипением змея вползавшей в его разум, он наверняка не заслужил! Может быть,

то была месть богов, которых он презрел, возвысившись над ними?! Но сейчас об этом думать было некогда – и он, обессиленный, бежал дальше на юго-восток. Потом, когда он спасется, будет время подумать над философским смыслом своего существования. Если спасется…

Змей неумолимо приближался. Гигантские золотые щупальца, удлиняясь, пытались достать его – и это им почти удавалось. Вот еще минута – и Морат-Аминэ вплотную приблизится к своей жертве. Еще мгновение – и Великая Душа навеки исчезнет в адских объятиях золотого демона…

…Громкий звук, похожий на хлопок, не сразу был услышан убегающим богом. Он уже отсчитывал последние секунды своей жизни, когда вдруг ощутил, что оглушительный свист позади прекратился, а золотое сияние щупальцев больше не окутывает его. Собрав всю волю, он обернулся.

Золотого змея не было. Позади слабо мерцала, играя миллионами цветов, волшебная радуга. Омерзительный запах горящей гнили заставил Тезиаса посмотреть вниз. Охваченные холодным голубым пламенем, на землю падали мельчайшие кусочки плоти Того-Чье-Имя-Нельзя-Было-Произносить-Вслух,

Когда фантом и его преследователь скрылись за горизонтом, Пелиас стремительно распахнул волшебное зеркало Лазбекри.

– Покажи Мората-Аминэ, Пожирателя Душ! – приказал маг.

И люди увидели блистательную погоню. Наблюдая, как змей настигает Тезиаса, они не думали, что будет потом – потом, когда, подкрепившись душою бога, золотой демон вступит в правление этим миром. Пока же они присутствовали при гибели своего врага – и об ином не переживали.

И они видели, как тончайшие, не дающие света, голубые лучи, внезапно разлившиеся отовсюду из пространства, поразили могучее тело Мората-Аминэ. Змей взорвался.

– Зеркало, покажи Мората-Аминэ, – машинально произнес Конан. Волшебное зеркало повиновалось, и люди увидели останки великого змея.

Увидели они также, как минуту спустя воздел фантом призрачные руки к небу и как полилась, насыщая его тело божественной силой, космическая энергия…

Пелиас с мрачной торжественностью запахнул зеркало.

– Не отчаивайтесь, друзья! – обреченно-решительно произнес старый волшебник. – Разыщите Хъяхъю, и да помогут вам бога…

– А ты, Пелиас? – почуяв недоброе в тоне волшебника, грозно спросил Конан.

– А я останусь здесь. Мое время кончилось. Время закончить жизнь среди руин Птейона Проклятого.

– Брось, чародей! Рано сдаваться! Мы обязательно одолеем Тезиаса!

– Да, Пелиас, не унывай! – поддержал Конана Хадрат. – Ты еще очень нужен нам!

– В самом деле, асуриец? – Пелиас печально усмехнулся.

– Но почему же, дьявол тебя побери, решил ты, карлик умертвит одного лишь тебя?! Мы вместе, я и Хадрат – освободили Пожирателя Душ! [1] – так даже больше виноват, я заманил Тезиаса в ловушку.

– Нет, Конан, ты не понимаешь, – устало поморщился Пелиас. – Я хорошо знаю Тезиаса – в его глазах именно я источник его унижения. Дважды он уже откладывал месть – когда я пытался отравить его и когда запер в его же собственной пещере. Сегодня он не будет

медлить, и я его вполне понимаю – сам поступил бы так же…

– Мне противно, когда ты такой, Пелиас! – презрительно сплюнул Конан. – Я не собираюсь смиренно наблюдать, как какая-то мразь убивает моего друга! У нас есть Сердце Аримана!

– И в моих руках оно остановит Тезиаса, как оставило когда-то Ксальтотуна, – добавил Хадрат. Но волшебник был неумолим:

– Оставьте меня, друзья, и не мешкайте! Вас ждет…

– Вас ждет смерть! – закончил за Пелиаса фантом, – тебя, заклинатель демонов, – первого!

– Мы не боимся тебя, падаль! – И Конан, обнажив меч, с ревом бросился на фантома. В огне захлестнувших киммерийца чувств он забыл, что сталь бессильна против призрачного бога.

– Остынь, варвар! – равнодушно бросил Тезиас, и Конан ощутил на своем теле незримые оковы, Которые ему не было дано преодолеть.

– Ты забыл про это! – выступил вперед Хадрат, удерживая на вытянутых руках алое Сердце Аримана.

– Продай эту безделушку на шадизарском аукционе – возможно, тебе дадут за нее пару медяков, – столь же равнодушно заметил фантом, и Хадрат, так же как и Конан, был пригвожден к камням невидимыми путами.

– Итак, друзья, – сказал, раскачиваясь в воздухе, Тезиас. – Вы не умеете проигрывать!

– Ты умрешь, змей! – выдохнул Конан, тщетно стараясь стоять прямо под тяжестью призрачных цепей.

– Не перебивай меня, король дураков! Тобой и твоей асурийской собакой я займусь позже, пока же отплачу за все дорогому учителю, – с этими словами фантом заключил в незримую темницу и Пелиаса. – Так вот, друзья, вы проиграли! Но как же низко вы пали, стараясь досадить мне! Кто бы мог подумать: Конан, борец со злом, освобождает Пожирателя Душ! Скажи твоим аквилонцам – ведь не поверят же! Впрочем, им сейчас не до тебя…

Конан решил не удостаивать фантома ответом. Пусть себе развлекается – он выдержит любые насмешки.

– Я докажу вам, друзья, как глубоко вы во мне ошибались. Я гораздо туманнее вас. И добрее. Вы хотели скормить мою Великую Душу Пожирателю – и сами себя наказали! Ты ведь слишком стар, дорогой учитель, не так ли? Как считаешь – не пора ли тебе предстать перед Иштар? В твоем возрасте вполне естественно умереть от старости. И никто не скажет, что я поступил с тобой неблагородно. Ты готов?

Пелиас кивнул, добавив:

– Не сомневаюсь: ты ненадолго переживешь меня, Тезиас!

– Ты, как всегда, прав, дорогой учитель! – ехидно расхохотался фантом. – А ты чего как воды в рот набрал, киммериец? Решил не разговаривать со мной? Ну какой же ты обидчивый! Неужели спокойно будешь наблюдать, как умирает друг? А ведь ты, и только ты, можешь спасти его!

– Как? – вырвалось у Конана.

– а очень просто. Мы заключаем сделку. Ты клянешься мне в верности – я знаю, у вас, у варваров, клятва свята! – а я, так и быть, продлеваю жизнь этому несносному волшебнику. На свете осталось не так много хороших чародеев, чтобы Великая Душа позволял себе

жертвовать столь редкостным экземпляром.

– Я не поклонюсь тебе, падаль!

– Ну как хочешь. Кром свидетель – ты предал друга. Итак, Пелиас, на счет три ты предстанешь перед Иштар. Раз, два…

– Нет, проклятый, остановись! Я выполню твое условие.

– Но, Конан… – начал ошеломленный Пелиас. – Я делаю это ради нашей дружбы, Пелиас! – Нет, Конан, он обманет тебя!

– Как трогательно! – ехидничал Тезиас. – Я рад, что ты смирил гордыню, сын киммерийских гор! Оставь свои подозрения, учитель, – боги не обманывают! Тотчас же отправляемся в Таранило!

– Я поклонюсь тебе здесь, – отрезал Конан.

– Нет, дорогой вассал, не здесь – в Тарантии. Прилюдно! Все должны видеть, что Конан Аквилонский, как, впрочем, и остальные владыки, преклоняет колена пред новым богом! А как ты думал – неужто бог поверит клятве, которую, кроме него и твоих дружков, услышат лишь эти мертвые стены?! И потом, подумай: сколько невинных жизней сохранишь ты своим прилюдным покаянием! Гордецы всего мира, узнав о великой клятве аквилонского льва, поймут: им не на что больше рассчитывать – Великая Душа будет править повсюду! Или ты боишься, что твои подданные променяют тебя на мешок золота? Не бойся – я все улажу!

– Я не продам честь даже за жизнь друга! – твердо ответил король.

– Горжусь тобой, Конан! – высоко подняв голову, кликнул Пелиас.

– Ну как хочешь… – демонстрируя свое разочарование, протянул фантом. – Моя совесть чиста – я предлагал. Такты не передумаешь?

– Нет!

– Когда Иштар спросит тебя, Пелиас, кто виновен в твоей смерти, отвечай не раздумывая: Конан из Киммерии! Раз, два, три!

…Старый волшебник медленно осел на серые камни.

– Ты заплатишь за это, клянусь Кромом! – проревел Конан.

– Это ты убил его, киммериец! – злобно прошипел Тезиас. Его напускную веселость как рукой сняло. – Но довольно о нем – он уже в прошлом. Поговорим о живых. Бог не будет мараться о вас! Я улетаю – меня ждут новые царства. Оставляю вас в живых только лишь ради любопытства – на что способны варвар и его асурийская собака без помощи колдуна. До скорой встречи.

С этими словами фантом взмыл в небо Птейона и был таков. Невидимые путы, связывавшие Конана и Хадрата, спали.

– Он сохранил нам жизнь, – озадаченно пробор* мотал жрец Асуры.

– Клянусь Кромом, негодяй мог убить нас и не сделал этого! Я докажу, что это была решающая ошибка в его презренной жизни!… Что с Пелиасом?

– Он мертв! – буркнул Хадрат, осмотрев тело волшебника.

– Проклятие! Ты сможешь оживить его? Я своими глазами видел, как стигийский жрец воскресил с помощью Сердца Аримана мумию, пролежавшую в саркофаге три тысячи лет!

Асуриец густо покраснел.

– Прости, господин, – печально ответил он. – Чтобы оживить человека, одного лишь Сердца недостаточно – нужно знать еще заклинания Скелоса.

– И ты не знаешь их?

– Прости, господин, – сумрачно повторил Хадрат. – Но я могу сделать так, чтобы тело

Пелиаса осталось в неприкосновенности сколь угодно долгое время. Это даже лучше, чем мумия. Через час, через неделю, через год и так далее Пелиас будет выглядеть так, будто умер минуту назад. Знание Асуры учит нас этому.

– Жаль, что оно не учит воскрешать мертвых, Хадрат! А вот Пелиас умел делать это! Эх, если б он мог воскресить сам себя…

Жрец сокрушенно развел руками.

– Послушай меня, господин! Я сохраню тело Пелиаса, и мы оставим его здесь. Потом, когда я научусь заклинаниям Скелоса, мы обязательно вернемся и явим волшебника!

– Хорошо, Хадрат. Будь по-твоему. Кстати, отчего умер?

– Проклятый карлик сдержал слово! – мрачно усмехнулся Хадрат. – Пелиас умер от старости. У него довилось сердце. Случится чудо, если он еще будет

– Ничего, я еще доберусь до тебя! – и огромный Конана пригрозил голубому небу.

Случай, едва не стоивший жизни его Великой Душе, не выходил у Тезиас а из головы. Фантом давно уже перестал проклинать Пелиаса и его подручных. Нет, в происшедшем он винил только себя. Как мог он, называющий себя богом, поддаться на дурацкую брань киммерийца?! Кто тащил его в проклятую пещеру?! Никто – он сам попался в ловушку, за что и поплатится.

Оказалось, тройка отважных глупцов еще умеет показывать зубки. Тезиас расхохотался. Верно, он их «пень достал, если эти негодяи не нашли ничего лучшего, чем разбудить от заклятого сна Пожирателя Душ! Тем самым, кстати, они выложили последний козырь. Теперь же за душой у изгнанников никого нет, особенно после смерти чародея.

Смерть… Он, Тезиас, сам едва избежал смерти. Почему Страж Земли спас его? В том, что спасителем был именно Страж, он нисколько не сомневался. Больше некому – под этим солнцем у Великой Души не было Друзей, да и никто другой не смог бы. Золотой змей был ужасен, и Страж доказал свою силу, поразив Пожирателя Душ с легкостью, с какой огонь поражает трухлявый хворост.

Почему Страж спас один «туземный разум» от другого? Тот, кто никому не помогает, помог Тезиасу избежать верной смерти! Зачем? Тезиас не находил ответа. Логика Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде была непостижима для Великой Души, но каким-то шестым чувством он ощутил в действиях Стража особый, зловещий для него, Тезиаса, смысл.

Глава X

«Хьяхья»

День клонился к закату. Заходящее солнце, волнистой рябью золотило воды могучего Стикса. На берегу реки в задумчивости застыли два человека, чужие в этой бескрайней и пустынной стране духов. Злая судьба погнала их навстречу новым испытаниям, и сейчас они мучительно всматривались в черную толщу вод. Спрятав тело волшебника в старом саркофаге, они покинули Птейон Проклятый, чтобы найти Хьяхью, который, по словам Сета, Князя Тьмы, единственный на этом свете знает, как одолеть Великую Душу. На этого Хьяхью, кем бы он ни был, и возлагали люди последнюю надежду…

Широкая река тихо и размеренно несла свои воды вослед уходящему солнцу. Но кажущееся спокойствие древнего Стикса не могло обмануть людей. Вряд ли жрец Тотоакр врал, когда рассказывал о чудовищах, бороздящих по ночам эти темные воды. Нужно было торопиться.

Оставшись в одной только набедренной повязке, киммериец пожал руку Хадрату.

– Пожелай мне удачи, жрец! Разрази меня Кром, если я вернусь без надежды! Ты же оставайся здесь, на берегу, – тебе, Хадрат, доверяю я самое ценное, что у меня есть, – Зенобию!

– Будь спокоен, король Аквилонии! Умру, но сохраню сей драгоценный кувшин! – прочувственно ответствовал бледный жрец. – С нетерпением буду ждать тебя, не задерживайся. Но почему же ты не берешь с собой меч?

– Да что-то подводить он меня начал; что это за 1еч, если он не может пустить кровь какому-то карлику, – мрачно пошутил Конан. – И потом, в воде он будет больше обузой, чем оружием! Я беру лишь добрый стигийский кинжал и этот камень, Сердце Аримана.

– Удачи тебе! – воскликнул Хадрат. Конан разбежался, прыгнул, и его могучее тело с лом погрузилось в студеные воды Стикса. Проводив короля взглядом, Хадрат устало присел на берегу. Ему оставалось только ждать.

…Конан не представлял, куда именно следует. Ориентир, выданный Сетом, – «мрачная пещера, что скрыта водами Стикса», – ни о чем не говорил, этой проклятой богами стране все велюры были мрачными, и никому не ведомо, сколько их скрывает река. Никаких указателей на берегу, естественно, не было. Но инстинкт подсказывал варвару: он на верном пути. Повинуясь инстинкту, он все глубже и опускался в эти темные воды, пока не коснулся дна.

Абсолютный мрак был истинным повелителем это подводного мира. Конан шел по илистому дну, и его глаза постепенно привыкали к темноте. Внезапно он почувствовал какое-то движение за своею спиной привычно потянулась к кинжалу, но Конан сдержал себя. Ясно было: неизвестное существо живет в этом мраке, это его мир. Киммериец же не видел чудо, не знал его размеров, повадок, возможностей. Сражаться вслепую, да еще в воде, было самоубийственно. К тому же его смерть будет означать крушение всех надежд одолеть призрачного бога…

Конану потребовалось мгновение, чтобы оценить ситуацию. Он бесшумно повалился на

спину и вжался в ледяной песок. Ни один мускул не дрогнул на его могучем теле. Человек замер, затаив дыхание. $ Между тем неведомое существо прошелестело мимо, задев Конана чем-то скользким и холодным – Крылом ли? хвостом? плавником? щупальцем? Конан этого не знал. Нечеловеческих усилий стоило ему сдерживать дыхание. Он уже долго находился под водой – дольше, чем мог выдержать обычный человек. Белая пелена начала обволакивать его сознание, он задыхался. Перед ним, как в мгновенном сказочном сне, пробежала вся его жизнь – кровавые битвы, теплые тела женщин, отчаянные схватки с волшебниками и созданиями иных, неназываемых миров. Его железная воля сумела побороть смертельное наваждение, он был еще жив и умирать здесь не собирался.

Тактика его оказалась правильной – существо отступило, скрывшись в неведомой толще вод. По-видимому, тварь охотилась только за движущимися целями; Конан же таковой не был. Киммериец вскочил на ноги. Он должен был подниматься на поверхность – или погибнуть, лишенный воздуха. Во всяком случае он мог спуститься сюда еще – столько раз, сколько потребуется, чтобы отыскать Хьяхъю.

Вдруг краем глаза он заметил слабый свет. Свет был неподвижен. Конан рванулся на источник света и через несколько секунд больно ударился о скалу. Человек задохнулся, но перед тем успел рассмотреть в полуметре сбоку от себя большое округлое отверстие в камне, из которого как раз и струился свет. Изогнувшись, Конан скользнул в отверстие.

Он оказался в узком подводном тоннеле; свет, привлекший его внимание, шел откуда-то сверху. Конан всплыл и – о чудо! – здесь, под толщей вод Стикса, был воздух! Конан жадно дышал. С воздухом пришли к нему новые силы, а с ними и стремление идти в своих поисках до конца.

Киммериец поплыл по тоннелю – вперед, на свет. По мере продвижения он все более чувствовал, что воздух становился каким-то странным. Да, очень странным! Это был удивительно чистый, перенасыщенный кислородом, но в то же время ужасно пахнущий воздух. Вонь, несоизмеримая даже с вонью от тел демонов, разъедала его органы дыхания. Но он продолжал плыть вперед.

И вот коридор закончился, открыв большую, ярко освещенную каменистую площадку. Конан выбрался

из воды и поднялся на площадку. От неожиданности он чуть было не свалился обратно; если бы здесь, под водами Стикса, он увидел свою столицу Тарантию, он вряд ли удивился бы больше. И немудрено: впереди него, насколько хватало взгляда, раскинулась пещера. Таких колоссальных подземных пещер он не видел никогда! Это был целый мир – со своим небесным сводом и горизонтом, теряющимся в далекой коричневой дымке. Даже орлиный взор киммерийца не смог разглядеть, где же заканчивалась грандиозная пещера – границы ее находились за пределами видимости.

Необъятная пещера имела правильную эллипсоидную форму, как будто не мать-природа, а некий необычайно могущественный маг, истинный мастер своего ремесла, сотворил в камне этот подводно-подземный мир. Только вот зачем? Мир был пугающе однообразен; могучие своды полукругом охватывали озеро, которое плескалось в этой пещере. От озера к сводам поднимались какие-то испарения, словно озеро дышало. Вверху, под сводами пещеры, эти испарения светились, и их желтоватый свет равномерно освещал все вокруг.

Вонь стала невыносимой, когда Конан подошел поближе к озеру. Вид озера поразил его еще больше, чем размеры и форма пещеры. Он мог поклясться, что озеро состояло не из воды, а целиком из вонючей коричневой слизи! От отвращения Конана стошнило. Если

Хъяхъя живет в этом озере, должно быть, это омерзительнейшая тварь! Конан внимательно всматривался в поверхность озера. Озеро воистину было более чем странным, как будто здесь, в этом подземном мире, действовали иные законы природы! Беспорядочные волны слизи перебегали по коричневой глади озера, хотя никакого ветра не было и в помине. Конан не заметил и ни одного островка, за исключением большой плоской скалы почти у самого берега, обращенной к каменистой площадке, где он стоял. Казалось, скала также состояла из коричневой слизи, правда, застывшей. И еще, загадочное озеро не давало прилива! Волны слизи бегали по середине озера, но к берегу не приближались. Кроме волн и испарений, здесь не было никакого движения.

Конану надоело ждать, вдыхая вонючие ароматы циклопического озера. Он громко свистнул. Этот свист мгновенно разнесся под сводами необъятной пещеры и ушел куда-то вдаль. Если в глубинах вонючего озера кто-то прячется, этот Некто должен был наверняка услышать свист, подумал Конан. Но ничего не происходило – в этом мире жили только волны и испарения. Конан свистнул снова – с тем же результатом. Он смачно выругался – эха не было. Стоило переться в Стигию, рисковать жизнью в глубинах Стикса – и это только ради того, чтобы вдыхать вонь безжизненно-смердящего подземного озера!

– Ну и болван же я! Кому поверил – Сету! – пробормотал он про себя, собираясь обратно. – Нету никакого Хьяхъи!

Новое движение привлекло его внимание. Он ошеломленно протер глаза. Нет, они его не обманывали! Коричневая слизь ползла вверх по плоской скале!

Последующее заставило Конана не только снова протереть глаза, но и стукнуть себя по лбу, ущипнуть ухо, подпрыгнуть на месте. Он не бредил, нет… Волна коричневой слизи, презрев земное тяготение, докатилась до вершины плоской скалы, затем застыла. На гладкой поверхности скалы стали быстро вырисовываться мельчайшие белые пятнышки, эти пятнышки стремительно сливались друг с другом, образуя вычурные линии…

– Забери меня Кром, если это не древнее стигийское письмо! – испуганно прошептал киммериец. Жизнь научила его разбираться в разных языках, и те, что были ему хотя бы поверхностно знакомы, он узнавал сразу.

И действительно, вычурные белые линии образовывали буквы, буквы составляли слова, а слова эти имели смысл!

«Хъяхъя есть. Хьяхъя перед тобой», – прочел Конан.

– Где? – выдавил из себя ошеломленный киммериец.

Новая волна слизи покатилась вверх по скале и сложилась в слова:

«Перед тобой. Ты Конан. Конан пришел к Хьяхъе рад».

Король понимал, что кто-то посредством слов, чудным образом появляющихся из озерной слизи, разговаривает с ним.

– Я не вижу тебя! Покажись, Хъяхъя! – попросил

Как и прежде, ответом ему стала новая волна слизи, катившаяся вверх по скале и сложившаяся в слова:

«Ты видишь Хъяхъю, Конан. Хъяхъя перед тобой, думай».

Но Конан по-прежнему ничего не видел, кроме некоей пещеры, вонючего озера и одинокой плоской.

– Ты скала! – догадался киммериец, хотя трудно то представить, что скала умеет мыслить и разговаривать.

«Нет. Хъяхъя не скала. Хъяхъя – озеро».

– Что?! – переспросил Конан. В жизни ему приходилось встречать разные существа, безмерно далекие от людей, даже пришельцев с иных планет, ни в чем похожих на человека, – как тот гость с изумрудной ей и головой слона… Положим, в живую скалу он поверить – существа из камня нет-нет, да и встречались ранее на его пути. Но живое, говорящее озеро – уж слишком! «Хъяхья – озеро», – повторила волна слизи.

– Вот эта вонючая слизь и есть Хъяхья?! Ты – озеро?!

«Да».

– Но как?! – киммериец был изумлен настолько, что забыл о цели своего визита. «Хъяхья – озеро. Так стало. Раньше Хъяхья был Хъяхья жил на далекой планете. Там было мало еды для Хьяхьи. И тогда Хъяхья отправился искать еду, – коричневые волны быстро набегали на скалу, так что Конан едва успевал считывать с нее мысли озера. – Много миров посетил Хъяхья. Но везде было мало. Наконец Хъяхья достиг Земли. Здесь еды было много. Хьяхье понравилось на Земле. Хъяхья стал расти, размножаться. Хъяхья – это когда много.

Много существ, из них состоит Хъяхья. Как части, из которых состоит твой организм. Но Хъяхья – много организмов, один разум. Один на всех», – пояснило озеро.

– И что произошло потом?

«Хьяхья был большой. Как целый город. Хъяхья питался живыми. Хъяхья санитар. Хъяхья ел траву, деревья, животных, людей – все, что живое. Это было пятьдесят тысяч лет назад. Змеиный народ правил тогда на Земле. Хъяхья ел змей. Хьяхья полезный – ел змей, выдавал кислород, очищал Землю. Но Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде, – Конан насторожился, – следил за Хъяхьей. Однажды он велел Хъяхье покинуть Землю. Но Хъяхье было хорошо здесь. Хъяхья остался санитаром. Тогда Сидящий-в-Пирамиде сказал, что Хьяхья угрожает туземной жизни. Он пригрозил, что накажет Хъяхью, если Хъяхья не покинет Землю. Но Хъяхья остался. И вот наступил день, когда Хьяхья съел половину змеиного народа. Хьяхья хотел еще, но вмешался Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Он пронзил Хъяхью холодными голубыми лучами, растопил тело Хъяхьи и заточил в эту пещеру. Так Хьяхья стал озером. Хъяхье никогда не выбраться наружу – такова воля Того-Кто-Сидит-в-Пирамнде».

Удивительная история мыслящего озера потрясла душу и разум Конана. Он не знал, что и думать. Конечно, озеро было омерзительным, да и существо, в древние времена пожиравшее все подряд, не внушало симпатию. Но, с другой стороны, то, что Хъяхья уничтожая гнусный ползучий народец, источник зла, говорило в его пользу. И, конечно, короля не могла не тронуть печальная судьба Хъяхьи.

– Почему Сидящнй-в-Пирамвде защитил змей? Он заодно с ними?

«Нет. Хъяхья сам многого не понимает. Но Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде никому не помогает».

– Почему же он помог спастись Тезиасу? – в ярости вскричал Конан.

«Хьяхья этого не знает. Хъяхья может только догадываться. Наверное, Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде решил, что демон – большее зло, чем Тезиас».

– Если бы… – мрачно проворчал Конан. Он вспомнил, зачем пришел сюда. – Постой! Откуда ты знаешь о Тезиасе? Ты поможешь мне, Хьяхья? Я расскажу, что привело меня к тебе.

«Не трудись. Хъяхья знает историю Конана».

– Но откуда? – изумился киммериец.

«Хъяхья многое знает. Хьяхья поможет тебе. Хьяхья ждал этого дня пятьдесят тысяч лет. Хъяхья отомстит Тому-Кто-Сидит-в-Пирамиде».

– Так значит, можно одолеть Сидящего-в-Пирамиде? «Нет. Нельзя. Его не одолеть. Хъяхья имел в виду горе».

– Ты морочишь мне голову, слизь! Как можно отомститъ тому, кого нельзя одолеть? Наши боги говорят, Сидящий-в-Пирамиде всемогущ!

«Нет. Он всемогущ для тебя, для Хъяхьи, для твоих человеков – для тех, кто здесь. Но создавшие Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде сильнее его. Хьяхья видел одного них. Это разумы с далеких звезд – забудь про них, Конан. На Земле Сидящий-в-Пирамиде всемогущ».

– Да кто же он такой, ты можешь мне сказать?

«Он мозг. Маленький искрящийся мозг. Размером с эй кулак».

Конан посмотрел на свой кулак. Ему нелегко было постичь, как маленький мозг способен править миром.

– И этот мозг всемогущ? – недоверчиво молвил киммериец. «Да».

– Ты видел его, Хъяхья?

«Нет. Чтобы его увидеть, душа должна оставить тело и войти в пирамиду».

«Вот почему карлик называет себя Великой Дугой», – подумал Конан.

– Но ведь Тезиас сделал это!

«Да. Его душа вошла в пирамиду, и Сидящий-в-Пирамиде принял ее. Твой враг силен теми знаниями, которые Сидящий-в-Пирамиде дал ему. Тезиас летает в пирамиду и с каждым разом становится сильнее». – Почему Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде дает Тезиасу власть над миром?

«Сидящему-в-Пирамиде неважно, кто правит миром. Он дает знания любому, кто приходит к нему. Пришел Тезиас».

Постепенно картина в глазах Конана прояснялась.

– Как ты собираешься отомстить Сидящему-в-Пирамиде? Постой… Ты поможешь мне одолеть Тезиаса и тем самым отнимешь у Сидящего-в-Пирамиде его ученика! Так?!

Озеро заволновалось.

«Ты догадался. Я дам тебе средство, которым можно убить твоего врага. Возьми».

Крутая волна коричневой слизи вынесла на берег! кусок белого металла. Конан поднял его. Предмет был! размером с большую золотую монету, но имел два заостренных конца. Он напоминал двухконечный бриллиант. Концы предмета были чрезвычайно острыми, так что Конан едва не укололся. В середине диска имелся нарост, ухватившись за который, можно было двумя пальцами удерживать предмет.

– Что это? – спросил король, обращая свой взор к плоской скале.

«Эта Ромб Яхкунга. Хъяхья дарит его тебе. Очень давно Хъяхья взял его на далекой планете, где живут существа без тела. Ромб Яхкунга – это их темница. Душа, попав в Ромб Яхкунга, не вырвется обратно».

– Но как им пользоваться? Он такой маленький…

«Ты должен поднести Ромб Яхкунга к лицу фантома, и тогда Ромб втянет в себя душу Тезиаса. Твой враг умрет – Хьяхья будет отомщен».

Конан готов был плясать от радости. Вот оно, их спасение и спасение всего мира – этот маленький кусочек неведомого белого металла! Внезапно мозг короля прожгла тревожная мысль.

– Послушай, Хьяхья, а если Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде узнает о твоем плане и предупредит Тезиаса или, того хуже, помешает мне?

«Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде уже обо всем знает. Он слышит и видит нас. Всех. Всех сразу».

– И какого дьявола тогда… – озадаченно молвил Конан, но мыслящее озеро перебило его;

«Ты не повял. Сидяшему-в-Пирамиде не важно,

отомстит ли ему Хъяхъя или нет. Это важно для Хьяхъи. Сидящему-в-Пирамиде не важно, победишь ли ты Тезиаса или Тезиас – тебя. Это важно для тебя и для Тезиаса. Хъяхъя думает, что Тот-Кто-Сидит-в- Пирамиде не будет тебе мешать. Он никого не убивает и почти не вмешивается в земные дела. Но Хъяхъя может ошибаться. Во всяком случае ты должен попробовать».

– Да, Хъяхъя, я сделаю это! – твердо заявил киммериец. – Не знаю, как отблагодарить тебя!

«Ты не можешь отблагодарить Хъяхъю. Хъяхъя – узник. Вечный узник планеты, которую полюбил. Но ты можешь дать Хьяхъе подкрепиться, и Хъяхъя не забудет тебя».

– Что ты имеешь в виду? – насторожился король. «У тебя есть Сердце Аримана. Оно дает жизнь, брось Хьяхъе Сердце, и Хъяхъя подкрепится его силой».

Отдать озеру Сердце Аримана Конан не мог – даже в обмен на Ромб Яхкунга. Он понимал всю ценность волшебного камня.

– Нет, Хъяхъя, я не моту дать тебе Сердце. Оно принадлежит но только мне – всему человечеству, всем хайборийским богам. Это Сердце и моего королевства. Горе ждет мир, если Сердце Аримана не будет биться в главном храме Митры в моей столице Тарантии. Прости, я не отдам его тебе.

По озеру пошли крутые волны. На плоскую скалу поползла новая порция слизи. Конану показалось, что буквы древнего стигийского письма, посредством которых с ним общался Хъяхъя, искривились.

«Ты опять не понял. Хъяхья отдаст Сердце. Хьяхъе нужна минута, чтобы подкрепиться. Сердцу ничего не будет. Дай».

– Почему я должен тебе верить, озеро? – хмуро спросил Конан.

«Потому что Хъяхъя мог отобрать у тебя Сердце, не спросив разрешения. Потому что Хъяхъя мог обменять Ромб Яхкунга на Сердце Аримана. Хъяхъя не сделал этого. Верь Хьяхъе, как Хъяхъя поверил тебе».

Хъяхъя дал Конану надежду, и киммериец не мог неблагодарно сбежать, оставив несчастное существо плескаться в этой пещере-темнице. Скрепя сердце он бросил волшебный камень в озеро. И тогда на его глазах озеро коричневой слизи вдруг просветлело. Удушающая вонь, проникающая во все поры организма, отступила. Конану показалось, что озеро что-то радостно шептало. Через минуту, как и было обещано, коричневая волна прибила алый камень к берегу, к ногам короля.

«Спасибо, Конан. Ты отблагодарил Хъяхъю. Хъяхъя твой друг. Если тебе понадобится помощь, обращайся к Хъяхъе. Хьяхья мудр. Хъяхья поможет тебе».

– Нет уж, клянусь Кромом, мне бы справиться с Тезиасом, а там я как-нибудь сам обойдусь, – криво усмехнулся киммериец. Он не любил выслушивать сантименты, особенно если они исходили от какого-то озера. – Впрочем, подожди, Хъяхъя. Проклятый карлик превратил мою жену в воду. Знаешь ли ты, как расколдовать ее?

«Хъяхъя многое знает. Твоя жена стала жертвой обыкновенной магии. Убьешь того, кто ее заколдовал – освободишь жену».

Конан осторожно спрятал Ромб Яхкунга в складки набедренной повязки. Белый кристалл был ключом ко всему, что он должен был вернуть, – и к возвращению Зенобии тоже.

– Прощай, мыслящее озеро, – я не забуду тебя! – сказал киммериец.

Он уже собирался прыгать в подводный тоннель, когда что-то заставило его обернуться.

Озеро волновалось. На плоской скале светилась надпись:

«Берегись, Конан. Хъяхья чувствует опасность. Тебя ждет ловушка».

– Что ты имеешь в виду? – недоверчиво молвил человек.

«Брось в воду камень – увидишь».

Конан поднял большой обломок скалы, лежавший на берегу озера, и, размахнувшись, с силой бросил его в воду. Ничего не происходило. Он уже хотел пожурить Хъяхью, когда вдруг из воды высунулась отвратительная клыкастая морда. За первым чудищем последовало второе, третье, четвертое… Демоны выстраивались на каменистой перемычке, тесня человека к берегу озера. Конан смотрел на демонов, и плоская скала осталась за его спиной, так что Хъяхью он больше не слышал.

Армия тварей тем временем пополнялась – все новые создания Тьмы выныривали из подводного тоннеля. Самый маленький из демонов был раза в полтора выше и крупнее Конана, самый большой же доставал почти до потолка пещеры. Здесь были дети Ночи всех мастей – наземные, подземные, подводные. Демоны не нападали, но красные глаза, пылавшие злобой, и ощеренные слюнявые пасти ясно выдавали их намерения.

Конан действительно был в ловушке. С двух сторон его окружали скалы, выход из пещеры преграждала армия демонов, готовых разорвать его в клочья в любую минуту; позади же плескалось огромное озеро коричневой слизи.

Наконец один из демонов заскрежетал:

– Сет послал нас за тобой! Ты предал его, Конан-киммериец. Отдай нам то, что передал тебе Хъяхья, и тогда ты умрешь по-человечески. Иначе мы будем вечно терзать твою плоть и душу, и ты никогда не обретешь небесный покой!

«Ага, они уверены, что Хъяхья мне что-то дал, но не знают, кто такой Хъяхья, иначе по-другому отнеслись бы к озеру!» – подумал Конан. Его разум работал с лихорадочной быстротой. Имея в руках оружие против Тезиаса, он обязан был выжить и довести начатое до конца. Но как спастись от полчища адских тварей? Он наверняка убил бы кинжалом двух-трех демонов, но остальные, без сомнения, в одну секунду растерзают его. Выхода не было…

– Отвечай, человек, что ты предпочитаешь: смерть мгновенную или вечную, мучительную? – зловеще оскалившись, угрожающим тоном произнес демон-предводитель.

Конан не успел ответить. Огромная коричневая волна бесшумно пала на него и смыла в озеро. Слизь попадала в глаза, рот, нос, уши, в каждую клеточку его кожи, и ее ядовитый аромат жег хуже огня. Королю показалось, что его бросили в чан с кипящей смолой.

«Что же ты делаешь» Хьяхья?» – силился спросить он, но губы его не слушались. Секунду спустя – эта секунда показалась Конану поистине адской! – волна слизи забросила киммерийца на ту самую скалу, с которой он считывал мысли озера. В действительности скала была вовсе не плоской, а, скорее, напоминала широкую стену.

Ударившись о скалу, Конан задохнулся, но мгновение спустя уже обратил свой взор на берег, где бесновались демоны. Очухавшись от неожиданного бегства жертвы, демоны оглашали своды необъятной пещеры омерзительными воплями и отборнейшими проклятиями, способными легко вогнать в краску и бывалого пирата моря Вилайет.

– За ним! – проревел предводитель демонов, и десяток детей преисподней плюхнулись в озеро, надеясь! вплавь достичь скалы, где лежал Конан. Киммериец видел, как, отчаянно вопя, демоны растворялись в коричневой слизи. Другие безмозглые твари, не усвоив опыт братьев-первопроходцев, тоже попрыгали в озеро, и их постигла та же участь – Хьяхья не

побрезговал нечистыми! Наконец последние два демона, взмахнув! перепончатыми крыльями, взлетели над озером, пикируя на скалу. Тогда от коричневой поверхности отделились две волны слизи и струями взметнулись вверх, достав крылатых тварей. Дымящаяся плоть демонов с шипением осела в озеро.

– Э, Хъяхъя, да ты мне жизнь спас, клянусь Кромом! – осознав происшедшее, пробормотал варвар.

Волна слизи побежала по скале вверх. Догадавшись, что Хъяхъя хочет что-то сказать, Конан согнулся вдвое, чтобы увидеть светящуюся надпись. Вверх ногами читать было трудно, но человек разобрал:

«Нечистые – невкусные. Но Хьяхъе выбирать не приходится – не те времена. Хъяхъя всегда голодный – спасибо и за этих тварей».

Определённо, коричневая слизь обладала чувством юмора!

– Ну а как я теперь выберусь отсюда? – спросил киммериец. – Знаешь, Хъяхъя, не обижайся, но плавать по тебе – все равно что прыгать в огонь!

Вместо ответа озеро забулькало и вытолкнуло на поверхность большую каменную глыбу. Глыба была плоской. На ней вполне мог уместиться стоящий человек. Коричневые волны подтолкнули плиту к скале.

«Это плот. Прыгай. Хъяхъя перевезет тебя на берег». Конан прыгнул. Глыба, тяжелая сама по себе, даже | не шелохнулась под давлением могучего тела варвара.

– Хъяхъя, ты – силач! – весело прокричал киммериец.

«Плот» пришел в движение и плавно направился в сторону каменной перемычки. Через минуту Конан 5ыл уже на берегу.

«Теперь прощай. Врагов больше нет. Плыви обратно. Отомсти за Хъяхъю».

Конан выразительно махнул рукой на прощание и, I в три шага преодолев узкую перемычку, отделяющую Стикс от Хъяхъи, скрылся в подводном тоннеле.

Путешествие обратно было спокойным. И хотя ночь уже давно вступила в свои права, ни один монстр не потревожил отважного варвара, с победой шествующего сквозь толщу вод. Радостный и возбужденный, король легко вынырнул там, где он оставил Хадрата.

Но Хъяхъя ошибался – враги были. Сильный удар голове лишил Конана сознания. Киммериец повалился обратно в Стикс.

Глава XI

«Проделки Тотоакра»

Конан очнулся на рассвете. Киммериец умел просыпаться мгновенно и мгновенно же приходить в полное сознание. Первое, что он понял, – он был крепко и умело связан. Король открыл глаза.

Над ним, лежащим, стоял стигийский жрец Тотоакр. Злая усмешка, не предвещавшая Конану ничего хорошего, змеилась по его губам.

– Ты жив! – не в силах скрыть изумления, выдохнул Конан.

– А ты думал, моя душа уже сгинула в утробе Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух?! – Тотоакр расхохотался; так смеются молодые демоны в предвкушении свежей человеческой плоти. – Ты недооценил меня, киммерийский пес!

– Что тебе нужно, стигийский шакал?

– Что мне нужно? – мстительная ухмылка не сходила со смуглой физиономии Тотоакра. – Мне нужна твоя шкура, дохлый пес! Но сначала ты расскажешь мне, что сообщил тебе Хъяхъя!

– Нету никакого Хьяхъи! – уверенно заявил Конан. – Надул нас твой бог! Я облазил весь Стикс в округе – ни дьявола не нашел. Нету Хьяхъи!

– Лжешь, смердящий пес! – завизжал Тотоакр. – Сет знает все! Сет знает о Хьяхъе. Сет знает и о том, что ты был у Хьяхъи и разговаривал с ним.

– А Сет не рассказывал тебе, скольких слуг он недосчитался этой ночью?

– Не в твоем положении острить, собака! – прошипел жрец. – Забыл: ты в моей власти! А ну отвечай, что это такое?

В толстых пальцах Тотоакра сверкал белый Ромб Яхкунга!

– Почем я знаю? – равнодушно ответствовал киммериец. – Мне незнакомы ваши омерзительные обряды.

– Не шути со мной, пес! Эту штуку я нашел в твоей набедренной повязке!

Конан наморщил лоб, как будто что-то вспоминая.

– Ну! – грозно нахохлился Тотоакр.

– Прости, жрец, забыл. Я подобрал это в Птейоне. Пелиас, волшебник, – ты его знаешь – объяснил мне, что эту штуку такие, как ты, засовывают себе в ж…, когда…

Мощный пинок в ребра прервал излияния Конана.

– Ну ты и пес! Ничего, я вытяну из тебя правду! Посвященным жрецам известны тайные способы разговорить любого!

– Не мне бояться пыток! – гордо заметил король.

– Пыток?! Да кровавые обряды людоедов из Дарфара и мясников Зембабве покажутся тебе щекоткой в сравнении с моим искусством! Одно лишь описание того, что я могу сделать, прежде чем ты умрешь, развяжет тебе язык! Начинать?

– Чего ты хочешь, шакал? Зачем тебе знать, о чем я беседовал с Хьяхъей?

– Вот ты и проболтался! – радостно взвизгнул Тотоакр. – Так-то лучше! Итак, отвечай: кто такой Хъяхъя?

– Больно мал твой стигийский умишко, чтобы понять, кто такой Хъяхъя!

– Впрочем, неважно, – не обращая внимания на оскорбления, заявил жрец. – Отвечай: как справиться с Великой Душой? Я знаю – Хъяхъя сказал тебе это!

– Ну сказал. Тебе-то что за печаль? Вовек не поверю, что ты страждешь освободить угнетенных!

– Разумеется, мне плевать на твоих аквилонских блох! Я даже рад, что они подыхают. Нет дела мне и до других хайборийских вшей. Тебе, мертвецу, могу сказать правду. Сет, Великий Змей и Князь Тьмы, очень сердит на Тот-Амона. Величайший поклялся нашему богу уничтожить проклятого карлика. И не сдержал слова. – Тотоакр злорадно усмехнулся. – Тот-Амон же послал со мной сотню посвященных жрецов и лучших Мастеров Черного Круга, чтобы мы силой и хитростью добыли средство против карлика. Так и было бы, клянусь Сетом, если бы три вонючих северных пса не скормили их души Тому-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух! Узнав об этом, Величайший проклял меня и велел убить. Мне чудом удалось бежать! Тот-Амон назначил награду за мою голову…

– Ну, так мы с тобой друзья по несчастью: карлик тоже посулил за меня золото!

– Не перебивай, киммерийский ублюдок! У меня нет с тобой ничего общего! Я верну себе доверие Величайшего! И знаешь, как я это сделаю? Ты расскажешь мне, как покончить с проклятым карликом, затем ты умрешь. Я же предстану перед Тот-Амоном с доказательством своей преданности Сету. А может быть, даже сам убью карлика, и тогда Сет сделает меня верховным жрецом вместо этого старого грифа Тот-Амона…

– Ишь размечтался! – насмешливо протянул Конан. – Ничего ты от меня не узнаешь!

– Это мы еще посмотрим, смердящий пес! Когда я буду отрывать от твоей вонючей плоти кусок за куском, ты живо развяжешь язык!

Конан содрогнулся – таким пыткам его еще не подвергали. Он стиснул зубы. Тотоакр молча обошел лежащего на песке киммерийца.

– У тебя есть немного времени, чтобы еще раз подумать, пока я буду ходить за своими… инструментами, – многозначительно заявил он.

– Не боишься, что я убегу?

– От этих-то веревок? Нет, клянусь Сетом, легче выбраться из преисподней!

От души расхохотавшись, Тотоакр ушел.

Когда шаги жреца стихли, Конан попробовал свои путы. Воистину проклятый жрец связал его получше морского волка с Барахских островов! Киммерийцу десятки раз случалось освобождаться от веревок – раз даже он сжег ради этого свои руки, – но эти оковы были подобны стальной проволоке. К тому же у него не было ни одной свободной конечности: ноги оказались связаны между собой и с руками; вокруг всего тела в песок были вбиты колышки, вокруг которых вилась крепкая веревка. Конан не мог даже двинуть головой – шею также сжимали колышки, а к ним, судя по всему, крепились веревки, охватывавшие уши и голову. Единственными частями тела, свободными от пут, оставались язык и мужской орган киммерийца. Оба очень нужные для других занятий, в развязывании веревок они были непригодны.

Конан вспомнил, что обещал ему жрец, когда вернется со своими адскими инструментами. И если язык варвара жрецу был нужен неприкосновенным, за безопасность другого свободного органа нельзя было ручаться. Конан похолодел. Он высоко ценил свою мужскую силу, и одна мысль о том, что может сделать злобный и безжалостный жрец, чтобы выпытать признание, сводила его с ума. Даже очень вероятно, что Тотоакр, ограниченный во

времени, не станет размениваться и начнет издевательства над Конаном с главной части тела киммерийца.

Было от чего прийти в отчаяние. Он, король Аквилонии, пробрался в пещеру, где никто не был пятьдесят тысяч лет, добыл спасительный Ромб Яхкунга… И что теперь? Теперь он лежит, как живой мертвец и ждет своего мучителя! Пелиас мертв, погубленный собственным же учеником. Где шляется Хадрат, вовсе неизвестно. Возможно, его уже тоже нет в мире живых. Что с Зенобией? Не исключено, что кувшин с заколдованным телом его супруги уничтожен. А может, кувшин лежит где-то рядом и он, Конан, просто не видит его? С Сердцем Аримана и Ромбом Яхкунга все ясно – ими завладел Тотоакр. Даже если Конан не проговорится под ужасной пыткой, стигийский жрец все равно сумеет обратить в свою пользу мощь Сердца – и зло тысячелетий вновь восстанет из могильного праха…

Душа киммерийца кипела, но бессильная ярость не находила выхода. Глупо… Он надеялся умереть в бою, на поле сражения, под штандартом своей армии. Неужели суждено ему закончить жизнь под пыткой жреца-садиста?… О боги! Конан вспомнил торжествующую физиономию Тезиаса-фантома и глухо застонал. Если он, Конан, умрет, с ним умрет и последняя надежда одолеть Великую Душу. Фантом завоюет весь мир, Зенобия никогда не увидит свет, даже Хьяхья – странно, он в этот миг подумал о Хъяхье – даже Хьяхья не будет отомщен. Как глупо…

Он заслышал быстрые шаги. Кто-то приближался к нему.

– Я уж заждался тебя, стигийский ублюдок! – сказал Конан, ожидая увидеть смуглую рожу Тотоакра.

Но перед ним предстал Хадрат! Бледное лицо жреца Асуры было покрыто ссадинами и порезами, из которых сочилась кровь.

– Хадрат, холера тебя возьми! Где тебя носило? И что с Зенобией?

– Тише, господин! С ней все в порядке, кувшин со мной. Сейчас я освобожу тебя! – прошептал жрец.

– Попробуй! Тотоакр славно постарался…

– Тотоакр?!

– Да, будь он трижды проклят! Негодяй спасся от Пожирателя Душ и напал на меня, когда я вылезал из воды…

– Не двигайся, господин, я освобожу тебя! Знание Асуры учит избавляться от любых, пут! – гордо произнес Хадрат.

– Если так, жаль, что не ты на моем месте… Ну ладно, я пошутил! Если ты освободишь меня, я сам готов буду поверить в твою Асуру, да простит меня Кром! Однако торопись, Тотоакр вот-вот вернется – у него Сердце Аримана и Ромб Яхкунга!

– Что у него? – переспросил Хадрат, старательно колдуя над веревками.

– Ромб Яхкунга – это маленький белый кристалл, его мне дал Хъяхья.

– Так ты нашел Хьяхью?!

– Да. Парень что надо. Так вот, Ромб Яхкунга – это смерть Тезиаса.

– Ты свободен, король Аквилонии! – высокопарно возгласил Хадрат, отбрасывая веревки прочь.

Конан вскочил, осмотрелся. Кувшин с Зенобией торчал из Хадратовой сумки – его» хвала Крому, никто не открывал. Король воззрился на жреца.

– Где ты пропадал, Хадрат? Я же велел тебе ждать на берегу!

– Прости, господин! – Хадрат виновато опустил голову. – Я ждал, как и было условлено.

Не знаю как, но странный сон сморил меня. Клянусь, я спад не больше минуты! Проснулся я, внезапно ощутив опасность. Но было уже поздно. Крепкая дубинка опустилась на мою голову: Очнулся я в лагере черных людоедов из Дарфара.

Конан присвистнул. Немногие уходили живыми от дарфарских негров.

– Людоеды разводили огонь, собираясь изжарить меня на костре, – продолжал Хадрат. – Мне повезло, что они не съели меня сырым. Освободиться от пут было не слишком сложно; дарфарцы много уступают в искусстве Тотоакру. Знание Асуры помогло мне незаметно скрыться из лагеря людоедов. Оно же помогло мне найти тебя, и вот я здесь.

– Верно, наши боги договорились, послав мне спасение в твоем лице, благородный Хадрат! Сумеешь ли отыскать Тотоакра? Мы должны отобрать у него Сердце и Ромб!

– Попробую, – ответил Хадрат. Он сел на песок, скрестил по-восточному ноги, руки положил на грудь и сосредоточился. Королю показалось, что его друг смотрит куда-то вдаль, за линию горизонта. Но Конан знал: там, за горизонтом, жрец Асуры видит происходящее

Ге хуже волшебного зеркала Лазбекри. – Повелитель! – сказал наконец Хадрат. – Тотоакр идет сюда!

– Прекрасно – змей сам ползет к нам в руки. Мы приготовим ему достойную встречу! Где мой меч?

– Прости, господин! Он остался у негров!

– Ну и дьявол с ним. ТЫ можешь спрятаться вон за тем камнем, чтобы Тотоакр ничего не заподозрил? – спросил Конан, указывая на валун, что чернел невдалеке.

– Я – посвященный жрец Асуры!

– Хорошо. Тогда прячься. Но прежде я лягу, а ты нацепишь на меня веревки.

– Что ты задумал? – насторожился Хадрат.

– Жрец Сета оставил меня одного крепко связанным. Хочу оттянуть момент его разочарования.

– Берегись, господин! Тотоакр – колдун! Голыми руками его не возьмешь. Помни: одно лишь прикосновение его черной ладони к груди – и тебя не сможет оживить даже мощь Сердца Аримана!

– Верно. Поэтому и нужен весь этот маскарад! За дело!

Прошла минута, и все снова выглядело так же, как в момент, когда Тотоакр отправился за своими пыточными инструментами: Конан пластом лежал между колышками, тело его опоясывали веревки. Через несколько минут король услышал тяжелые шаги.

– Эй, благородный Тотоакр! – как можно более жалобно произнес киммериец. – Готов ли ты сохранить мне жизнь, если я расскажу тебе, что мне поведал Хъяхъя?

– Я рад, что ты одумался, варвар! – сказал, подойдя, Тотоакр. – Выкладывай, а там посмотрим! Если ты не врешь… Постой! Веревки…

Бросок Конана был подобен прыжку пантеры. Жрец не успел охнуть, как был повален наземь. Киммериец упал на него, сжав ноги жреца своими ногами. Крепкие пальцы Конана сомкнулись на его шее. Изумление в глазах Тотоакра быстро сменилось гневом. Он попытался просунуть руку между собой и киммерийцем, чтобы достать ею до груди Конана.

– Но, но, собака! Лежи смирно! Я знаю, что такое «черная ладонь Сета»! Я задушу тебя прежде, чем ты успеешь коснуться меня! – злобно сказал Конан. л

– Как ты развязался? – хрипел Тотоакр.

– Неважно. Эй, Хадрат! Пойди сюда! Асуриец вышел из-за валуна.

– Ну, убей меня, пес! Чего же ты медлишь? – шептал Тотоакр, корчась в Конановых

тисках.

– Отвечай, собака: известны ли тебе заклинания Скелоса? – еще сильнее сжимая шею Тотоакра, вопросил киммериец.

– Я… посвященный жрец Сета, – задыхаясь, прохрипел Тотоакр.

– Клянусь Кромом, все жрецы отвечают одинаково! Эй, Хадрат, вяжи эту собаку! Возьми его веревки – они и вправду крепкие!

В глазах поверженного жреца появился страх. Он

прошептал:

– Что ты собираешься со мной сделать?

– Хочешь ли ты жить? – вопросом на вопрос ответил Конан.

– Только глупец спрашивает об этом, – прохрипел Тотоакр.

– Так вот, я сохраню тебе жизнь, если ты сделаешь кое-что для меня. Клянусь Кромом!

– Почему я должен тебе верить?

– Да потому что у тебя нет выбора! Или ты не веришь киммерийской клятве? – грозно спросил Конан, сдавливая горло жрецу Сета.

– Верю, верю, – поспешно просипел Тотоакр.

Конан ослабил хватку. Зеленые глаза жреца пылали ненавистью.

– Эй, будь паинькой, иначе я немедля отправлю тебя к Сету! Не сомневаюсь, твой бог десять раз сдерет с тебя шкуру – его слуги, которых ты загубил…

От этого напоминания лицо жреца посерело. У Тотоакра появилась дополнительная причина бояться смерти, отметил Конан.

– Что я должен для тебя сделать?

– Тезиас умертвил моего друга Пелиаса. С помощью Сердца Аримана ты воскресишь его. Потом я тебя отпущу. Хотя ты, пес, заслуживаешь смерти!

Киммериец не отпускал Тотоакра из своих железных объятий до тех пор, пока Хадрат не закончил свою работу. В искусстве связывания жрец Асуры не уступал жрецу Сета. Только ноги стигийца остались свободными. Затем Конан оторвал кусок ткани от платья Тотоакра и сделал кляп.

– Это еще зачем? – стараясь скрыть досаду, молвил стигиец. – Ты боишься моих проклятий?

– Я слишком много перевидал таких, как ты, посвященный жрец! И мигнуть не успеешь, как на выручку вашему брату поспешат бестии из преисподней! Так что помолчи, пока мы не дойдем до места, – говорил Конан, засовывая крепкий кляп в рот Тотоакра. Если бы глаза жреца могли метать молнии, он, наверное, испепелил бы десятерых. Но Конан только посмеивался.

Хадрат тем временем обыскал стигийца. Сокровища были при нем – и Сердце Аримана, и Ромб Яхкунга. Сердце жрец Асуры взял себе, Ромб же передал Конану.

– Это и есть та самая штука? – спросил Хадрат.

– Да, – ответил киммериец, принимая Ромб. – И с ее помощью мы одолеем Великую Душу. Но сначала позаботимся о волшебнике. – В Птейон! – скомандовал король, и странная троица зашагала к руинам проклятого города,

Когда Конан и его спутники отыскали то место, где в саркофаге был оставлен Пелиас, солнце ухе высоко стояло над землей. Адская жара иссушала кожу, расплавляла разум, но люди все шли и шли, не позволяя себе отдохнуть. Слава богам, Тотоакр оказался вынослив – пустыни Стигии были его домом. Хуже всего приходилось Хадрату, но он, стиснув зубы,

упрямо брел за своим королем.

Конан открыл крышку саркофага. Как и было обещано, мертвый волшебник ничуть не изменился. Казалось, будто он умер только что. Король удовлетворенно хмыкнул и обнажил длинный кинжал, затем вынул кляп изо рта Тотоакра. Стигиец судорожно глотнул. Демонстрируя кинжал Тотоакру, Кован заявил:

– Сейчас ты оживишь этого человека, жрец! Смотри, без глупостей! Если начнешь колдовать, этот кинжал быстрее молнии вопьется в твое черное сердце, и ты немедля отправишься к Сету!

– Развяжи руки – я же должен держать Сердце Аримана!

– Ишь чего захотел! С Сердцем будет работать Хадрат – он умеет это делать не хуже тебя! От тебя же, Тотоакр, требуется лишь читать заклинания.

– Где это видано, чтобы один произносил священные заклинания Скелоса, а другой держал Сердце! – возмущался Тотоакр. – Клянусь всеми богами, я не сделаю тебе и твоим друзьям ничего дурного – развяжи руки!

– Я развяжу их, когда Пелиас будет жив! – отрезал король.

Тотоакр злобно сплюнул, но смирился. Странный обряд начался. Хадрат делал замысловатые пассы Сердцем у груди Пелиаса, Тотоакр читал заклинания, Конан же с обнаженным кинжалом стоял, подле стигийского жреца, готовый в любую секунду отправить его в преисподнюю,

И чудо волшебного камня свершилось снова! Золотисто-алый огонь зажегся на груди волшебника. Пелиас оживал. Сначала зашевелилась одна рука, затем другая. Пелиас дернул ногами, потряс седой головой и наконец открыл глаза. В них не было удивления, как будто, воскреснув, волшебник не ожидая увидеть ничего иного, кроме двух своих друзей и злобного жреца со связанными руками. Сияя от радости за выполненную работу, Хадрат бережно спрятал волшебный камень в сумку. Король одобрительно похлопал его по плечу.

– Благодарю вас, друзья, – сказал, вставая из саркофага, волшебник. – И долго я спад?

– Немногим больше, чем обычно, Пелиас, – ответил Конан. – Сутки.

– Только и всего? – удивился чародей. – А как вам удалось приручить этого стигийского борова?

– Он просто не хочет присоединяться к Сету! – засмеялся киммериец.

– Ты обещал отпустить меня, – мрачно напомнил Тотоакр. Его вид свидетельствовал о том, что сам жрец не верил в свое скорое освобождение.

– Да, клянусь Кромом, я сделаю это!

– Так развяжи мне руки!

– Прежде послушай, собака! Я сдержу слово, хотя знаю, что богам угодно отправить тебя в преисподнюю. Ты сможешь идти на все четыре стороны. Учти, Тотоакр: встречи с нами не принесли тебе удачи – ты потерял все. Сейчас я сохраню тебе жизнь, но, клянусь бородой Ханумана, если ты еще раз попадешься мне – не проси о пощаде! Иди же прочь и не думай мотать: твоя замыслы обречены на провал! С нами сила Сердца, и Пелиас снова жив. Не сомневаюсь, искусство нашего волшебника превосходит колдовское мастерство дюжины посвященных жрецов Сета! Не говоря уж об искусстве крепкой стали! – Конан выразительно опустил в ножны острый кинжал.

– Проклятие Сета на твою голову, киммериец! – хмуро ответил Тотоакр. – Надеюсь, демоны заберут тебя, как только гнусный карлик будет уничтожен!

– Хадрат, освободи его! – приказал король.

– Послушай, стигиец! – молвил между тем волшебник. – Не скажу, что мне было приятно в твоей компании. Но хочу напоследок тебя немного успокоить, хотя ты этого и не заслуживаешь. Посмотри на меня – я ведь чернокнижник, как и ты! Но, клянусь алебастровыми бедрами Иштар, я благодарен богам за сделать доброе дало. Боги возблагодарят нас, если называет себя Великой Душой, оставит мир в покое. Возблагодарит тебя и Сет – за помощь в избавлении от его врага. Так что мой тебе совет: молись за наш успех, и Сет к тебе будет благосклонен!

Хадрат тем временем освободил стигийца. Тот потянулся, разминая затекшие суставы.

– Ладно, прощайте! – сказал Тотоакр пересохшими губами. – Пойду восвояси. Но прежде не дадите ли сполоснуть горло – я умираю от жажды?!

Мысли Конана были уже далеко – он думал о грядущей победе над Тезиасом. Просьба жреца не оторвала его от этих дум.

– Нет у нас воды! Я сам со вчерашнего дня ничего не пил, – ответил король.

– А это что такое, собака?! – в ярости вскричал Тотоакр, выхватывая из Хадратовой сумки жестяной кувшин.

Все произошло настолько стремительно, что Конан и его друзья очухались лишь тогда, когда увидели, как жрец Сета, запрокинув кувшин с заколдованным телом Зенобии, жадно хлебал воду!

…Горестный вопль до основания потряс тысячелетние руины проклятого города. Но то не был прощальный зов загубленной души – то кричал могучий король Аквилонии, наблюдая, как его любимая исчезает в раскрытой пасти стигийского жреца. Перекошенное гневом и страшной тоской лицо короля было ужасно. Тотоакр ошалело уставился на него, не понимая, в чем дело.

– Рыгай обратно выпитую тобой воду, безумец! – в отчаянии взревел Конан. – Если тебе дорога жизнь!

– Ты поклялся не трогать меня! – взвизгнул Тотоакр, тщетно пытаясь выплюнуть в кувшин воду.

– А ты освободил меня от этой клятвы, несчастный! Вода, что ты выпил, – моя жена! – взвыв, киммериец бросился на Тотоакра.

В роковой решимости Конана жрец прочитал свою смерть. Но он не хотел умирать. Выставив вперед ладонь, Тотоакр резко приложился ею к груди Конана. Но неизбежного не произошло. То ли сила посвященного жреца была подорвана, то ли Великий Змей все-таки оставил своего преданного слугу, то ли отчаянная решимость Конана превозмогла волшебство «черной ладони Сета» – так или иначе киммериец остался жив. Сломав по пути вытянутую в броске руку Тотоакра, король вплотную приблизился к жрецу, выхватил у того драгоценный кувшин. Отчаяние придало и без того грозному варвару сверхъестественную силу. Он легко свернул крепкому Тотоакру шею. Хруст шейных позвонков слился с хрустом разрываемой плоти. Голыми руками Конан выхватил из трепыхающегося тела желудок. Бережно, стараясь задержать Тотоакровы внутренности, король сцедил заколдованную воду обратно в кувшин. Кувшин был снова полон. Конан с презрением отбросил желудок туда же, где в последних судорогах корчился изуродованный труп Тотоакра.

Конан посмотрел на своих друзей. Те ошеломленно взирали на окровавленного киммерийца, кувшин с водой и того, кто несколько секунд назад был Тотоакром. Наконец

Пелиас хлопнул в ладоши:

– Браво, Конан из Киммерии! Клянусь Иштар, никто и никогда не спасал свою пассию так, как это | сделал ты только что!

– Ну и черт с ним, с этим стигийцем! – злобно сплюнул Конан. – Нам нечего больше делать в этом мертвом городе. Достаем воду и отправляемся домой!

Глава XII

«Империя призрачного бога»

Посреди бескрайней стигийской пустыни, в двух часах пешего хода от города Птейона, зеленел оазис. Широкие кроны пальм, словно губки, поглощали палящие лучи предвечернего солнца. В глубине оазиса застывшей каплей блестело маленькое озеро. На берегу озера, в тени древней пальмы, видевшей, наверное, еще времена расцвета и мирового могущества этой загадочной страны, отдыхали трое. То были Конан, свергнутый король Аквилонии, старый чародей Пелиас и жрец Асуры Хадрат. Долго сидеть сложа руки они не могли – предстояла решающая схватка с призрачным богом. И потому люди горячо обсуждали последние детали своего плана.

– Итак, волшебник, нам снова потребуются твои крылатые кони! Путь в Гарантию предстоит неблизкий! – заявил Конан*

– Кони – не проблема, – сказал Пелиас. – Вот только в Таранткю нам лететь не нужно!

– Куда же мне еще податься, как не в свою столицу, чародей! Я должен освободить подданных от гнета твоего ученика!

Напоминание об ученике снова задело Пелиаса.

– А твоя ли это столица? Твои ли подданные? – язвительно спросил маг. – Вспомни, как всего несколько дней назад мы уносили ноги, спасаясь от взбешенных воинов и разъяренной толпы!

– Все могло измениться, – хмуро заметил киммериец.

Тут вмешался Хадрат

– А почему бы нам здесь не разузнать это? С тобой ли волшебное зеркало Лазбекри, Пелиас?

Волшебник крепко стукнул себя ладонью по лбу.

– Эх, верно, мозги мои отсырели, пока я лежал в проклятом саркофаге! Конечно, зеркало всегда при мне! Смотрите!

Пелиас распахнул волшебное зеркало и велел ему показать улицы Тарантии.

…Веселая и праздничная еще неделю назад, столица Аквилонии производила впечатление полумертвого города. Редкие прохожие, постоянно оборачиваясь и оглядываясь по сторонам, спешили в свои дома. Только хмурые рабочие, почему-то с опаской поглядывавшие вверх, возились возле главного храма Митры. Вот подъехала повозка, и рабочие вместе с солдатами стащили с нее каменное изваяние. С большим изумлением Конан узнал в выточенной из камня фигуре… Тезиаса! В высоту фигура достигала не менее трех метров. Беззвучно ругаясь, рабочие потащили статую в храм. Внезапно люди, едва не уронив статую, пали ниц. В воздухе парил фантом.

– Великая Душа доволен вами! – сладко пропел Тезиас. – Работайте хорошо, славьте своего бога, и моя милость пребудет с вами вечно!

Вдруг один из рабочих поднял голову и дерзко взглянул на фантома.

– Почему ты унижаешь наших богов, Великая Душа? Что они тебе сделали? Ты захватил власть над нами – чего тебе еще надо?

– Глупец! – рассмеялся Тезиас. – Хороши ли боги, позволяющие себя унижать? Забудьте их! Я ваш бог – единственный и вечный!

– Проклятие Митры тебе! – дерзкий аквилонец плюнул в лицо фантома.

– Бунт? – удивился Тезиас. – Умри же, безумец! Бог карает тебя!

Невидимая стена обрушилась на непокорного. Рабочий был буквально раздавлен, словно на него сбросили тонны камней. Видя участь товарища, люди взмолились о пощаде.

– Его судьба – урок вам! Бог карает непокорных! – назидательно заметил фантом. Конан у зеркала сплюнул:

– Есть все-таки смельчаки!

– Да, и они умирают! – добавил Хадрат.

– Зеркало, покажи заведение Борталиса! – приказал король. Заведение Борталиса было своего рода клубом, где встречались влиятельные тарантийцы и гости аквилонской столицы и откуда мгновенно распространялись свежие новости. Даже король прислушивался к мнениям, высказываемым посетителями заведения Борталиса.

…Главный зал заведения был полон. Люди обсуждали последние новости. За одним из столов сидели двое; в одном из них Конан узнал благородного барона Ас-лунта, в другом – богатого и влиятельного аргосского Бальбоа, частого гостя тарантийсккх рынков. Воистину велик наш новый бог! – опорожнив жал крепкого пуантенского вина, молвил барон Аслунт.

– Да! – охотно согласился купец. – Слыханное ли за одну лишь неделю он покорил полмира!

– И заметь, Бальбоа, без единого удара мечом! Все, кто принял Великую Душу, остались живы! Благороден и гуманен Великая Душа!

– Именно. Весь Аргос, плача от радости, склонился к ногам великого бога. Люди ликуют, и радость их неподдельна. Кстати, Аслунт, я что-то не заметил ликования на улицах Тарантии!

– Это правда, – понизив голос до шепота, произнес барон. – Аквилонцы тупы и дики, как племена пиктов. Некоторые не могут забыть киммерийского пса…

– Проклятие Мит… – Купец осекся. – Проклятие Великой Души на его голову, вот что я хочу сказать!

– Да уж. С варваром покончено раз и навсегда. Говорят, его съели демоны в пустынях Стигии…

– Туда ему и дорога! Поверь, Аслунт, как хорошо стало торговому люду при новом боге!

– Это почему? – спросил барон.

– Ну как же! Теперь повсюду один хозяин, и мы, законопослушный торговый люд, под его покровительством. Значит, и товар пойдет скорее, чем при разных королях с их бесконечными войнами.

– Это ты прав, Бальбоа! Хвала Великой Душе!

– Хвала Великой Душе! – громко отозвался купец.

Через несколько столов от купца и барона шепталась пестрая компания вооруженных юнцов. Внешний вид их свидетельствовал; то были благородные, хотя и испытывающие нужду, аквилонские воины.

– Ну что слышно от твоих друзей, Рамиро? – говорил самый высокий и богато одетый воин. Тот, кто был назван Рамиро, отвечал:

– Ничего нового. Киммериец как сквозь землю провалился. Мои друзья клянутся, что сразу сообщат, как только что-то прояснится.

– И кем же они клянутся? – с подозрением вопросил предводитель.

– Великой Душой, кем же еще! – с вызовом ответил Рамиро.

– Да, золото нам бы не помешало! – алчно молвил самый молодой офицер, почти подросток. – Я видел варвара, когда тот был королем. Будь я проклят, если он весит меньше слона!

– Да кто ж его, пса, не видел! – оскалился Рамиро.

– Великий бог щедр, – согласился предводитель. – Мы должны заполучить киммерийца, хотя бы для этого пришлось лезть в пасть к дракону!

Восторженно-одобрительные крики были ответом на его слова.

За стойкой бара сам хозяин заведения Борталис, дородный крепыш с кудрявой черной бородой, оживленно переговаривался с маленьким лысым человечком в запыленных сапогах.

– И что нового говорят в Хоршемише, Занзибар? – спрашивал Борталис. Маленький Занзибар, хитро сверкая глазками, отвечал:

– Дураки ропщут, как всегда. Умные же, вроде нас с тобой, Борталис, быстро смекнули что к чему. Я уже наладил производство изваяний великого бога. Товар идет нарасхват!

– А я торчу в этой дыре, когда в мире такие дела творятся, – хмуро пробормотал Борталис.

– Разве твои люди не ищут киммерийца?

– Мы прочесали всю Гарантию и с десяток деревень в округе! Черта с два найдешь эту северную крысу… Поймали только бывшего генерала Паллантида.

– Ну и что он говорит?

– Так он скажет! Старый пес остался верен бывшему королю. Мои парни не смогли развязать ему язык. Но ничего, говорят, сам великий бог сейчас в Тарантии! Я послал доложить ему о Паллантиде. Не сомневаюсь, Великая Душа живо расколет киммерийского прихвостня!

– Слышал, как он расправился с Тараском? – Занзибар понизил голос, – с королем Кофа?

– А что с королем Кофа? – заинтересованно спросил Борталис.

– Кис, ты не слышал? – Занзибар доверительно поманил Борталиса пальцем. Тот наклонился, подставив ухо. – Великая Душа превратил нашего короля в таракана!

– Да ну? – испуганно вопросил Борталис.

– Клянусь Великой Душой! – побожился Занзибар.

– А Хорайя уже тая» принадлежит нашему богу?

– Пока нет. Но я слышал, что наиболее предприимчивые люди собираются навестить завтра Пелиаса…

– Того самого колдуна?

– Его, точно. Говорят, он прячется в своей Золотой башне в Ханарии. Люди хотят схватить колдуна, чтобы преподнести его голову в подарок великому богу.

– Но колдуна может не быть в башне.

– Тогда они разрушат ее. Колдун примчится защищать свою собственность – тогда его и схватят.

– А они не боятся некроманта? Как-никак Пелиас – не последний чародей на этом свете!

– Да что ты, Борталис! – расхохотался Занзибар. – Кто теперь боится колдунов и ведьм? Их магия – что травинка на ветру против силы Великой Души. Люди уверены: новый бог защитит их. Да и золото чего-то стоит, а, Борталис?

Конану надоело слушать излияния негодяев, и он с силой захлопнул зеркало.

– Ты был прав, Пелиас – буркнул король. – Я не узнаю этот мир! Словно кто-то заколдовал всех людей, сделав их злобными, подозрительными, алчными, пугливыми.

– И этот «кто-то» – Тезиас! – подытожил Хадрат.

– Воистину призрачный бог не теряет времени даром! Империя его расширяется, а мы сидим здесь, в благополучной Стигии, в теня этих пальм! – нахмурился киммериец. – Что скажешь, Пелиас?

– Скажу, что мне нужно к себе домой!

– Ты святая, чередой?! Слыхал – она готовят тебе засаду! Мы с Хадратом не для того оживили тебя, чтобы какие-то собаки преподнесли твою седую голову своему новому богу!

– Нет, Конан, – холодно произнес волшебник. – Я лечу в Ханарию. В моей башне скрыто великое множество бесценных сокровищ, тысячи редчайших книг. Я собирая их всю жизнь. Старый Пелиас не может отдать все это на растерзание озверевшей толпе. Старый Пелиас сумеет защитить себя.

– А если нагрянет фантом? Не уверен, что смогу защитить тебя вторично! – заметил Хадрат.

– Что-то подсказывает мне, друзья, что Тезиас не скоро появятся в Хорайе, Он слишком долго прожил в этой маленькой стране, там его знают и ненавидят? Он ненавидит Хорайю. Скорее он сотрет ее с лица земли, чем станет ее богом!

– Все идет к этому, клянусь Кромом!

– Ну, думаю, у нас еще есть кое-какое время… – точно сказал Пелиас.

– Да, – заявил Конан. – Это значит, что мы с Хадратом отправляемся в Бельверус! Покончим с «великим богом» прямо в его логове!

– Вот это мудрое решение! – отметил Пелиас. – снова загримирую тебя, а также Хадрата. Надеюсь, справитесь без моей помощи.

– Будь уверен, чародей! Мне пора размять свои косточки. Я проникну во дворец» выслежу Тезиаса в него Ромб Яхкунга – дело будет сделано, клянусь Кромом!

Бог Великая Душа возвращался из Тарантии в Бельверус. Он сдержал обещание, данное немедийцам Бельверус стал столицей его империи. Так что сейчас бог летел домой.

Минула всего неделя со дня его первой встречи с Тем-Кто-Сидит-в-Пнрамиде. А сколько же всего изменилось за это время! Повержены старые идолы и владыки, огромные пространства составили его, Тезиаса, империю, тысячи хайборийцев стали его подданными. Он был больше, чем бог, – он был единственным властелином душ на огромной территории современного мира и эта территория постоянно расширялась, ибо е новые и новые страны покорялись его воле.

Сегодня его империя простиралась от Аквилонии, Зингары и Аргоса на западе до Бритунии, Заморы и Хаурана на востока, от Пограничных королевств на севере от страны Шем на юге. В большинстве столиц правят его наместники – частично бывшие владыки, согласившиеся служить новому богу, частично назначенные им сатрапы. Немедии же досталась великая честь – ею он правил самостоятельно.

Пришел момент, когда Тезиасу наскучило завоевание новых царств. Дело было хлопотное – всякий раз требовалось много энергии, дабы устраивать впечатляющие спектакли, после которых толпы народа, словно заколдованные, готовы были удовлетворять любые желания нового бога. Отдачи же почти никакой. Тезиасу ведь не требовалось золото,

драгоценности, да и молитвы с жертвоприношениями не были ему нужны. Покорял он мир только лишь ради удовлетворения своего безмерного властолюбия – и кое-чего еще, что он не хотел исключать из своих планов, несмотря на предупреждения Стража Земли. Пока же он посчитал, что империя его достаточно велика – именно пока, до сегодняшнего дня. Затем он обязательно покорит и остальной мир – далекие северные и южные земли, Туран, Иранистан, Вендию, Кхитай и так далее. Но это будет потом…

Конечно, были и страны, которые Тезиас сам не хотел принимать в свою империю. Первой в этом списке значилась Хорайя – земля, где прошли его детство и юность. Его подданные не должны были знать, что великий бог провел несколько лет в подмастерьях у знаменитого чернокнижника Пелиаса. Пелиас уничтожен, и крохотную страну, в которой некромант прижился, постигнет та же участь. Или же он, Тезиас, изменит Хорайю до неузнаваемости!

Второй в черном списке шла Стигия. Страна черной магии, зловещих богов, фанатичных жрецов, гнусных предателей не заслуживала чести поклоняться Великой Душе. Люди, молящиеся чешуйчатому богу, наказаны самой Судьбой. Ненавидя детей Тьмы, Тезиас одновременно ненавидел и их вотчину – Стихию. Недавнее происшествие с Пожирателем Душ, когда он, великий бог, едва не сгинул в пасти золотого демона, укрепило Тезиаса в нежелании брать под свою опеку страну песков и пирамид.

Негров Тезиас также но любил и готов был принять их в свою империю лишь в виде исключения. Само собой, вся идиотская культура черных королевств, по мысли Тезиаса, должна была умереть, уступив место просвещению, которое великий бог принесет с цивилизованного Севера.

Тезиас помнил, однако, что далеко не весь Север был цивилизованным. На северо-западе простирались Пустоши пиктов, на севере, гранича с Аквилонией – горы проклятой им Киммерии.

Киммерия… Киммерийцы оказались под стать своему Конану! Только сегодня он, Тезиас, завоевывал эту страну. И пусть кто-нибудь скажет, что он мало старался, – энергии было истрачено больше, чем на покорение самой Аквилонии. Окруженный ослепительным нимбом, он величественно, как и подобает богу, спустился прямо с небес. Торжественно объявил он себя новым богом Киммерии и прилюдно проклял ихнего Крома. И что же? Вместо того чтобы пасть в ноги Великой Душе, варвары забросали его камнями и стрелами! И хотя оружие людей не могло причинить фантому никакого вреда, такое отношение к великому богу он не стерпел. Страж свидетель – он, Тезиас, до последнего момента не желал прибегать к грубой силе! Снова и снова спускался он к киммерийцам, убеждая их присоединиться к его империи. Тупая гордость варваров, живущих в этих горах, была безгранична. Они отказались и вдобавок наговорили Великой Душе столько гадостей, сколько он не слышал за всю свою жизнь. Тогда он решил запугать злосчастных киммерийцев. Сделавшись огромным, словно гора, фантом заслонил собой солнце, и в Киммерию пришла ночь. Суеверные варвары тряслись от страха, но забыть Крома не захотели. Киммерийские воины продолжали дырявить его горящими стрелами, а шаманы призывали на помощь каких-то давно забытых духов этого сурового края… Дураки! Наконец его терпение лопнуло. Наиболее наглые воины-киммерийцы превратились в пылающие свечки, которые и сгорели на глазах своих жен, детей, отцов. Но те и тогда не пали в ноги Великой Душе. Воистину логика варваров непостижима, если она вообще есть. Взбешенный, Тезиас обрушил на головы непокорных их родные скалы. Тысячи безумцев погибли в этот

день. Умирая, они звали на помощь своего Крома, но тот, естественно, так и не появился. Земля Киммерии горела и стонала, а все же осталась непокоренной. Когда пыль и дым рассеялись, киммерийцы еще раз прокляли Великую Душу. Плюнув на этих безумцев, – негоже великому богу долгие часы пребывать в роли увещевателя безмозглых дикарей, – фантом улетел. Вослед ему неслись насмешки и улюлюканья глупых варваров. Потеряв добрую треть своего мужского населения, киммерийцы чувствовали себя победителями…

Киммерийская история почти повторилась в землях пиктов. Возможно, Великая Душа в чем-то не понимала дремучую душу варвара. Контакта и здесь не получилось. Не желая разочаровываться снова и стараясь по возможности проявлять гуманизм к этим человеко-животным, Тезиас поставил пиктским вождям ультиматум: или они в течение недели признают его своим богом и властелином, или их ждет смерть, лютая и ужасная. В доказательство своих слов он вызвал черную-пречерную тучу, и над Пустошами пиктов воцарилась вечная Ночь – вечная до тех пор, пока варварские вожди не падуг к стопам великого бога. Вдобавок из черной тучи сверкали молнии и лился густой проливной дождь. Но все же в этот раз он никого не убил!

Проблемы возникли и при покорении Коринфии, если может человек назвать проблемами укусы жалких комаров. Правители и население этой страны, не долга думая, признали власть Великой Души. Но вот какой-то местный чародей, засевший в старом замке среди Карпатских гор и втайне мечтавший со дня на день, вызвав на подмогу клыкастых бестий из преисподней, захватить власть над Коринфией, поклониться не захотел. Негодяй был мастером своего черного искусства, магические силы, брошенные колдуном против Тезиаса, изрядно потрепали нервы Великой Душе. Сам чародей укрылся в замке, окружив себя защитной оболочкой. Разумеется, в конце концов, Тезиас разметал силы Тьмы, но упрямый колдун в безумии своем решился на большее: он поклялся уничтожить все население Коринфии, если Великая Душа не уберется восвояси. Это было уже серьезно: в отличие от чернокнижников, готовых повелевать одними лишь тварями адовыми, загубленными душами и восставшими из могил, Тезиасу в качестве подданных нужны были живые люди. Массового человекоистребления он допустить не мог, хотя и понимал: вряд ли колдун блефует. Для настоящего некроманта погубить сотню тысяч невинных душ – все равно что из пальца огонь высечь. Недолго думая, Тезиас размазал по земле глупого чародея вместе с его замком, хотя и был, как и всякий цивилизованный бог, противником разрушения недвижимости. Но дело стоило того: туземцы искренне полюбили своего спасителя, и никто более не вспоминал о Митре…

В остальных землях, завоеванных им, проблем было меньше. Слава о деяниях Великой Души далеко обгоняла стремительный бег самого фантома. В бесчисленных информационных потоках, идущих с Востока, прочел он о грандиозных военных приготовлениях Турана. Почитатели Эрлика не хотели сдаваться без боя. Бравые туранцы, не надеясь, впрочем, только на свои силы, отчаянно призывали лучших чернокнижников из Вендии, Кхитая и Меру. Те, наслышанные о происходящих на Западе переменах, не заставили долго уговаривать себя. Опытные колдуны, они хорошо понимали: тот, кто покорил полмира, захочет покорить и весь мир. Консилиумы магов собирались постоянно, и Тезиас, сам того не желая, стал причиной небывалого прогресса научно-чародейской мысли. Величественный Аграпур стал опорной базой сопротивления Великой Душе. В туранскую столицу слетались волшебники со всего света. Глубокой ночью, хоронясь среди мрачных утесов, морж Вилайет, они строили планы изничтожения великого завоевателя. Но Тезиаса их приготовления мало

трогали. Уже сегодня он был в состоянии постелить Туран к своим ногам, но решил не делать этого. Да, он даст глупым колдунам время подготовиться! Интересно, что они придумают? Впрочем, какая разница – и Турану не миновать своей участи…

Однако не все шло гладко в новой жизни Тезиаса. И главная проблема находилась не вовне, а внутри его. То был целый веер проблем, которые с течением времени не только не исчезали, но все более обострялись. Начать с того, что великого бога мучили нестерпимые головные боли. Головы-то у фантома не было, соответственно, и мозг его был воображаемым. Но этот-то воображаемый мозг буквально разрывался на части, не в силах справиться с приказами, получаемыми от хозяина. И сие было неудивительно: Тезиас, конечно, был богом, но мозг у него оставался человеческим!

К тому же разум его был перенасыщен знаниями. Только три раза побывал Тезиас в гостях у Стража Земли, а ощущение было такое, будто Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде хозяйничал в его мозгу целую вечность! Тезиас уже не мог разобрать, что было у него от себя и что – от Стража. Великая Душа стонал от собственной учености. Знаний, которыми он уже обладал, с избытком хватило бы на завоевание десятка миров, подобных подлунному. Воистину Бог-из-Космоса оказал ему медвежью услугу своими лекциями! Тезиас зарекся более посещать пирамиду. Еще одна такая «лекция» – и его разум лопнет. Проклятый демон Люф был тысячу раз прав, предостерегая его от общения с Сидящим-в-Пирамиде!

И все же Тезиас мало о чем жалел. Страж Земли дал ему великие знания; знания же сделали его властелином мира. С этими знаниями пришло к Тезиасу неповторимое, ни на какое другое ощущение не похожее чувство собственного всесилия, абсолютного превосходства над всеми – без исключения! – существами, населявшими подвластный Великой Душе мир. Упиваясь безграничной властью, Тезиас был по-настоящему счастлив. Он надеялся справиться со своим мозгом – до того, как сойдет с ума от нестерпимой боли. Боль была и вправду нечеловеческой. Хорошо еще, что она настигала его обычно в минуты покоя; в ответственные же мгновения разум его был ясен. Пока… Чтобы ослабить боль, он вынужден был прибегать к крайней мере – приказывать себе не чувствовать ее, отключая свои нервы. Это было крайне опасно: ведь, отключая себя от болевых ощущений, он отключался и от всего внешнего мира. В такие мгновения невозможно было уловить опасность, и Великая Душа представлял собой идеальный объект для поражения. А врагов у него было больше, чем у любого другого смертного, ступавшего когда-либо по этой земле…

Чтобы отключиться и отдохнуть, Тезиас спускался в свою раковину, где все еще покоилось его человеческое тело. Ловушка, изготовленная Тараском и Пелиасом, неожиданно оказалась полезной для Тезиаса: внутри заколдованной пещеры он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Отключаться приходилось все чаще и чаще – уже по два-три раза в день. Для этого необходимо было лететь в Бельверус, в заколдованную пещеру, ибо в любом другом месте оставаться было опасно. Кто знает, какая тварь нападет на него, такого великого и такого беззащитного?!

Естественно, он обдумывал и другие способы избавиться от своей болезни, которую он назвал Болезнью Разума. Одним из вариантов был следующий: найти носителя, мозг которого можно было бы использовать в качестве хранилища информации. Если бы этот вариант удался, Тезиас «перекачал» бы часть своих знаний в этот вспомогательный мозг. Однако вариант был слишком фантастичен, чтобы увенчаться успехом. Тезиас не сомневался, что хитрый Страж Земли знает, как решить эту задачу, – достаточно было его спросить. Но для того чтобы спросить, опять же нужно входить в пирамиду! Нет, он не полетит – пока он

узнает, как избавится от старой информации, новая убьет его перенасыщенный разум!

Как всегда, он справится со своей проблемой сам. Сам проведет необходимые исследования и опыты, сам найдет подходящего носителя. Он все сделает сам – Страж ему больше не нужен.

Но прежде необходимо отдохнуть. Боги тоже должны отдыхать, тем более что он совершил больше, чем любой бог в человеческой истории. Да, он отдохнет, наберется новых сил, профильтрует свои знания - и затем снова примется исполнять свою миссию, о кота-рой втайне мечтал всю жизнь и особенно – после раскрытия Книги Судеб.

Помимо изнуряющей головной боли Великую Душу терзало ощущение своей неполноценности. Да, именно неполноценности! Он, великий бог, вынужден был мириться с заточением своего человеческого тела!

Он не мог, конечно, сказать, что жизнь без тела не имела своих преимуществ. Фантом, в отличие от человека, был практически неуязвим. Фантом мог с огромной, опережающей звук скоростью передвигаться в пространстве. Наконец, для подкрепления сил фантому не требовались вода и пища – их ему заменяла энергия из Космоса. Именно фантом Великая Душа, а не человек по имени Тезиас, завоевал полмира и стал новым всемогущим богом хайборийской цивилизации. К тому же фантом обладал воображаемым телом: Тезиас чувствовал свои глаза, уши, рот, ноги, руки, живот, другие части нормального человеческого тела. Страж Земли и здесь оказался прав: достаточно было поверить в то, что тело есть, и оно появилось!

Разумом Тезиас понимал, что тело человеческое больше ему не нужно. Напротив, возвращение Великой Души в бренную плоть чревато серьезными опасностями: ведь человека можно было запросто убить, и тогда для уничтожения великого бога сгодится даже обыкновенный кухонный нож! Разум же подсказывал: не стоит испытывать Судьбу, телу его и так хорошо в магической гробнице, где его в любой момент может навестить Великая Душа. И все же какое-то странное возбуждение овладевало Тезиасом, когда он смотрел на свое мертвое тело в хрустальной раковине. Коварная природа тянула человека туда, обратно – в эту бренную плоть. Тезиас отчаянно боролся с наваждением, но ничего не мог с собой поделать. Он как будто тосковал по своему маленькому тщедушному тельцу, ни на что, в сущности, не способному в этом жестоком мире. И тоска съедала его душу, мутила разум, смешивала мысли. Тезиас страдал без тела; он назвал это состояние Болезнью Плоти. В конце концов он решился: последнее, что он сделает перед Большим Отдыхом, будет освобождение человеческого тела из магической темницы.

Тезиас уже был достаточно силен, чтобы сокрушить оковы, наложенные на него Светом и Тьмой. План освобождения тела был прост, как и все гениальное. Используя знания, полученные от Стража Земли, Тезиас сконцентрирует в единый пучок колоссальные силы космической энергии. Ее, энергии, будет так много, что, выйди она из-под контроля, от немедийской столицы ничего не останется. Но Великая Душа верил в свое искусство. Он направит силу из Космоса на самый уязвимый участок магической темницы – коридор, заваленный камнями по приказу Тараска. Холодный голубой луч прожжет невидимую оболочку, испепелит камни и вновь откроет дорогу в старую лабораторию. Затем фантом приблизится к хрустальной раковине; сила Космоса, подвластная Великой Душе, откроет створки кристалла. Она же, всемогущая космическая сила, оживит его бренное тело, вдохнет в него тепло земной жизни. И вот тогда в это теплое, дышащее земным воздухом тело войдет Великая Душа. И фантом снова станет Тезиасом, человеком, но уже – человеком-богом,

покорившим подлунный мир. Человек-бог восстанет со своего прозрачного ложа, пройдет по прорубленному голубым лучом тоннелю и предстанет перед Солнцем. Так Великая Душа освободит свое тело. Сам, без чьей бы то ни было помощи!

Он не сомневался, что сумеет осуществить свой дерзкий план. Знаний и сил у него на это хватит, а если кто будет мешать – того безумца постигнет неминуемая, ужасная участь: никто не сможет устоять перед мощью Великой Души. Хотя вряд ли такой найдется – безотчетный страх перед новым богом стал главным чувством бельверусцев. Что же до сил Тьмы, то они, как видно, притихли, втайне радуясь, что Великая Душа довольствуется только лишь миром людей…

Что будет дальше – потом, когда он полноценным человеком выйдет из своей темницы, – Тезиаса мало волновало. Наверное, возникнут какие-то проблемы, опасности и угрозы, но он всегда сможет вернуться в хрустальную раковину, спрятать тело в ней и, как и ныне, существовать в качестве неуязвимого фантома. Фантомом он будет покорять царства – человеком жить в столице своей империи, Бельверусе. Да, так будет, будет обязательно! Ведь он бог, а богу все подвластно. Любые, самые дерзкие замыслы Великой Души не могут тут не осуществиться…

Глава XIII

«Похолодания в Бельверусе»

Толстяк Арсаро, хозяин большой торговой лавки, клевал носом от безделья. За окнами сияло полуденное солнце, а у него с самого утра так и не было клиентов. И это в Бельверусе, где исстари едва ли не каждый что-нибудь продает или покупает! Закупив две недели назад крупную партию товара, – а Арсаро продавал практически все, что могло пригодиться достойному немедийцу, – торговец ныне терпел невиданные убытки. Арсаро и сам по натуре был большим сторонником держать, народ в узде, но не до такой же степени! Немедийцы запуганы так, что даже боятся тратить деньги!

Крамольные мысли, закравшиеся в его голову, заставили толстяка очнуться. Он собрал всю волю, чтобы! прогнать их прочь. Говорили, что Великая Душа читает мысли на расстоянии, что богу ничего не стоит внезапно возникнуть перед несчастным и превратить его в пыль, как это он уже сделал с королем Тараском. Да, нужно быть поосторожнее даже в мыслях, подумал Арсаро.

Входная дверь скрипнула. Арсаро встрепенулся: наконец-то клиенты! На пороге стояли двое: светловолосый гигант с покрытым шрамами лицом и невысокий бледный мужчина, похожий на ученого. Судя по одежде, а ее составляли потертые кожаные накидки, короткие узкие юбки и удобные шаровары, оба были немедийцами, хотя и прибыли они, вероятно, из провинции, о чем свидетельствовал слой грязи на высоких сапогах гиганта и кожаных башмаках его спутника. Наметанный глаз лавочника сразу определил чужаков. Но и в нынешнем положении Арсаро не приходилось привередничать: кто пришел, тому он был и рад.

– Милости прошу в мой магазин, благородные господа! – приветливо пропел толстяк. – Все что душе угодно вы найдете…

– Нам нужно оружие, – сурово оборвал торговца высокий. – Два добрых кинжала и тяжелый двуручный меч из крепкой стали. Если есть туранские ятаганы, возьмем и их.

– Как угодно господину, – ответил Арсаро, выжидательно уставившись на то место, где у каждого добропорядочного покупателя обычно висит кошелек.

– Этого хватит? – спросил гигант, поднося к глазам толстяка жемчужину весьма внушительных размеров.

Торговец непроизвольно присвистнул, глядя на драгоценность. Воистину плохой день принес удачу! Да за такую жемчужину он не пожалел бы и десять мечей с двадцатью кинжалами.

– Благородный господин может сам пройти и выбрать то, что ему понравится! – елейным тоном сказал Арсаро.

Гигант и его спутник прошли вглубь лавки. На пороге потаился еще один посетитель. Это был молодой барон Лорант, постоянный клиент торговой лавки Арсаро.

– Привет тебе, Арсаро! – сказал, входя, дворянин.

На голос гигант обернулся. Он встретился глазами с Лорантом и поспешно отвернулся. Но одного мгновения барону было достаточно, чтобы узнать гиганта. Первой мыслью

молодого дворянина было бежать, чтобы вернуться с подмогой и связать безумца. Нет, нельзя, мелькнула вторая мысль, он успеет скрыться! Необходимо было действовать немедля, призвав в помощники знакомого торговца. А если все получится, золото достанется только ему, барону Лоранту.

Наклонившись к уху толстяка, дворянин отрывисто прошептал:

– Эй, Арсаро, ты часом не изменник? Знаешь ли ты, кто тот великан? Это Конан-киммериец, король Аквилонии!

Возглас изумления вырвался из груди Арсаро. Он со страхом уставился на человека, выбирающего оружие. Конан обернулся снова. В его руке сверкал только что выбранный меч.

– Я узнал тебя! – громко воскликнул Лорант, обнажая свой меч. В немедийском войске он слыл одним из лучших фехтовальщиков. – Ты – Конан, король Аквилонии! Я видел тебя в Львиной долине и, клянусь Великой Душой, не забуду никогда! Второго я тоже знаю – это Хадрат, жрец Асуры! Ваш жалкий маскарад не обманет вашего врага! Эй, Арсаро, повяжем этих безумие – великий бог щедро вознаградит нас!

Конан очень не хотел драться. Не потому, разумеется, что он боялся этого молодого петуха, но из-за нежелания поднимать шум. Его и Хадрата задачей было проникнуть в королевский дворец незаметно. Любая потасовка могла вылиться в большую драку. Большая же драка, очень возможно, привлечет внимание Тезиаса, – пробираясь в город, Копан и Хадрат краем уха услышали, что великий бог вернулся, – а это уже было бы очень плохо. Силой фантома не возьмешь, а в том, что Тезиас жестоко расправится со смельчаками, посмевшими явиться в его столицу, киммериец не сомневался. Невозможно было допустить, чтобы дерзкий план Конана сорвался из-за молодого дворянчика. И, поскольку выбора не было, киммериец молнией бросился на Лоранта.

Барон не успел отскочить. Новый меч Конана пронзил его грудь в самое сердце. Тело беззвучно осело на пол.

– Он узнал меня, и это его погубило, – равнодушно произнес король, обращаясь к дрожащему от страха торговцу. – Вот ты, толстяк, узнал бы меня?

Добрый Арсаро судорожно замотал головой, косясь на окровавленный меч в руке варвара,

– Я так и думал, – подытожил дискуссию Конан, вытирая меч. – Оружие у тебя хорошее, так что получи свою жемчужину.

Арсаро машинально выхватил драгоценность из рук Конана и почему-то спрягал ее в рот. Второй человек, Хадрат, подошел к торгу и поднес правую руку к его лысому лбу. Арсаро в ужасе отпрянул, едва не проглотив жемчужину.

– Ты хочешь спать, друг Арсаро! – повелительно произнес человек. – Спи долго! Но прежде закрой свою лавку. Когда проснешься, можешь спокойно помолиться Мнтре, а также Асуре и Крому. Ты сделал благородное дело, продав вам эту амуницию!

Засыпая на ходу, торговец проводил Конана и Хадрата к выходу, повесил на двери табличку «Закрыто», задвинул изнутри засов и кулем повалился радом с трупом барона Лоранта. Уходя, король и жрец услышали мощный храп толстяка.

– Ну, Тараск, кончай дуться! – примирительно говорил фантом, витая над распростертым телом короля Немедии. – Бог не злопамятен, да и тебе грех обижаться на него. Я, можно сказать, спас тебя от разъяренной толпы, ты вот тут возлежишь – в мире я покое. Как думаешь, кому лучше – тебе или твоему другу Конану?

– Что с Конаном? – устало спросил Тараск.

– Воюет с демонами где-то в Снятии. Вред ли фанатичные жрецы Сета простили ему дерзкое святотатство. Представляешь, он и его подручный Пелиас хотели скормить меня отвратительному змею, Пожирателю Душ! Змей, понятное дело, подавился, а Пелиас – поплакался! – рассмеялся над собственным каламбуром Тезиас.

– Будешь брать Туран? – мрачно спросил король.

– Туран? Не к спеху. Хочу дать тамошним фокусникам возможность подготовиться к встрече. Как считаешь, Тараск, обрадуется мир, когда узнает, что десяток-другой чернокнижников отправились кормить демонов?

– Мир будет плясать от счастья, если они захватят с собой тебя!

– Ты несносен, Тараск!

– Так убей меня!

– Нет, нет, дорогой друг! Я придумал кое-что получше. Во-первых, хочу поделиться с тобой новостью: сегодня, а именно сейчас, я намерен возвратиться в свое тело. Конечно, справедливо было бы послать тебя разгребать завал: как-никак, это твоих рук дело! Но, боюсь, ты не справишься, особенно в своем нынешнем положении, – Тезиас хихикнул. – А я – справлюсь. Через час жди меня живого – из плоти и крови! А то мне надоело слышать твои упреки: мол, призрак, призрак…

– Валяй, лезь в свою шкуру, шакал! – оживился Тараск. – Ставлю сто против одного, что в ней тебя и прикончат.

– Да, я так и не закончил. Ты позаботишься о моей безопасности. И не удивляйся! Вот что я придумал, послушай. Видя, что тебе наскучил малоподвижный образ жизни, я, проникнутый духом гуманизма, – ты знаешь, я ведь добрый бог, – подумал: а почему бы не вернуть тебе здоровье?! Гуляй, общайся, правь, наконец. Вот только имей в виду: если только я буду Легко ранен, – после того, как освобожусь из склепа, – ты немедля превратишься в отвратительного, гнусного, безобразного, покрытого слизью огромного червяка, бессмертного к тому же! Ты понял?

Тараск стиснул зубы. Карлик был дьявольски изобретателен!

– Ты – извращенец! – прошептал король.

– Какой есть – такой есть, – философски замелил Тезиас. – Бог – не жена, его не выбирают! По крайней мере, в моем случае. Ну, пока, король Немедии, я иду разгребать завалы прошлого!

С этими словами фантом растворился в воздухе.

…Сколько прошло времени, Тараск не знал. Единственный, с кем он общался в эти дни, был Тезиас, а Великая Душа никогда не сообщал с му время. Королевским слугам строго-настрого запрещено было навещать

бывшего монарха, и поэтому Тараск с удивлением услышал, как кто-то крадется к его постели. Неужели уже минул час и перед ним предстанет ухмыляющаяся физиономия карлика?

Но на Тараска глядел Конан из Киммерии.

– Ты! – одновременно воскликнули оба короля.

– Так тебя не развеяли по ветру?! – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Конан.

– А ты – ты разве не продал душу злому колдуну по имени Пелиас?! Не пил кровь младенцев?! – саркастически усмехнулся Тараск. – Карлик – великий мистификатор!

– Ты знаешь, где он?

На изможденном лице Тараска появилось выражение радости.

– Ты пришел, чтобы убить его, не так ли? Убей Тезиаса, умоляю тебя! Он сейчас в подземелье – пытается освободить свое тело. Нет, постой! Убей сначала меня! Да, я грешен – но не настолько. Карлик издевается над моими душой и телом. Я прошу его о смерти, но он хочет использовать меня для своих кошмарных экспериментов! Всякий раз он придумывает что-то новое, еще более ужасное и дикое, чем накануне. Клянусь, это чудовище, истый дьявол! В любом случае я не жилец на этом свете. Убей же меня, Конан, я этого заслужил! Хочу умереть смертью человеческой!…

– Нет, Тараск, – сумрачно молвил Конан. – Разрази меня Кром, если я сотни раз не желал твоей смерти. Ты был отъявленным негодяем и, бесспорно, заслужил смерть. Но я не убью тебя, беззащитного. Во-первых, пред лицом призрачного бога ты держался мужественно, не покорился ему и всячески пытался исправить свои ошибки. Тело гада не могло бы так долго гнить в склепе, если бы ты не завалил камнями пещеру карлика. Во-вторых, если я тебя убью, значит, ты сдался.

– Но он обещал превратить меня в крысу или огромного бессмертного червя! – в отчаянии вскричал Тараск.;

– Если я убью его, то тебе не о чем будет беспокоиться. Бели нет – что ж, тогда люди сами позавидуют крысам. У меня есть средство, чтобы раз и навсегда сокрушить карлика. Сегодня решающий день.

– Удачи тебе, друг! – проникновенно воскликнул Тараск.

Конан кивнул и пожал королю Немедии безжизненную руку. На глазах Тараска появились слезы. Возможно, потом, после победы над Тезиасом, их вражда разгорится с новой силой, но сейчас Тараск действительно был другом, который, не в пример многим, верил в его, Конана, успех. За свои же проклятые злодеяния он достаточно наказан.

Попрощавшись с Тараском, киммериец отправился на поиски своего главного врага. Дорогу в Жертвенный зал он хорошо помнил; с момента его первой в стречи с Тезиасом прошло совсем немного времени.

Когда Конан уже почти достиг входа в подземный лабиринт, земля вдруг задрожала у него под ногами. Землетрясений в Бельверусе никогда не было – это он знал наверняка. Но почва тряслась и стонала, огромный королевский дворец раскачивался я, если бы не искусство древних строителей, точно рухнул бы. И все же самым удивительным было другое. Из ясного неба прямо на землю лился толстый поток голубого огня, так будто сами небеса низвергались на эту грешную твердь. Огонь проходил внутрь, исчезая как раз в эпицентре землетрясения. Суть происходящего киммерийцу объяснять не нужно было, я он отважно ринулся внутрь лабиринта, навстречу холодному голубому огню. Из подземелья выскакивал перепуганный служилый люд, оглашая гремящий воздух истошными воплями. В этой суматохе никто и не вспомнил о богатой награде, обещанной Великой Душой за голову короля Аквилонии. Стражники из лабиринта, знавшие Конана в лицо, с криком проносились мимо. Варвару удалось поймать одного из них. То был закаленный немедийский капитан – Конан как-то встречал его в свите Тараска, Киммериец прижал стражника к трясущейся стене подземного коридора.

– Что там? – спросил он, укапывая вглубь лабиринта.

– Великая Душа терзает землю, – задыхаясь от суеверного страха, прошептал офицер. – Не иначе как наш бог ломится прямо в ад!

Конан отпустил стражника и побежал дальше, умело увертываясь от падающих сверху обломков каменного свода. Люди перестали попадаться навстречу; Земля дрожала все сильнее, но король, не останавливаясь, бежал вперед по подземному коридору. Нужно было спешить – у него был еще шанс. Сейчас или никогда!

Внезапно он замер, остолбеневший. Прямо на его загораживая собой весь коридор, стоял чудовищней зверь. Опираясь на четыре лапы, зверь спиной до королю до плеч. Из пасти монстра торчали клыки, каждый величиной с человеческую руку. В целом – зверь больше всего походил на льва. Скаля клыки, чудовище медленно приближалось к человеку,

Киммериец слышал рассказы о мерзком звере, обитающем в одном из подземелий Бельверуса. Он понял, что зверь этот сурийский тигр, перед ним. Зверь не уходил – да и некуда было. Вероятно, во время землетрясения стены каменной клетки обрушились тигр вырвался на свободу. Сейчас он медленно шел на человека, и в красных тазах его горел огонь.

Тигра давно не кормили; в переделке, связанной с воцарением нового бога, служители дворца забыли про него. Схватка была неизбежной; даже если бы Конан повернул назад, монстр, без сомнения, легко настиг бы его.

Конечно, киммерийцу приходилось драться и с тварями пострашнее этой. Но тигр был слишком, слишком велик! Попасть в его объятия – значит погибнуть; монстр мгновенно разорвет человека на куски или откусит голову клыкамн-кинжалами. Оставалось одно – вложив в удар всю свою сипу, снести добрым мечом тигру голову. Вряд ли зверь, лишенный головы, будет опасен – хотя Конану встречались и создания, превосходно обходящиеся даже без этой жизненно важной части тела. Король обнажил меч.

Тигр наконец прыгнул. Конан отскочил, прижался к стене. Тигр, привыкший расправляться с жертвами на огромной арене, в узком – для него – коридоре был неповоротлив. Киммериец оказался за спиной у зверя. Пока тигр поворачивался, чтобы напасть на человека снова, Конан забежал сзади, целясь мечом в шею монстра. В этот момент землю сильно тряхнуло, и Конанов меч, сделав замысловатый пируэт, с размаха врезался в переднюю лапу тигра и перерубил ее. Зверь взвыл, и от этого воя у отважного киммерийца по коже побежали мурашки. Конан снова отскочил, но неудачно – туда, куда он прыгнул, с каменного свода падал обломок скалы.

Король не успел уклониться. Камень, который наверняка убил бы любого другого, только оглушил киммерийца. Он осел на пол, не переставая крепко сжимать меч. В кровавом тумане Конан увидел, как неумолимо надвигается на него раненый монстр. Лишенный передней лапы, тигр не мог прыгать, но огромная клыкастая башка бестии с налитыми кровью глазами и пастью, где легко исчезал человек, стремительно приближалась. Собрав в кулак всю свою волю, варвар вскочил и размахнулся, собираясь снести мечом голову чудовища. Но движения человека, хотя бы им был сам Конан, после тяжелого удара скалой не могли оставаться столь же точными и уверенными. Меч прошел по щеке монстра, зверь проворно схватил его клыками-кинжалами, стараясь сломать. Но сталь была крепка, и тогда тигр резко рванул меч на себя. Чтобы не угодить в пасть монстра, Конан вынужден был отпустить верное оружие. Торжествующе взвыв, тигр отбросил меч в сторону.

Оставался еще кинжал, добрый стигийский кинжал. Разумеется, им нельзя было отсечь голову. Равно не было и смысла целить в сердце – кто мог знать, где у этой твари сердце и есть ля оно вообще? Нет, Конан решил запустить кинжал, словно копье, в красный глаз тигра. Была надежда, что, лишившись глаза, зверь если не подохнет, то потеряет ориентацию и пропустит человека вперед – туда, где земля, разрываемая голубым лучом, тряслась и

стонала. Конан знал, что у некоторых адских тварей оба глаза – единое целое; лишившись одного, такие твари лишались зрения вообще. На это и была надежда.

Киммериец метнул кинжал. О, так сражаться мог только он! Острый стигийский кинжал по рукоятку вошел в левый глаз чудовища. Глаз потек. Корчась от я, зверь, забыв, что из передних лап у него осталась только одна, попытался ею достать до пораженного глаза и, естественно, повалился ниц. То был удобный момент, чтобы обогнуть зверя. Конан прыгнул, собираясь проскочить мимо чудовища. Однако, на его беду, новый толчок столь резко сместил земную твердь, что варвар опустился вовсе не там, где нужно было. Он упал возле самой пасти чудовища. Забыв о глазе, сурийский тигр разинул пасть. Киммериец находился от зверя как раз на расстоянии удара клыком-кинжалом. Отступать было некуда – как назло, он попал в каменную нишу.

Конан в отчаянии взревел. То ли инстинкт, то ли наитие повело его руку в карман накидки – туда, где, ожидая своего часа, лежал Ромб Яхкунга. Схватив белый кристалл, Конан подпрыгнул и резко всадил его в башку чудовища. И тогда произошло чудо.

Какая-то странная световая волна, облачко белого и пульсирующего газа, отделилась от головы тигра и втянулась в маленький Ромб. Монстр затих.

Постояв около зверя еще с полминуты и убедившись, что он мертв, Конан осторожно извлек белый кристалл из вмятины, которую тот проделал в башке монстра. Удивительно, но крови не было ни в месте удара, ни на самом кристалле. Конан внимательно осмотрел Ромб. Штука переливалась ослепительными зеленоватыми блестками, словно драгоценный изумруд; внутри кристалла что-то пульсировало. Конан громко выругался.

Он понял, что произошло. Конечно, понял приблизительно, но и этого понимания было достаточно, чтобы осознать: защищаясь от монстра, он погубил свою надежду: Конан вспомнил наставления Хъяхъи: «Ромб Яхкунга – это темница. Душа, попав в Ромб Яхкунга, не вырвется обратно». По-видимому, кристалл и втянул в себя душу сурийского тигра, или жизненную силу, или что-то иное, что давало монстру жизнь, – варвар не разбирался в этих тонкостях. Потеряв это «что-то», чудовище лишилось жизни. Теперь жизнь зверя пульсирует в маленьком белом кристалле. Это означает, что Ромб Яхкунга уже использован и для поглощения души Тезиаса стал непригоден…

А если пригоден? Если он может поглощать сразу несколько душ? Хьяхья ничего не сказал об этом. Разумеется, Конан мог вернуться, снова отправиться в Стигию, к Хъяхье, спросить совета. Возможно, мыслящее озеро даст ему и новый Ромб Яхкунга. Это был самый надежный путь. Но Конан был не из тех, кто всегда спешит к цели по дороге разума. Инстинкт подсказывал ему, что решающую схватку с Тезиасом нельзя откладывать. И он решил рискнуть. Спрятав кристалл в складки набедренной повязки, он скинул свои маскарадные одежды, поднял добрый меч и бесшумными шагами двинулся дальше – туда, где стонала земля.

Глава XIV

«Ромб Яхкунга»

Тезиас готов был плясать от радости – но, увы, фантому этого было не дано. Что ж, скоро, очень скоро призрачному существованию придет конец. Да, он сделал это! Сделал в точности так, как и планировал! Его дерзкий, грандиозный план не дал ни единого сбоя. В схватке космических энергий и земной магии победа осталась за Космосом. Силы Света и Тьмы, объединенные Пелиасом для создания каменной ловушки, не устояли против сил, пришедших из глубин Вселенной – по его, Тезиаса, зову. Схватка энергий продолжалась менее получаса. И вот теперь призрачный бог стоял, а впереди него зиял тоннель, пробитый в заколдованном монолите его гением. Гордо вскинув голову, фантом вступил в этот рукотворный тоннель. Тоннель есть; войдя в свою лабораторию фантомом, Великая Душа возвратится обратно человеком.

Пять секунд стремительного полета – и он внутри огромного зала с жертвенной чашей. Подлетев к тайной двери, Тезиас прочитал магическую формулу. Дверь раскрылась, пропустив фантома в маленькую комнатку. Великая Душа простер руки к хрустальной жемчужине. Верхняя створка поднялась, и из раковины повеяло холодом безжизненного тела. Его тела. Тезиас внимательно вглядывался в себя, лежащего на прозрачном ложе, и в эту минуту разум его терзали последние сомнения. Так ли уж необходима ему эта безжизненная плоть? Зачем? Почему? Во имя чего? Не будет ли хуже? Фантом долго висел над хрустальной раковиной, но все-таки решился. Он снова простер невидимые руки к полному телу. Мысленно он представил себя яркой, могучей звездой, дающей жизнь, и тогда незримая энергия стала наполнять его призрачное тело. Затем она заструилась по его вытянутым рукам, перетекая в тело физическое. И холод смерти отступал – он чувствовал это. Тело в хрустальной раковине наливалось жизненной силой, розовело, набухало, как молодые ведшие побеги в солнечных лучах. Великая Душа давал своему телу вторую жизнь, и эта Жизнь, решительно разгоняя Смерть, неумолимо входила в тщедушное тело карлика.

Прошла минута. Теперь в хрустальном гробу лежал вой, здоровый – для своего телосложения, конечно, – человек. Человек не спал и не дышал. Но он – И тогда фантом приблизился к нему, чтобы совершить последний этап задуманного – воссоединить тело и душу.

Привычный каменный коридор подземного лабиринта резко обрывался. Перед Конаном сверкал чер-1ый монолит. В монолите зияло круглое, очень правильной формы отверстие. Диаметром отверстие было вполовину роста киммерийца. Конан заглянул внутрь. Дыра представляла собой начало округлого тоннеля. Тоннель казался прожженным в скальном монолите, словно кто-то орудовал гигантским раскаленным мечом. Вспомнив толстый голубой луч, уходивший в подземелье, Конан утвердился в своем подозрения: тоннель был результатом искусства Великой Души. Волшебное мастерство Пелиаса снова не устояло против силы его бывшего ученика…

Тезиас был там, внутри, – в этом король не сомневался. Конан просунул голову и руки внутрь, собираясь подтянуть и все свое могучее тело. Но тут же отпрянул. Внутренняя поверхность была горячей. Наверное, недавно здесь бушевал адский огонь, и тоннель не успел остыть.

Киммериец стоял перед зияющей дырой, обдумывая свое положение. Тараск сказал, что карлик пошел за своим телом. Если есть тоннель, значит, карлик из него выйдет. Можно было притаиться и подождать его, а когда Тезиас появится, внезапно напасть. Имей Конан другого врага, он наверняка бы так и сделал. Но король уже достаточно пообщался с Великой Душой, чтобы представлять, на что тот способен. Нет сомнения, свершив задуманное, Тезиас выйдет в этот мир во всеоружии. Следовательно, сидеть и ждать было более рискованно, нежели, вручив судьбу ботам, двигаться вперед.

Поразмыслив так, Конан решительно прыгнул в круглый тоннель. Он полз, ощущая себя поджаренным, как в гигантском котле, поставленном в духовую печь. Он полз все быстрее и быстрее, надеясь не сгореть заживо ранее, чем закончится проклятый тоннель. Он полз на четвереньках, и руки и ноги его покрылись ужасными ожогами. Кожа слезала, а за ней и мясо - Конан полз по тоннелю, упираясь в раскаленные камни голыми костями. Нестерпимая боль сжигала его тело и душу, но он неумолимо полз вперед. И выбрался.

Тоннель заканчивался в Жертвенном зале на уровне пола. Не помня себя от боли, киммериец полз и тогда, когда раскаленный тоннель остался позади. Он полз по холодному каменному полу пещеры-лаборатории и не видел ничего вокруг, все еще ощущая себя в адском котле. Он остановился только стукнувшись головой обо что-то твердое. Дальше ползти было некуда. Придя в себя, Конан поднял глаза. Над ним висел огромный стеклянный шар, открытый снизу. Конан достал из набедренной повязки маленький флакончик мутно-синей жидкости, которым на всякий случай снабдил его Пелиас, и с силой влил его содержимое в рот. Чуть полегчало. Превозмогая боль, киммериец поднялся с колен и осмотрелся. Он стоял в центре Жертвенного зала, рядом с памятной ему чашей. В зале было тихо. Король обнажил меч и, готовый к любым неожиданностям, обошел чашу. Тезиаса нигде не было. Конан внимательно оглядел потолок и стены лаборатории. Фантом затаиться где угодно. Но его нигде не было.

Зоркий глаз Конана заметил слабый свет, исходивший из дальнего угла зала. Киммериец бесшумно двинулся на источник света. По мере приближения он все яснее понимал, что свет исходит из тщательно замаскированного дверного проема. Каменная дверь была приоткрыта. Конан подкрался к двери и заглянул в щель.

Тот, кого он искал, находился внутри маленькой комнаты. Но это был уже не фантом. Из хрустальной раковины медленно вылезал человек – тот самый, с которым король Аквилонии дрался здесь, в Жертвенном зале. Казалось, это было так давно… Конан обрадовался: с человеком из плоти и крови он надеялся справиться мечом. Союзниками его была быстрота, внезапность и, конечно же, нечеловеческая сила. Резко распахнув дверь, король с обнаженным мечом ворвался в комнату.

Появление грозного варвара в сердце его цитадели, да еще в такой момент, было для Великой Души полной неожиданностью. Тезиас онемел. Он видел, как острый меч несется к его груди, и не имел сил предпринять

– либо в свою защиту. Страшная немая сцена, несомненно, закончилась бы смертью карлика, если бы киммериец сумел сдержать чувства, разрывающие его душу.

– Вот и конец тебе, призрачный бог! – воскликнул Конан.

Могучий рык варвара вывел карлика из оцепенения. Когда меч уже готов был впиться в его грудь, Тезиас все же успел увернуться в сторону. Киммериец взревел и напал снова. Тезиас, вторично уходя от меча, юркнул за раковину.

– Я достану тебя, шакал! – ревел Конан.

– Прощайся с жизнью, безумец! – вставая во весь свой маленький рост, прошептал Тезиас, и его огромные черные глаза впились в могучую фигуру Конана.

Король почувствовал, как невидимые силы сдавливают все его тело снаружи и изнутри. Медленнее стало биться сердце, останавливалось дыхание, разум застилала кровавая пелена. Казалось, Великая Душа убивала его всеми смертями сразу. Но вдруг что-то произошло.

Сквозь смертельный сон, уже почти сморивший его, Конан услышал пронзительный крик карлика. Смертельный сон отступил. Киммериец вновь увидел Тезиаса. Тот стоял, в ожесточении стиснув голову маленькими руками. В черных глазах карлика Конан прочитал выражение невыносимой, нечеловеческой боли. Спазм, внезапно охвативший мозг Тезиаса, не только спас короля от смерти – он давал Конану новый шанс. Торжествующе взвыв, киммериец с выставленным пред собой мечом ринулся на карлика. И на этот раз Тезиасу не дано было уйти от острой стали. Меч стремительно вонзился в тщедушную грудь, поразил сердце и проткнул маленькое тельце насквозь.

Следуя за мечом, Конан едва не сбил карлика с ног. Глаза умирающего встретились с глазами Конана.

– Вот и все! – удовлетворенно молвил киммериец.

Но он ошибался. От падающего тельца отделилась прозрачная оболочка. Огромное перенапряжение, которое испытал Тезиас, разрушая заколдованную гробницу и оживляя свое тело, плюс шок, вызванный внезапным появлением смертельного, врага, привели к тому, что ужасная Болезнь Разума проявилась у Тезиаса в самый неподходящий момент – во время решающей схватки с Конаном. Нестерпимая боль парализовала душу и разум Тезиаса. Он не сумел отклонить меч, и физическое тело, прожив второй жизнью чуть более минуты, снова стало мертвым. Но Тезиас был Великой Душой, он слишком долго жил без физического тела, чтобы умереть вместе с ним. Могучая воля Великой Души все же чуть пересилила мозговой спазм, и этого «чуть» как раз хватило для того, чтобы душа Тезиаса в последний миг его физической жизни выбралась наружу. Перед Конаном снова висел фантом.

– Ты убил мое тело, но не душу! – отчаянно борясь с болью, произнес фантом. – Я бог, я жив, а ты умрешь!

Не тратя времени на проклятия, король выхватил маленький белый кристалл. В нем, в этом кристалле, заключалась его последняя надежда. Ведь ни мечом, ни руками с фантомом справиться было невозможно. Сейчас Тезиаса пронзила боль, но рано или поздно фантом очухается и тогда сурово расправится с киммерийцем. И все опять начнется сначала: великий бог доказал, на что он способен без тела.

– Что это? Новое Сердце Аримана? – прошептал фантом, косясь на белый кристалл.

– Ты почти угадал, бывший бог! Это Ромб Яхкунга, смерть для твоей души!

Фантом в страхе отпрянул от белого кристалла. Ужас, внушаемый этой маленькой штукой в руках грозного варвара, вызвал новый приступ острейшей головной боли. Из незримой груди бога вырвался тоскливый стон. Со злорадной усмешкой на губах Конан поднес Ромб Яхкунга к голове фантома.

– Хъяхъя не обманул киммерийца. Призрачное тело распадалось, втягиваясь в маленький белый кристалл. Ужасная гримаса смерти исказила лицо фантома. Он погибал, и

обе души – Великая, но побежденная, и человеческая, но побеждающая, поняли это.

– Я еще вернусь, – успел прошептать Тезиас, исчез в безднах белого кристалла.

– Как же! – саркастически усмехнулся Конан, с интересом наблюдая гибель великого бога, покорившего полмира за одну только неделю…

…В миг, когда Великая Душа окончательно растворилась в безднах Ромба Яхкунга, жестяной кувшин сам выскочил из рук Хадрата. На глазах ошеломленного жреца Асуры кувшин лопнул, вверх взметнулся фонтан мельчайших брызг. Когда водяной туман спал, Хадрат увидел перед собой прекрасную королеву Зенобию…

…Парализованный король Немедии Тараск внезапно свалился со своего ложа. Не веря самому себе, он шевельнул одним пальцем, затем другим, рукой, ногой. Он больше не был парализован! Тараск легко вскочил на ноги…

…В тот же миг миллионы подданных Великой Души в разных землях Хайборийского мира очнулись от сковывавшего их страха. Так поняли они, что великий бог покинул этот мир…

… Разъяренная толпа, штурмовавшая Золотую башню Пелиаса в Ханарии, вдруг застыла. Разом осознав всю бессмысленность и дикость своей затеи, люди, побросав кирки и ломы, бросились врассыпную, тем избавив старого волшебника от необходимости пускать в ход свои могучие чары…

…И в тот же миг исчезла огромная черная туча, безжалостным хищником нависшая над Страной пиктов…

Король Аквилонии еще долго стоял возле хрустального ложа своего поверженного врага, сжимая в руке маленький белый кристалл. Кристалл пульсировал, и Конан знал, кто ломится в двери своей вечной темницы. «Вот теперь – все», – удовлетворенно отметил киммериец. Он сделал свою работу, довел начатое до конца, снова победил. Сердцем чувствовал он и освобождение любимой Зенобии, и гордость своих друзей, и радость мыслящего озера, отомщенного им, Конаном, спустя пятьдесят тысяч лет, и даже вечное равнодушие маленького искрящегося мозга, которому все происходящее было бесконечно безразлично…

Конан осторожно спрятал Ромб Яхкунга в складки набедренной повязки. Подняв, как пушинку, тело Тезиаса, король мягко положил его на прозрачное ложе хрустальной раковины. Он еще раз посмотрел на карлика. Огромные черные глаза были безжизненны. Конан аккуратно прикрыл их.

– Спи, Великая Душа! Ты был достойным противником! – сказал киммериец, сам удивляясь этим словам, столь необычным в его устах.

Еще минуту стоял он перед хрустальным гробом, всматриваясь в того, кто был так мал и – одновременно – так велик. В того, кто за свою короткую жизнь свершил так много. В того, кто, как и сам Конан, был решителен и целеустремлен, кто, презрев традиции и законы природы, смог выбраться из своего Я и стать великим.

В последний раз взглянув на безжизненное тело, Конан решительно захлопнул створку хрустальной раковины. Не оглядываясь киммериец двинулся обратно. Его ждали дома.

Эпилог

От западного берега моря Вилайет, в районе, где путники отмеряют ровно полпути от Султанапура до Аграпура, отчалило небольшое весельное судно. На борту лодки, кроме гребцов, находились Конан, король Аквилонии, его жена Зенобия, старый чародей Пелиас и асурский жрец Хадрат. Оставив позади остров Железных Идолов, судно держало курс в открытое море. В бытность свою пиратом Конан не раз бороздил эти воды и как никто другой знал, где искать самое глубокое место великого внутреннего моря. Наконец он приказал гребцам остановиться.

– Здесь? – тихо спросил Пелиас.

Король кивнул. В руке он держал маленький белый кристалл, Ромб Яхкунга. Размахнувшись, Конан выбросил кристалл в море.

– Зенобия говорила, что он боится воды, – поды-жил киммериец.

Прекрасная королева утонула в его объятиях; губы могучего варвара и молодой немедийки сошлись в страстном поцелуе. Не отрываясь от любимой, король махнул рукой. Гребцы снова взялись за весла, и судно двинулось в обратный путь.

…Огибая с юга остров Железных Идолов, Конан и его друзья не могли заметить, как, двигаясь вдоль северной стороны острова, в открытое море уходила другая лодка. Ее пассажирами были трое высоких угрюмых мужчин в одинаковых темно-синих плащах и таких же, надвинутых на глаза, капюшонах.

Еще одна троица, одетая точно также, проходила в этот момент через главные ворота Бельверуса…

Брайан Толуэлл

ОГНИ БУДУЩЕГО

Будущее – это не только лишь то,
что случится завтра, за Горизонтом Времени,
нет, это иной, враждебный всему привычному
мир, мир моего мщения…
Откровения Великой Души

Пролог

Жестокий и стремительный ветер выл и стонал. В его тревожных переливах как будто слышался то плач ребенка, то свист жаркого воздуха кровавой битвы, рассекаемого, клинком холодной стали, то последний зов безвозвратно загубленной души. Пронзительный этот ветер беспощадно разметал редкие облачка, обнажив полную, испещренную шрамами и пятнами, подобную древней золотой монете, сверкающую луну. Туманный свет луны равномерно застилал пугающе-однообразную равнину, на которой не было ничего, кроме истинного ее властелина – этого всепроникающего ветра, возникшего словно из самых глубин мрака. Прекрасное звездное небо волшебным куполом нависало над потрескавшимся панцирем степи, и казалось, что ветер щекочет небесный свод, так что звезды переливаются на нем подобно серебряным чешуйкам на теле исполинского сказочного дракона, вперившего свой неподвижный лунный глаз в эту пустую, никчемную и бесконечно грешную землю…

Вот уже несколько часов тусклый лунный глаз задумчиво прослеживал путь трех высоких, крепко сложенных мужчин: не безумны ли они, бросившие вызов этому великому, леденящему душу мраку?… Жестокий ветер рвал широкие темно-синие плащи путников, дико завывал у самых ушей, едва скрытых капюшонами, но все его усилия пробудить у странников человеческие чувства были тщетны. Люди шли, и перед их мрачной решимостью одинаково отступали и ветер, и тьма, и даже лунный глаз, будто покорясь их безумной несокрушимой воле, старательно освещал загадочной троице дорогу.

Не менее странным был и скарб одиноких ночных путешественников. Он размещался на небольшой четырехколесной повозке, которую люди, поочередно сменяя друг друга, настойчиво катили вперед. Усилия, прикладываемые ими, явственно свидетельствовали о достаточной тяжести груза. Тщательно укрытый несколькими слоями черного шелка, груз этот словно сросся с повозкой. Все тот же безжалостный ветер силился сбросить черные покрывала, чтобы лунный глаз хотя бы разок смог взглянуть на тайный скарб безумцев, но и это ему не удавалось. Напротив, казалось, здоровенный сундук – сундук ли? – как будто притягивал свои черные одежды, видно, стесняясь показать себя всевидящей луне. Или, может быть, желая выждать время, чтобы предстать перед миром в новом, могущественном обличие…

А люди все шли и шли, и повозка поскрипывала в такт их тяжелым шагам. Отчаявшись устрашить путников и потеряв всякую надежду раскрыть их тайну, хмурая луна готовилась отбыть в последний путь, чтобы завтра вновь захватить власть над этой бескрайней равниной. Впрочем, нет. Равнина не была бескрайней: на востоке и юге ее ограничивали острые, подобные выставленным для устрашения пришельцев каменным клинкам, высокие скалы. То были первые стражи великих Карпатских гор, естественной границы Запада и Востока обширных хайборийских земель. Протянувпшсь на тысячу миль с северо-востока на юго-запад, Карпашские горы разделяли владения Коринфии и Заморы, Кофа и Офира, и кое-где, близ места слияния Хорота и Красной реки, подбирались к землям Аквилонии, богатейшей державы Запада.

Степь, по которой шествовали загадочные странники, представляла собой едва ли не самую заброшенную часть коринфских земель. Здесь не было лесов, рек, только голые, потрескавшиеся солончаки. Если люди когда и жили здесь, то очень давно, в бесконечно далекие, доисторические времена, и следов их пребывания древняя степь не сохранила.

Здесь, на краю этой степи, горы были особенно неприветливы, и бесчисленные караванные тропы обходили их стороной. Легенды гласили, что места эти прокляты, и в здешних горах рисковали селиться лишь прозревшие волю богов бесстрашные горные орлы.

Между тем люди шли, не оглядываясь и не сверяясь с картой, как будто к себе домой. Троица неумолимо приближалась к черным скалам, в зловещей вышине помеченным ледяными шапками, и с каждым шагом движения людей становились все более уверенными. Вот они миновали ущелье, осторожно подняли повозку с грузом по пологой каменной лестнице. Петляя в узких ложбинах между скал, они вышли на большую ровную площадку.

Зажатый в естественном каменном мешке, подвластный лишь взору небес, высился огромный замок. Вытесанный из колоссальной скалы-монолита, этот мрачный дворец был начисто лишен окон и дверей. Только широкие, пробитые в скальных породах ступени вели к массивной железной плите, прильнувшей к холодному камню горного дворца. В момент, когда ноги путников ступили на лестницу, тяжелая железная плита дрогнула и внезапно откатилась в сторону. Изнутри, рассекая тьму уходящей ночи, навстречу путешественникам ринулся поток яркого факельного света. Вослед свету явился человек – очень высокий, стройный, облаченный в темно-синие одежды. Его правильное, отметенное чертам аристократизма лицо была бесстрастно. Маленькие серые глаза, таящие недюжинный ум их обладателя, изучающе смотрели на вновь прибывшую троицу, но казалось, не люди интересовали мужа, вышедшего из чрева каменного замка, а то, что было скрыто черным шелковым покрывалом. Помедлив мгновение, человек Повелительным жестом приказал следовать за ним. Пришедшие, ничем не показывая смертельную усталость от изнурительного ночного путешествия, покорно склонили головы и двинулись вослед хозяину. Как только все четверо вступили в замок, огромная железная плита легко встала на свое место, и более ни один ручеек света не изливался в предрассветную мглу.

Долгими каменными коридорами катилась покрытая черным шелком повозка, пока процессия не вступила в округлый зал, напоминающий кратер давно потухшего вулкана. За все время путешествия по замку никто не проронил ни слова, как будто над его обитателями тяготел неведомый обет молчания. В центре амфитеатра возвышался небольшой мраморный постамент. Около постамента стояли мужчины, ничем – ни одеждой, ни осанкой, ни формой лица, ни цветом глаз – не отличавшиеся от вновь прибывших. Единственным украшением был большой серебряный медальон на груди у самого высокого из облаченных в синие плащи мужей – того, кто вышел из замка навстречу ночным путешественникам. Медальон изображал стремительный остроконечный треугольник. Искусство мастера, изготовившего медальон, придало треугольнику объемность, так что казалось, будто на груди человека сверкает великолепная серебристая пирамида; внимательный взгляд заметил бы шестнадцать тщательно очерченных ее граней. Вокруг пирамиды вились какие-то тончайшие спирали, отдаленно напоминающие змей. Но тайный знак, изображенный на медальоне, на самом деле был неведом служителям культа Великого Змея Сета, равно как и жрецам всех других бесчисленных религий тогдашнего мира. Ничего не говорилось об этом знаке и в мудрых книгах древности, в равной мере не знали о нем опытнейшие маги и всемогущие короли. Ибо знак тот был не от мира сего, и лицезреть его могли только те шестнадцать человек в однообразных темно-синих одеяниях, что в мрачной задумчивости застыли вокруг мраморного постамента.

Повинуясь немому приказу человека с медальоном, люди осторожно сняли тяжелый груз с повозки и водрузили его на постамент. Только тогда непроницаемые шелковые

покрывала были отброшены. Взорам шестнадцати предстало воистину удивительное зрелище.

Отражая неровное пламя факелов, на пьедестале сверкал прозрачный кубообразный кристалл, похожий более на гигантскую хрустальную раковину. Сквозь верхнюю створку раковины отчетливо был виден маленький человек, покоящийся на прозрачном ложе. Он лежал на спине, и лицо его было белее снега. В груди человечка зияла огромная резаная рана. Глаза его были закрыты. Человек внутри раковины не спал – он был мертв. Долгие мгновения шестнадцать посвященных вглядывались в толщу хрустальной раковины. Их лица были по-прежнему бледны и бесстрастны.

Наконец предводитель, словно стряхнув с себя оцепенение, решительно извлек из внутреннего кармана своего широкого плаща нечто маленькое и белое, похожее на монету, но с двумя заостренными концами. Держа крохотный белый кристалл в левой руке, человек прочел над ним короткое беззвучное заклинание. Затем он занес над кристаллом свою правую руку, и из нее порывался тончайший голубой порошок. Оседая на кристалле, порошок быстро растворялся в его неведомых безднах. Когда последняя пылинка голубого порошка пала на маленький белый кристалл, внутри его обнаружилось какое-то движение, он пульсировал, обдавая присутствующих сполохами возбужденного изумрудного свечения. Но и тогда никто из шестнадцати не издал ни звука, никак не выдал своих чувств; между тем каждый из них знал, что присутствует при свершении магии, единственной и неповторимой в своем роде за все времена вселенской истории, при отправлении обряда, ни разу не свершаемого никогда и нигде ранее, обряда, который никогда более не повторится.

Человек с медальоном приблизил пульсирующий кристалл к прозрачной раковине. Повинуясь неведомой силе, верхняя створка бесшумно распахнулась. И хотя в огромном чертоге было жарко, тепло десятков факелов и каминов отступило перед холодом безжизненного тела, покоящегося на своем прозрачном ложе. Правая рука предводителя опустилась на грудь мертвеца, стремительно вошла в израненное пространство и тотчас же возвратилась обратно, сжимая ссохшийся комочек, разрубленный пополам – сердце карлика.

Ставшую уже привычной зловещую тишину разорвал сильный и уверенный голос человека с медальоном.

– Оно ему больше не пригодится, – бесстрастно произнес предводитель.

Один из его помощников принял то, что когда-то было человеческим сердцем, и аккуратно спрятал его в особую, инкрустированную все тем же загадочным знаком с пирамидой шкатулку. Проводив тяжелым взглядом эту неизменную принадлежность человеческого существования, предводитель сказал:

– Мы делаем это, ибо такова была его воля…

Слова прозвучали глухо и торжественно, но смысл происходящего всем присутствующим был ясен и без них; к этому мигу шестнадцать посвященных готовились всю свою жизнь. Они знали: ничто не помешает довести этот удивительный обряд до конца, знали, что им предстоит потом, после его завершения, но и остановиться они не могли, ибо над судьбой своей были не властны…

Медленно, словно в глубоком трансе, двинулась рука человека с серебристым медальоном. Изумрудно-пульсирующий кристалл перешел из его гибких пальцев в узкое пространство резаной раны на груди мертвеца, туда, откуда минуту назад было извлечено разрубленное сердце.

Скользнув по мертвой ткани, ромбовидный кристалл занял место сердца. Предводитель

неспешно отдёрнул руку. Выражение торжествующего изумления застыло на лицах шестнадцати.

Мертвое тело в раковине вздрогнуло, по всем, его конечностям прошла и тотчас исчезла изумрудная волна. В тот же миг зияющая рана на груди сама собой затянулась, и на ее месте появилась белая, точно очищенный пергамент, холодная кожа. Зашевелились кудрявые черные волосы на голове лежащего, конвульсивно дернулись тонкие пальцы рук. Решительно откинулись назад веки, обнажив огромные, непропорциональные этому маленькому тельцу, как будто целиком состоящие из агатовых яблок глаза – глаза существа, только лишь по странному стечению обстоятельств принадлежавшего к миру людей. И вот эти гигантские глаза широко раскрылись, словно две черные бездны, готовые поглотить в своих мрачных глубинах все живое и сверхъестественное, все сущее, обитающее в этом мире и вне его. В этих глазах был и холод межзвёздных глубин, и жестокая, всеподчиняющая воля, и какая-то безвестная, пришедшая из тайников времен и пространств, сила. И, конечно же, в этих глазах была Жизнь.

Всепроникающий взгляд огромных черных глаз пронзил разум стоящих в немом оцепенении людей. Он, этот взгляд, обошел стены каменного амфитеатра, и от него в необъяснимом испуге шарахались языки факельного огня. Казалось, сам воздух в зале сжался и потяжелел, словно этот чудовищный взгляд был властен и над ним.

Стоически выдерживая взгляд разбуженного существа, высокий человек с медальоном опустился на колени перед хрустальной раковиной; его примеру последовали и остальные синие плащи. В сдавленной тишине торжественно и гулко прозвучал уверенный голос предводителя:

– Ты снова жив, Великая Душа! Ибо такова была твоя воля.

Словно услышав это известие, могучий ветер, гулявший по мертвой степи, внезапно стих. Великие Карпатские горы, – мудрые, как боги, предвидящие далеко вперед, – застыли в мрачном предвкушении грядущих потрясений.

А с востока на их заснеженные пики уже надвигалась заря нового дня. То были огни будущего – будущего, которое с этой ночи стало еще более непредсказуемым…

Глава I

«Месть и вероломство»

Чудна природа у истоков Красной реки. Там, где среди цветущих лугов и покрытых пролесками холмов сходятся границы Немедии, Коринфии и Офира, всегда многолюдно. Богатые поместья вельмож соседствуют с обширными купеческими поселениями, стихийные рынки работают днем и ночью, все новые караванные тропы появляются тут и там, чтобы еще теснее связать между собой разноязыкие хайборийские народы.

По одной из таких дорог, лихо обгоняя купеческие кибитки, на добрых вороных конях скакали двое – облаченный в стальную кольчугу гигант-воин и прекрасная стройная девушка в облегающем походном костюме, подчеркивающем совершенство ее фигуры. На полое у гиганта висел широкий двуручный меч, девушка же была безоружна.

Всадниками были Конан-киммериец, могущественный король Аквилонии, и его супруга Зенобия. Венценосная чета возвращалась домой, в аквилонскую столицу Гарантию, после далекого и ответственного путешествия к берегам моря Вилайет. Там, в темных водах великого внутреннего моря, закончилась захватывающая, стремительная, полная потрясающих приключений и переживаний история схватки Конана с могущественным карликом Тезиасом, более известным в хайборийских землях под именем «Великая Душа». Много горя и страданий принес призрачный Бог самым разным народам от Пиктлэнда до Заморы, пока, наконец, не был поражен в мрачном подземелье Бельверуса острым клинком Конана – в самое сердце. Сгинула с белого света и черная душа его, втянувшись в загадочную темницу волшебного кристалла – Ромба Яхкунга. Кристалл этот покоится ныне в покрытых тысячелетним илом безднах вилайетских впадин.

– Все-таки славно, Зенобия, раз этак в год спасать мир от мерзавцев, подобных нашему низкорослому другу! – с природной беззаботностью варвара пробасил Конан.

Прекрасная королева также пребывала в хорошем настроении, но поспешила поправить мужа:

– И все же лучше обойтись без подобных приключений! Или ты желаешь, чтобы меня каждый год превращали в воду?

Весело посмеявшись над собственной шуткой, Зенобия игриво подтолкнула конанова жеребца и, вонзив легкие шпоры в бока своей лошади, унеслась вперед.

– Не уйдешь! – разыгрывая свирепого преследователя, возгласил Конан, и его конь бросился вдогонку за скакуном королевы.

Путь домой проходил легко, без каких бы то ни было приключений. Даже в землях Турана, где на каждом шагу Конан рисковал встретить старого недруга, – кто-кто, а уж он изрядно потрепал нервы покойным королям Илдизу с Ездигердом и их бесчисленным подданным, – ничто не омрачило победного шествия киммерийца-триумфатора. Его спутники и друзья, сыгравшие немалую роль в борьбе против призрачного Бога, – старый волшебник Пелиас и жрец Асуры Хадрат, – отправились каждый по своим делам, оставив влюбленных короля и королеву наслаждаться обществом друг друга. Хадрат покинул их еще на берегу Вилайета: он отправился в далекую и загадочную Вендию, родину культа его

мудрого древнего Бога. «Я никогда не прощу себе, если сейчас, в двух шагах от великих храмов Айодхьи, я не навешу своих братьев по вере; убежден, асурийцы Вендии страждут услышать о моих приключениях из первых уст», – говорил на прощание Хадрат.

Пелиас, высокий сухопарый старик с величественной седой бородой, расстался с ними недалеко от Хоршемища, кофийской столицы. «Схватки с Тезиасом вконец измотали меня, – решительно заявил волшебник. – Человеку, не помнящему век, в котором он родился, трудновато странствовать по миру и при этом еще совершать подвиги! А потому – все, точка! К дьяволу магию, белую и черную! Мягкий диван, сладкое хауранское вино и обнаженные девушки с пышными формами – вот все, что нужно старику до конца ценных мне великой Иштар дней!» От души посмеявшись над новой философией многоопытного Пелиаса, Конан и Зенобия пожелали волшебнику счастливого пути, и тот отбыл домой, в город Ханарию, что в маленьком королевстве Хорайя, где, окруженная дивным садом, возвышалась Золотая башня чародея…

Близился вечер. Конан и Зенобия надеялись до наступления ночи пересечь аквилонскую границу, и потому кони их неслись во весь опор. Здесь, в Офире, также испытавшем иго Великой Души, встречали Конана как освободителя. Но гигант-киммериец торопился домой, ведь он не был на аквилонской земле с того самого ужасного дня, когда, гонимый дьявольским гипнозом Тезиаса, вынужден был спасаться бегством от разъяренных толп тарантийцев. Но злой гипноз карлика остался в прошлом, и теперь благодарные подданные с нетерпением ждали возвращения короля-освободителя.

Переполненный благостными видениями грядущих пиров и празднеств, киммериец не сразу заметил опасность. В надвигающихся сумерках из-за небольшого холма навстречу продвигался вооруженный отряд. Изумленный король резко осадил скакуна. Тихо вскрикнула Зенобия.

– Кром! – выдохнул киммериец, отказываясь верить собственным тазам.

Этих воинов невозможно было не узнать. Размахивая дорогими инкрустированными мечами, на них неслись десятка два богато разряженных рыцарей с перекошенными от гнева лицами. Это были кшатрии, воины-аристократы из Вендии. Вел их высокий, горделиво сидящий в седле юноша, и в колючих глазах его пылал огонь смерти.

Положение Конана было безнадежным. Он воевал в разных землях, повидал всяких воинов. Против этого отряда шансы его были ничтожны. Однако в другой раз он, не раздумывая, первым бросился бы в атаку, а там еще одному Крому известно, чья возьмет… Но сейчас он был не просто Конан-киммериец, искатель приключений, а король великой Аквилонии, и радом с ним была его королева. Не для того он рисковал жизнью, отвоевывая у гнусного карлика царство и жену, чтобы бесславно погибнуть здесь, среди офирских холмов, от стальных клинков неизвестно откуда взявшихся кшатриев. Конан тряхнул черной гривой и высоко поднял над головой длинный, блестящий меч.

– Эй, вы! Вас больше, и намерения ваши понятны мне, – проревел голубоглазый великан на языке химелийских горцев. – Может статься, мне суждено умереть. Но мне ведом кодекс чести кшатриев. Я имею право знать, кто вы и почему желаете моей смерти!

В десяти шагах от Конана кшатрии придержали своих коней. Рослый юноша-предводитель выехал вперед и бесстрашно приблизился к Конану. Его красивое лицо полыхало ненавистью.

– Да, киммерийский пес, ты узнаешь причину своей смерти, – подавляя желание немедленно всадить меч в сердце гиганта, закричал юноша. – Я – Бхадри-пал Ченгир Чанд.

Говорит тебе, пес, что-либо мое имя?

– Ничего, – ответствовал киммериец, – кроме того, что оно, несомненно, принадлежит негодяю.

– Так вот, ты, всегда появляющийся не вовремя, знай: я – принц Бхадрипал Ченгир Чанд, законный наследник престола Вендии, – высокомерно заявил юноша.

– Ты сын того подонка Ченгира, который со своими людьми возжелал добыть для себя трон, убив темной ночью беззащитную спящую женщину?! – в гневе вскричал Конан.

– Я вижу, ты прекрасно осведомлен! – зашипел юноша. – Это знание ты унесешь с собой в могилу. С той самой ночи, когда мой отец отправился кормить демонов, правительница Жасмина словно сошла с ума. Гонения обрушились на мою семью, на тех, кто призван был править Вендией. Мне удалось бежать из темницы в Айодхье. Собрав верных вассалов, я устремился на поиски того, кто своим нежданным появлением сорвал гениальный замысел моего отца. Мы проделали немалый путь, чтобы свершить свою жестокую месть, Конан из Киммерии! Хвала Асуре, ветер донес до наших ушей пьяную болтовню посвященного жреца Хадрата, – ты знаешь его, не так ли? Сидя в кабаке города Хоарезма, он рассказывал байки о своих и твоих подвигах. Надо сказать, презренный жрец дал довольно – точное описание твоего пути, – злорадная усмешка пробежала по лицу юного принца.

Мысленно Конан много чего пообещал Хадрату, как только увидит его. Если увидит… – Итак, ничтожнейший из королей, я сполна удовлетворил твое любопытство, – сказал между тем вендиец. – Ты знаешь, кто я и почему хочу твоей смерти. Готов ли ты теперь принять бой?

– Двадцать против одного, – подытожил киммериец. – Да, подонок и сын подонка, я готов!

– Ты не понял меня, презренный варвар, – растягивая слова, с выражением проговорил принц Бхадрипал. – Я буду биться с тобой один на один. Мои воины прикончат тебя, только если это не удастся сделать мне самому!

– Вы не смеете убить его! – в ужасе воскликнула Зенобия, хранившая до сих пор молчание.

Вендийский принц уже не слышал ее. Он стремительно атаковал Конана. Юноша был превосходным воином, а предвкушение долгожданной мести придало ему дополнительные силы. Король вынужден был защищаться. Но более всего он опасался предательского удара в спину. Однако кшатрии застыли на месте, внимательно наблюдая за поединком своего принца с прославленным черноволосым великаном.

Конан едва успевая отражать молниеносные удары вендийца. Лицо молодого принца побагровело от бешенства. Его враг все еще был жив! Сделав стремительный выпад, Бхадрипал нанес Конану легкую рану в бок. Рассвирепев и забыв обо всем на свете, кроме этой схватки, Конан бросился на вендийца. Боевой киммерийский клич разнесся над холмами. Пораженный этим удивительным криком, принц на секунду замешкался. И этого мгновения хватило Конану, чтобы с размаху перерубить пополам тело своего врага. Брызнула кровь, конь под убитым заржал и бросился прочь, унося с поля битвы искалеченный труп хозяина.

Узрев развязку поединка, кшатрии снова обнажили мечи.

– Отомстим за отца и сына! – возгласили они и теперь бросились на Конана все разом.

Но резне не дано было начаться. Повелительный голос горна разорвал предвечернюю тишину. В бой вступили новые действующие лица – неизвестные всадники ударили в тыл

отряду кшатриев. Деморализованные внезапной атакой неведомого врага и оставшиеся без предводителя, вендийские рыцари сражались теперь за свои шкуры. Получив нежданную поддержку, Конан бился за пятерых. Вскоре все было кончено: ни один из кшатриев не дожил до наступления сумерек. И лишь когда пал последний враг, Конан позволил себе оглядеться.

Переливаясь золотом в лучах заходящего солнца, сверкал боевой стяг. На нем был изображен великолепный и одновременно устрашающий алый дракон. Конан вскрикнул, будучи не в сипах скрыть изумления: спасителями его были немедийцы.

Один из немедийских воинов снял шлем, открыв смуглое, отмеченное печатью усталости и недавней болезни лицо.

– Тараск! Ты ли это?! – воскликнул Конан.

– Судя по всему, мы подоспели вовремя, – сказал король Немедии, приблизившись к Конану. – Эти воины были настроены решительно. Кстати, кто они?

– Так, старые долги, – уклончиво ответил киммериец, с подозрением оглядывая Тараска и его многочисленную, хорошо вооруженную свиту. – Скажи лучше, что привело тебя сюда? С чего это вдруг ты взялся спасать мою жизнь?

– А что тебя так удивляет? – грубовато-насмешливо произнес Тараск. – Ты же спас меня от проклятого карлика – почему и мне нельзя быть благодарным?!

– Насколько мы тебя знаем, Тараск, чувство благодарности никогда не было тебе присуще! – заявила Зенобия.

– Мое почтение, прекрасная королева, – склонив голову в знак приветствия, все так же насмешливо молвил Тараск. – Ты права: разумеется, не одной лишь благодарности ради я покинул благословенный Бельверус. Богам было угодно, чтобы я спас Конана от верной смерти; но не ради этого я здесь. У меня к тебе дело, король Аквилонии.

– Что же тебе нужно? – насторожился Конан.

Взгляд Тараска помрачнел, губы задрожали. Видно было, что мучившие немедийского монарха переживания изрядно истощили его волю и тело.

– Так что же? Говори! – повторил киммериец.

– Конан, – наконец выговорил Тараск, глядя прямо в чистые голубые глаза варвара, – ты уверен, что Тезиас мертв?

Вопрос этот застал Конана врасплох. Он рассмеялся грубым, жестоким смехом. Тараска передернуло.

– Да что это с тобой, Тараск?! Карлик мертв – мертвее не бывает!

– Как он умер? – продолжал допытываться немедийский король, сам похожий на мертвеца в сумеречном свете гаснущего дня.

– Он умер дважды. Первый раз я всадил в него вот этот меч, точно в сердце. Но, надо призваться, это не до конца убило его.

– Я так и знал! Я так и знал! – обхватив голову руками, в отчаянии воскликнул Тараск.

– Погоди! Я не закончил, - сурово осадил Конан насмерть перепуганного немедийца. – Когда я пронзил его мечом, он превратился в фантома – ты знаешь, о чем я говорю, – в попытался убить меня.

– Но ты остался жив!

– Как видишь! В момент, когда я уже был готов отдать душу этому вампиру, что-то разладилось у его дьявольском механизме. Он схватился за голову – вот почти как ты сейчас – и завопил от невыносимой боли. Тогда я выхватил одну такую особую штукенцию, – я добыл ее в Стигии, Ромб Яхкунга называется, – и поднес ее к призрачному телу фантома.

– Что, что же было дальше? – с нетерпением вскричал Тараск.

– Что могло быть? Фантом погиб, растворившись в этой штуковине! Так умер Тезиас, призрачный Бог, властелин полумира!

– И в тот же миг с меня спали колдовские чары карлика, – добавила Зенобия.

– Да, наверное, так оно и было, – задумчиво молвил Тараск. – Мое собственное освобождение также пришло внезапно, как будто кто-то разом разрубил черную паутину, свитую над миром Великой Душой.

– Теперь ты точно знаешь: это был я, – рассмеялся Конан. – Д чего это ты так всполошился? Что, фантом прислал весточку из Преисподней или мертвец восстал из хрустального склепа?

– Ни то, ни другое, – сумрачно заявил Тараск. – Только две недели назад хрустальный гроб с телом карлика внезапно и загадочно исчез.

– То есть как исчез? Кому он нужен?

– Исчез, и все. Хотя я поставил у входа в лабиринт вооруженную охрану, да и вообще собирался снова засыпать проклятую пещеру камнями. Как вдруг мне доносят, что охранники спят, а хрустальной раковины больше нет! Мои люди обшарили город, но все было бесполезно: тот проклятый кристалл точно сквозь землю провалился!

– Бьюсь об заклад, демоны забрали его себе на память.

– Впрочем, сейчас это уже неважно, – вдруг жестко и властно произнес Тараск, и быстрее, чем Конан успел что-либо заметить, взметнулась рука немедийского короля. С поразительной скоростью к лицу киммерийца устремился крохотный сверкающий шарик. Конан инстинктивно отпрянул, но было поздно: раздался тихий хлопок, облачно серой пыли накрыло черную гриву гиганта, и Конан в тот же миг свалился с коня наземь.

Потрясенная Зенобия разъяренной пантерой бросилась на Тараска. Тот сделал знак, и рослые немедийские воины схватили бьющуюся в гневе аквилонскую королеву.

– Ах ты, вероломная скотина! – горестно кричала Зенобия. – Что сделал ты с моим мужем?

– Твой драгоценный супруг потерял бдительность, за что и поплатился, – насмешливо произнес Тараск. – Ты трус, подлец и предатель, Тараск Немедийский! Ты воюешь колдовским оружием!

– Да, месяцы, проведенные мною в обществе Ксальтотуна и Тезиаса, не прошли для меня даром, – нравоучительно заметил король. – Например, я понял, что нет смысла рисковать жизнями верных воинов, когда достаточно одного ловкого движения – и вот, пожалуйста, – легендарный герой лежит в дорожной пыли у ног моего коня! Не правда ли, славно? К тому же оба чародея, столь безвременно оставившие нас благодаря великому Конану, квартировали в королевском дворце в Бельверусе, и в моем распоряжении оказалось кое-какое наследство.

Немедийцы одобрительно заржали в ответ на эти слова своего короля.

– Скоты! Шакалы! – билась Зенобия в тисках тарасковых слуг. – Вы убили его!

– Пока еще нет, – успокоил ее Тараск. – Но, думаю, не стоит медлить. Случай как раз подходящий: если оставить твоего супруга здесь, среди трупов вендийских кшатриев, с разрубленной башкой, никто не усомнится, что великий король Аквилонии погиб в жестоком бою! Как и подобает герою!

– Но почему, почему? – причитала королева. – Где смысл в твоих поступках, Тараск? Сначала ты спасаешь Конана, а теперь желаешь его убить!

– Поразмысли хорошенько, девочка! Единственной причиной, сблизившей меня с твоим мужем, был проклятый карлик. Но раз Тез нас мертв, нет более ни одной причины, по которой я мог бы сохранить Конану-киммерийцу, моему и всей Немедии злейшему врагу, свободу и жизнь. Что касается свободы, я не раз убеждался, насколько опасно давать этому парню хотя бы малейший шанс. Нет, только смерть, верная и необратимая! И потому сейчас король Аквилонии умрет! – решительно заявил Тараск, обнажая плеч.

Видя, что немедийский король намерен и вправду зарубить беззащитного великана, Зенобия в отчаянии воскликнула:

– Постой же! Не делай этого! А вдруг карлик оживет? Кто тогда защитит тебя? Тараск остановился.

– Не далее как несколько минут назад Конан сам доходчиво объяснил мне, почему это невозможно. Твой муж убил Тезиаса и теперь отправится вслед за ним.

– Но кому-то ведь понадобилось красть бездыханное тело! – не отступала от своего отважная королева. – Вспомни: разве не на твоих глазах воскрес ахеронский волшебник Ксальтотун?! А вдруг и Тезиас воскреснет?

Немедиец непроизвольно вздрогнул. В душе его боролись желание поскорее покончить со злейшим врагом и безотчетный страх перед призраком всемогущего карлика.

– Если я сейчас оставлю Конана в живых, что можешь ты предложить мне взамен?

Зенобия с радостью ухватилась за первый же шанс. Главнее – выиграть время, а потом она обязательно что-нибудь придумает и вызволит своего Конана, как было два с лишним года назад – Тараск, наверное, забыл об этом!

– Все, что ты пожелаешь! – твердо воскликнула королева.

Похотливый взгляд Тараска скользнул по прекрасным формам молодой женщины. Поняв смысл этого взгляда, Зенобия побледнела. Великих усилий стоило ей сдерживать праведный гнев. Но ради спасения ее дорогого Конана она выдержит любые испытания…

– Добро, ловлю тебя на слове! – сказал наконец Тараск и, обращаясь к своим воинам, добавил: – Живо свяжите киммерийца, пока он не очухался. Погрузите тело на коня. Мы отправляемся в Бельверусе.

Когда приказ короля был выполнен, Тараск снова обратился к Зенобии:

– Смотри, без глупостей, девочка! Не то – сама знаешь. У меня появился новый план относительно тебя и твоего дражайшего супруга. В Бельверусе, в моем дворце я поведаю его тебе. А сейчас отправляемся. Надеюсь, бесстрашная королева, тебя не пугают ночные скачки.

Глава II

«Заклятие Синих Монахов»

Чертог скального замка, затерянного среди острых" пиков Карпатских гор, был ярко освещен. В центре амфитеатра на мраморном пьедестале по-прежнему покоилась удивительная хрустальная раковина. Но маленького человечка в ней уже не было. Он восседал в глубоком мягком кресле, кутаясь в бесчисленные собольи шубы, заботливо приготовленные для него людьми в однообразных темно-синих одеяниях. Пронзительные агатовые глаза карлика в изумлении взирали на высокого, стройного мужа, украсившего неприметный синий плащ великолепным серебряным медальоном…

– Я мертвым покоился в своем хрустальном склепе, – глухо говорил карлик. – Конан все-таки победил меня.

– Неужели Великая Душа считает себя побежденным?

Магнетические глаза карлика сверкнули молнией.

– Кто вы и зачем пробудили меня?

– Я – Брахо, магистр Ордена Синих Монахов, сказал человек с медальоном. – Мы, Синие Монахи, проделали большую работу, чтобы вернуть тебя в мир людей. Незаметные, словно тени луны, мы внимательно следили за происками твоих врагов. Когда меч Конана отнял жизнь у твоего земного тела и ты уснул в хрустальной гробнице, наш час настал. Мы отправились в Немедию. В Бельверусе мы выкрали твой гроб из тщательно охраняемого подземного лабиринта. Долгие дни и ночи он путешествовал на восток, чтобы здесь, в мрачной цитадели среди Карпатских гор, открыть свою тайну. В те же самые мгновения, когда тело твое двигалось к своему воскрешению, с запада несли мы твою Великую Душу, заточенную в белых безднах неведомого на этой планете Ромба Яхкунга. Мы выловили Ромб из черных глубин великого моря Вилайет.

– Как я попал туда? – тихо спросил карлик.

– Конан, твой враг, сделал все, чтобы навеки похоронить твою душу. Но ему это не удалось. Мы проследили за ним, и прежде, чем Ромб Яхкунга с заточенной внутри него душой Бога коснулся илистого дна Кари-анской впадины, что близ Острова Железных Идолов, мы уже знали, где тебя искать… Но все это уже в прошлом! – торжественно заметил магистр Синих Монахов. – Сегодня тело Тезиаса и душа Бога были наконец воссоединены.

– Почему вы сделали все это? – повторил свой вопрос Тезиас. – Когда я властвовал над миром, у меня в нем не было друзей!

Склонив голову, Брахо молвил:

– Мы не друзья твои, Великая Душа. Мы – твои слуги. А ты – наш хозяин. Синие Монахи пробудили тебя, потому что такова была твоя воля.

Сильный и уверенный голос магистра резко контрастировал с той дьявольщиной, которую изрекали его уста. Безмерно удивленный, Тезиас воскликнул;

– Вы – мои слуги?! О чем ты говоришь, человек? Я впервые вижу тебя и твоих людей! Вы, верно, путаете меня с кем-то!

Магистр Синих Монахов с сожалением покачал головой.

– Нет, хозяин. На свете был, есть и будет только один человек, только один Бог, которого называют «Великая Душа». Только один, сумевший – при жизни – освободить свою душу из бренного тела. Только один, оказавшийся способным раскрыть великую Книгу Судеб. Только один, проникший в космическую пирамиду Стража Земли, возвышающуюся уже более миллиарда лет посреди безжизненного океана – как видишь, именно она изображена на этом медальоне, символе моей власти. Только один человек-Бог мог покорить огромные царства за одну только неделю, ибо коварная судьба не отвела тебе больше времени. Но твой нечеловеческий гений перехитрил ее, злую судьбу, и вот ты снова жив, как и было намечено.

– Да, ты рассказал мою историю. Я – это я. Я – Великая Душа. Я снова жив – это я тоже понимаю. Одного не могу я постичь: откуда взялись вы, Синие Монахи, в моей жизни?! Ведь я не знаю вас – в этом могу поклясться чем угодно!

– Ты предусмотрел и это, – загадочно заметил Брахо.

Гибкая рука магистра скользнула в широкие складки синего плаща. Через секунду она вернулась, бережно преподнося онемевшему карлику странный, покрытый прозрачной пленкой, белый пакет.

– Знай же, Великая Душа, – торжественно молвил Брахо, – некогда – никто не знает, в какие времена это было, – ты явился одиноким горным отшельникам и превратил их в нас, в могучих, не ведающих страха, старости и смерти, Синих Монахов. Ты научил нас удивительной, неизвестной на Земле магии, и теперь каждый из нас сильнее дюжины волшебников. Ты наложил на нас великое, неподвластное времени Заклятие – служить тебе, нашему хозяину и Богу. Служить вечно. Наконец, ты повелел нам воскресить тебя, что мы ныне и сделали, используя великую Магию Космического Знания. Улетая, ты приказал нам передать тебе, воскрешенному, этот пакет. В нем – послание тебе, Великая Душа, от себя самого! Надеюсь, это послание все прояснит в твоих глазах…[1]

И Брахо опустил загадочный пакет в холодные руки карлика. Дрожащими пальцами Тезиас разорвал прозрачную пленку. Свет увидели тоненькие листки неизвестного в те времена материала, испещренные какими-то письменами и знаками. Материал этот не походил ни на воск, ни на пергамент; человек, живущий на Земле много тысяч лет спустя, легко признал бы в нем обыкновенную бумагу. Но Тезиас, воскресший из мертвых, впервые видел бумажные листы, однако почерк он узнал сразу: руку его невозможно было подделать. Послание написал сам Тезиас – это было несомненно. Почтительно отступив на два шага назад от глубокого трона, магистр Синих Монахов оставил карлика наедине с самим собой.

…Послание было написано на каком-то странном языке, причудливой смеси немедийских и аквилонских фраз с британскими наречиями и диалектами далекой Стигии. Тем не менее Тезиас ощутил поразительный эффект узнавания: он каким-то непостижимым образом понимал этот язык – язык, на котором было написано его письмо к самому себе… – Тезиас углубился в чтение.

«Привет тебе, Великая Душа! Прими мои поздравления, ведь ты снова восстал из могилы! Надеюсь, ты без труда узнал свой почерк. Да, да и еще раз «да» – твои глаза тебя не обманывают: в настоящий момент ты действительно читаешь свое письмо к себе. В дальнейшем, для удобства изложения, позволь называть того Тезиаса, который пишет это письмо, «Я», а того, кто, воскреснув из мертвых, читает его, – «Ты».

Итак, я обращаюсь к тебе, к маленькой, но гениальной дряни, единственному Богу, которому я поклоняюсь, единственному человеку на свете, которого я глубоко и беззаветно люблю и ради которого, в силу этой любви, я преодолел мощь тысячелетий. Тебя, конечно,

интересует, что все это означает. Что ж, попытаюсь в меру сил объяснить это тебе.

Знай: тебя и меня разделяет Вечность! Я нахожусь от тебя так далеко, что человеческий разум не в состоянии этого постичь. Только пройдя через все это, ты поймешь, насколько фантастична и уникальна твоя судьба, насколько извилист твой жизненный путь. Тот факт, что я еще жив, доказывает мне, что ты прочитал это письмо и сделал из него выводы. К тому же и я, Тезиас, пишущий сие послание, покидать этот несносный мир пока не собираюсь.

К делу. Задумка моя была такая: спасти тебя, дурака, возжелавшего возвратиться в это никчемное земное тело, от меча Конана-киммерийца. Однако Время – жестокая и коварная штука. Время живет по своим законам» и даже Сидящему-в-Пирамиде не дано изменить их. Коварное Время не раз спасало мне жизнь, но оно же не позволило мне прийти к тебе на помощь в миг твоего поражения. Хочешь верь – хочешь нет, но я «промахнулся» и попал в Хайборийскую эпоху задолго до твоего рождения. Так я понял, что Время не позволяет шутить с собой, а тот маленький искрящийся мозг, что вечно сидит в своей космической пирамиде - его верный страж. В отчаянии слоняясь по древнему Хайборийскому миру, случайно я приметил в Карпатских горах одиноких отшельников. Их было ровно шестнадцать, как граней Пирамиды Мира. Узрев в них будущее, я вручил им твою Судьбу. Они стали Синими Монахами.

Синие Монахи и Брахо, их магистр, – твои верные слуги. Они умны, выносливы, сведущи в различных искусствах. Это идеальные псы для такого хозяина, как ты. Они исполнят любой твой приказ. Ослушаться тебя и сделать по-своему им не дано: на всем их братстве лежит великое заклятие, и снять его можешь только ты сам. Не советую тебе это делать. Синие Монахи бессмертны; лучших помощников в осуществлении своих грандиозных планов тебе не сыскать.

Породив братство Синих Монахов, я истратил всю подвластную мне силу. Жестокое Время неудержимо влечет меня туда, откуда я пришел. Я не волен остаться, дабы лично приветствовать тебя. Да это и не нужно: на свете может существовать только одна Великая Душа…

Что сказать мне тебе на прощание? Пе буду поучать тебя – живи и действуй как знаешь. Верю: этот жалкий мир еще не раз попляшет под твою дудку. И не только этот. Однако будь осторожен: хотя обитатели этого мира и ничтожны перед тобой, не слишком* зарывайся – даже малейшая случайность порой сильнее Великого Космического Закона. Люди и боги этого мира не ровня тебе, но все же не доводи их до отчаяния, ибо оно предает им сверхъестественные силы. И еще: будь по возможности милосерден, старайся не проливать кровь туземцев без крайней необходимости. К сожалению, мир устроен так, что это никому не нравится. Даже Страж Земли, которому, конечно, глубоко плевать на тебя и всех остальных, не будет в восторге, если твой могучий разум сгорит в огне мести.

Не удивляйся: такая опасность действительно грозит тебе! Дело в том, что ты с течением времени будешь все более утрачивать присущие человеку черты. Собственно, ты уже не вполне человек, а я человек еще меньше, чем ты. Впрочем, не буду описывать себя, ибо, увы, зрелище не из приятных. Так что, Тезиас, судьба твоя хоть и великолепна, но трагична.

Почему? Отчасти ты уже знаешь ответ. Твое безмерное честолюбие подвигло тебя на путешествие в затаенные сокровищницы Великого Знания. Ты овладел Знанием, но и оно – тобою. Кто из вас сильнее и кто кому служит, я до сих пор понять не могу. Знание легло невыносимым грузом на твой человеческий разум. Оно, это коварное Знание, принесло тебе

безграничную власть. И оно же сковало тебя в решающий миг, когда Конан-киммериец держал твою жизнь в своих мускулистых руках. Свидетельствую: Знание и далее не изменит этой коварной тактике. В нем твоя сила и твоя слабость. Почаще вспоминай мудрого демона Люфа – он предупреждал тебя об этом…

Но есть еще одно, чего ты пока не знаешь. Боги этого мира жестоко отомстили тебе, дерзнувшему возвыситься надпиши. Они ударили в самое уязвимое твое место, в твою сущность. Вложив меч возмездия в руки Конана, они попытались поразить твои душу и разум, вселив туда Нечто настолько ужасное, что даже Я – даже Тебе не могу открыть, что это и что Оно тебе несет. Тебе предстоит жить с Ним… Я надеюсь лишь, что твой могучий разум окажется сильнее этого Нечто, и Оно так и умрет внутри тебя, не увидев жизни. Итак, положись на свой разум, Тезиас, ибо великая сила заключена в нем – сила, неподвластная богам и даже самому Времени!

Прощай, Тезиас. Свою часть работы я выполнил – ты снова жив. Теперь все зависит от тебя самого. Подчини себе Удачу!

Любящий тебя Тезиас, Великая Душа.

P.C. Да, самое главное: когда будешь в этих краях, не забудь заколдовать шестнадцать горных отшельников, превратив их в Синих Монахов, твоих будущих слуг. Помни: если ты этого не сделаешь, так и гнить тебе в хрустальном склепе в мрачном подземелье Бельверуса – на радость всем жалким туземным разумам этого несносного мира!»

Тезиас отложил удивительное послание. Долго сидел он, напряженно вглядываясь в пустоту. Словно каменные статуи, стояли в окружении его Синие Монахи. Какие мысли потрясали его пробуждающийся разум – то было ем неведомо. Наконец Тезиас произнес:

– Люди ищут милостей от природы я богов. Демоны служат хозяевам Ада Боги ждут послушания и жертв от людей. Л же никогда не дал милостей от кого бы то ни было. Когда Страж Земли предложил мне Знания, я было решил, что он вознамерился помочь мне, однако он быстро разубедил меня в этом. То была жестокая ловушка, и я безоглядно устремился в нее, но о том не жалею. «Если претендуешь на целый мир, ты должен завоевать его сам, без чьей-либо помощи, без талисманов и волшебных камней. Только Знания!» – говорил мне всемогущий Страж Земли. Он оказался прав: я завоевал мир. И вскоре погиб; Страж ничего не сделал для моего спасения, как и обещал. Вы воскресили меня, нарушив тем самым волю Стража: ведь я должен всего добиваться сам!

– Ошибаешься, хозяин, – сурово заметил Брахо. – Подумай; виновен ли меч в том, что разит плоть? Виновны ли лечебные снадобья в том, что с помощью их облетаются страдания человеческие? Виновен ли плуг землепашца в том, что он дает жизнь новому урожаю? Всюду ответ: нет, ибо меч, снадобья, плуг – суть инструменты соответственно воина, лекаря, крестьянина. Равно и мы, Синие Монахи, – суть инструменты твоей воли, Великая Душа. Ты создал нас, ты наложил на Синих Монахов могучее заклятие, и не своей властью, не себя ради, а повинуясь твоей запечатленной в веках воле, мы воскресили тебя! Мы – продукты твоего разума, Великая Душа! А значит, только ты – никто более! – воскресил сам себя! Понимаешь ли ты это?

– Ты прав, магистр, – подумав, согласился Тезиас. – Мне трудно сразу все постичь. Это так неожиданно! Положим, волшебники воскресали из мертвых и до меня: взять хотя бы Тугра Хотана или Ксальтотуна… Но чтобы я сам, пробравшись сквозь тьму тысячелетий, воскресил себя!… Согласись, Брахо, к этому нелегко привыкнуть!

– Мы живем с этим уже не одну сотню лет, – бесстрастно ответил Брахо.

– Значит, и я буду жить с этим… Итак, я снова в ре людей, – задумчиво молвил карлик. – Я вернулся, чтобы продолжить начатое…

– Синие Монахи ждут твоих приказаний, хозяин, – ал магистр. – Желаешь ли ты погубить своих врагов? Хочешь, мы принесем тебе на золотом подносе голову Конана? Или Пелиаса? Или, может быть, ты желаешь объявить миру о возвращении Великой Души?…

– Нет, – оборвал речь магистра Тезиас, и жестокая улыбка искривила его бледные губы. – Всему свое время. Что толку объявлять себя великим Богом, если во власти моей только лишь шестнадцать человек, пусть даже это шестнадцать могучих волшебников?! Нет, Брахо, я больше не повторю своих ошибок. Я возжелал взять весь мир сразу и получил его, но власть моя была скоротечна. На этот раз я буду осмотрительнее. Мне торопиться некуда; из письма видно, что впереди у меня – Вечность! Вечности хватит, чтобы не спеша покорить этот мир и десяток подобных ему. Что же касается моих врагов… О, они получат по заслугам! Я отомщу им так, как может отомстить только Великая Душа!

«Синие плащи» непроизвольно дрогнули под холодным взглядом бледнокожего карлика. Стараясь скрыть волнение, Брахо спросил:

– Насколько жестока будет их смерть?

Тезиас расхохотался, и смех его был подобен визгу бича по спинам забиваемых насмерть рабов.

– Смерть?! Разве я говорил о смерти? Ты плохо меня знаешь, магистр! Нет, я сохраню жизнь твоим врагам, но, клянусь Великим Космическим Знанием, им захочется в Ад от такой жизни! Я отомщу им по-своему, Брахо! Я растащу их души на атомы. Все, что им дорого и во что они беззаветно верят, превратится в каждодневный кошмар. Добро станет Злом, а Зло – Добром. Вас возненавидят близкие, а полюбят недруги! Бели вы чудовища, я превращу вас в красавцев, если вы храбры и благородны, то станете жуткими монстрами, которыми будут пугать детей! О, Конан из Киммерии!

Ты, посмевший однажды победить меня! Трепещи! Отныне начинается долгая, мучительная, полная невиданных в этом мире испытаний, твоя дорога в Ад – в мой личный, припасенный специально для тебя, Конан из Киммерии, Ад Великой Души!…

Хриплый, раскатистый смех Тезиаса, никак не соответствующий хрупкому тельцу карлика, мгновенно разнесся под сводами каменного чертога. Он, этот жуткий, беспримерный смех воскресшего Бога погасил ярко пылавшие камины и воткнутые в стену факелы; чертог погрузился в кромешную тьму, более соответствующую атмосфере, царящей в нем. Холодный смех звенел, возрастая, словно пытаясь удавить все живое в этом мире мрачного камня. И только шестнадцать Синих Монахов, подобные железным статуям, в безмолвии внимали своему хозяину; на груди у их предводителя, прожигая наступившую тьму, сверкал удивительный серебристый медальон с остроконечной пирамидой вечного и всемогущего Стража Земли…

Глава III

«Черная жемчужина Сета»

О то самое время, когда в каменной цитадели посреди Карпашских гор пробуждалась к жизни Великая Душа, далеко на юге, в мрачной Стигии, стране песков и пирамид, в гигантском дворце-склепе, вросшем в ядовитые почвы покрытого вечным сизым туманом оазиса Хаджар, на огромном троне из черного гранита восседал человек. Был он крепок и могуч; скромный белый хитон едва скрывал мускулистое тело, словно выточенное из бронзы. Лицо его было подобно лику хищной птицы, ястребиный нос соседствовал на нем с тонкими кривыми губами и колючими, полными воли и страсти, изумрудными глазами. На среднем пальце правой руки мужа сверкал перстень удивительной формы. Он изображал змею, свернувшуюся в три кольца и державшую свой хвост в ядовитых зубах. Перстень казался медно-золотым, но то были не медь и не золото. В тусклом свете скрюченных ламп, развешанных по тронному залу, зловеще сверкали изумруды, заменяющие змее-перстню глаза. И только слепой не увидел бы поразительного и ужасающего сходства между глазами восседающего на гранитном троне гиганта и зрачками магической змеи, свернувшейся вокруг его пальца…

Неслышными шагами в тронный зал вошел другой человек. Это был коренастый чернобородый слуга-шемит. Слуга согнулся в низком поклоне.

– Она здесь, Величайший, – тихо сказал слуга.

– Пусть воздет, – сильным, низким голосом произнес бронзоволицый муж.

Раб еще раз поклонился и исчез.

Через минуту покой тронного зала нарушили трое. Два огромных раба-кушита, похожие на сказочных великанов, с телами, словно вырезанными из эбенового дерева, – их наготу едва прикрывал прозрачный шелк набедренных повязок, – вели к трону Величайшего изможденную, худую женщину в рваных лохмотьях; руки и ноги ее опоясывали тяжелые цепи. Не дойдя до трона пяти шагов, они остановились. Небрежным взмахом руки Величайший отпустил рабов. Низко кланяясь, черные гиганты покинули зал. Оставшись наедине с восседающим на троне человеком, женщина – на вид ей было лет пятьдесят – вопросительно взглянула на него, и в ее прекрасных голубых глазах не было ни страха, ни ненависти – скорее, удивление.

Улыбнувшись, Величайший слепая потер пальцами левой руки голову магической змеи. И та, словно ожив, устремила свой изумрудный взор на стоящую перед троном женщину. Женщина же, нисколько не испугавшись, а, напротив, как будто поняв желание змеи и ее хозяина, с улыбкой на устах протянула вперед закованные в кандалы руки. Тяжелые цепи звякнули, с силой ударившись о каменный пол. Точно так же спали кандалы и с ног женщины; она была свободна. И тогда сильный и уверенный голос Величайшего зазвучал вновь, но теперь в нем было волнение и была страсть.

– Приветствую тебя, прекрасная Тхутмертари! Во имя Сета Великого и Всемогущего, ты снова свободна!

– Приветствую и я тебя, мудрый Тот-Амон! – в голосе и осанке бывшей узницы было

что-то царственное, как будто она не замечала своих лохмотьев, будто не Тот-Амон, а она восседала сейчас на троне из черного гранита, а Величайший стоял в пыли перед ней. – Отчего ты призвал меня? Зачем понадобилась я повелителю жрецов и волшебников?

– Тяжелые времена настали для верных слуг Сета, – вздохнув, ответил Тот-Амон. – Дерзкий карлик Тезиас, проникший в тайную обитель космической мощи, бросил вызов богам. В борьбу с ним вступил наш заклятый враг, Конан-киммериец. С помощью волшебника Пелиаса и жреца Асуры Хадрата ему удалось победить карлика. Сейчас Тезиас, прозванный «Великая Душа», снова жив, и это противно воле Отца Сета. Не спрашивай, как я узнал об этом, – это так.

– Что же тебе нужно от меня?

– Существование на этой земле проклятого карлика противно воле Сета, – повторил Величайший. – Демоны Ада давно жаждут растерзать его. Столь же достоин смерти и Конан-киммериец, нынешний король Аквилонии. Слуги Сета слишком долго мирились с его святотатственными подвигами. С Тезиасом и Конаном следует покончить раз и навсегда. У меня есть план, и тебе в нем, прекрасная Тхутмертари, выпадает главная роль. Ты отправишься на Север, выкрадешь Конана, живым и невредимым доставишь его сюда, ко мне.

По тонким губам Тот-Амона прошлась мстительная ухмылка. Он продолжал:

– Надо думать, после воскрешения карлик преисполнен решимости отомстить своему погубителю. Может даже статься, это будет его главная цепь. Здесь, в моем плену, Конан станет отличной приманкой для Великой Души. Клянусь чешуей Сета, карлик явится за своей жертвой! Мы сумеем достойно встретить его и, будь уверена, никто больше не посмеет бросать вызов бессмертному Князю Тьмы!

– Что произойдет с Конаном, когда Тезиас будет мертв?

– Что может с ним произойти? – зловеще оскалился Тот-Амон. – Когда приманка срабатывает, ее выбрасывают. Конан будет принесен в жертву всемогущему Сету! Это моя давняя мечта.

– И за сим ты призвал меня? – презрительно повела плечами Тхутмертари. – Неужели среди сотен посвященных жрецов и Мастеров Черного Круга не найдется никого, кто мог бы исполнить твою волю?

– Увы, прекрасная Тхутмертари! Ты не можешь себе представить, насколько силен и хитер этот варвар! Вот хотя бы последний раз: он дерзнул явиться в нашу благословенную страну, освободить – ужаснись, женщина! – Того-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух, побывать у Хьяхьи, и, убив по дороге сотню преданных мне людей и лучших слуг Сета из мира духов, безнаказанно скрылся, унося с собой волшебный талисман, которому было суждено погубить Великую Душу. Я приставил к Конану посвященного жреца Тотоакра. Это был лучший из моих людей; ты знала его, не так ли? Недавно его изуродованный труп нашли среди руин Птейона Проклятого.

– Хороши же слуги Сета! – насмешливо молвила женщина. – А почему ты сам не желаешь исполнить свой план?

Изумрудные глаза Величайшего злобно блеснули.

– Ты давно не была в свете, прекрасная Тхутмертари, – сумрачно процедил он. – Ты, вероятно, полагаешь, что за годы твоего заточения больше не было заговоров?

– Откуда мне это знать, благородный Тот-Амон? С тех нор, как твой враг Тутотмес отправился в Ад, все его сторонники были истреблены тобою!…

– Все, кроме его родного брата Атотмиса! – перебил женщину Тот-Амон.

– Да! – страстно воскликнула Тхутмертари. – Ты оставил его гнить в мрачной темнице в королевском Луксуре, ибо знал: брат твоего соперника – мой возлюбленный! Ты думал, я буду на коленях молить тебя за него?! Ты просчитался, Величайший! Стигийская принцесса не унизится перед тобой!

– И ты отправилась в темницу вслед за Атотмисом!

– Да! Я знала, что когда-нибудь понадоблюсь тебе.

И вот этот день настал! Черная жемчужина Сета вновь будет сверкать в сердце древней Стигии!

– Ты ничего не забыла, прекрасная Тхутмертари, – задумчиво молвил Тот-Амон. – И я не забыл. Я помню, как многие годы назад безумные поэты всего Востока прославляли дьявольскую красоту внебрачной дочери короля Ментуферры. Я помню, как старый король отрекся от тебя, ибо ты занялась черной магией, презрев древний закон, согласно которому жрецами Великого Змея могут быть только мужчины. Я помню и леденящие душу вопли сотен невинных девушек, которых ты, не знающая усталости, за волосы тащила к алтарю Отца Сета. Твой ум и твои способности к магии были под стать твоей нечеловеческой жестокости, ужасавшей даже нас, опытных Колдунов Черного Круга. Я помню это. Да, было время, когда твое имя воспринималось смертными даже с большим страхом, чем мое. Я помню и. то, как, едва взойдя на трон из слоновой кости, король Ктесфон именем Сета поклялся уничтожить тебя. Тысячи слуг короля с особым рвением готовы были исполнить его приказ, ибо почти каждый из них имел к тебе свой собственный счет. Кто спас тогда «черную жемчужину Сета»? Помнишь?

– Помню, – побледнев, ответила принцесса. – Ты. Но неужели ты настолько глуп, чтобы ждать от меня благодарности?

– Разумеется, нет, – расхохотался Тот-Амон. – Я жду от тебя не благодарности, но повиновения.

– Ты получишь его! А что я буду иметь взамен?

– Король Стигии слишком мягок, – глядя прямо в глаза Тхутмертари, сказал Величайший. - Чернь отбилась от рук, бароны бушуют, дикари, и разбойники безнаказанно грабят наши границы. Само слово «Стигия» более не внушает людишкам на Севере, Юге и Востоке должного страха и почтения. Мы, нация, призванная править миром, строим каналы, чтобы священная вода из Стикса шла на орошение полей простолюдинов! Великое имя Сета все чаще произносится всуе. Проклятый культ Митры подступает к нашим владениям. Разве этого мало? Мне более по душе прежние порядки.

Только свежая кровь на престоле Луксура вернет былую мощь древней земле Стигии!

– Не ожидала увидеть благородного Тот-Амона, верховного жреца Сета, в роли бунтовщика! – рассмеялась принцесса.

– Разве это бунт? – поигрывая змеиным перстнем, проскрипел Тот-Амон. – Если наш благословенный король по воле Сета оставит этот мир, а на трон из слоновой кости взойдет могущественная принцесса, поддерживаемая жречеством – разве это бунт?!

В голубых глазах Тхутмертари зажглась неумолимая жажда власти.

– И еще ты освободишь Атотмиса!

– Что? – как будто ослышавшись, переспросил Тот-Амон. – Тебе светит жемчужная корона Стигии, а ты печалишься о каком-то недоучившемся жреце!

– Не смей говорить так о моем возлюбленном! – в гневе вскричала Тхутмертари.

– Никогда не понимал женщин! Что ты в нем такого нашла? Вот, оказывается, где твое самое уязвимое место, черная жемчужина Сета!

– Так ты выпустишь его? – грозно вопросила принцесса.

– Выпушу. Может быть. Если ты все сделаешь правильно. Доставь мне варвара, живого и невредимого. А теперь отправляйся! Такая женщина, как ты, способна утомить даже самого Тот-Амона.

Тхутмертари грациозно поклонилась.

– Да, и еще одно, – сказал на прощание Тот-Амон. – Тебе, несомненно, потребуются деньги. Сокровищница Сета в твоем распоряжении, прекрасная Тхутмертари. Трать столько, сколько сочтешь нужным. Расходы меня не интересуют. Только результат!

Главный тронный зал Немедии был великолепен. Напоминающий небесный свод высокий куполообразный потолок испещряли фрески, изображавшие знаменитых героев немедийской истории. Этот небесный свод поддерживали вычурные алебастровые колонны, похожие на Столпы Богов. С потолка на серебряных цепях свисали огромные золотые лампы. Но истинным украшением зала был сам Трон Дракона – грациозный, величественный, древний; говорили, девять столетии назад на нем восседал легендарный король Брагорас. Трон Дракона напоминал гигантский раскрывшийся цветок; с обеих сторон сидящего на троне властелина укрывали распахнутые крылья сказочного ящера, а златорогая драконья голова, возвышающаяся над престолом, грозно смотрела на того, кто представал перед взором монарха.

Нынешний монарх Немедии Тараск вальяжно развалился на древнем троне, изредка бросая насмешливые взгляды на гордо стоящую перед ним молодую женщину. Руки Зенобии, королевы Аквилонии, были крепко связаны за спиной. Благородное лицо королевы пылало праведным гневом.

– Вот мы и дома, драгоценная Зенобия, – говорил Тараск. – Теперь я волен открыть тебе свои планы касательно тебя и твоего дражайшего супруга. Слушай же. Надеюсь, ты оценила мое благородство: я ведь мог убить Конана еще там, на офирской границе. Но я не сделал этого; хвала Митре, твой муж жив.

– Что с ним?

– Он отдыхает в одной из моих опочивален. Снадобья, которые достались мне в наследство от Ксалътотуна и Тезиаса, имеют изумительный эффект. Посмотришь на человека – кажется, что мертв, а на самом деле – жив, но парализован!

– Ты негодяй! – вскричала Зенобия.

– Знаю, знаю, – насмешливо отмахнулся Тараск. – Однако ж я прошел через все это. Целую неделю пластом лежал я, парализованный чарами проклятого карлика. Конан освободил меня от этих чар, и вот моя благодарность: он будет жить! По крайней мере, пока он в моей власти…

– Что ты задумал?

– Видишь ли, Зенобия, война с Аквилонией истощила мое королевство. Конан, собака, содрал с меня огромную контрибуцию! Сам я, как ты знаешь, два месяца провел в аквилонском плену. Затем были неурожай и голод. Только Немедия стала подниматься на ноги, как появился проклятый карлик… В общем, казна моя сейчас пуста и, сама понимаешь, такое положение недостойно немедийского монарха. С другой стороны, за свою бурную жизнь твой муженек нажил себе великое множество влиятельных и состоятельных, – с выражением произнес Тараск, – врагов. Каждый из них не поскупился бы ради одной лишь

возможности вздернуть на дыбу Конана-киммерийца.

– На что ты намекаешь? – в гневе воскликнула королева.

– Ни на что я не «намекаю», – лениво отозвался Тараск. – А говорю открыто: да, я намерен продать твоего Конана кому-нибудь из старых недругов, кто окажется пощедрее! Не правда ли, гениально: и варвар исчезнет из моей жизни, и золото в казне Немедии появится!

Зенобия побледнела от ужаса.

– Ты… ты… ты чудовище, – наконец вымолвила она. – Любой подлый стигиец – образец честности и благородства в сравнении с тобой! Митра покарает тебя, негодяй!

Тараск расхохотался: душевные муки бывшей наложницы доставляли ему удовольствие.

– Но постой, – сказала Зенобия, взяв себя в руки, – если ты решил продать Конана, почему бы тебе не попросить золото Аквилонии? Мы готовы выкупить своего короля! Мы – богатая страна!

– Мы? Ты, верно, все еще считаешь себя аквилонской королевой, а, драгоценная Зенобия? Кто в Тарантии станет слушать тебя, немедийку?! Тебя и раньше не любили, а теперь будут говорить, что это ты продала Конана в мой плен!

– Лжешь, вероломная скотина! Аквилонцы любят и ценят меня. Однако выкуп за Конана последует и без моих слов, я в этом уверена!

– Ой ли? Старый Публио, ваш канцлер, весьма прижимист. Да и граф Троцеро Пуантенский тоже любит золото. Неужто они расстанутся с ним, чтобы снова лицезреть на Рубиновом Троне свирепую рожу северного варвара?!

– Не тебе судить о наших подданных, Тараск, – гордо вскинув голову, молвила Зенобия. – Возможно, у тебя плохие вельможи. Но Кован, не в пример тебе, знает толк в людях. Аквилонцы верны ему. Троцеро и Публио не поскупятся, чтобы вызволить своего короля! Сколько ты хочешь?

Тараск снова рассмеялся.

– Ты принимаешь меня за полного идиота, да?! Как будто я не знаю, что Конан, как только окажется среди своих, тотчас соберет огромную армию, разграбит Немедию и отберет у меня и золото, и власть, и жизнь!

– Он обязательно сделает это, клянусь Митрой! – не сдержавшись, воскликнула королева.

– Не сомневаюсь. Поэтому я продам Конана не друзьям, но злейшим врагам, – растягивая слова, со значением произнес Тараск. – Знаешь ли ты шаха Рустам-Мамеда, бывшего сатрапа города Акита? Конан со своей бандой зуагиров в свое время перерезал всю его семью, всех его воинов, всех слуг. Шах Рустам-Мамед чудом остался жив; меч Конана проделал кровавый след на его теле – правая рука шаха покоится на дне реки Ильбарс… Лишенный милостей короля Ездигерда, Рустам-Мамед вынужден был бежать из Турана. Сегодня, проезжая к своему дворцу, я случайно заметил зеленый стяг шаха на одном из домов. Шах в Бельверусе; я ухе послал за ним. Не знаю, что он делает в моей столице – знаю только, что он сказочно богат! Думаю, мы сумеем договориться. Восточные владыки щедры, когда речь заходит о кровной мести. И особенно изобретательны в пытках так что будь уверена: твой Конан примет смерть героя!

С последними словами короля мужество оставило Зенобию. Она повалилась на мраморный поя перед Троном Дракона. Неудержимые слезы хлынули из ее глаз.

– Нет! Прошу тебя! Ради Митры, не делай этого! Ты получишь все золото Аквилонии, только не делай этого! Отошли прочь Рустам-Мамеда! Конан должен жить!…

– Встань, – жестоко сказал Тараск; – Тебе еще предстоит узнать свою участь. Прежде, чем стать королевой Аквилонии, ты была наложницей в королевском гареме Бельверуса. Король Нимед, мой предшественник, и я не уделяли тебе должного внимания. Ты досталась Конану, превратившись во врага нашей родины. Но теперь я исправлю свою ошибку. Ты вновь отправишься в мой гарем; я сумею оценить твои достоинства. Пока карлик властвовал здесь, мне, сама понимаешь, было не до женщин. Теперь другие времена!

Онемев от ужаса, Зенобия внимала человеку, похотливо взиравшему на нее с драконьего трона. Тараск громко хлопнул в ладоши. Из-за портьеры появилась новая фигура. Человек был тощ и безобразен; зеленая хламида укрывала его скелетообразное тело до самых ступней. Кожа на лице была подобна высушенному пергаменту. Увидев распростертую на полу королеву, человечек зловеще оскалился. Зенобия же смотрела на него как на призрак канувшего в лету кошмара; ее прекрасные черные волосы зашевелились на голове, словно пытались убежать от этого жуткого призрака…

– Входи смелее, почтенный, – сказал между тем Тараск и, обращаясь к Зенобии, добавил: – Позволь мне представить тебе почтенного Фу Чжин-Хуа. Он кхитаец. Долгие годы Фучин – так мы зовем его здесь, в Немедии, – работал помощником у достойнейшего мага Ях Чиенга…

– Королева и я хорошо знакомы, – промямлил высокий свистящий голос кхитайца.

– Когда твой муж Конан прервал земной путь чародея из Пайканга, – продолжал Тараск, – почтенный Фучин подался в Немедию. Мы сумели по достоинству оценить его способностями теперь наш гость с Востока служит плавным евнухом в королевском гареме. Так что теперь, дорогая Зенобия, ты переходишь в полное его ведение.

Это уже было слишком даже для такой неустрашимой женщины, как Зенобия. Глаза ее закатились, и королева потеряла сознание. Тараск расхохотался: он давно ждал этой минуты. К раскатистому хохоту короля прибавился и другой смех: визгливый, лающий смех кхитайца, стервятником склонившегося над распростертым телом прекрасной королевы.

Тхутмертари, мятежная принцесса Стигии деловито перебирала драгоценные камни, разбросанные по сундукам, коими была переполнена склепоподобная пещера – «сокровищница Сета». Это были рубины и сапфиры, изумруды и бриллианты, платиновые и нефритовые статуэтки, гигантские слитки чистейшего червонного золота. Здесь, в этой зале, были сосредоточены сказочные богатства, награбленные стигийским жречеством за долгие тысячелетия; их с лихвой хватило бы, чтобы купить десяток королевств к северу от Стикса. Иные камни заключали в себе, кроме денежной, еще и особую магическую силу, и Тхутмертари, как истинный знаток предмета, тщательно выбирала их, заботливо и аккуратно укладывая в небольшой сафьяновый мешочек.

У дверей сокровищницы стоял коренастый чернобородый слуга-шемит. Он со всевозрастающим страхом! поглядывал на принцессу, нависшую над несметными! богатствами. О, теперь она ничем не напоминала ту изможденную, одетую в лохмотья старуху, что предстала! несколько часов назад пред ликом Величайшего. Теперь это была цветущая двадцатилетняя красавица с длинными вьющимися золотистыми волосами, ослепительно блестевшими в тусклом свете змеевидных бра. Правильные, словно срисованные с ликов прекраснейших богинь, черты лица дышали силой и могуществом. Прозрачная белая туника не скрывала, а, скорее, обнажала божественное, слегка тронутое загаром, молодое тело. Но похотливые мысли даже не осмеливались забираться в голову

слуги, ибо он хорошо знал, КТО стоит перед ним.

Закончив осмотр драгоценностей, Тхутмертари резко повернулась к слуге.

– Свет Сторора поведал мне, что киммериец сейчас находится в Бельверусе, – сказала она. – Мои приготовления закончены; я отправляюсь немедля.

– Велишь седлать верблюдов или на колеснице поедешь, принцесса? – осведомился слуга. Ответ красавицы заставил его в немом страхе вжаться в черную стену.

– Верблюды? Колесница? – презрительно рассмеялась Тхутмертари. – Нет, я отправлюсь к цели через самые челюсти Ада, через бушующие огненные моря

Преисподней, и не люди, а духи будут сопровождать меня! Это самый короткий путь. В мире людей он занял бы месяц, я же доберусь до Бельверуса за одну ночь!

– Как будет угодно Вашему Высочеству, – пролепетал шемит. Он чувствовал, как холодный, внимательный взгляд принцессы медленно, но неотвратимо отнимает у него волю.

– Я отправляюсь немедля, – повторила девушка. Уверенным движением она скинула легкую тунику, представ перед мужчиной полностью обнаженной.

– Подойди ко мне, раб, – ласковым голосом приказала она. Не смея ослушаться, на негнущихся ногах слуга приблизился к нагой красавице.

– Скажи, долго ли ты служишь Тот-Амону? – так же ласково спросила она.

– Двенадцать лет, – выдавил из себя чернобородый шемит.

– Хороший слуга, – отметила Тхутмертари. – Надеюсь, Тот-Амон не рассердится, если я куплю тебя у него…

И девушка левой рукой бережно ухватила слугу за кудрявую бороду. Но он немигающим взором смотрел на ее правую руку. Он мог поклясться, что ноготь на указательном пальце стремительно растет, быстро превращаясь в длинный и острый, как жало Сета, кинжал…

Это была последняя мысль в его жизни. Алебастровая рука взметнулась, и ноготь-кинжал подобно мечу отсек голову слуги от грузного туловища, после чего мгновенно втянулся обратно, снова превратившись в изящный женский ноготок.

– Магия требует жертв, – сладко сказала Тхутмертари отрубленной голове. – Я должна исполнить волю твоего хозяина, великого Тот-Амона. И пусть меня заберет Сет, если Величайший протянет хотя бы одну ночь после этого!…

С такими словами принцесса обагрила свое прекрасное тело свежей кровью. Алые струйки стекали по узкой ложбине меж великолепных высоких грудей, и это доставляло девушке истинное наслаждение. Она легко отбросила отрубленную голову, и та упала в сундук с камелиями, тут же превратившись в огромный, имеющий форму человеческого черепа слиток серебра. А Тхутмертари закружилась в каком-то диком танце, с ее рубиновых губ то и дело срывались страшные тайные слова; последние, их произносившие, давно превратились в серый прах в подземных стигийских гробницах. И вот уже алый ветер кружился вместе с мятежной принцессой, одевая ее в кровавый кокон. Внезапно в каменной стене раскрылась дверь, и оттуда дыхнуло смрадным духом самого Ада. Алый смерч подхватил Тхутмертари, и она исчезла в разверзшемся портале. «Черная жемчужина Сета» отправилась в путь через огненные моря Преисподней.

Глава IV

«Снова Книга Судеб»

Первые два дня жизни в замке Синих Монахов пролетели для Тезиаса незаметно. Он всецело потратил их на изучение самого себя. Кто он есть – человек, бог или нечто иное? Вот вопрос, который более других интересовал я мучил его.

Результаты исследований были противоречивы. Одно было несомненно: третья жизнь Тезиаса качественно отличается от двух предыдущих. Он больше не был Богом-фантомом, ибо душа его, навеки заключенная в темницу Ромба Яхкунга, не могла вырваться из оков человеческого тела. С горечью карлик вспоминал, как, будучи призрачным Богом, повелителем царств я властелином душ, он неудержимо рвался обратно, в эту мертвую плоть, скрытую прозрачными створками хрустальной раковины. Теперь его Великая Душа стала пленницей человеческого тела… А это означало, что больше никогда не витать ему в облаках, обгоняя гордых орлов, не нестись, опережая звук, над лесами и горами, не страшить ничтожных людишек своей абсолютной неуязвимостью.

Итак, призрачному Богу пришел конец, но и человеком – в полном смысл этого слова – Тезиас не был.

Его разрубленное сердце, подобно сувениру, покоилось в тайной шкатулке, а в груди Великой Души место человеческого сердца занял неведомый Ромб Яхкунга. Кровь более не струилась по сосудам, и карлик испытывал постоянный холод даже в жарко натопленных комнатах горного дворца. Однажды научившись питаться космической энергией, Тезиас разучился потреблять человеческую пищу. Его странный организм отказывался принимать все, что имело материальную природу. Однако стоило ему, призвав прежние умения, насытиться энергией космических пространств, как организм его погружался в состояние сытости и комфорта. Это донельзя угнетало бывшего Бога. «В кого я превратился, – жаловался он Синим Монахам, – я не могу даже съесть яблоко!». «Не печалься, хозяин, – отвечал верный Брахо. – Ты Великая Душа, ты стоишь над людьми, и нет ничего удивительного, что организм твой не принимает человеческую пищу!».

Но главной проблемой Тезиаса, как он и ожидал, была зловещая Болезнь Разума. Она никуда не исчезла, эта жуткая и изнурительная боль, основная виновница его гибели, главная союзница Конана в той памятной схватке в бельверусском подземелье. Тогда, месяц назад, эта боль парализовала его разум в самый решающий момент, и Конан-варвар не упустил свой шанс… А сейчас, после воскрешения, Болезнь Разума снова донимала Тезиаса, терзая его мозг невыносимой, нечеловеческой болью…

Он знал, кого следует благодарить за эту боль. Болезнь Разума пришла к нему вместе с теми квинтильонами частиц Великого Знания, которыми его щедро одарил всемогущий Страж Земли. О, если бы Тезиас мог разорвать, разбить на мельчайшие кусочки этот маленький искрящийся мозг, спрягавшийся от всего мира в величественной шестнадцатигранной пирамиде посреди безжизненного океана… Как он этого хотел! Но он знал, что из всех его фантастических желаний это было самым несбыточным. Обитающий в Пирамиде Мира Дух Земли да» ему Знания, Знания сделали его властелином мира и они же,

– вернее, их избыточное для человеческого мозга количество, – жестоко убивали его.

Собственное послание, переданное ему Синими Монахами, укрепило Тезиаса в уверенности, что Болезнь Разума никогда не оставит его. И все же он не склонен был сдаваться. Если его, воскресшего из мертвых, и того Тезиаса, написавшего послание, действительно «разделяет Вечность», это значит, что Болезнь Разума не убила его, значит, он научился с ней бороться, научился даже побеждать ее.

Как добиться этого теперь? Над сим он и размышлял в настоящую минуту, восседая в глубоком мягком кресле в маленькой уютной комнате, ставшей его рабочим кабинетом. Стены кабинета были увешаны дорогими туранскими коврами, с потолка свисали скромные, но изящные коринфские светильники, в двух огромных каминах, занимавших почти половину комнаты, горел жаркий огонь. Интерьер рабочего кабинета бывшего Бога дополнял внушительных размеров письменный стол с покоящейся на нем кипой древних рукописей.

Задержав взгляд на полуистлевших манускриптах, Тезиас внезапно осознал, где может таиться его оружие против Болезни Разума. Он позвал Брахо.

Магистр Синих Монахов появился мгновенно, как будто возникнув из воздуха; Тезиас постепенно привык к подобным появлениям – даром, что ли шестнадцать слуг Великой Души были продуктом его гения…

– Брахо, – сказал карлик, – меня только что осенило. Я знаю, где может быть сокрыто лекарство против моей ужасной болезни. Книга Судеб – вот ответ! Раньше она была моею; я взял ее в библиотеке волшебника Пелиаса. Книга Судеб помогла мне отыскать тайную обитель Стража Земли; следовательно, без нее я не стал бы Великой Душой. Она же поможет мне победить Болезнь Разума. Ты меня понимаешь?

– Да, хозяин, – ответил Брахо. – Но позволь спросить; что нового можешь почерпнуть ты из Книги Судеб? Ты ведь уже читал ее.

– Книга Судеб – удивительный инструмент. Она писалась в незапамятные времена безвестной расой мыслящих существ, спустившихся со звезд. Раньше я считал, что Книга – лишь указатель на сокровищницу Космического Знания. Теперь я понимаю: это не совсем так. Книга Судеб писалась уже после того как на Земле появилась Пирамида Мира. Фраза, повторяющаяся на каждой странице Книги – «В подлунном мире существует нечто более великое, значительное и необъяснимое, чем все, что известно людям» – действительно указывает на обитель Стража Земли. Но Книга Судеб ценна не только этим. Она и сама содержит драгоценнейшие крупицы Великого Космического Знания. Вся задача исследователя – разгадать их в замысловатых текстах Книги. Кроме того, если Знания которые дал мне Страж, подобны неудержимому океанскому валу, – они несутся в мой мозг, сокрушая все на своем пути, то, изучая Книгу Судеб, я волен сам выбирать, что нужно мне, а что – нет.

– Но ты же ведь уже изучал ее, – снова заметил магистр.

– Книга Судеб неисчерпаема. Неподготовленный маг ничего не поймет в ней. Чародей средней руки подивится и задвинет ее в дальний угол своей библиотеки. Опытный маг извлечет с ее страниц массу удивительных, не известных никому более заклинаний. В руках же великого волшебника Книга Судеб станет грозным оружием, способным покорить мир. Таким был я, когда подлый король Тараск выкрал ее у меня и вернул Пелиасу. Что же будет, когда Книга Судеб в руках Бога, хотя бы и бывшего?! Представь себе это Брахо!

Магистр кивнул.

– Я понял тебя, хозяин. Ты получишь свою Книгу Судеб обратно.

– Когда же? – нетерпеливо спросил Тезиас

– Ты не успеешь сосчитать до сотни, – улыбнувшись, заметил Брахо. – Прости мне эту реплику, Великая Душа. Но очень скоро твои пальцы будут сжимать голубой переплет великого фолианта. Разреши мне отбыть, чтобы отдать соответствующие указания.

Магистр говорил так, как будто Книга Судеб лежала в соседней комнате и следовало только приказать чтобы ее принесли. Тезиас с интересом посмотрел на Брахо.

– Ведомо ли тебе, магистр, что Книга находится в сотнях миль отсюда, в Золотой башне Пелиаса в Ханарии и тщательно охраняется незримыми слугами волшебника?

– Мне это ведомо, хозяин, – смиренно ответствовал магистр. – Пусть такие мелочи не тревожат твой могучий разум. Позволь мне отбыть, дабы вернуться с Книгой.

– Ну что ж, иди, Брахо! Заодно посмотрю, на что способны мои новые слуги… Да, и еще одно. Пусть мой старый добрый учитель пока не покидает этот мир; я еще не решил, что с ним делать.

Легко поклонившись Великой Душе, магистр Синих Монахов исчез также внезапно, как и появился.

С настойчивостью истинного волшебника Пелиас сдерживал свое обещание всецело отдаться во власть развлечений. Колбы, пробирки, порошки, полуистлевшие рукописи и другие принадлежности магического искусства были свалены в одну большую кучу и накрыты толстыми атласными одеялами. Посреди просторного покоя, что располагался на самом верху Золотой башни, стоял огромный расписной диван. На диване возлежал пожилой человек благородной наружности. Пелиас лениво потягивал сладкое хауранское вино из роскошной золотой чаши, и сочные алые капли изредка стекали по его пышной седой бороде. Перед ним, мерно покачиваясь в медленном эротическом танце, двигались три обнаженные, великолепно сложенные девушки. Это были знаменитые по всему Востоку туранские танцовщицы. Отказать прославленному чародею они не посмели. Наслышанные жутких историй о башнях волшебников, они заранее смирились со своей судьбой и сейчас лишь старались оттянуть неизбежное, а потому трудились как могли, чтобы не разгневать могущественного мага. Но Пелиас пребывал в отличном настроении, и танцовщицы, чувствуя это, старались изо всех сил.

Вот слетели легкие набедренные повязки. Изгибаясь в кармических позах, девушки ускорили ритм танца. Волшебник одобрительно забурчал. Такая жизнь нравилась ему. Спася мир, он вполне заслужил отдых.

…Увлеченные танцем, девушки и их единственный зритель не заметили, как в воздухе позади дивана внезапно появились какие-то неясные круги. Сначала едва заметные, они быстро материализовались, превратившись в облачка плотного голубоватого тумана. Из тумана вышел человек, за ним еще один. Когда к первым двум присоединился третий, танцовщицы, наконец, увидели их. Мужчины были высокие, стройные, в одинаковых темно-синих плащах; их угрюмые, бледные лица не выдавали никаких чувств. Вскрикнув, девушки в ужасе прижались друг к другу. Уловив их взгляд, волшебник стремительно обернулся.

– Великая Душа шлет тебе привет, Пелиас, – бесстрастным голосом произнес один из трех, и в ту же секунду старый волшебник, вздрогнув, свалился в глубоком гипнотическом сне.

Не обращая на замеревших в немом испуге девушек никакого внимания, человек в синем вытянул вперед длинную худую руку.

– Книга Судеб, – тихо, но выразительно сказал он, затем неспешно повел вытянутой

рукой по периметру комнаты. Когда рука стала показывать на маленький железный сундучок, вмурованный в нишу у дальней стены, из ладони говорившего вырвался тонкий голубой луч. Луч упал на поверхность сундука.

– Она там, – сказал «синий плащ», и вся троица двинулась к сундуку. Примерно с полминуты «синие плащи» немигающим взглядом смотрели на крышку сундука. Неожиданно что-то скрипнуло, крышка открылась, раздался грохот, из недр сундука взметнулся сноп огня, поглотив таинственную троицу.

Когда огонь спал, дрожащие от суеверного страха танцовщицы увидели, как «синие плащи», целые и невредимые, ничуть не подпаленные магическим огнем, склонились над сундуком.

– Старый дурак, – все так же бесстрастно произнес один из зловещих гостей, – надеялся остановить нас этим огнем…

Затем он извлек из сундука огромный, толстый фолиант в блистающем голубом переплете и аккуратно спрятал его в складки широкого синего плаща. Снова войдя в облака волшебного тумана, до сих пор клубившегося посреди комнаты, таинственная троица исчезла. Вслед за нею испарились и голубые облачка. ~ – Проводив полным ужаса взглядом зловещих визитеров, обнаженные танцовщицы, забыв обо всем на свете, с диким визгом бросились прочь, стремясь поскорее покинуть заколдованную башню…

В дальнем углу просторной комнаты, отгороженном полупрозрачной ширмой, на длинной софе возлежала молодая женщина. Ее прекрасные иссиня-черные волоса были спутаны, а кое-где и вырваны с корнем. На изможденном, отражающем глубокие душевные и физические страдания лице чернели кровоподтеки и синяки. Длинные, тонкие царапины испещряли плечи и спину женщины. Зенобия, несчастная королева Аквилонии, отдыхала после «теплого приема», устроенного ей обитательницами королевского гарема Немедии.

Наложницы Тараска ненавидели ее всегда – за благородную и чистую красоту. Когда же простая наложница стала счастливой избранницей могущественного аквилонского владыки, эта ненависть стала пожирать души немедийских красавиц. «Почему она, а не мы?» – задавались они вопросом всякий раз, когда хитрый евнух Фучин в красках живописал роскошную жизнь молодой королевы в аквилонской столице. Два года они ждали дня, когда наконец смогут вволю оттаскать за волосы эту выскочку и потаскушку Зенобию… И вот этот день настал: бледная, сломленная девушка вернулась в гарем, ведомая безжалостным евнухом.

Он, этот маленький, скелетоподобный кхитаец только тихо посмеивался, наблюдая, как разъяренные наложницы жестоко лупят свою бывшую подругу. Ибо он знал: они выполняют и его работу. Когда крылатый слуга Ях Чиенга похитил аквилонскую королеву прямо с бала в Тарантил, а колдун держал ее пленницей в подземных казематах Пайканга, именно он, Фу Чжин-Хуа, был главным истязателем Зенобии. Пока знаменитый маг колдовал над своими порошками и зельями, его помощник развлекался с прекрасной королевой. Нет, то не были плотские забавы: Фучин был кастратом уже не один десяток лет. То были забавы для жестокой и бессердечной души кхитайца: он рассказывал Зенобии непристойные истории о любовных похождениях ее супруга Конана, показывал омерзительные, леденящие кровь фокусы и дико хохотал, когда она в ужасе зажмуривала глаза. Когда она делала это, он подкладывал под ступни раскаленные угли, и стоило ей снова открыть глаза, как тотчас убирал их…

Да, он славно повеселился с Зенобией, пока не пришел Мститель, Королева была

освобождена, а разгневанная чернь истребила всех зловещих слуг Ях Чиенга, Всех, кроме хитрого Фучина. Кхитайцы хорошо знали жестокого евнуха, и оставаться на родине ему было небезопасно. Он подался в Немедию, зная, что недруг короля Конана легко найдет себе друга и покровителя в лице короля Тараска. Так оно и случилось: Тараск поставил Фучина заведовать королевским гаремом…

Когда наложницы устали бить Зенобию, Фучин поволок ее к этой софе, приговаривая: «А теперь отдыхай, детка! Тебе понадобятся силы, ибо это только начало…». Наложницам же он сказал: «Больше не трогайте ее сегодня, девочки. Королева привыкла к порядку; завтра в это же время повторим экзекуцию». Наложницы так и прыснули от смеха.

…Да, все они – Тараск, Фучин, ее бывшие «подружки» – считают, что воля ее сломлена, а душа заключена в прочную клетку. О, плохо же они знают Зенобию, королеву Аквилонскую, ту единственную женщину, что оказалась способной покорить сердце великого героя Конана! … Жестокие душевные и телесные муки не сломили ее, а торжествующие рожи врагов только добавили ей решимости добиваться свободы – для себя и конечно же, дорогого Конана. Два с лишним года назад она уже спасла Конана из бельверусской темницы, затем Конан спас ее; теперь же она спасет его снова! В голове молодой женщины созрел достойный избранницы Конана план освобождения…

Троцеро, наследный граф Пуантена и нынешний правитель Аквилонии, стройный седеющий мужчина с тонкой девичьей талией, мерил пространство королевского кабинета тяжелыми тревожными шагами. Кроме него, в кабинете находились канцлер Аквилонии Публио и командующий армией генерал Просперо.

– Нет, нет и еще раз «нет», – страстно говорил граф. – Ни за что не поверю я, что Конан застрял на офирской границе! Не таков наш король, чтобы бросать слова на ветер!

– Да, он опаздывает уже на три дня, – озабоченно пробормотал высокий и полный Публио.

– А это значит, что-то случилось, – задумчиво поглаживая клиновидную бородку, произнес генерал Просперо.

– Я не могу просто так сидеть и ждать, когда он появится! – воскликнул Троцеро. – Я вторгнусь в Офир и отыщу его!

– Не горячись, граф, – сказал Публио, – что-нибудь придумаем.

В этот момент широкая резная дверь отворилась, и в кабинет вошел лакей. Поклонившись вельможам, он произнес:

– Прибыл посол короля Тараска.

– И что же ему нужно? – тотчас вопросил канцлер.

– Он привез тебе послание.

– Вот как? Немедленно проси его, – приказал Троцеро. – Клянусь Митрой, у меня предчувствие, что мы сейчас получим ответы на все наши вопросы!

Послом оказался статный немедийский полковник. Просперо сразу признал его: он принимал участие во многих сражениях с аквилонцами, в том числе я в знаменитых битвах при Валькии и в Львиной долине. «Какая наглость, – промелькнуло в голове генерала, – посылать к нам человека, руки которого по локоть в аквилонской крови!».

Посол молча протянул Публио запечатанный пакет.

– Ты можешь отдыхать, – сказал канцлер немедийцу. – Если понадобишься, мы пригласим тебя.

Как только дверь за послом затворилась, Троцеро отрывисто бросил:

– Ну же, Публио, разворачивай быстрее! Что же пишет нам этот пес?

И канцлер стал читать вслух, ибо у верных вельмож аквилонского короля не было секретов друг от друга.

«Достопочтенному Публио, канцлеру Аквилонии. Да хранит пресветлый Митра тебя и твою страну. Спешим сообщить тебе следующее. Конан, король Аквилонии, был сражен в пути безвестною болезнью. Митре было угодно, чтобы король нашел приют в нашем дворце в Бельверусе. Состояние Конана внушает опасения придворным лекарям; королева Зенобия ухаживает за своим мужем. Мы также делаем все возможное, чтобы здоровье короля пошло на поправку, не останавливаясь ни перед какими расходами. Однако наши подданные, привыкшие видеть в Конане врага, ропщут, когда золото из нашей оскудевшей казны уходит на лекарства для аквилонского короля. Поэтому предлагаем тебе подумать, что может сделать Аквилония для облегчения нашего бремени. Ответ пришли с нашим послом. И еще: передай благородному графу Троцеро, что его личного присутствия – отдельно или во главе соответствующей делегации – не требуется. Опасаемся, граждане Немедии могут неправильно истолковать такой шаг и тогда мы, возможно, окажемся не в состоянии сдержать их враждебные порывы в отношении аквилонского короля. С надеждой на твое благоразумие -

Тараск, владыка Немедии».

– Ну и шакал! Змей немедийский! – проревел Троцеро, когда канцлер закончил чтение. – Я покажу ему «соответствующую делегацию»! Он держит Конана в пену и просто-напросто вымогает деньги!

– Хорошо, если так, – пробурчал Публио.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что, получив от нас золото, Тараск прикончит государя. Нам же напишет что-то вроде этого: «Старания наши были тщетны; волею Митры король покинул этот мир».

– Проклятие! Что же нам делать? Посол Тараска ждет ответа!

Публио, всегда отличавшийся умом, но не решительностью, растерянно развел руками.

– Я считаю, мы должны убить посла и сделать вид, будто не получали этого письма, – сказал Просперо. – А самим готовиться к войне.

– О, если бы я мог пойти войной на Тараска прямо сейчас! – возгласил граф. – Мои пуантенские рыцари стонут от безделья. Мы за день прорубим огненный коридор от границы до самого Бельверуса! Ты поведешь их, Просперо!

Канцлер неодобрительно покачал головой.

– И Конан отдаст душу Митре.

– Крому, – поправил канцлера внезапно смиривший свой гнев Троцеро.

– Какая разница, – продолжил прагматичный Публио. – Тараск замыслил прикончить Конана в любом случае. Если же мы пойдем на него войной, он сделает это немедля и пришлет нам отрубленные головы Конана и Зенобии. Вот если бы можно было освободить нашего государя.

– Это мысль! – воскликнул Просперо. – Небольшой отряд верных людей – и король на свободе!

– Решено! – молвил Троцеро. – Я знаю таких людей. Через сутки мы будем в Бельверусе!

– Не обижайся, господин, но это моя работа, – сказал Просперо.

– Не хочешь ли ты сказать, Просперо, что я слишком стар для таких дел? – грозно вопросил правитель Пуантена.

– Не кипятись, граф, – обратился к нему Публио.- Генерал прав. Король поставил тебя править Аквилонией в его отсутствие. Ты не должен покидать свой пост. Доверимся Просперо: он все сделает как нужно!

– Спасибо, Публио, – генерал крепко сжал пухлую ладонь канцлера.

Троцеро пришлось отступить.

– Ладно, будь по-вашему. Головой отвечаешь за него, Просперо! Но что мы ответим послу?

– Я скажу ему, – нахмурив лоб, молвил Публио, – что послание его короля принято к сведению. Подробный же ответ Тараску будет в запечатанном пакете. С собой я дам послу пятьсот золотых монет, как первый взнос.

– Готов биться об заклад, я буду в Бельверусе раньше его, – сказал Просперо. – Тем более что он вряд ли доедет до цели, имея на руках пять сотен золотых!

Вельможи Конана крепко пожали друг другу руки.

Тезиас сидел в своем мягком кресле, восхищенно перебирая страницы великой Книги Судеб. Перед ним в почтительном поклоне застыл магистр Синих Монахов.

– Ты только посмотри, Брахо, какая книга! Ей неизвестно сколько тысяч или даже миллионов лет, а выглядит так, будто написана только вчера!

– Да, она ничего общего не имеет с теми рваными пергаментными манускриптами, откуда черпают мудрость обычные маги!

Карлик мечтательно потянулся.

– Она моя, Книга Судеб. Моя снова! Она поможет мне одолеть Болезнь Разума и вернуть себе власть над миром. Вы прекрасно поработали, Синие Монахи! Воистину, у меня великолепные слуги!

Брахо с достоинством кивнул.

– Это твоя заслуга, Великая Душа. Мы только исполняем волю нашего хозяина.

– Знаю, Брахо, знаю. И все же вы молодцы! Готовы ли мои монахи на новые подвиги?

– Как прикажешь, хозяин.

Тогда слушай. Много месяцев назад один человек приютил меня, скромного пилигрима судьбы, в своем дворце, дал возможность мыслить и действовать. Не скажу, что он всегда хорошо со мной обращался, но и я платил ему тем же. Пора напомнить ему о себе. *Я* желаю, чтобы на рассвете вы нанесли визит моему старому другу и передали небольшой презент от Великой Души.

Разгадав мысль карлика, магистр Синих Монахов широко улыбнулся.

– Я сделаю это лично, мой повелитель.

Глава V

«Умри, тиран!»

– Сто высочество шах Рустам-Мамед! – возгласил камердинер, и взору короля Немедии предстал полный мужчина в одеждах восточного вельможи. Широкое платье из тончайшего шелка складками спадало по статной фигуре. На голове шаха красовалась большая многослойная чалма; спереди ее украшал сверкающий граненый рубин. Человека, вступившего сейчас в личный покой короля, можно было бы назвать красавцем, если бы не одно «но»: у него не было правой руки.

– Входи, входи, любезный шах, – приветливо молвил Тараск.

– Свидетельствую тебе свое почтение, король Немедии, – легко поклонившись, сказал Рустам-Мамед. – Прошу, утоли мое любопытство: чем обязан я такой милости? Не чаял я, изгнанник, предстать пред светлым ликом восседающего на Троне Дракона!

– Что ж, пожалуй, я не буду терзать тебя неведением. Присаживайся, любезный шах. Перейдем прямо к делу; Но прежде скажи: какие чувства испытываешь ты к Конану, варвару из Киммерии?

Едва успев сесть на мягкий диван, Рустам-Мамед вскочил; волна неудержимого бешенства прокаталась по его суровому лицу. Единственная рука шаха потянулась к висевшему на поясе кривому, богато инкрустированному кинжалу.

– Какие чувства?! Ты что, позвал меня, чтобы вдоволь поиздеваться над несчастным калекой, король Немедии?!

– Успокойся, любезный шах! У меня и в мыслях того не было. Я только хотел бы знать, что сделал бы ты с киммерийцем, окажись он в твоей власти?

– Что бы я сделал? – свирепо оскалился Рустам-Мамед. – О, Боги надолго запомнили бы этот день! Сначала я собственноручно содрал бы с варвара кожу, затем пытал бы его раскаленным железом, сыпал на его раны порошок черного лотоса, после чего вынул бы его печень, почки, желудок… Потом я бросил бы его в чан с горячей смолой, и лишь после этого я своими же руками, нет, своей единственной рукой разорвал бы ему грудь и вырвал сердце! Вот что я сделал бы, окажись он в моей власти, клянусь Эрликом!

– Браво, любезный шах! – рассмеялся Тараск. – Твой ответ впечатлял меня, хотя я и ожидал услышать нечто подобное.

– Но к чему эти пустые фантазии, – мрачно усмехнулся шах. - Конан далеко, и мне его не достать.

– А вот и не пустые, – серьезно сказал король. -

– Свершится месть или нет – это зависит только от степени твоей щедрости!

Рустам-Мамед потрясенно уставился на Тараска.

– Что ты сказал?

– Король Аквилонии в моем плену, любезный шах. Я готов продать его тебе.

Серые глаза шаха лихорадочно заблестели.

– Отличная сделка, Ваше Величество! И сколько же стоит киммерийская собака?

Тараск, сидя в кресле, лениво смотрел на своего восточного гостя. Король умел набивать

цену своему товару.

– Ну, что же ты молчишь? Я хочу знать, почем товар?

– У тебя не хватит золота, чтобы расплатиться за него, – вяло отозвался Тараск. Рустам-Мамед рассвирепел.

– Своим золотом распоряжаюсь я сам! – проревел "он. – Когда речь идет о правой мести, я не торгуюсь! Даю за Конана столько золота, сколько весит он сам!

– Варвар уже не тот, что раньше, – презрительно заметил Тараск. – Да и будучи в плену, он изрядно отощал.

– Что же ты хочешь, король разбойников? – забыв о правилах приличия, вскричал Рустам-Мамед. – Я же не королевство у тебя покупаю!

– Не королевство, но короля! – назидательно произнес Тараск.

– Ладно, так сколько ты просишь за короля этой засиженной мухами Аквилонии?!

– Уже вечер; приходи завтра утром, любезный шах,- я назову тебе цену. А сегодня я еще должен принять обоз с золотом из Тарантии…

– Во имя потрохов Эрлика! – рявкнул взбешенный шах. – Неужто ты удумал продать Конана аквилонцам?…

– Успокойся, успокойся, – примирительно сказал король. – Я продам его тебе, но золото возьму и у аквилонцев, ибо казна моя пуста, а другой такой возможности не представится. Так что иди с миром, Рустам-Мамед; я жду тебя завтра утром. За ночь, надеюсь, ты успеешь пересчитать звонкие желтые кружочки в своих закромах!

– Но… – пытался протестовать шах.

– Я жду тебя завтра утром, – властно повторил Тараск, и Рустам-Мамеду ничего иного не оставалось, кроме как, шумно хлопнув дверью, удалиться.

А Тараск, очень собою довольный, позвал слугу, чтобы тот помог ему приготовиться ко сну. День был на редкость удачный.

Сумрачными коридорами королевского дворца пробиралась девушка. Она то пряталась за колоннами, то, улучив момент, быстрыми перебежками продвигалась вперед. Ей удалось остаться незамеченной. Наконец она приблизилась к небольшой, но богато украшенной двери, бесшумно отворила ее и проскользнула внутрь.

В комнате на простом дубовом стуле сидел коренастый пожилой мужчина. Он старательно чистил рукоять своего огромного меча. Увлеченный этим занятием, он ничего не услышал.

– Квинтой! Квинтий Латорт! – позвала девушка. Мужчина резко обернулся. Изумление отразилось на его благородном, испещренном шрамами лице.

– Зенобия? Королева Зенобия! Что делаешь ты здесь? И почему ты… тебя…

Его щеки покраснели от стыда, когда он увидел синяки и кровоподтеки на прекрасном лице аквилонской королевы.

– Тише, Квинтий, – прошептала Зенобия. – Ты ничего не знаешь? Я так и думала! Так знай же: Тараск вероломно пленил меня и Конана, моего мужа. Конан парализован колдовскими чарами, его охраняют Золотые Леопарды; меня же Тараск отправил в гарем…

– Королеву – в гарем?! Негодяй! И такое ничтожество правит нами! – Квинтий так сильно сжал рукоять 1еча, что костяшки его пальцев побелели.

– Я как раз потому к тебе и пришла, Квинтий! Пороги мне, бесстрашный полководец! Тараск достоин смерти!

Мужчина вскочил со стула.

– Что ты такое говоришь?! Это же бунт!

– Да, бунт! – смело гладя в глаза Квинтию, пылко молвила Зенобия. – И бунт этот угоден Митре! Тараск не должен править Немедией! Он не только негодяй, но неудачник. Он плохой король: вспомни, Квинтий, сколько битв ты проиграл по его вине! Он едва не отдал всех нас в лапы этого черного дьявола Ксальтотуна. Он бездарно проиграл войну с Аквилонией. Он пригрел в этом дворце проклятого карлика Тезиаса. Правление Тараска разорило страну. Казна пуста, армия разваливается, гвардия ропщет. Кому, как не тебе, Квинтий Латорт, лучше знать это?! Доколе же гордые немедийцы будут терпеть мерзавца и глупца на древнем Троне Дракона?!

Полководец ошеломленно взирал на женщину, осмелившуюся призывать к бунту его, командира Золотых Леопардов. Не найдя ничего ответить, Квинтий пробубнил:

– Но у Тараска нет законного наследника! Кому перейдет трон?

Зенобия смерила полководца восхищенным взглядом.

– Тебе ли задавать этот вопрос? Род Тараска незаконно овладел престолом Немедии, Твой род гораздо древнее я влиятельнее, чем род Тараска.

– Да, я веду свою родословную от деда короля Брагораса! – взволнованно воскликнул полководец.

– Вот видишь! – всплеснула руками Зенобия. – Найдется ли король более достойный, чем ты Квинтий Латорт? Народ любит тебя, знать уважает твою родословную, в армии твой авторитет неколебим. Люди будут ликовать, узнав о твоем восшествии на престол!

– А ты что с этого будешь иметь? – как будто опомнившись, вопросил Квинтий.

– Как что? – демонстрируя безмерное удивление, воскликнула Зенобия. – И ты еще спрашиваешь! Начнем с того, что я немедийка, и мне небезразлично, кто правит моей родиной – подлая скотина Тараск или ты, благородный Квинтий. Но еще я королева Аквилонии; я хочу, чтобы между нашими странами наконец воцарился подлинный мир. Знаю, и ты этого жаждешь; Тараск же никогда не забудет унижения своего плена. Наконец, я хочу, чтобы ты помог мне освободить Конана; король Аквилонии высоко оценит такой великодушный жест!

– Я просто обязан сделать это, – твердо ответствовал Квинтий. – Конан спас Немедию от гнета Великой Души; он герой, а не жалкий пленник!

Зенобия была готова расцеловать старого полководца.

– Ты молодчина, Квинтий Латорт! Знаешь ли ты, где Тараск хранит зелья, возвращающие жизненные силы парализованному человеку?

– Знаю. Но освободить Конана мы сможем не раньше утра. Сначала должен умереть Тараск. Дело в том, что комната, в которой Тараск, судя по всему, содержит Конана, соединена сложной сигнальной системой с королевской опочивальней. Если мы освободим твоего супруга прежде времени, система сработает, и Тараск поднимет стражу. К сожалению, я не могу поручиться за всех Золотых Леопардов.

– А нельзя ли отключить эту проклятую систему?

– Никак невозможно. Тараск хоть и глуп, но весьма хитер и предусмотрителен; подобные же системы установлены во многих покоях дворца. Имей это в виду, Зенобия.

– Спасибо. Ты очень кстати предупредил меня. Нет ли такой системы в королевском гареме?

– Слава Митре, нет: Тараск до этого еще не додумался. Окаянный евнух Фучин заменяет ему колдовские приспособления!

– Вернемся к нашему плану, Квинтий. Когда Тараск будет мертв?

– Полагаю, за ночь я сумею подготовить заговор. Надобно сыскать какого-нибудь нищего студента, готового выступить в роли цареубийцы. Если заговор провалится, я помогу ему скрыться. Если же мы победам, он будет объявлен национальным героем. Кроме этого, необходимо расставить во дворце верных мне Леопардов и изолировать сподвижников Тараска.

– Прошу тебя, поторопись!

– Конечно. Кстати: только два часа тому назад я выводил из дворца шаха Рустам-Мамеда. Он был в немалом возбуждении…

– Пресветлый Митра, спаси нас! – вскрикнула Зенобия. – Так Тараск не блефует! Он действительно кочет продать Конана этому туранскому мяснику!

– Продать? – лицо полководца воспылало гневом. – Клянусь костями Нергала, мерзавец не доживет до утра!

– Действуй сей же час, Квинтий Латорт! От тебя зависят жизнь Конана и благо Немедии!

…И никто не заметил, как стройная девушка поки-1а покой командира Золотых Леопардов. Минуту спустя, облаченный в полный боевой доспех, из комнаты вышел полководец Квинтий Латорт.

Гостиница «Спящий дракон» была обычным постоялым двором, каких много в стольном городе Бельверу-5. Ее целиком снимал Вольный Отряд знаменитого аргосца Пелистио. Вот уже целую недолю отряд не шел достойной честного наемника работы, и бравый Пелистио сидел на мели. Сумрачно прихлебывая крепкий подогретый эль, Пелистио, рослый крепыш с рыжими волосами, подумывал о том, чтобы подыскать твоему отряду более дешевое пристанище. Старая деревянная дверь скрипнула, и в комнату командира вступила стройная, богато и со вкусом одетая женщина. Лицо ее было скрыто серой вуалью. Визит богатой аристократки в это скопище немытых мужских тел мог свидетельствовать только об одном:

Митра услышал молитвы Пелистио – его Вольный Отряд ждет работа. Эта нехитрая мысль не сразу овладела разумом аргосца. Когда же она в конце концов преодолела сопротивление двух литров выпитого Пелистио эля, гостья, не дожидаясь приглашения, уже уселась прямо напротив аргосца.

– Ты Пелистио, командир Вольного Отряда, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказала женщина. – Я хочу нанять тебя и твоих людей для выполнения одного очень деликатного поручения.

– Во имя Митры, благородная госпожа, – икнув, выдавил из себя аргосец. – Мы к вашим услугам. Что за поручение?

– Сначала ты должен узнать, какая награда ждет тебя, если ты выполнишь его, – «серая вуаль» небрежно высыпала на стол десяток огромных сияющих рубинов. – Два камня бери сейчас, остальные получишь после завершения операции.

Пелистио ошалело таращился на ослепительно сверкающие драгоценности. Продав любой из этих рубинов, он может купить себе два, нет, три Вольных Отряда! Пелистио помотал головой, словно пытаясь отогнать, наваждение. Гибкая рука женщины снова потянулась к столу, и восемь рубинов исчезли в широком внутреннем кармане ее платья.

– Тебя устраивает плата? – суровым, привыкшим не просить, но повелевать голосом произнесла женщина.

Пелистио с трудом оторвал глаза от пылающих камней.

– Скажите, что я должен сделать! – вымолвил он наконец. – Я должен возвести вас на трон Немедии?

Аргосец ожидал услышать в ответ нечто необычное, но слова женщины заставили его застыть с раскрытым от изумления ртом.

– Трон Немедии мне не нужен. Мне нужно, чтобы ты выкрал из дворца короля.

– Что?! Короля Тараска выкрасть из его же дворца?!

– Нет, не Тараска. Ты должен выкрасть короля Аквилонии Конана из дворца Тараска и доставить его ко мне.

Пелистио вскочил, точно ужаленный.

– Вы, верно, безумны, женщина! Легче выкрасть Корону Князя тьмы из Преисподней!

– Не скажи, – пораженному аргосцу показалось, лицо под вуалью улыбнулось. – Не суди о том, чего е знаешь, храбрый Пелистио!

Я служил под началом Конана в таком же Вольном Отряде, – пробормотал Пелистио. – Как можно взять его живым? Это же сущий дьявол!

– С настоящим дьяволом труднее справиться, – уверенно произнесла «серая вуаль». – А Конан мне нужен живым и невредимым. Потому я так и щедра. Пелистио в волнении прошелся по комнате.

– Конана! Из королевского дворца! Живого и невредимого! – бормотал он, с вожделением поглядывая а пылающие на столе огромные рубины.

Загадочная гостья молча наблюдала за его телодвижениями. Наконец Пелистио остановился и схватил дубины.

– Идет, я согласен! Хотя после этого дельца мне придется набирать себе новый отряд. Если, конечно, я сам останусь жив…

– Это твои проблемы, храбрый Пелистио, – равнодушно заметила «серая вуаль».

– Ради Митры, скажите хотя бы, зачем вам нужен живой Конан? Я еще понял бы, если б вы велели мне порешить его. Но живой – зачем? Что вы с ним хотите делать?

Вместо ответа женщина положила в потную ладонь Пелистио еще один рубин.

Это чтобы ты не задавал лишних вопросов, – с выражением молвила она.

Внезапно шальная мысль прожгла возбужденный разум аргосца.

Полин! Респид! – истошно заорал он, и в дверях тотчас возникли два вооруженных мечами бугая. – В кармане у этой женщины целое состояние! Отдавай вой рубины, госпожа, а не то мои молодцы насадят на эти мечи!

Гостья величественно поднялась, словно королева, встающая с трона.

– А я думала, мы с тобой договорились, Пелистио, – спокойно сказала она.

– Отдавай, что там у тебя, мамаша, как велел командир, – угрожающе проревел один из наемников.

– Вы получите плазу после выполнения задания, – властно сказала гостья. – Расступитесь, свиньи, мне нужно пройти.

И она, не обращая внимания на выставленные мечи, двинулась к выходу.

– Ну что ж, ты сама напросилась, сука, – взревел Пелистио, и по его сигналу оба наемника шагнули навстречу гостье.

– Убирайтесь на все четыре стороны, – отрывисто бросила женщина. В то же мгновение мечи наемников сами собой потянулись вбок, один – вправо, другой – влево, увлекая за собой людей, пока со свистом не вонзились в деревянную стену. Наемники силились оторвать мечи

от стенки, но те словно приросли к трухлявому дереву. Не могли люди и снять пальцы с рукояток.

– Митра! – выдохнул побледневший Пелистио.

Гостья вздрогнула, как будто аргосец сказал нечто непристойное, – уже в третий раз при поминании имени светлого Бога хайборийцев. В дверях она обернулась.

– До встречи, командир. Утром я приду за Конаном. Тогда ты и получишь свои восемь рубинов. Или смерть, если Конана не будет с тобой.

Беспросветная немедийская ночь приближалась к концу. Зенобия не спала, тщательно обдумывая все детали заговора. Едва предрассветную тишину разрезал первый крик далекого петуха, она легко соскользнула со своего ложа и бесшумными шагами направилась к выходу. Наложницы еще спали. В комнате гарема царил полумрак.

Внезапно костлявые пальцы вцепились в руку Зенобии. Скелетообразная фигура преградила ей путь.

– Куда это ты собралась ни свет ни заря, прекрасная королева? – ехидно вопросил главный евнух Фучин. И тут же он почувствовал, как холодная сталь в его впалую грудь.

– Отправляйся в ад, желтомордая собака! – с ненастью прошептала Зенобия.

Евнух захрипел; из безгубого рта хлынула кровь. Возня у двери разбудила одну из наложниц. Она испуганно уставилась на черноволосую женщину, извлекающую стилет из неудержимо скатывающегося на пол бочкообразного тела.

– Просыпайтесь! Зенобия убила кастрата! – завопила наложница.

– Да, я сделала это! – зашипела королева, угрожая стилетом своим бывшим подружкам. – Кто еще хочет отправиться в ад? Я ухожу. Сидите тихо, и не вздумайте звать на помощь! Слышите: за дверьми маршируют аквилонские солдаты; по моему приказу они мигом наколют вас на шомпола!

И хотя никаких солдат из Аквилонии не было и не могло быть в помине, наложницы в ужасе забились под одеяла, твердо поклявшись именем Митры не вылезать из постелей, пока за ними не придут.

А Зенобия тем временем выскользнула в коридор и правилась к заранее установленному месту, где она должна была встретиться с Квинтием Латортом. Да, очень ко времени она одолжила у старого полководца острый стилет…

По узкому коридору королевских апартаментов тихо скользили семеро хорошо вооруженных мужчин. Шестеро были Золотыми Леопардами, седьмой же, молодой человек с дрожащими от возбуждения губами, был известен как Алкивиад, бедный студент, автор прокламаций против короля Тараска. Неуловимый бунтарь сейчас открыто шел на встречу со своим врагом. В руке у него поблескивал широкий обнаженный кинжал – орудие цареубийцы.

Не встретив никого на пути, заговорщики ввалились в опочивальню Тараска. Король крепко спал; его бледный лик освещал холодный свет ночной лампады.

– Делай свое дело, Алкивиад, – тихо сказал лейтенант Золотых Леопардов. – Немедия давно ждет этого.

– Я хочу видеть лицо тирана, когда он будет умирать, – молвил студент.

Он подкрался к лоху Тараска и решительно сбросил одеяло со спящего короля. Тараск тотчас очнулся и в страхе замер, обнаружив у своей постели сжимающего кинжал человека с горящими ненавистью глазами.

– Пришел твой смертный час, тиран, – громко произнес заученную фразу Алкивиад. – Умри же – во имя свободы и блага Немедии!

Острый кинжал метнулся к груди короля, но так и застыл в воздухе, не дойдя до цели, ибо студент-цареубийца смотрел уже не на Тараска, а на высокого, мертвенно-бледного мужа, возникшего как будто из пустоты прямо над ложем немедийского короля.

Побледнели и отважные Золотые Леопарды. Крик ужаса вырвался из глотки лейтенанта, но его, этот крик, никто не услышал. Заговорщики вмиг забыли, зачем явились в королевскую опочивальню и во все глаза смотрели вышедшего из голубого тумана человека; на синем плаще того блистал огромный серебряный медальон.

– Вы не можете убить короля, – властно сказал Брахо. – Такого приказа не было. Но вы храбрецы и по праву останетесь в истории этой страны.

Он улыбнулся; из серебристого медальона вырвался ослепительный луч. Облако света накрыло заговорщиков. Через секунду свет рассеялся, открыв человеческому Взору семь неподвижных бронзовых фигур…

Покончив с заговорщиками, магистр повернулся к дрожащему от суеверного страха Тараску. Из широкого синего плаща он извлек картину в золотой рамке и передал ее королю.

– Это тебе, – бесстрастно произнес Брахо. – Презент на память от старого друга.

Жуткий сдавленный вопль вырвался из груди Тараска: на картине была изображена громадная крыса, восседающая на Троне Дракона; подпись к картине гласила: «Тараск, милостью Великой Души владыка Немедии». В мгновение ока превратившись в глубокого седого старика, король без чувств повалился на свое ложе.

Гибкие пальцы магистра скользнули к горлу Тараска. Нащупав пульс, Брахо удовлетворенно кивнул.

– Будешь жить. Я тебе не завидую. Сказал – и растворился в голубом тумане.

Квинтий Латорт и Зенобия стояли у толстой, обитой железом двери. В руке у полководца была связка ключей, королева же держала маленькую колбу с пепельным порошком.

– Давай же, Квинтий! – молила Зенобия. – Мне не терпится поскорее увидеть моего Конана!

– Имей терпение, королева. Сначала должен умереть Тараск.

Откуда-то издалека раздался громкий, наполненный ужасом короткий крик. Полководец побледнел.

– Вот и все, – сказал он. – Король мертв. Алкивиад убил его. Теперь войдем.

…Конан Аквилонский лежал на простой деревянной скамье, подобный мертвецу. Неподвижны были могучие члены, незаметно дыхание.

– О, Митра! – воскликнула Зенобия. – Сейчас я оживлю тебя, дорогой!

Она высыпала пепельный порошок на обнаженные мускулы мужа. И, словно по мановению волшебной палочки. Конан ожил!

Подняв голову, он пробормотал:

– Вот ты и пришла, крошка! Ради Крома, не найдется ли у тебя хоть капли вина?

Отрабатывая детали операции, Зенобия как-то упустила из виду этот жизненно важный для киммерийца момент. Хвала богам, рядом с ложем Конана на тумбочке стоял полный кувшин. Конан жадно накинулся на вино. Когда кувшин опустел, киммериец легко вскочил на ноги. Он был сама сила и энергия.

– Ради крови Крома, Зенобия, кто посмел тебя так разукрасить?! – грозно вопросил

варвар. Затем взгляд его скользнул по палате и остановился на Квинтий. – А ты что здесь делаешь, старый вояка?

– Это Квинтий Латорт, наш освободитель и новый король Немедии! – вставила Зенобия.

– В самом деле король? А что с Тараском?

– Не далее как десять минут назад он был убит заговорщиками, – сказал полководец.

– Ах так?! Тогда прими мои поздравления, Квинтий! Насколько я понимаю, мы в королевском дворце в Бельверусе?! Тогда самое время выбираться отсюда!

…Конан, Зенобия и Квинтий вместе спешили по коридорам дворца: первые двое – за своей свободой, третий же шел принимать власть. Неожиданно на пути возник патруль Золотых Леопардов.

– Хватайте предателей! – завопил капитан охраны. – Они пытались убить короля!

Пораженный такими словами, полководец остановился.

– Ты спятил, Диоксид, – рявкнул он. – Тараск мертв. Я король отныне!

Капитал обнажил меч.

– Короля пытались убить. Но он жив, а ты умрешь, презренный предатель!

И, словно в подтверждение слов Диоксида, откуда-то донесся слабый хрип Тараска:

– Хватайте, хватайте всех… Всех… Великая Душа…

– О, нет! – схватился за голову полководец. – Он жив! Мне конец!

– Пока еще нет! – проревел киммериец и, схватив одной рукой огромную масляную лампу, освещавшую коридор, бросил ее в Золотых Леопардов. Те отскочили, сбивая огонь со своих мундиров.

– Бежим с нами, Квинтий! – вскрикнула Зенобия.

Старому полководцу ничего иного не оставалось, как следовать за королевской четой Аквилонии…

Глава шестая

«Конана взять живым!»

– Так ты говоришь, Брахо, Тараска едва не прикончили?! – смеялся Тезиас в замке Синих Монахов. Посерьезнев, он сказал:

– Как все-таки примитивны люди! Удар кинжала – и нет короля! Не явись ты вовремя, они бы увели мою жертву у меня из-под носа!

– Не беспокойся, хозяин. Тараск никуда от тебя не денется. Еще неизвестно, что бы он выбрал: твой подарок или смерть от руки цареубийцы… Я не успел его об этом спросить.

Тезиас потянулся.

– Да, все просто замечательно. Каждый получает по заслугам. Сначала Пелиас, затем Тараск. Пора взяться и за Конана. С ним – особый случай. Придется вам хорошенько поработать.

Магистр почтительно поклонился.

– Слушаю, хозяин.

– Я желаю развлечься с Конаном лично. Вот задание: доставьте варвара в замок, живого и невредимого. И чтобы ни один волос не упал с его головы!

– Как прикажешь, Великая Душа.

– Будь особенно осторожен, Брахо! – сказал карлик. – Взять Конана живым – это не книгу у Пелиаса отобрать. Сам понимаешь, он будет сопротивляться!

– Я понимаю. Когда прикажешь отправиться за варваром?

Подумав, Тезиас воскликнул:

– Немедля!

В общей суматохе, связанной с неудавшимся покушением на короля Немедии, Конану, Зенобии и Квинтию удалось незамеченными выбраться из дворца.

Первое солнце уже пробуждало спящую столицу. Улицам недолго суждено было оставаться пустынными, и три человека, опасаясь погони, торопились поскорее покинуть недружелюбный город.

Они уже были на лошадях и при полной экипировке – смотрители королевской конюшни, не ведавшие, что случилось на рассвете во дворце, не смогли ослушаться приказа командира Золотых Леопардов.

– Я приглашаю тебя в Аквилонию, Квинтий, – заявил Конан. – Ты получишь поместье и тысячу золотых; этого хватит тебе до конца жизни. Не печалься из-за этой проклятой короны: она не стоит тебя.

В ответ старый полководец только тяжело вздохнул и пришпорил лошадь. Нелегко ему было расставаться со страной, где он родился и которой старался честно служить…

Внезапно позади всадников раздался громоподобный, свирепый крик:

– Стой, варвар, сын шакала! На этот раз ты не уйдешь от меня!

Конан вздрогнул: когда-то он уже слышал этот гирканский акцент. Он осадил коня и повернулся на крик.

Отряд восточных всадников приближался к нему. Над головами их бились на ветру

зеленые стяги. Всадников вел полный однорукий воин с покрасневшими от гнева и бессонницы глазами.

– Рустам-Мамед, гирканский пес! Как ты нашел меня?! – пробасил Конан.

– Я направлялся к Тараску, чтобы выкупить тебя. Но, видно, Эрлику было угодно, чтобы ты достался мне задаром! – злобно расхохотался шах.

– Бежим, Кован! – воскликнула Зенобия.

– Никуда вы от меня не убежите, – заревел Рустам-Мамед. – Взять их, ребята! А Конан нужен живым!

Повинуясь приказу своего властелина, войны шаха бросились на Конана и его спутников. Но огромное численное превосходство туранцев компенсировалось неприятным ограничением, наложенным на них шахом. И разве можно было взять киммерийца живым?

Головы и руки туранцев летели, рассекаемые длинным мечом варвара. Вместе с Конаном дрались Зенобия и Квинтий Латорт. Но силы были[4]слишкомяерав-ны. Квинтий пал, разрубленный до седла длинным ятаганом однорукого шаха. Конь Зенобии был ранен и неудержимо сползал на землю, увлекая за собой всадницу. Туранцы загнали Конана в угол между двумя близко стоящими друг к другу домами. Он был в ловушке. Враги уже натягивали неизвестно откуда взявшуюся толстую сеть, чтобы набросить ее на варвара, а он видел перед собой только красную, искаженную бешенством физию Рустам-Мамеда.

– Ватты и попался, киммерийский пес! – торжествующе вскричал однорукий шах.

Вдруг иной голос, – знакомый, звучный, взволнованный – донесся до ушей загнанного в ловушку варвара. Конан изумленно вскинул густые брови. Из узкой улочки в тыл туранцам рассыпались вооруженные люди. Они были закутаны в неприметные черные плащи, предводителем у них был стройный мужчина средних лет с клиновидной бородкой.

– Просперо! Он идет к нам! – радостно воскликнула Зенобия.

– Это Конан! – кричал Просперо. – Выручим нашего короля!

Неожиданное нападение аквилонцев сильно смутило гирканских воинов. Но Рустам-Мамед не собирался отступать, и битва закипела с новой силой.

И все же закаленные аквилонские рыцари, специально отобранные Просперо для тайной миссии в Бельверус, были сильнее. Видя, что удача изменяет ему, в Рустам-Мамед скомандовал отступление.

– Я еще доберусь до тебя, киммерийский ублюдок! – гаркнул на прощание однорукий шах. Ответом ему был мощный, раскатистый смех варвара.

Покидая импровизированное поле брани, оставшиеся в живых туранцы едва не столкнулись со взводом сонной полиции Немедии. Привлеченные шумом битвы, полицейские были исполнены решимости навести порядок. Трижды чертыхнувшись, шах со своими воинами поспешно скрылся. Изгнанник, он не хотел неприятностей с властями приютившей его страны,

Аквилонцы не долго радовались победе – на них уже наступали немедийские стражи порядка.

– Ба! Аквилонские шпионы в самом центре Бельверуса! -удивленно воскликнул полицейский капитан. – И король Конан с ними! Какая наглость! Именем короля Тараска все вы арестованы! Следуйте за нами или вас ждет смерть!

– Попробуй арестуй! – ответил Конан, сопроводив свои слова красочным описанием места, куда он отправил бы немедийцев; лексикон человека, побывавшего I пиратом сразу трех морей, отличался особенной сочностью.

Оскорбленные немедийцы ринулись в атаку. Над утренним городом снова зазвучал лязг боевого металла.

– Конан с нами! За короля! – возгласил Просперо.

Ранним утром Вольный Отряд Пелистио в полном составе неспешно продвигался в сторону королевского дворца* Рыжеволосый аргосец так и не придумал дельного плана, как проникнуть во дворец и похитить аквилонского монарха. Настроение у него было преотвратное. К тому же под боком ныл здоровенный немедиец – один из тех двоих, кто тщетно пытался отобрать сокровища у таинственной заказчицы этого столь рискованного предприятия.

– Ради Митры, командир, давай мотать из этого города! – лепетал немедиец. – Два камня уже у тебя – чего же еще надо?! К дьяволу Конана и эти восемь рубинов! Неужели ты не понял: нас наняла на работу ведьма!

– Именно поэтому мы должны точно выполнить ее задание, – буркнул Пелистио. – Иначе ваши косточки будут глодать демоны.

Немедиец посерел.

– Бежим же, командир, пока не поздно!

– Куда ты убежишь, дурак? – рявкнул на него Пелистио. – Человек, замысливший похитить короля и разбрасывающийся целыми состояниями, найдет нас и на краю света! Моли лучше Митру, чтобы предприятие наше удалось, тогда, может статься, мы еще славно попируем!

Туг до ушей Пелистио донесся зычный голос: «Конан с вами! За короля!», сопровождаемый шумом близкого боя… Лицо аргосца мигом просветлело.

– ЭЯ, парни! – заорал он. – Вы слышали?! Митра на нашей стороне! Нам не придется выкрадывать варвара из дворца! Конан рядом! Захватим же его!

Окрыленные такими словами, наемники быстро поскакали на шум битвы.

Схватка аквилонцев с немедийской полицией продолжалась уже более получаса. Стражи порядка неумолимо брали верх над горсткой отчаянных чужеземцев. Зенобия была ранена в ногу; ей оставалось только наблюдать за тем, как дерется ее муж-герой. Мускулистое тело варвара покрывали многочисленные порезы, но серьезных ран пока не было. Вокруг Конана кучей лежали окровавленные тела врагов, а лошади, лишенные всадников, стремительно уносились прочь.

Появление новой стороны озадачило и немногих оставшихся в живых рыцарей Просперо, и немеднйских стражей порядка.

– Это наемники, – возгласил Конан. – Эй, бродячие псы, вы на чьей стороне?

Командир «бродячих псов», рыжеволосый крепыш, зычно ответил ему:

– Мы на своей стороне! Нам приказано взять тебя живьем, варвар!

– Ба, да это Пелистио! – свирепо рассмеялся Конан. – Я и не сразу признал тебя в этой обрюзгшей свинье! Ну то ж, попробуй, возьми живьем!

– В атаку, ребята! – приказал Пелистио. – Расшвыряйте дохлых собак!

Отряд Пелистио, однако, не отличался высокой дисциплиной. Одна половина его ринулась в бой, другая же осталась на месте.

– Что стоите, скоты? – гаркнул аргосец. – Я сказал: в атаку!

– Там немедийская полиция… – неуверенно проблеял один из наемников.

– К дьяволу полицию! Нам нужен только Конан!

Под гневным взглядом сурового командира наемники дрогнули, и бой закипел с новой

силой. Нелегко было понять, кто с кем дерется. Сверкали мечи и кинжалы, со стоном на мостовую падали разрубленные тела, но посреди боя по-прежнему возвышался киммерийский гигант, устилая все пространство вокруг себя трупами врагов.

А за боем из верхнего окна прилетающей пятиэтажной башни внимательно наблюдали жестокие голубые глаза и рубиновые тубы шептали:

– Ну и мужчина! Кажется, опять все придется делать самой…

Сечь была безжалостной. Неудивительно, что никто из державшихся еще на ногах воинов не заметил, как высоко над землей, примерно на уровне третьего этажа, в прозрачном – до того – воздухе заклубился голубоватый туман и из него вышли трое мрачных мужей. Мгновение ушло у них на изучение обстановки. Затем они рухнули в самую гущу битвы. И тогда началось нечто невообразимое.

Одетые в синие плащи люди легко, словно то были тростинки, и неправдоподобно быстро переламывали спины сражающимся воинам. Они не разбирали, кто те были – немедийские стражи, наемники или аквилонские рыцари. Сами же «синие плащи» оставались невредимыми, как будто на них лежало охраняющее заклятие. Но нет – меч Просперо отрубил руку одного из «синих» вместе с плечом – и тут же к ужасу генерала рука срослась, а сам Просперо едва успел увернуться от смертельного удара недавно еще отрубленной руки.

Бой превратился в бойню. Никто не мог устоять перед мощью неуязвимых «синих плащей». Широко раскрытые от изумления голубые глаза взирали на все это с кровли пятиэтажной башни. Они видели, как синие люди неумолимо приближаются к киммерийскому гиганту.

– Что вам нужно от меня, проклятые колдуны? – в отчаянии вскричал Конан.

«Синие плащи» не ответили; они простерли к нему свои худые руки. Король чувствовал, как все члены его немеют, и он помимо своей воли готов вот-вот упасть в объятия этих неведомых дьяволов… Краем глаза он еще успел рассмотреть, как с вершины башни вниз стремительно сваливается некто, до самых глаз закутанный в длинные белые полотенца. Подобное ожившей мумии существо возникло рядом с Конаном. Быстрее, чем сверкает молния, взметнулась белая рука, ладонь мумиеподобного существа резко приложилась к груди облаченного в синий плащ человека. Тот завопил, как будто его насквозь проткнули раскаленным железным прутом, и мертвым свалился наземь.

Узрев все это, двое его спутников, которые уже готовы были утащить Конана вовнутрь голубого тумана, набросились на существо в белых полотенцах. Но оно исчезло еще более неожиданно, нежели появилось. Воспользовавшись секундным замешательством «синих», Конан уверенным движением доброго меча снес одному из них голову. Хвала богам, голова не приросла обратно к телу. Огрев Конана свирепым взглядом маленьких землистых глаз, оставшийся в живых колдун легко, точно это были пушинки, подхватил тела своих убитых товарищей и скрылся с ними в голубом тумане, после чего оный туман тотчас испарился. Конан же, решив, что с него довольно всякой чертовщины, поднял чуть живую от страха Зенобию и бросился прочь из этого проклятого места.

Зал-амфитеатр в замке Синих Монахов стонал от пронзительного крика карлика.

– Великий боже! Я не могу поверить! – орал Тезиас, нервно прохаживаясь мимо выстроившихся в шеренгу Синих Монахов. – Вы потеряли двоих! Я уж было уверовал, что вы неуязвимы и всемогущи! Какой кошмар! Какое разочарование!

– Но мы все-таки люди, хозяин, – вставил Брахо. Смерив магистра презрительным взглядом громадных черных глаз, бывший Бог воскликнул:

– А кто болтал, будто каждый из вас сильнее дюжины волшебников? Ты, Брахо! И где же ваше бессмертие? Этак немудрено прожить тысячу лет, слоняясь по залам этой цитадели! А вот только первая битва – и я уже теряю своих слуг! Теперь вас не шестнадцать, а четырнадцать! Где я возьму новых?

Брахо сокрушенно развел руками.

– То-то и оно, – уже более спокойно сказал Тезиас. – Впрочем, я сам виноват. Мне следовало знать, что варвара не возьмешь голыми руками, пусть даже это руки могущественных волшебников. Я сделаю выводы из этой истории. Вот первый вывод: никогда более не ввязывайтесь в драку без моего приказа! Ясно вам, монахи?

Магистр почтительно поклонился.

– Ясно, хозяин. Впредь мы будем осторожнее.

– Вот именно. Я должен дорожить вами. А теперь я хотел бы посмотреть на погибших братьев. Возможно, мне удастся их оживить.

Первый труп был безголовый.

– А где остальное? – спросил Тезиас у монаха, уцелевшего после битвы.

– Прости, хозяин, – виновато промямлил тот. – Я не смог захватить голову. Она осталась в Бельверусе.

– Ну и дьявол с ней. Я все равно пока еще не умею пришивать головы. Надо взять это на заметку. Поищу что-нибудь про оживление голов в Книге Судеб.

– Это Конан его так, хозяин, – добавил монах.

– Не сомневаюсь. Варвар умеет орудовать мечом. Одного не пойму: как только этот, – Тезиас пнул безголовый труп маленькой ножкой, – подставил свою шею под клинок киммерийца?

Монах сник,

– Это самое ужасное, хозяин. Мы уже почти схватили Конана, как вдруг какой-то демон обрушился на нас с небес.

Пронзительный взгляд Великой Души насквозь пробуравил несчастного монаха.

– Что за вздор! Какой-такой демон?

– Посмотри на второй труп, – тихо сказал монах. Он отринул покрывало, и жуткая гримаса исказила белое лицо карлика.

– Во имя Всех Знаний Вселенной! – вскричал Тезиас. – «Черная ладонь Сета»! Моего слугу убил стигийский жрец!

– Жрец Сета – в Бельверусе?! Что ему там делать? – воскликнул Брахо.

– У стигийских ублюдков много неоплаченных счетов к королю Аквилонии. Возможно, кто-нибудь из жрецов явился, чтобы предъявить их к оплате.

– Нет, хозяин, – заметил монах. – Клянусь твоею Великой Душой, этот стигиец вовсе не собирался причинять вред Конану. Скорее, он бросился на его защиту. Еще мгновение, и мы уволокли бы его в голубой туман!

Между тем Брахо, внимательно осмотревший рану на груди убитого монаха, сказал:

– Посмотри, хозяин. Грудь нашего брата сожжена черным огнем. Но обрати внимание: тот, кто сделал это, несомненно женщина!

И вправду: смертельная пятерня имела пальцы длинные и тонкие; они не могли принадлежать мужчине. Но Тезиаса это не убедило.

– Вздор, Брахо! Женщины не могут быть жрецами Сета и уж тем более не владеют искусством «черной ладони». Мы имеем дело с необычайно хитрым и могущественным черным магом; может статься, это был сам Тот-Амон. Но даже если это так, он напрасно поднял руку на моего монаха! Никому не позволено убивать моих слуг и при этом оставаться безнаказанным! Помяни мое слово, Брахо: я еще разворошу их осиное гнездо! Мы натрем чешую Сету, или я – не Великая Душа!

Конан, Зенобия и Просперо были единственными, кто уцелел в утреннем сражении. Сейчас они отдыхали в заброшенной хижине, что стояла в лесу на самой окраине Бельверуса.

– Ради Крома, как не хватает здесь старины Пелиаса с исцеляющим снадобьем! – говорил Конан. – Помню, когда месяц назад мы бились со стигийскими колдунами, волшебное варенье Пелиаса вмиг излечило все наши раны!

– Вот уж в самую точку попал ты, государь, – сказал Просперо. – Ты знаешь, я побывал в разных баталиях, но такого боя, как сегодня, не припомню. Как будто на нас ополчились все негодяи разом!

– Да, – добавила Зенобия. – Сначала воины этого свирепого шаха, потом немедийская стража, затем наемники. А после них…

Голос королевы задрожал.

– Хотел бы я знать, кто были те синие демоны, что едва не утащили меня в свою Преисподнюю! – мрачно буркнул Конан.

– Они за минуту перебили не менее полусотни воинов с мечами и кинжалами!

– Но и они хотели взять меня живьем! Все жаждали захватить меня в плен, как будто я – не человек, а ценный приз, что разыгрывается на рыцарском турнире!

– Если бы не та мумия, что упала с крыши, этот приз достался бы синим колдунам, – отметила Зенобия.

– Еще одна загадка. Что-то я не припомню такого друга. Так или иначе, эта мумия или кто там вместо нее проткнула синего колдуна горящей головешкой! И тотчас исчезла…

– Дьявольщина какая-то… Спаси нас, Митра, от козней Зла, – вымолвил Просперо. '

И, словно в ответ на мольбы генерала, снаружи раздался низкий зычный голос:

– Выходи, киммерийский вор! Я выследил тебя! Сдайся добровольно, и тогда мы, так и быть, сохраним жизнь твоей немедийской шлюхе!

Конан вспыхнул, схватившись за меч.

– Остановись, дорогой! – воскликнула Зенобия. – Это шах Рустам-Мамед!

– Знаю, – буркнул король. – Гирканские собаки нипочем не отвяжутся, пока не отправишь их на корм демонам. Я уже как-то объяснял это тебе. Просперо осторожно выглянул в окно.

– Пресветлый Митра! Да их не меньше сотни! Откуда у шаха такая армия?

– Бьюсь об заклад, он собрал всех негодяев Бельверуса, – ответил Конан.

Длинная стрела вонзилась в дерево рядом с головой генерала. Просперо быстро отступил от окна.

– Чего же ты медлишь» варвар? Или ты струсил? – продолжил зычный издевательский голос. – Выходи! Может, желаешь, чтобы мы подпалили эту дохлую хибару?

Тяжело вздохнув, Конан поднялся.

– Я иду, Зенобия. Хотя бы вы с Просперо уцелеете. Прощай, крошка…

Но Конан не успел сделать и шага, как в одну секунду все вокруг вдруг потемнело, и

земля задрожала под ногами. Люди в хижине услышали переполненные ужасом истошные, нечленораздельные вопли. Затем долгий хныкающий смех, ни в чем не похожий на человеческий. И другие звуки, от которых кровь стыла в жилах: хриплые, сдавленные крики, хруст разрываемых костей, какое-то чмоканье, хлюпанье и хихиканье и довольный квакающий вой. Затем все стихло, и тьма рассеялась. Наступила мертвая, зловещая тишина. Первым очнулся Конан.

– Кром и Митра, что это было?!

– Ты действительно желаешь это знать? – визгливо вскричала Зенобия, и Конан ужаснулся: взгляд ее глаз был почти безумным!

Просперо сидел как пришибленный; киммериец крепко пихнул его в бок.

– Пойдем, генерал, глянем, что там стряслось.

– Не оставляй меня одну! – взмолилась Зенобия.

– Ради Крома, девочка, посиди здесь! Я догадываюсь, что мы увидим. Тебе на это лучше не смотреть.

– Нет, я хочу! Я в конце концов твоя жена! – Мужество постепенно возвращалось к прекрасной королеве.

Ожидания Конана оправдались: все пространство вокруг хибары представляло собой сплошное кровавое месиво. Куски человеческих тел валялись тут и там, и с них стекали последние капли крови. Тела были не просто раздроблены, но разорваны на части и измельчены; самыми крупными частями были те редкие головы, которые остались целыми. В одной из них Конан опознал Рустам-Мамеда: вот как закончил свой жизненный путь однорукий шах…

А посреди побоища, плотоядно ухмыляясь, высился долговязый красноглазый демон. Шарики коричневой слизи с шипением сползали с его массивного тела.

– Тебя жду, варвар, – хриплым, басистым голосом произнес демон.

Увидав монстра, Зенобия тихо взвизгнула и прижать к мускулистому телу мужа. Благородное лицо Просперо побелело. Один лишь Конан сохранил хладнокровие.

Твоя работа? – спросил он монстра, выразительно мотнув головой в сторону побоища.

– Не-а, – осклабился демон. – Ребята Зука постарались.

Конан не знал никакого Зука, но знакомиться с ним у него не было никакого желания.

– Я посланец, – продолжил между тем монстр. – Тебе надлежит следовать за мной, варвар.

– Знаешь что, тварь, катись-ка ты обратно в преисподнюю! Я не последовал за этими и за тобой не пойду, урод. Можешь звать своего Зука, но я и с места не сдвинусь!

В красных зрачках демона отразился страх.

– Так нельзя, – обиженно промямлил он. – Приказано взять тебя живым.

Конан рассмеялся и встал в боевую позицию.

– Ну что ж, возьми, если сможешь! За сегодняшний день ты не первый, кто пытается сделать это!

Демон нерешительно шагнул к Конану, но тут же остановился.

– Так нельзя, – повторил он. – Тебе надлежит следовать за мной, варвар.

– Но я же не пойду, ты, красноглазая бестия! Так и передай своим хозяевам: Конан не пошел со мной! Понял?

– Ладно, – буркнул покладистый демон и скрылся в сизом дыму.

– Что за чертовщина… – начал было Просперо, но тут все трое, не сговариваясь, нервно

рассмеялись.

Глава VII

«Безголовые бестии»

Тезиас тяжело переживал бессмысленную гибель двоих монахов. Синие Монахи были единственными существами в мире, желавшими ему добра. За несколько дней, что он провел в их обществе, карлик успел по-настоящему привязаться к своим новым слугам. Они как будто стали частью его самого, как люди становятся частью Творца. Действительно, одно то, что он создал (или создаст?) их, Синих Монахов, доказывало божественную силу Великой Души. А ему, маленькому человечку, лишенному человеческих радостей и прежнего имперского величия, так нужно было хоть чем-нибудь гордиться…

Синие Монахи были для него больше чем слугами. Тезиас никогда не думал, что будет нуждаться в друзьях и советчиках; верные монахи заменили ему тех и других. А Брахо, – благородный, гордый, всезнающий, – мог становиться одновременно чутким, мягким, добрым, опекающим своего хозяина так, как заботливая мать опекает беспокойное дитя. Когда Тезиасу было плохо, когда жуткая Болезнь Разума вновь посещала могучий мозг Великой Души, Брахо всегда был рядом, всегда успевал помочь, всегда находил нужные слова, чтобы успокоить карлика, и в словах этих никогда не повторялся. В часы, когда голова бывшего Бога была ясной, они могли подолгу беседовать на любые темы – о науке и политике, времени и власти, судьбе человека и сущности бытия. Магистр был великолепным собеседником: он умел слушать и слышать, соглашался с хозяином, когда тот был прав, и спорил, когда эмоции одерживали верх над здравостью рассудка Великой Души.

Многочасовые Медитации Тезиаса с Книгой Судеб, помноженные на старания Брахо, медленно, но верно одолевали коварную болезнь. Тезиас боялся зарекаться, но последний приступ посетил его три дня назад. Он чувствовал: болезнь отступает, он, его воля, его гений справляются с ней. Куда отступает Болезнь Разума и насколько он победил ее, карлик не мог знать. Ведь даже организм обычного человека – тайна за семью печатями, самое сложное творение Вселенной, а что тогда говорить о человеке-Боге, каким был Великая Душа?! Тезиас знал, что Болезнь Разума, коварный подарок Стража Земли, никогда не оставит его и, возможно, нанесет свой ответный удар в самый неподходящий момент – как тогда, в миг решающей схватки с Конаном. Но сейчас он не хотел думать о худшем. Сейчас его голова была ясна, он сидел в мягком кресле в жарко натопленной комнате, а перед ним, как всегда в такие минуты, стоял верный Брахо. Хозяин и слуга размышляли о будущем.

– …Как бы мне хотелось знать будущее, – говорил Тезиас. – Что сокрыто в нем? Что ждет меня, тебя, весь этот мир? В моей голове таится несметное количество Знаний. Я умею делать такое, что и не снилось другим богам, но и мне неведомо будущее.

– Оно неведомо никому, – отвечал Брахо. – Так устроена природа. Существам, населяющим мир, не дано знать, что ждет их через мгновение. Они проживут это мгновение и лишь тогда узнают. По-видимому, иначе была бы невозможна сама жизнь.

– А предсказатели, ведуны, ясновидящие?! Они существовали всегда, и нередко их прогнозы сбывались. Что ты скажешь об этом?

– Только то, что некоторым просто везет, иные прогнозы слишком туманны, чтобы

делать из них практические выводы. Лишь ничтожная часть предсказателей подбирается к нити Времени. Именно они порою слышат пульс будущего, узревают на миг его огни. Лишь на миг…

– Это доказывает, что на большее они не способны, – подытожил Тезиас. – А вот Страж Земли может запросто сказать, что ждет каждого из нас через день, год, тысячу и миллион лет. Он – знает! Знает будущее во всех его подробностях!

– И что это знание дает ему? Он отгородился от мира своей пирамидой и сидит на своих знаниях, точно скупой царь на сундуках с золотом посреди нищей страны. Почему он не делится с людьми своим могуществом?

– Ты не прав, магистр. Люди не готовы принять Великие Знания Вселенной. Люди обуреваемы страстями, а Страсть и Знание несовместимы. Страсть горяча, как кипящая смола преисподней. Знание же холодно, как белая бездна Ромба Яхкунга. Мир людей поделен на полюса; Знание же не различает Добра и Зла. В добрых руках оно творит Добро, в злых – Зло. Знание нейтрально. Люди не готовы к нему, – повторил Тезиас и устало усмехнулся. – Заметь, Брахо: я единственный, кто, казалось бы, овладел Знанием. И куда же я употребил его? Разве на благо людям?! Нет, я бросил его в огонь своих страстей и сгорел вместе с ним!

– Сгорел, но не до конца, – продолжил аналогию Брахо. – Ты сам вытащил себя из огня. Знание в тебе сумело побороть Страсть.

– А ныне Страсть во мне снова торжествует! – воскликнул карлик. – Она требует мести! Обычной человеческой мести, Брахо! Я, Великая Душа, подобно миллионам людишек, жажду отомстить своему погубителю! Я, Бог, жажду мести Конану-варвару! Какая ирония! Какой гротеск! Единственное, что я могу сделать, это предложить Конану такую месть, какая ему не приснится и в самых жутких кошмарах! Неужели я не способен придумать что-либо достойное Великой Души?!

– Поэтому ты велел доставить варвара в замок?

– Да! И мой замысел провалился! Я больше не могу так рисковать… Может, и вправду Конана хранят боги этого мира и все мои усилия тщетны?

– Боги или демоны, они не посмеют отнять у тебя священное право мести. Хочешь, я подскажу тебе? Тезиас кивнул.

– Слушай, хозяин. Мы с тобой обдумали десятки вариантов мщения, и ты считаешь, будто все они недостойны тебя. Твоя воля. Но вот что я тебе скажу: вся сила Конана в том, в чем большинство видит его слабость, – в том, что по природе он варвар. Да, варвар! Варвар суть великий герой! Преврати его в цивилизованного человека, и этим одним свершится твоя месть! Худшего наказания для Конана невозможно придумать. Он станет цивилизованным, но дикие инстинкты останутся при нем, и внутренняя борьба разорвет его душу на части. Друзья отвернутся от него, как ты и желал, ибо они друзья Конана-варвара, а не Конана – человека цивилизованного. Из великого героя он превратится в обычного царька, и его былые подвиги станут темой злых анекдотов, а он сам – всеобщим посмешищем. Такой Конан более не будет препятствием для тебя. Ты снова покоришь мир, а твой бывший враг будет валяться в грязном гареме, пьяный, обрюзгший, с разукрашенными девицами. Он не сумеет защитить мир от тебя и вскоре сам умрет, окруженный ненавистью и презрением. Убей в Конане варвара, и так свершится твоя месть!

Брахо закончил свою речь. Воцарившуюся тишину нарушал только треск поленьев в пылающих каминах. Карлик молча смотрел на магистра Синих Монахов, и взгляд его был

недвижен. О чем думает Тезиас в эту минуту, Брахо знать не мог.

Едва возвратившись в Тарантию, Конан с присущей ему энергией взялся за новое дело. Путь домой протекал без приключений: ни люди, ни демоны более не тревожили покой аквилонского короля. На родной земле, казалось, у него не было врагов. Всюду, где он проезжал, его встречали как великого властелина, защитившего честь, свободу и саму жизнь подданных. Знаки преданности королю, которые оказывали аквилонцы на всем пути Конана от аквилонской границы, задержали его прибытие в Тарантию на несколько дней. По дороге Зенобия успела рассказать мужу о своих приключениях. На фоне неподдельного ликования толпы вероломство Тараска, им же, Конаном, спасенного от гнета Великой Души, казалось варвару особенно кощунственным.

– Терпению моему пришел конец, – объявил Конан своим вельможам, едва лишь заявившись в Тарантии. – Тараск перешел все границы. Он забыл кровавые уроки Львиной долины. Если не проучить его сейчас, он обнаглеет еще больше. А потому – я иду войной на Немедию!

Вельможи возбужденно перешептывались, переваривая королевскую волю. Наконец граф Троцеро устремил ясный взор к огромному золотому трону, на котором развалился черноволосый великан, и воскликнул:

– Веди нас, государь! Мы проучим немедийских собак!

Придворные поддержали графа. Каждый из них старался быть в первых рядах объявленной кампании. Один лишь канцлер Публио хранил задумчивое молчание. Конан заметил это.

– А ты, Публио? Не согласен со мной? Канцлер тяжело вздохнул.

– Государь, наша казна не выдержит большой войны. Тараск трижды достоин смерти, это правда. Когда на свете живут такие люди, начинаешь сомневаться в мудрости пресветлого Митры. Но, мой государь, стоит ли затевать войну из-за одного лишь Тараска?!

– А иначе такие дела и не делаются! – воскликнул генерал Просперо, не дав Конану ответить. – Чтобы одолеть короля, необходимо разгромить его армию! Если ты не знаешь этого, Публио, не берись судить. Я же вот не лезу в твои свитки!

Краска залила пухлое лицо достойного канцлера.

– Мои свитки! – в волнении произнес он. – Вам бы лишь мечом махать, вояки! Король поставил меня следить за казной, и я еще раз скажу: казна не выдержит большой войны! Можете рубить мне голову, но и на эшафоте я повторю еще и еще: казна не выдержит большой войны!

– Успокойся, Публио, – властно молвил Конан, – пока я король, не видать тебе эшафота. Но войной на Тараска я все же пойду, а ты, будь так добр, отыщи для этого деньги. Хотя бы продай этот треклятый трон – он мне не нужен!

– Мой государь, – не сдавался канцлер, – не проще ли прибегнуть к помощи людей, которые… э-э-э… ну сами знаете, в Немедии немало недовольных правлением Тараска.

– Уже пробовали, – высокомерно возразил Просперо. – Заговор провалился, а претендент на Трон Дракона, Квинтий Латорт, погиб.

– Ну а если нанять… – опустив глаза, начал Публио, но тут уже сам Конан в гневе поднялся с трона и воскликнул:

– Ты спятил, канцлер?! Да за кого ты меня принимаешь? Понятно, услуги наемных убийц обойдутся для казны стократ дешевле войны с Немедией. Но где это видано, чтобы Конан Аквилонский платил за цареубийство?! Нет, я прикончу Тараска в честном бою!

Войны не миновать. Даю всем три дня на сборы. Это мое последнее слово! А сейчас – сейчас оставьте меня одного. Мы еще поговорим с тобой, Публио.

Понурив голову, канцлер последним покинул тронный зал, оставив киммерийского гиганта наедине со своими мыслями.

Обширное поместье Эритея, барона Фланского, раскинулось на берегу могучего Хорота и скорее напоминало укрепленный город-порт, нежели виллу богатого дворянина. Громадный, вычурный, украшенный лучшими ваятелями Аквилонии, Немедии и Офира, дворец Эритея бросал вызов вековому придворному этикету. Белоснежные мраморные колонны смотрели на роскошную рукотворную гавань, в которой почитали за честь останавливаться корабли, держащие путь в стольную Тарантию и далее – в Пуантен, к аргосской границе, в Мессантию и к Западному морю.

Владетель поместья воистину был человеком незаурядным. Отпрыск разорившейся купеческой фамилии, он сумел пройти путь от уличного торговца пряностями до гордого дворянина, одного из богатейших вельмож Аквилонии. Всюду, где ступал Эритей, неизменно раздавался звон денег. Он умел извлекать выгоду из всего – из войны и мира, из голода и переизбытка зерна; безумное правление, равно как и мудрое, сулило ему новые барыши. Когда отошел в иной мир король Вилер, слывший покровителем Эритея, и на Рубиновый Трон вступил безумный Нумедидес, над головой купца стали сгущаться тучи. Жадный и завистливый Нумедидес не мог не положить глаз на несметные богатства купца. Однако вместо того, чтобы, собрав золото и драгоценности, в спешке бежать из Аквилонии, Эритей явился ко двору безумного короля. Сладкие, льстивые речи лились из уст купца подобно золотым ручейкам в его бесчисленных закромах. Эритей подарил Нумедидесу – не в казну, но в личную собственность короля! – три четверти своего состояния. Так Эритей стал лучшим другом монарха. В припадке необузданной радости Нумедидес предложил купцу пост канцлера, но Эритей вежливо отказался и в знак особой королевской милости испросил для себя баронское звание. Нумедидес же, для которого дворянское достоинство не значило ровным счетом ничего, быстро намарал соответствующий рескрипт, присовокупив к баронскому званию ряд выгодных хлебных контрактов. Так или иначе, через год на берегу Хорота, в двадцати милях от Тарантии, уже высился только что отстроенный роскошный дворец, а еще через год здесь появился и речной порт. Королевские слуги больше не беспокоили влиятельного барона; в поместье Эритея царили свои законы, и люди барона не признавали ничью власть, кроме власти владетеля Фланского.

Эритей был первым, кто ссудил деньги новому королю Конану. Герой-киммериец, всю жизнь презиравший толстобрюхих купцов, никогда не державших в руке доброго меча, поневоле проникся уважением к человеку, о котором говорили, что Митра обвенчал его с Удачей. Денежный мешок Эритея не раз выручал Конана, но особенно – после немедийского нашествия. Когда орды Тараска покинули страну, потребовалось много золота, чтобы восстановить разрушенное и, более того, отстроить Аквилонию заново. На благое дело Эритей не жалел денег, и они, словно заговоренные, удвоенным потоком возвращались к нему. Сейчас Аквилония снова стояла на пороге большой войны, и личная яхта барона Фланского отправилась в Тарантию – завтра должна была состояться встреча Эритея с канцлером Публио. Когда на горизонте маячит нечто грандиозное, место Эритея было возле трона короля.

Спустя четыре часа после отбытия барона над белоснежным дворцом уже парила ночь. В портовой гавани было непривычно тихо. Не порхали вдоль пристани «ночные бабочки*,

высматривая клиентов, не была слышна обычная перебранка вахтенных, не было видно и знаменитых, славящихся своей неподкупностью, стражников барона. Однако всюду были заметны следы неясной борьбы; тут и там валялись мечи и пики, обрывки одежды, а на вдающемся в реку узком пирсе стоял одинокий солдатский сапог, и через его рваную подошву в черные воды стекала темно-рдяная жидкость…

Хотя все окна дворца были ярко освещены, признаков жизни не было заметно и в нем. Стояла зловещая, беспощадная тишина, тем более пугающая, если учесть, что барон Фланский слыл человеком общительным, любителем шумных компаний; балы и приемы в доме барона не прекращались обычно до самого утра. К тому же давеча в гости к барону Эритею приехал старый друг, соратник по купеческому промыслу, а ныне офирский виконт, Силмар. Приехал с красавицей женой, двумя дочерьми и целой кавалькадой слуг и друзей. Невозможно было поверить, чтобы вся эта орава сейчас мирно спала, вдыхая во сне волнующие ароматы могущей реки…

Зловещая тишина не была безраздельной. Шум речного прибоя то и дело отступал перед иными звуками – звуками, вовсе неведомыми здешним обитателям. То были хрустящие, чавкающие звуки, довольное повизгивание, сопение и кваканье, прерываемые изредка чарующе-зловещим хныкающим смехом. Жуткие звуки доносились изнутри дворца, как будто некто – или нечто? – справлял какую-то адскую трапезу. А посреди этих звуков, посреди разбросанных на мозаичном полу фиал и подушек на огромном, покрытом бархатными туранскими коврами диване царственно возлежала прекрасная, точно выточенная из слоновой кости неким божественным скульптором, златовласая и голубоглазая девушка. Она лениво потягивала вино из большого золотого кубка. В пяти шагах от нее на коленях стоял громадный коричневый демон; его красные глаза виновато смотрели в пол, массивное туловище судорожно подергивалось – от страха ли, от холода?!

– Эй, вы там, заткнитесь! – вдруг пронзительно вскричала девушка, и коричневый демон вздрогнул, а хруст и чавканье тотчас прекратились, – Эй, мне надоела ваша пирушка! Ковыляйте отсюда, не то не видать вам более свежей еды! Такой огромный дворец, а они все норовят пиршествовать у моей опочивальни, -добавила она, обращаясь уже к коричневому демону.

– Они ошалели от такого количества еды, – промямлил тот, – Два десятка жирных господ и с полтысячи хорошо откормленных слуг! Ты щедра как никогда, принцесса!

– И все же Зук не откажется подзакусить и тобой, храбрый Иефан! – жестоко рассмеялась девушка. Издав горестный рык, демон распластался на полу.

– Пощади, великая принцесса! Иефан – твой верный раб! Дай мне шанс все исправить!

– Мой ум отказывается постигать, – словно не слыша мольбы демона, продолжала Тхутмертари. – Ты не смог добыть какого-то варвара! Ты осмелился не выполнить мое задание! Догадываешься, какая кара ждет тебя?

– Дай мне последний шанс! Ну чего тебе стоит?! Конан отказался следовать за мной, я уже тебе докладывал. Клянусь, я сумею доставить его тебе, или пусть ребята Зука обглодают мои косточки! Клянусь именем

– Хорошо. Я даю тебе последний шанс. Если варвар будет упираться, возьми его силой. Я послала бы Зука, но у него уж больно тяжелая длань. Тебе разрешается в крайнем случае сломать Конану руку или ногу. Но помни: варвар нужен мне живой, и горе тебе, если оплошаешь и на этот раз!

– Благодарю, госпожа! Я не подведу, вот увидишь. Разреши только взять с собой четверых младших братьев. Для верности, мало ли чего…

– Возьмешь двоих. Не серди меня, Иефан. Я скорее начну молиться Митре, чем поверю, что вы втроем не справитесь с человеком. Ступай же прочь, Иефан, я устала…

И, томно прикрыв глаза, Тхутмертари откинулась на широкое ложе. А коричневый демон, в страхе оглядываясь на хозяйку, бесшумно покинул гостиную.

Конан был один в огромном тронном зале. Только что он выслушал доклад Просперо о подготовке немедийской кампании. Все шло как нельзя лучше. Народ боготворил короля, армией владел негасимый боевой азарт, и все с нетерпением ждали начала праведной схватки. Киммериец был в превосходном настроении. Интуиция опытного полководца-стратега подсказывала ему: лучшего момента для удара по извечному врагу не придумаешь. Вторая Немедийская война обещала быть быстрой и победоносной. Ничто не могло помешать ему. Все просто: армия против армии, король против короля, воин против воина. Оставались, правда, кое-какие загадки: безвестные синие колдуны, едва не утащившие его в Кром знает какую Преисподнюю, живая мумия, спасшая его от «синих», и громадный коричневый демон… Но с того памятного утра прошло уже много дней, а загадочные незнакомцы ничем себя не проявляли. Со спокойствием истинного фаталиста Конан выбросил их из головы. У короля Аквилонии много других забот.

Он легко поднялся с трона и подошел к широкому окну. Была глубокая ночь. Уставшая за день Гарантия отдыхала, набираясь сил на завтра. Решив, что и ему не мешало бы вздремнуть часика три, Конан направился было к выходу. Злобный хриплый голос заставил его остановиться.

– Я вернулся за тобой, варвар. На сей раз ты не уйдешь от меня.

В дверях тронного зала скалился старый знакомый – громадный коричневый демон. Но не демон более ужаснул Конана, а те, кто сопровождал его. Их было двое. Костлявые, тощие, они походили на обтянутые серой кожей скелеты. Однако эти скелеты не были человеческими. Короткие тощие ноги не имели колен – туловище опиралось на некое подобие ходуль, оканчивающихся широкими ластообразными ступнями. Руки же, напротив, были длинными и заканчивались кистями с тремя короткими пальцами-отростками. Самым же жутким в облике тварей было иное. Там, где у всех наделенных разумом созданий начиналась шея, у этих колосилась черная гладкая шерсть. Шей и голов у тварей не было. С ужасом Конан осознал, что головы у этих созданий не отрублены, нет, их не было изначально. Глаза же у тварей располагались на туловище – там, где мужчинам положено иметь соски, а женщинам – груди. Глаза полностью соответствовали кошмарному облику бестий. В огромных черных белках плавали маленькие белые зрачки, и зрачки эти плотоядно смотрели на Конана. Твари были наги, и половые признаки у них начисто отсутствовали. Кошмарный облик созданий дополнял широченный, усеянный клыками рот, помещавшийся

на линии живота. Все это Конан рассмотрел в одно мгновение, и вид жутких бестий до глубины души ранил его, героя, прошедшего через бесчисленные схватки с неназываемым злом. Противниками его были не только люди. Ужасные красноглазые твари были обычными подручными волшебников, с которыми сталкивала Конана судьба. Но те демоны были либо извращенной, гротескной пародией на человека, как этот коричневый монстр, либо не имели с родом людским ничего общего – многих из подобных тварей встретил Конан, например, в подземельях Алой Цитадели колдуна Тсота-Ланти. Но эти двое… Эти являли собой жуткую середину между мирами людей и демонов. Кто бы ни был их творец, он был настоящим гроссмейстером своего адского искусства. Ибо бестии эти как будто специально создавались как вызов природе и могучим богам. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы уразуметь: подобное не может жить, не может ступать по земле. Но твари эти не были мертвецами, они ходили и существовали вопреки законам природы и воле богов. Теперь они стояли перед Конаном.

Созерцание неведомых бестий, казалось, отняло у Конана волю. Он очнулся лишь тогда, когда скользкая лапа коричневого демона обхватила его запястье. Те, безголовые, по-прежнему стояли в дверях,

– Вот ты и попался, Конан-киммериец! – радостно гаркнул демон.

– Еще не совсем, демон! – вскричал Конан и со всей силы врезал коричневому в пах тяжелым сапогом. Слава богам, у этого половые признаки присутствовали.

Взревев, демон на миг отпустил Конана. Этого мига хватило киммерийцу, чтобы отскочить за добрым мечом. Демон напал вторично, и в его движениях заметна была какая-то скованность. Конан взмахнул мечом. Верная сталь просвистела в дюйме от длани демона; коричневый монстр был дьявольски быстр. Удар демоновой десницы пришелся Конану по подбородку. Послышался хруст костей. Но удар, который наверняка уложил бы любого другого человека, даже не оглушил Конана. Захлебываясь кровью, Конан выплюнул выбитые зубы. Один из зубов попал как раз в красный зрачок демона. Тот отчаянно завопил, прикладывая лапы к пораженному глазу, и закрутился на месте. Воспользовавшись этим, киммериец нанес свой коронный удар.

Меч со свистом рассек воздух, взметнулся вверх и легко, точно нож масло, разрезал толстую шею монстра. Отрубленная голова гулко ударилась о резной подлокотник трона, упала на пол и, словно влекомая неведомой силой, покатилась к очагу, где пылал огонь. В нем и сгинула, сопроводив свое исчезновение низким приглушенным воем, от которого леденела кровь.

Покончив с демоном, Конан обнаружил, что безголовые бестии стоят уже в пяти шагах от него. Непроизвольно он попятился.

– Спекся Иефан. И мы не будем о нем жалеть. Он нам никогда не нравился.

Глубокий, грудной, надтреснутый голос раздавался откуда-то изнутри одной из безголовых тварей. Находящийся на животе рот был неподвижен.

– Ступай с нами, варвар, – сказала между тем вторая бестия. – Лучше тебе подчиниться. Иефан был обучен хорошим манерам, а мы – нет.

– Кто вы такие, дьявол вас побери? – в отчаянии вскричал Конан. Как назло, проклятые твари отрезали ему все пути к отступлению; бросаться же с высокой королевской башни вниз было равносильно самоубийству.

– Мы – костоломы, – ответила первая тварь. – Нас не учили придворному этикету. Так что иди по-хорошему, король Аквилонии, иначе костей не соберешь.

Конана так и подмывало с разбега расшвырять жутких гостей и верным мечом проложить себе путь к свободе. Но недреманный инстинкт варвара подсказывал ему: существующие вопреки природе твари – опасные противники, и он не спешил вступать с ними в открытую схватку.

– Идти – куда? – вопросил он, стараясь выиграть время.

На сей раз бестии не ответили, а попросту заковыляли к Конану, выставив, точно клешни, длинные костлявые руки. Киммериец не стал дожидаться их захвата. Нападение всегда было его лучшей защитой. Обогнув золотой трон, он стремительно выскочил в тыл к тварям. К счастью для варвара, безголовые бестии были неповоротливы. Издав торжествующий крик, Конан с силой ударил мечом по спине ближней к нему твари. Удар, призванный разрубить адское создание напополам, только лишь заставил тварь крякнуть и покачнуться. Меч зазвенел, точно ударив по металлу. Сила инерции повалила Конана на пол, где он и ощутил прикосновение к своей ноге трехпалой клешни бестии. Он рванулся, но хватка была железной. Тогда, орудуя мечом, как пикой, киммериец из лежачего положения пнул надвигающуюся на него тварь. Та пошатнулась, и Конан, взвыв, выдернул ногу из смертельного захвата. Затрещали кости; Конан почувствовал, что чудище таки вывернуло ему ногу. Задыхаясь от страшной боли, он метнулся к стене, на которой висела, отливая серебром, громадная полная масла горящая лампа. Главное было дотянуться, бросить, а там посмотрим, как действуют на этих тварей огонь и серебро. Когда-то подобный бросок уже уложил могучего демона; давно и далеко это было, в темных пиктских пущах.

Подвиг повторить не удалось. Непонятно как, но одной из бестий удалось поймать Конана за ноги. Он растянулся на полу, больно ударившись разбитым подбородком. Схватившая его за ноги бестия дернула, и киммериец почувствовал, как воля и сознание, отступая перед ужасной болью, покидают его. Он успел только понять, что вторая тварь ухватила его за руки. Легко подняв могучее тело, бестии куда-то потащили его. Последним, что ощутил Конан перед тем, как провалиться в бездну бессознательного, был жуткий жар, от которого, казалось, горят волосы и пенится выдубленная ветрами и солнцем кожа…

Глава VIII

«Слуга Судьбы»

Сознание медленно возвращалось к Конану. Происшедшее казалось жутким сном, нелепой игрой чудовищных ночных кошмаров. Но, еще не разлепив веки, киммериец понял: этот жуткий сон все еще продолжается. Безголовые серые бестии с перевернутыми глазами на сосках и широким ртом на животе несли его, ухватив трехпалыми клешнями за руки и ноги, по извилистому коридору. Его тащили, точно покойника, ногами вперед. Под лапами бестий трещал песчаник, а вокруг металось кровавое марево: алый туман был истинным властелином этого подземелья. Конан дернулся, пытаясь освободить хотя бы какую-нибудь конечность, но тщетно: хватка тварей по-прежнему была железной – они даже не остановились. Не издавая ни звука, костлявые бестии тащили плененного короля в неведомое Нечто.

Осознав бессмысленность попыток освободиться, Конан обратил свое внимание на дорогу, по которой его несли. Выгнув голову, киммериец обнаружил, что слева по ходу движения высится отвесная гладкая скала; вершина скалы терялась в кроваво-алом тумане* Справа же, судя по всему, лежала глубокая пропасть, и в этой пропасти бушевало огненное море, его горячие и ядовитые испарения поднимались вверх, обжигая тело и затрудняя дыхание. Всюду слышались треск и громыхание, откуда-то издалека доносились глухие подземные толчки. «Я в недрах действующего вулкана», – решил было Конан, хотя казалось и вовсе невероятным, как он мог сюда попасть, учитывая, что с момента его пленения в Тарантии прошло не более получаса – в этом Конан был уверен. Но в миг, когда он пришел к такому умозаключению, кровавый туман над его головой неожиданно расступился, и он увидел небо – вернее, то, что было небом этого жуткого мира. Коричнево-рдяный свод, мерцающий неровными сполохами красноватого света, казалось, навис над ним. Внезапно Конан осознал страшную истину: солнца не было не потому, что его закрывали тучи, – нет, пунцовый небосвод был безоблачным, – а потому, что солнце в этом мире не предполагалось вовсе. Он понял, что оказался в одном из бесчисленных Преисподних Миров, начинающихся там, внизу, в глубинах огненного моря, что плещется справа от широкой горной тропы. Жуткие безголовые твари тащили его куда-то вдоль этого моря; очевидно, они хорошо знали дорогу.

Между тем Конану становилась невмоготу от удушающего жара. Земля также была раскалена, и, поскольку серые твари были коротконоги, могучее тело Конана постоянно царапали раскаленные камни горной дороги. Изуродованная спина не просто болела, – казалось, под ней трепещет огонь. Жар был таков, что Конан забыл и думать о разбитом подбородке и вывернутой ноге. Вдобавок, тряхнув головой, он обнаружил, что остался почти без волос – без его знаменитой густой смоляной шевелюры, которую он сохранял в самых отчаянных схватках своей жизни! А вот теперь сохранить не смог…

Время шло, безголовые бестии, не ведая усталости, несли гиганта-киммерийца по горячей горной тропе. Казалось, ей не будет конца, и Конан уже был согласен попасть куда угодно, лишь бы поскорее, чтоб вживую не свариться в этом адском котле.

И потому измученная душа его возликовала, когда впереди, в кроваво-алом тумане, высоко над землей, появилось неясное голубоватое свечение. «Вот куда они меня тащат», – подумалось Конану. Однако у серых бестий было, видно, иное мнение на этот счет. Едва завидев голубой свет, они остановились, затем стали возбужденно переговариваться; ничего из их слов Конан разобрать не смог. Тем временем облако голубого света росло, расползалось, прогоняя прочь кровавый туман. Из недр голубого облака повеяло холодом, его спасительные волны как будто одели киммерийца в прозрачный защитный кокон. Безголовые бестии были в панике; очевидно, сие явление не было предусмотрено по плану их хозяев. Твари неловко отступали к отвесной скале, таща за собой Конана. Но у скалы негде было спрятаться. Конану показалось, что пленившие его вот-вот кинутся наутек от голубого облака – по той же дороге, что пришли сюда.

В этот момент голубая завеса разверзлась, и в проеме показался человек – высокий, стройный, облаченный в длинный, доходящий до пят, синий плащ с синим же капюшоном. На груди у него что-то блестело. Быстрым, уверенным шагом человек спускался по призрачной бирюзовой лестнице – сюда, вниз, на раскаленную горную тропу, к Конану и его пленителям. Испуганно заверещав, твари все-таки бросились обратно, прочь от человека в синем плаще. Но они не успели сделать и двух шагов, как внезапно скала, казавшаяся несокрушимым монолитом, раскололась и осела на тропу, полностью закрыв обратный путь. В это же мгновение из блестящей пластинки, сверкавшей на груди мужа, ударил стремительный голубой луч. Ударил в самый живот одной из адских тварей – той, которая все еще удерживала мертвой хваткой ноги Конана. Тварь, которую не брал даже верный двуручный меч, сгорела моментально, от нее ничего не осталось. Второе чудище, верно, обезумело при виде участи, постигшей собрата. Оттолкнувшись от земли всей силой ластоподобных ступней, тварь прыгнула в огнедышащую пропасть, увлекая за собой Конана. И вот уже киммериец почувствовал, как проваливается в кипящую бездну. Падая, он еще успел увидеть, как за спиной человека в синем плаще стремительно возникают гигантские перепончатые крылья, а ноги обрастают цепкими ястребиными когтями. Мгновение – и человек-птица ринулась в бездну вослед Конану.

И она успела подхватить киммерийца – в тот самый момент, когда он уже ощущал себя почти что заживо сваренным в адском котле. Острые когти впились в его грудь, а на руках все еще висела безголовая серая бестия – и вопила, вопила, вопила… На этот вопль из огнедышащего моря вынырнули ее собратья – создания, облик которых был таков, что человеческий глаз отказывался лицезреть его, а разум – воспринимать. В самом сумасшедшем бреду не привидится такое! Бестий были мириады, они облепили Конана со всех сторон. Они кусали, царапали, рвали тело исполинской птицы с человеческим лицом, которая пыталась вытащить Конана из адской бездны. Но и в этом аду лицо человека-птицы было холодно и бесстрастно, и сие ужасало Конана не меньше, чем все остальное. Кошмарные твари облепили гигантские крылья, драли и кромсали их, но птица, точно не чувствуя этого бремени, уверенно взмывала ввысь, – туда, где посреди кроваво-алого тумана клубилось голубоватое облачко. Мощь этого существа, кем бы оно ни было, потрясала Конана. И потому он почти не удивился, когда спасительный лазоревый туман оказался совсем рядом, а в следующее мгновение адские твари и вовсе исчезли – исчезли вместе с кроваво-алым миром огнедышащего моря и рдяного, лишенного светила небосвода…

Конан, ни на секунду не терявший сознания, оказался все в том же тронном зале своего дворца в Гарантии. Могучая птица ловко усадила его на самый королевский трон, после чего

вмиг обратилась человеком. Из сверкающей пластины на его груди снова ударил голубой луч. На сей раз он поразил Конана, и луч этот был целительным! Чудо свершилось: рваные раны мгновенно затянулись, на голове снова заколосилась пышная шевелюра, и как будто даже потерянные зубы возвратились в рот; само собой, зажили покалеченные лицо и нога. Конан ощутил себя здоровым и бодрым. Очевидно, в таком же состоянии пребывал и его спаситель: на киммерийца смотрели умные серые глаза, лицо же человека в синем плаще было по-прежнему непроницаемо. Вдруг позади него откуда-то возник трон – такой же, как и у аквилонского короля – и он уселся на этот трон, прямо напротив Конана.

Варвар не успел еще переварить все, с ним происшедшее, как незнакомец заговорил. Голос его был сильным, уверенным, но – одновременно – приятным.

– Ведомо ли тебе, король Аквилонии, что я вырвал тебя из самых челюстей Ада?

Конан кивнул. Раскрыв глаза, он внимательно изучал незнакомца – и не в силах был его постичь. Он встречался с могущественными магами, добрыми и злыми, даже с богами; как мог, он постигал их истинную сущность. Нынешний же его гость не был подвластен проницательному взору киммерийца. Наконец Конан спросил:

– Гы… ты – волшебник?

Вопрос был совершенно идиотский; кто, как не могучий маг, способен был вызволить его из адских бездн?!

– О да, – заявил гость. – В твоих понятиях я – великий волшебник, самый могущественный из всех, живущих на Земле; выше меня стоит лишь тот, кому я служу.

В другой момент Конан счел бы подобную речь пустым бахвальством, но уверенный, бесстрастный тон волшебника не оставлял никаких сомнений в том, что все сказанное им – сущая правда.

– Да, я волшебник, каких нет на этом свете, – продолжал гость. – И в то же время я скорее исследователь, ученый, скромный Слуга Судьбы.

«Нет, вы только подумайте, – Слуга Судьбы! – невольно усмехнулся Конан. – Наречь себя так мог лишь человек, начисто оторванный от дел суетного мира!»

– И зачем тебе понадобилось спасать меня, Слуга Судьбы? – спросил он вслух.

– Меня не устраивал исход, предрешенный тебе хозяином нежитей.

– Чьим хозяином?

– Нежити – те безголовые твари, что пленили тебя.

– А не ты ли и есть их хозяин? – вдруг с подозрением вопросил Конан. – Почем я знаю, что все происшедшее со мной – не дьявольский спектакль?! Вы, маги, шибко охочи до подобных шуток! Ты ведь и раньше пытался добраться до меня! Признайся: те трое, что возникли будто из воздуха во время утреннего боя в Бельверусе – разве это были не твои люди? Если бы не та мумия, что упала с крыши, они наверняка утащили бы меня – куда, кстати?

Волшебник шумно вздохнул.

– Отвечаю по порядку. Хозяин нежитей – не я, а, как ты изволил выразиться, мумия, которой ты столь признателен. Кто она – пока я этого не знаю. Известно мне лить, что это жрец Сета, ибо он прикончил моего брата черной пятерней. Второго моего брата убил ты.

В голове Конана окончательно все перемешалось. Он и во сне не мог представить себе жреца Сета своим союзником. В то же, что хозяином нежитей был именно этот жрец, он поверил сразу.

– Далее, – говорил маг, – планы моего хозяина изменились. Мы отказались от идеи

доставить тебя к нему и вместо этого придумали нечто иное; вот почему я сегодня спас тебя.

– Ты спас меня, чтобы отомстить самому? На узком аристократическом лице волшебника возникло некое подобие усмешки.

– Что значат жалкие жизни героев и магов в сравнении с волею Судьбы?! Увы, мой друг, смерть моего брата – недостаточный повод, чтобы призвать тебя к ответу. Тебя, баловня той самой великой Судьбы, которой я служу. Но ты угадал – месть, священная, божественная месть – она и вправду лежит в основе моей миссии. И месть эта будет свершена; вот зачем я здесь.

Из высокопарной тирады неведомого волшебника Конан понял только одно; Слуга Судьбы собирается прикончить его.

– Могу ли я знать причину этой мести?

– Не вижу в этом необходимости. Знание придаст тебе новые силы для борьбы, а борьба, собственно, уже закончилась. Глупо начинать все сначала.

Холодные, бесстрастные слова мага суровым приговором ложились на душу Конана. Ответной реакцией была злость – природная, дикая ярость против несправедливости. Он не может погибнуть так, не зная, почему, не имея сил предпринять что-либо в свою защиту! И притом погибнуть здесь, в самом сердце своей страны, на собственном троне в Гарантии!

Точно услышав мысли короля, Слуга Судьбы молвил:

– А с чего ты взял, что мы в Тарантии?

В мертвой тишине тронного зала слова мага прозвучали жутко и как-то неестественно. Влекомый страшным подозрением, Конан вскочил с трона и подбежал к окну. Сдавленный крик вырвался из могучей груди: вместо огней ночной Тарантии за окном расстилалась непроглядная мгла – настолько явственная, что ее можно было потрогать руками…

– Куда ты меня притащил, чародей?… – гаркнул Конан и тотчас осекся: внимание его всецело захватил большой серебристый медальон, сверкавший на груди мага. Конан мог поклясться, что никогда не видел ничего подобного: медальон изображал Нечто, устремленное ввысь, к самым вершинам Могущества – то ли пирамиду, то ли какой-то тайный треугольный знак…

Странное ощущение узнавания овладело киммерийцем: ему показалось, что когда-то он уже сталкивался с этим Нечто, изображенным на медальоне… Как, когда, где – этого он вспомнить не мог. И в следующую секунду все воспоминания были разом отринуты, словно в мысли Конана вмешалась неведомая властная рука…

Конан очнулся на троне. Слуга Судьбы по-прежнему сидел напротив него. Беззастенчивый взгляд маленьких серых глаз, казалось, рассматривал самую душу киммерийца. Собрав в кулак всю свою волю, Конан прыгнул. Прежде, чем погибнуть, следовало, по меньшей мере, утащить в Серые Земли и своего спасителя-погубителя.

Какая черная магия вмешалась в полет закаленного, всегда покорного воле хозяина могучего тела – то Конану не было ведомо. Только опустился он не на грудь врага, а, сделав замысловатый пируэт в воздухе, прямо в горящий очаг. Огонь, возликовав, любовно охватил все тело варвара, и Конан снова потерял сознание.

– Твоя легендарная прыть на сей раз не поможет тебе, – вдруг услышал он знакомый холодный голос. – Все кончено, Конан, смирись.

Король открыл глаза. Проклятие, он снова восседал на золотом троне против могущественного незнакомца! И, как и в первый раз, на теле его не было и малейших следов ожога. Видно, таинственный мститель на редкость заботливо относился к здоровью варвара.

– Да кто ты такой, дьявол? – хрипло пробормотал киммериец.

– Я уже представлялся тебе: Слуга Судьбы. Можешь также именовать меня магистром, хотя это ничего не меняет. Впрочем, мы отклонились от темы. Разговор не обо мне, а о тебе, Конан. Ты…

– Знаешь что, магистр, мне надоела твоя болтовня! Хочешь пришить меня – давай, не медли! У вас, у волшебников, прямо ритуал какой-то: прежде чем убить жертву, читаете ей целые лекции по философии!

– Увы, нам не понять друг друга, мой безрассудный друг! Где тебе, варвару, уразуметь мотивы исследователя?! Я ученый, я провожу грандиозный научный опыт, и объектом моего эксперимента являешься ты, о Конан! Вполне естественно, я должен понаблюдать за тобою до начала опыта, ибо я последний, кому суждено лицезреть великого героя Конана из Киммерии!

В голосе магистра не было и намека на насмешку. Заключительные слова волшебника особенно насторожили Конана; каким-то тайным чувством он неожиданно осознал, что не жизнь отнять у него явился бесстрастный Слуга Судьбы, а нечто иное…

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду твою сущность, о Конан! Вглядись в себя, великий герой. Тебе за пятьдесят. Жизнь прожита, и какая жизнь! Хватило бы на тысячи обычных жизней и еще бы осталось. Скольких сынов человеческих ты отправил в иные миры вот этими руками? Скольких созданий Тьмы ты прикончил верным мечом из крепкой стали? Скольких могучих магов отправил ты в бездны преисподних?

– Я и тебя бы послал вслед за ними, будь я в силах! – не сдержавшись, рявкнул Конан. Варвар был весь в напряжении, предвкушая нечто ужасное, что уготовил ему таинственный мститель, и ровная, бесстрастная, неторопливая речь мага действовала на него хуже пытки.

– Вот-вот, – вежливо поддакнул магистр. – В тебе сидит неукротимый дух жизни. Ты словно создан для подвигов, как демон рождается для свершения зла. Ты весь – в твоих подвигах. Вне их ты – ничто и никто.

– К чему ты клонишь, Слуга Судьбы? Всю жизнь я сражался со Злом и не жалею об этом. Родись я снова, моя жизнь была бы такою же!

– Все правильно, Конан. Только бессмысленна твоя борьба. Зло неуничтожимо – я говорю это как знаток предмета. Думаешь, я не боролся бы со злом, если б верил хоть немного в свою победу?!

– Кто бы говорил… – криво усмехнулся Конан.

– Долгие века, обитая вместе со своими братьями в затерянной среди скал цитадели, я изучал основы бытия. Не пустая философия, но строгая наука, основанная на фактах и опытах, привела меня к заключению, что Зло одолеть невозможно, ибо оно лежит в основе жизни. Борясь со Злом, Добро вхолостую расходует свои силы. Вот и ты: сотни раз ты стоял на пороге смерти, коварная Судьба играла тобой, как осенний ветер опавшим листком, а ты все верил, что исполняешь некую миссию.

– Я верил и верю в справедливость, как я ее понимаю. Человек – это существо с чувствами. Я не мог пройти мимо, спокойно наблюдая, как льется кровь девушки под ножом злобного жреца, как безумный властелин обращается с подданными, точно со скотом. Не мог. Пока жив, я служил и буду служить Добру. Это понимали все мои враги. Если ты этого не понимаешь, ты сам не человек, магистр.

Слуга Судьбы неторопливо покачал головой.

– Есть еще и третий путь. Твоя служба Добру закончена, Конан. Не кипятись, я вовсе не собираюсь совратить тебя на путь Зла. Не за этим я здесь…

– Если вся твоя месть только в том и заключается, чтобы вести со мной душеспасительные беседы, можешь болтать хоть целый день – я просто заткну уши, – поневоле расхохотался Конан.

– Ты не слишком любезен. Но ничего, это дело поправимое… Ведь я явился, чтобы дать мир твоей беспокойной душе.

– Что это значит? – встрепенулся киммериец. – Я уж было решил, что тебе охота просто поиграть со мной!

Волшебник медленно поднялся со своего трона. Конан же почувствовал, как все его члены словно бы завязли в невидимой трясине, так что он не волен даже пошевелить головой.

– Никакой игры, Конан. Все как нельзя более серьезно. Я дам мир твоей душе, – повторил Слуга Судьбы. – Жизнь Конана-варвара окончена. Конан-герой, Конан-освободитель, Конан-разрушитель – все эти персонажи, сыгранные тобой, останутся только в неверной памяти людей. Ты начнешь другую жизнь, Конан, король Аквилонии. Жизнь не во имя абстрактной справедливости, но во имя себя, ради удовлетворения твоих королевских забот и прихотей. Отдохни, Конан-киммериец. Превратись в цивилизованного владыку, пекущегося только о себе и ни о ком более. Варвар уйдет из твоей души, и тем свершится божественная месть…

– Н-н-нет!!! – в безысходном отчаянии взревел Конан; наконец-то страшный смысл задуманного магистром дошел до его сознания, острым клинком врезаясь в израненную душу.

– Да, – спокойно и уверенно произнес маг. – Да будет так, по замыслу моему и согласно воле моего Бога…

Слуга Судьбы возложил гибкие пальцы на поверхность серебристого медальона, и они начали светиться неясным голубоватым светом. Вскоре этот свет охватил все тело волшебника, стремительные искорки бежали по широкому синему плащу, и весь этот поток изливался на скорчившегося в бессмысленной борьбе Конана. Сам же Конан, продолжая наблюдать мага, приобретал и новые ощущения. Что-то и в самом деле происходило с его телом. Он чувствовал, как бесчисленные боевые рубцы сами собой затягиваются, живот обрастает внушительным слоем жира, могучие мускулы, напротив, сжимаются, съеживаются, а сам он горбится, как будто все прожитые годы сейчас, в одночасье превращают его в старика. И на фоне этих преобразований незаметно в душу его начинает закрадываться нечто ранее ему неведомое – не то усталость, не то лень, нечто такое, отчего человек бросает все дела и спешит к мягкому дивану. Вот и теперь эта усталость души требовала забыть о прелестях бурной жизни, о подвигах и походах, о Добре и Зле, об этом жутком волшебнике, – она требовала всецело отдаться во власть отдыха и развлечений…

– Кро-о-ом! – из последних сил вскричал Конан.

И, словно откликаясь на прощальный зов измученной души, вспыхнул яркий огонь. Конан видел, как Слуга Судьбы удивленно вскинул голову, и синий капюшон спал, обнажив лысый, вытянутый, точно яйцо, череп. Волшебство не отступило, нет, но Конан чувствовал, что внезапный взрыв огня дал ему передышку.

А когда огонь исчез, киммериец увидел перед собой могучего черноволосого и чернобородого исполина, окруженного дружиной похожих на Конана воинов в серых

кольчугах, с широкими длинными мечами и простыми железными щитами. Темные глаза чернобородого исполина пылали гневом, и он разжал уста:

– Последняя мольба моего излюбленного сына услышана. – Черноволосый король поднял руку, сжимавшую огромную боевую секиру, и его низкий, властный голос зазвучал вновь: – Остановись, Брахо, презренный пес! Не ты, но я вручил Конану-киммерийцу мужество и силу, и не тебе, рабу непризнанного Бога, распоряжаться ими! Отступи, повелеваю тебе!

– Ты не мой Бог, Кром Киммерийский, – холодно сказал Слуга Судьбы; впервые на его бледном бесстрастном лице появилась жестокая улыбка. – Ты не можешь повелевать мною. Равно ты не можешь и лишить моего Бога священного права причитающейся ему мести. Убирайся, Кром, или ты думаешь, что я не справлюсь с тобой? – И ледяной смех магистра Синих Монахов разнесся под сводами высокого тронного зала.

«Безумец, безумец, – колотилось в мозгу Конана, – как может он противопоставлять себя Богу!» Согласно верованиям киммерийцев, некогда Кром играючи слепил Землю, населил ее людьми и вручил этим людям единственный дар – силу, мужество и волю к справедливости. Легенды гласили, что, сотворив мир, Кром сразу же забыл о Земле и смертных. Но Конан знал: это не так. С небес боги пристально следят за деяниями человеческими. Кром принадлежал к тем богам, которые никогда – за редчайшими исключениями – не помогали людям. Но однажды, в миг смертельной схватки с Ях Чиенгом, Кром все-таки вмешался в судьбу Конана, – его божественный гнев развеял порождения Тьмы и привел киммерийца к победе. И вот теперь Кром явился снова, дабы защитить свой великий дар, дар, сделавший сына Крома самым знаменитым героем Хайбории… Но и Слуга Судьбы не собирался отступать. Он снова приложил руки к загадочному медальону и, как показалось Конану, закрыл глаза. Брахо начал стремительно расти, через секунду-другую он уже был раза в три больше Крома и его воинов. Конан ужаснулся: неужели возможно, чтобы кто-либо взял верх над Отцом Киммерии?! Воины Крома бросились рубить гигантские ноги магистра, но, казалось, их усилия были тщетны; тут Конан невольно вспомнил, как столь же тщетны были попытки адских тварей одолеть человека-птицу. Привычный мир как будто рушился на глазах у киммерийца. Кром, казалось, был здесь уже целую вечность, но исполинский Слуга Судьбы несокрушимо стоял, пытаясь сосредоточиться и наверняка поразить киммерийского Бога.

И тогда Кром стал метать свои молнии. Магистра окружала защитная оболочка светящегося голубоватого тумана, но молнии Крома пробивали ее, они опускались на синий плащ, прожигали его, и вот уже от белой кожи магистра поднимался сизый дымок. А молнии сыпались и сыпались; Конану показалось даже, что Брахо начал гореть. Но тут Брахо отнял руки от медальона, с его ладоней разлился ослепительный неживой свет. Пораженные им, попадали наземь воины Крома. А сам великий Бог, заслонившись зеркальным щитом, внезапно метнул тяжелую секиру прямо в основание пирамиды, сверкавшей на медальоне Брахо. Бледное лицо мага исказилось. Он не сумел поймать или отклонить секиру. Оружие врезалось в медальон, и в следующий миг Брахо, съежившись до своих обычных размеров, упал на спину, лысая голова его ударилась о сапог Конана. В тот же миг киммериец ощутил освобождение от незримых пут и могущественного волшебства: он снова был Конаном-варваром, героем и сыном Крома. А Кром тем временем уже выхватил гигантский меч, висевший у него на поясе. Еще секунда – и голова Брахо покатится к ногам киммерийского Бога.

Но неведомая сила вдруг поставила магистра на ноги – как это произошло, Конан не мог понять. Длинные гибкие пальцы обхватили шею Крома.

– Мой Бог сильнее тебя! – сказал Слуга Судьбы.

Трудно было представить, но киммерийский Бог и неведомый волшебник сошлись в рукопашной. Конан подскочил к дерущимся, сжимая меч. Он уже хотел нанести удар – неважно куца, ведь он не сомневался, что смертный не может поразить Бога, тем более Бога своей родины, значит, удар получит враг, – но тут в мозгу его прозвучал суровый, повелительный голос Крома:

– Прочь, Конан! Не пристало смертному идти на выручку к Богу. Я справлюсь и сам.

Повинуясь, Конан отпрыгнул от дерущихся. И вовремя: грянул грохот, яркая вспышка осветила огромный зал, – Кром, Брахо, а вместе с ними и все поверженные воины киммерийского Бога исчезли. Конана тряхнуло, он ощутил, как куда-то проваливается, как стремительно падает вниз. Затем толчок, свет, он снова теряет сознание – и снова, уже в который раз, приходит в себя на золотом королевском троне.

Уже утро, яркие солнечные лучи проникают сквозь бархатные шторы, перед троном стоят испуганные придворные, а граф Троцеро изумленно произносит:

– Откуда ты свалился, мой повелитель?! Ночью ты так и не пришел в свою опочивальню, вот мы и явились сюда. Но тебя не было, а мы увидели только это жуткое чудовище…

– Какое-такое чудовище? – собираясь с мыслями, пробормотал король.

– Вот это, – дрожащим голосом молвил Публио, и Конан увидал рядом с троном громадную тушу коричневого демона; рядом валялась отрубленная им, Конаном, башка…

– Ради Крома! – прошептал киммериец.

– Где ты был, государь? – с тревогой повторил свой вопрос Троцеро, озабоченно вглядываясь в непривычно бледное лицо короля, точно тщась на нем прочесть ответ.

– Почем я знаю, где был, – тихо сказал Конан и, обведя советников отсутствующим взглядом, добавил: – Однако ж этой ночью мне выспаться не удалось. Д ты все-таки продай треклятый трон, Публио!

Глава IX

«Я отправлю Конана в будущее»

– Признаюсь, Брахо, мне стоило некоторых трудов вытащить тебя из небесных чертогов Крома!

Магистр Синих Монахов являл собой жалкое зрелище. Обвязанный с ног до головы целительными поясами, он возлежал на широкой кровати; у изголовья ее сидел Тезиас. Властелин с сочувствием глядел на поверженного слугу. Маленькие умные глаза магистра были полны печали.

– Мой план провалился, – глухо произнес больной. – Отец Киммерии изрядно потрепал твоего слугу, Великая Душа. А Конан – Конан вырвался из моих рук… Еще немного, и тебе пришлось бы назначать нового магистра…

– Не унывай, мой верный друг! Мы еще тысячу раз переживем всех этих зазнавшихся божков и героев! Я – точно переживу, а ты – ты будешь жить вместе со мной.

– Прости, мой Бог, я в это не верю…

– Вздор, Брахо, вздор! Тебе придется в это поверить. Мы с тобой – я и мой верный магистр – вместе встретим закат цивилизации. Я вытащу тебя из этой болезни, как ты вытащил меня из жуткой Болезни Разума. Клянусь, через день-другой ты будешь здоров, как титан. Не унывай, Брахо! Уверен, Кром Киммерийский не один еще месяц будет зализывать нанесенные тобой раны!

Больной устало улыбнулся.

– И, потом, – продолжал Тезиас, – умей извлекать ценные уроки из поражения. Мы ведь с тобой ученые, а? Как говорят в нашей среде, отрицательный результат – тоже результат. Во всяком случае, теперь мы знаем: байки о невмешательстве богов в мирскую жизнь – обычная чушь. Только ты как следует прижал Конана, как его божок тотчас примчался на выручку. А проиграли мы потому, что не учли этого в своем плане. Теперь я и вижу: боги этого мира и в самом деле хранят героя-киммерийца.

– А как же твоя месть?

– Обижаешь, магистр! – рассмеялся Тезиас. – Неужели ты полагаешь, что Великая Душа откажется от священной мести из-за какого-то там туземного божка?!

– Но тогда я не понимаю…

– Сейчас объясню. Твой замысел был великолепен, и провал ничуть не умаляет его гениальности. Моя же новая идея, о которой я намерен тебе поведать, еще более фантастична. Перед твоим замыслом она имеет один плюс и один минус. Плюс в том, что никто не в состоянии помешать мне осуществить этот фантастический проект. Никто! Ни Кром, ни Митра, ни сам Сет. Только Страж Земли мог бы, его, как ты знаешь, наши проблемы нисколько не волнуют. Так что и за свой, так сказать, тыл я спокоен. А минус – минус в том, что мне придется навсегда расстаться с великим Конаном. Признаюсь, я к нему как-то привык. Но ничего, отвыкну: отвоюю обратно свой мир, покорю миры новые – где мне будет сожалеть о каком-то варваре!

Заинтересованно внимавший Великой Душе Брахо привстал с постели. С удивлением в

голосе он молвил:

– Прости, хозяин, но я так и не понял, в чем заключается твой фантастический замысел. Агатовые глаза хитро сверкнули, Тезиас выдержал театральную паузу и буднично, словно речь шла о чем-то сугубо прозаическом, приевшемся, сказал:

– Очень просто, Брахо. Я отправлю Конана в будущее. В далекое, туманное будущее, откуда он не сможет более досаждать мне.

Немногочисленные придворные, самые высокие вельможи Немедии полукругом выстроились у Трона Дракона. В человеке, восседающем на троне, очень трудно было признать короля Тараска. Сгорбленный, бледный, седовласый, с кожей, покрытой язвами и морщинами, с дрожащими руками, немедийский монарх выглядел дряхлым стариком. Но на изможденном лице властелина горели живые, полубезумные, наполненные безысходной решимостью глаза.

– Я собрал вас, чтобы своими устами, устами короля, объявить то, о чем, похоже, знают даже тараканы в подземельях моего дворца, – сказал Тараск. – Великая беда возвратилась на нашу землю. Не успела Немедия залечить раны, нанесенные владычеством карлика, как глубокой ночью пришла иная весть: Тезиас жив, вопреки заверениям Конана, и готовит ответный удар.

Придворные возбужденно зашумели.

– Да, – возвысив голос, повторил король, – он жив и готовит ответный удар. Его жуткий посланец преподнес мне картину, где я изображен гигантской крысой; именно в крысу незадолго до своей смерти обещал превратить меня проклятый карлик… Мне неведомо, где сейчас скрывается Великая Душа, но я знаю: он помышляет вновь поработить Немедию и беспощадно расправиться со мной…

– Ты сам виноват, – заговорил один из вельмож, высокий блондин в роскошном красном камзоле. – Сначала ты пригрел его, затем совершил другие злодейства, противные воле богов. Как мог ты вероломно пленить короля Конана и его супругу?! А что возжелал ты с ними сделать?! Вот Митра и покарал тебя! И ты, только ты, Тараск, единственный должен нести ответственность!

Тараск измерил говорившего полным презрения взглядом.

– Воля пресветлого Митры здесь ни при чем. Нужно быть круглым идиотом, каким ты, генерал, безусловно, и являешься, чтобы намекать на причастность Митры к воскрешению Великой Души. Но я не отрицаю своих ошибок. Я исправлю их.

– Не сочти меня бунтовщиком, государь, но скажу тебе все как есть: Немедия устала от твоего правления, – заявил низкорослый полный мужчина с жиденькой бородкой. – Если ты объявишь о карлике, я на поставлю и ржавого медяка за твою безопасность.

– И ты туда же, граф, – нетерпеливо отмахнулся Тараск. – А ведь я считал тебя неглупым человеком. Верно, близость трона затмила разум моим вельможам!…

– Что ты хочешь этим сказать, государь? – молвил худой седовласый человек с большой королевской печатью на впалой груди.

– Только то, мой добрый канцлер, что судьба Немедии и жизнь ее короля неразрывны более. Поймите же: я не держусь за этот треклятый престол, – Тараск быстро, с небывалой для старческих лет прытью вскочил с драконьего трона, и вид его был ужасающ. -

Я ведь уже царствовал под игом Великой Души и знаю, что это такое. Пока жив карлик, король Немедии всегда будет лишь игрушкой в его жестоких руках. Возлежа парализованный в своей опочивальне, принужденный внимать святотатственным речам призрачного Бога, я

молил Митру о смерти. Но Пресветлый остался глух к моим страданиям, и в том была его кара… Конан убил Тезиаса, и Зло вновь простерло свои скользкие щупальца в мою душу. Возвращение карлика отрезвило меня; я знаю, чем искупить свои грехи.

– Немедия больше не пойдет за тобой! – воскликнул генерал.

– В самом деле?! ‹- свирепо окрысившись, вскричал король. – Может, Немедия пойдет за тобой?! Может быть, мне следует отречься?! Ты ведь на это намекаешь, старый вояка! А вы – вы тоже так считаете? Пожалуйста, я отрекусь! Кто из вас желает занять мое место? Конечно, ты, генерал? Или ты, граф? А может быть ты, канцлер? Отвечайте, глупцы, кто из вас жаждет подставить спину Великой Душе? Отвечайте, я требую, ведь пока король – я!

Вельможи молчали, в смущении понурив взор. Только канцлер тихо, но отчетливо произнес:

– Прости нас, государь. Мы верны тебе. Веди нас, и да покарают боги проклятого карлика.

Тараск самодовольно усмехнулся. Обойдя шаркающей походкой неровный строй придворных, он с видом полководца, блестяще отбившего нападение неприятеля, вновь уселся на драконий трон.

– То-то же! Итак, слушайте мою волю. На свете есть только один человек, способный на равных вступить в противоборство с Великой Душой. Это могучий воин, отмеченный благодатью богов. Этот человек поведет нашу армию против орд карлика…

– Ты, государь! – подобострастно воскликнул толстый граф.

– Нет, не я. Великий герой Конан из Киммерии, король Аквилонии, – он станет нашим защитником и заступником; такова моя воля.

Услышав такое, вельможи только охнули.

– В уме ли ты, государь?! – воскликнул генерал. – Конан враг нам! Издревле Немедия воевала с Аквилонией, и не быть иначе! Немедиец и аквилонец хватаются за меч, увидев друг друга!

– Решение принято, – сурово ответствовал Тараск.- Я признаю себя вассалом Конана. Пускай он ведет нас. Только вместе мы сумеем одолеть Великую Душу. Теперь не время враждовать. Немедии, Аквилонии, да что там – всем хайборийским царствам грозит смертельная опасность. В схватке с карликом не будет компромиссов. Или он нас – или мы его. Я вручаю свою жизнь Митре и, если мне суждено погибнуть, я буду знать, что отдал свою жизнь не зря. Я все сказал. Подготовь мои указы, канцлер. Я сам оглашу их народу. Верю: Немедия поймет и не осудит меня.

И, гордо выпрямившись, седой король удалился. Немедийские вельможи в недоуменном восхищении смотрели ему вслед.

Огромный вороной жеребец Конана мерно месил дорожную грязь. Киммериец ехал молча, и тревожные думы одолевали его. Верный Просперо, скакавший бок о бок со своим королем, изредка бросал на черноволосого властелина озабоченные взгляды. Позади шло войско: тяжеловооруженные рыцари центральных провинций на крепких конях, копейщики из Гандерланда в прочных кожаных куртках, неутомимые лучники из Боссонии. Аквилонская армия, общим числом тридцать тысяч человек, шла войной на Немедию.

Генерал Просперо не мог понять внезапной смены настроения короля. После той ночи Кован был сам не свой. Всегда бодрый и общительный, по-варварски грубый и прямолинейный, король стал походить на отшельника. Он мог подолгу просиживать в одиночестве у окна, вглядываясь куда-то в даль, точно стремясь приоткрыть завесу

грядущего… На встревоженные расспросы соратников отвечал невразумительно. Как-то раз, запершись в королевской опочивальне, он целых четыре часа о чем-то спорил с верховным жрецом Митры, так что тот, выйдя наконец от короля, был бледен как мел и, шепча охранительные слова, удалился в свой храм. А Конан всю следующую ночь просидел в огромной библиотеке дворца; грубые, закаленные в суровых схватках, привыкшие сжимать верный меч, пальцы листали полуистлевшие страницы безымянных манускриптов. Утром Конан появился в тронном зале, и глаза его были наполнены тоской и недоумением. Просперо доложил о готовности армии к выступлению. Конан, казалось, не слушал его, но, когда генерал закончил, голубые очи короля сверкнули гневными искрами.

– К дьяволу загадки! – сказал Конан. – Сидя здесь, мы все равно ничего не узнаем. Пусть трубят выступление, Просперо.

И вручив власть, как обычно, Зенобии и Троцеро, Конан отправился в поход…

…Над аквилонской равниной светило заходящее солнце. Король безмолвствовал уже несколько часов, и Просперо не выдержал:

– Мой государь! Невозможно вести армию к победе, когда король обуреваем сумрачными мыслями. Молю тебя, откройся мне! Что гложет тебя?

Конан задумчиво посмотрел на генерала.

– Ты прав, Просперо. Хорошо, я расскажу… *Пом*нишь то утро в Бельверусе, когда на нас напали с пяти сторон? Та история продолжилась в Тарантии…

– Не томи, государь! Что произошло с тобой позапрошлой ночью?

Киммериец глубоко вздохнул.

– Я и сам мало чего понимаю. Тот коричневый демон… Он явился вновь, и с ним были другие твари; я не в состоянии описать их тебе – это выше человеческих сил. Демон попытался пленить меня, и я убил его. Но твари, сопровождавшие демона, сумели-таки схватить меня. Я потерял сознание. Очнулся скоро, но, похоже, это было уже не в нашем мире… Неназываемые твари тащили меня по горной тропе вдоль огнедышащего моря – ни дать ни взять по одному из Преисподних Миров…

– Пресветлый Митра! Какой кошмар! – потрясенно молвил Просперо.

– Подожди, это только начало! – жестоко усмехнулся киммериец. – Я уже готов был изжариться в адском пекле, когда мне на выручку явился некий маг, точь-в-точь похожий на тех синих колдунов, что едва не пленили меня в Бельверусе. Он прикончил одну из бестий, тащивших меня. Тогда другая прыгнула вместе со мной в кипящую пропасть. Синий колдун, недолго думая, обратился гигантской птицей и вытащил-таки меня из бездны. Мы оказались в моем тронном зале в Тарантии; так, во всяком случае, все выглядело изнутри. Маг усадил меня на трон. Главное, что я понял из его слов, – маг этот, Слуга Судьбы, послан каким-то Богом, его хозяином, чтобы отомстить мне. Я пытался бороться, но маг был сильнее меня. Наконец, вдоволь поиздевавшись над моей душой, он приступил к исполнению своей мести.

– И что же было нужно этому негодяю?

– Ты никогда не догадаешься, Просперо! Как бы тебе лучше объяснить… Он – или его хозяин, сожри его Сет, – возжелал превратить меня в беспомощного мальчика, самовлюбленного царька, наподобие моего предшественника Нумедидеса.

– О Боги!

– Надо сказать, его заклинания возымели действие. Я чувствовал, как сила уходит из меня. И тогда появился Кром…

– Кром?!

– Да, Кром, Отец Киммерии, окруженный свитой легендарных героев моей родины. Однако Слуга Судьбы и не думал отступать пред ликом Бога. Я вообще удивляюсь, как маг этот до сих пор не захватил власть над миром: готов биться об заклад, сам Ксальтотун – не более чем жрец-недоучка против него. Слуга Судьбы поразил воинов Крома неведомыми лучами. Тогда Отец Киммерии сразился с ним. Вскоре Кром и этот маг, Брахо, исчезли, а я очнулся на своем троне в окружении верных советников. Вот вся история, – тряхнул гривой Конан.

Некоторое время король и генерал ехали молча. Затем Конан сказал:

– Нет сомнения, какие-то могущественные силы, не желающие пока открывать себя, схлестнулись в некой дьявольской игре. И я в этой игре – главный игрок или, может быть, главный приз. Я открылся почтенному Декситею, но и он ничем мне не смог помочь. Советовался и со жрецами Асуры; Хадрат был самым мудрым среди них, но его сейчас нет в Аквилонии. Наконец, этой ночью я, точно какой-то книжник, копался в древних рукописях. Взывал и к Крому: невозможно же представить, чтобы волшебник, сколь бы велик он ни был, смог одолеть бессмертного Бога! Но Кром был безучастен к моим мольбам… И вот я живу точно в мышеловке, не зная, кто мои враги и что им нужно, не зная, каков и когда будет следующий их удар! Знаю только, пленившие меня бестии служат жрецу Сета, и это, признаюсь, даже радует меня: с кем с кем, а со жрецами из Стигии я схватывался и прежде! А вот этот маг, Брахо, – кто он? Какому Богу служит? Что сделал я этому Богу, раз он пытается мне отомстить?

– Вот бы сейчас пригодился старый Пелиас, – поглаживая бородку, молвил Просперо. – Помнишь, когда крылатая бестия похитила Зенобию, он скоро вычислил злобного Ях Чиенга! Волшебное зеркало Лазбекри вмиг показало бы негодяя, кем бы он ни был – Богом, человеком или самим дьяволом!

– Я тоже подумал об этом. Тем же утром мною с голубиной почтой было отправлено срочное послание Пелиасу.

– Ну вот! Раз Пелиас не спешит нам навстречу, значит, он не счел твое сообщение тревожным! – воскликнул Просперо.

– Хотел бы в это верить, – буркнул Конан. Вдруг красные пятна пошли по лицу генерала – мозг его прожгла страшная догадка.

– Послушай, Конан! А не думаешь ли ты, что…

– Не думаю, – сурово отрезал киммериец, точно прочтя мысли Просперо. Если б ты видел, как погиб он, ты бы тоже выкинул эту мысль из головы! Хотя, по правде сказать, это многое бы объясняло!

Два раза уже вставало и садилось солнце после той ужасной ночи, когда погибли, кромсаемые клешнями нежитей, все обитатели поместья барона Эритея. Во дворце по-прежнему было тихо. Тхутмертари сладко спала, и ее полная округлая грудь чарующе вздымалась в такт размеренному дыханию.

Раздался резкий дребезжащий звук, словно кто-то привел в движение молчавший сотни лет волшебный колокольчик. Не просыпаясь, принцесса повела головой, точно стараясь отогнать наваждение. Но звук повторился, и непонятно было его происхождение: казалось, звенит сам воздух. Тхутмертари открыла глаза, и, внезапно узрев нечто в этом дребезжащем сгущении, села.

– Отдыхаешь, принцесса, – осуждающе произнес сильный низкий голос. – Ты все более разочаровываешь меня.

Изящные пальчики принцессы вцепились в мягкую ткань дивана. Голубые глаза настороженно обшаривали пространство перед собой.

– Тот-Амон! – воскликнула женщина. – Что нужно тебе от меня? Где ты?

– Я в Стигии, в королевском Луксуре, – ответствовал голос, – где же мне еще быть! А ты, я вижу, неразумно используешь дарованную тебе свободу. Я послал тебя изловить варвара Конана, и что же? Конан по-прежнему на коне, а ты занимаешься тем, что подкармливаешь своих нежитей!

Тхутмертари побледнела.

– Величайший, не суди меня! Я сделала больше, чем было в моих силах! Отряд нанятых мною воинов едва не захватил варвара в Немедии. Затем синие колдуны, слуги Великой Души, пытались утащить его; я сумела помешать им. Наконец, Иефан, мой верный раб, и двое нежитей схватили Конана в Тарантии. Иефан погиб, но нежитям удалось пленить Конана. Варвар был почти у меня в руках, когда верховный маг карлика, Брахо, освободил его… Сейчас Конан во главе своей армии спешит в Немедию на бой с королем Тараском. Я попытаюсь, используя…

– Твои методы не интересуют меня, – нетерпеливо перебил властный голос Тот-Амона. – Не интересуют они и Отца Сета. Сет, так же, как и я, недоволен тобой, Тхутмертари! Горе тебе, если в ближайшее время Конан не будет в моей власти! Помни: стоит мне сказать свое слово, и ты не найдешь в этом мире, равно как и в иных мирах, места, где тебя бы не ждала жестокая, мучительная смерть!

– Ты угрожаешь мне, Тот-Амон?! – в гневе зашипела принцесса.

– Да, угрожаю, – произнес безжалостный голос. – Я сказал, а ты услышала. У тебя нет пути назад. Ты выполнишь мою волю или умрешь. Умрешь вместе со своим возлюбленным Атотмисом – это будет моя последняя милость тебе, о недостойная!

Голос умолк. Снова раздался резкий дребезжащий звук, и незримое видение исчезло. Бледная и униженная, Тхутмертари поднялась со своего ложа. Недолгую тишину разорвал пронзительный женский крик.

– Зук!!!

Через несколько мгновений перед принцессой предстало чудовище – точная копия нежитей, с которыми так и не удалось справиться Конану. Но этот монстр был куда выше и крупнее тех двоих. И голос чудища полностью соответствовал его начальственному положению – низкий, грубый, властный.

– Звала, хозяйка?

– Зук, – ожесточенно массируя виски, молвила золотоволосая принцесса, – собери всех братьев и отправляйся вослед аквилонской армии. Вы должны будете пленить варвара Конана и доставить его ко мне.

Из груди безголовой твари разнесся разочарованный вой.

– Ты вдвойне несправедлива, госпожа! Неужели для поимки одного смертного необходимо все наше войско?! И как, по-твоему, я остановлю ребят, когда они увидят столько свежего мяса?

– Не перечь мне, Зук! – голос волшебницы сорвался на визг. – Помни, кто я такая! Я в отчаянии, Зук! Ты – моя последняя надежда; я больше не могу рисковать! Отправляйтесь все, как я велю! Когда же Конан, живой и невредимый, будет в моих руках, я разрешу вам полакомиться хоть всей аквилонской армией!

При этих словах из широкой, разверстой на животе пасти Зука потекла бурая слюна.

Моргнув перевернутыми глазами, монстр произнес:

– Твоя воля будет исполнена, госпожа!

Тонкая девичья рука взметнулась и наотмашь ударила тварь по костлявому плечу. Великан Зук, точно мячик, отлетел к стене.

– Торопись же, мой верный раб! Я буду молить Сета об успехе твоего предприятия. Исчезни!!!

Всю ночь Конан спал как убитый. Он уступил настояниям Просперо и впервые изменил своему всегдашнему правилу: спать в королевском шатре в полном одиночестве. На сей раз преданные оруженосцы и адъютанты бодрствовали, охраняя короля не только снаружи, но и внутри шатра, рядом с королевским ложем. Предосторожности оказались излишними: ночной покой Конана никто не потревожил. Как будто боги дали Конану последний раз отдохнуть перед решающей битвой – так бывало уже неоднократно…

Конан проснулся другим человеком. Кошмары и ужасные загадки не сломили его волю, он снова был прежним Конаном – бодрым, деятельным, решительным. Наскоро позавтракав, он собрал военный совет. Паж-адъютант развернул карту.

– Мы находимся вот здесь, – сказал Конан, передвигая красный флажок на новое место. – За этим перевалом начинается Немедия. Первоначально я планировал дать сражение чуть южнее, на равнине вдоль Большого Бельверусского тракта. Я ожидал, что Тараск, получив мой вызов, выступит сюда со своей армией. Однако разведчики не заметили особой концентрации противника: обычные пограничные дозоры, не более того. Что думаешь об этом, Просперо?

Генерал нахмурил лоб.

– Тараск негодяй, это всем известно. Но никто не рискнул бы назвать его трусом. А в последнее время он стал хитрым и вероломным, точно стигийский принц… Я думаю, он хочет выманить нас на эту равнину, – заключил Просперо.

– Ты, Паллантид! – обратился Конан к командиру Черных Драконов, личной гвардии короля.

– Я согласен с Просперо, – сказал генерал Паллантид. – Наш враг уже не тот, что был в битвах при Валькии и Танасуле. И он явно что-то замышляет. Я бы двинулся через этот перевал и вышел в тыл к немедийцам! А на равнину выступать опасно: кто знает, что у Тараска на уме? Вдруг он заключил союз с каким-нибудь новым магом и только того и ждет, чтобы мы стали жертвами колдовских чар?!

Конан невольно поморщился. Паллантид – случайно или намеренно – напомнил ему обстоятельства его недавнего пленения Тараском. Уж не подался ли сам не мед и иски и король в черные маги? Конан отогнал прочь эту мысль – в конце концов все решает искусство крепкой стали в верных руках. Он сказал:

– Сделаем так. Пусть разведчики проникнут вглубь немедийской территории. А мы тем временем начнем просачиваться через этот перевал, выходя в тыл к немедийцам. К полудню наша армия будет на той стороне, после чего…

Не успел король закончить свою мысль, как в шатер ворвался посланный им разведчик. Отдав честь Конану, разведчик произнес:

– Мною замечено немедийское войско, числом около десяти тысяч человек, в основном тяжеловооруженные рыцари…

– Десять тысяч – ха! – не выдержал Конан.

– …Личный стяг короля Тараска реет посреди войска. Немедийцы движутся по

направлению к долине, что лежит южнее перевала. Но вместо боевых знамен они несут белые флаги…

– Что ты сказал? Повтори! – рявкнул киммериец.

– Мечи немедийцев зачехлены, они идут не боевым клином, а обычным походным строем, и в руках их трепещет белый флаг!

– Ловушка! – воскликнул Паллантид.

– Провокация! – согласился Просперо. Остальные военачальники поддержали генералов. Тем временем в шатер короля вошел другой воин-разведчик.

– Мой государь» – стремясь сдержать изумление, молвил второй разведчик. – От немедийской армии отделилась группа в двадцать человек, во главе с самим Тараском. Король Немедийский и его свита с белыми флагами приближаются сюда!

– Что за чертовщина! – взревел Конан. – Уж не хочет ли Тараск сдаться в плен?!

Не обращая внимания на восклицания советников, киммериец выбежал из шатра. Впереди, ощетинившись пиками, стоял аквилонский дозор. А чуть поодаль, на равнине, и вправду белели просторные холщовые полотнища; одно из них держал низкорослый человек в золотом королевском шлеме…

Конан и не заметил, как очутился подле своего заклятого врага.

– Что еще за фокусы, собака?! – гаркнул киммериец. – Слабо сразиться в честном бою?

– Честного боя не боюсь, – спокойно ответил Тараск, – и он еще предстоит. Но не с тобой, мой государь!

И, к великому изумлению присутствующих аквилонцев, Тараск преклонил пред Конаном колени и протянул ему свой меч.

Реакция киммерийца не была адекватной. Он резко выбросил в сторону протянутое в знак смирения оружие, схватил Тараска за плечи и рывком поставил его на ноги.

– Что за фокусы, гнида бельверусская?! – все тем же тоном повторил он. – Что ты еще удумал?! Где твое королевское достоинство? Как ты назвал меня? Повтори, собака, а то я не расслышал!

– Не гневайся, мой государь! Прочти это, и тебе многое станет ясно, – сказал Тараск, извлекая из кармана пергаментный свиток, скрепленный королевской печатью Немедии.

– К чему этот фиговый листок?

– Это мой указ о принятии Немедией сюзеренитета Аквилонии. Отныне ты – полноправный властелин моей страны на время военного похода.

Если бы сейчас разверзлась земля и, шевеля кольцами, на эту равнину из Преисподней выполз сам Сет, Конан, наверное, удивился бы меньше. Подобные же чувства владели и всеми аквилонцами. Над лагерем зависла тишина.

Конан трижды перечитал свиток – все было правильно. Возвратив указ Тараску, он произнес:

– Раз уж ты стал моим вассалом, тем более я велю тебе признаться, что все это значит – или твоя голова слетит с плеч!

– Разумеется. – Тараск понизил голос. – Положение таково, что тебе надлежит знать все, мой государь. Но если это услышит кто-либо из твоих людей, последствия могут быть самыми ужасными!

Конан внимательно оглядел Тараска. Пожалуй, только теперь он заметил, как изменился немедийский король. Седые растрепанные волосы, глубокие морщины на лице, дрожащие в нервном возбуждении руки – все это не могло быть маскарадом. В Немедии действительно

произошло нечто особенное, нечто такое, что заставило властолюбивого Тараска стать вассалом заклятого врага…

– Нам необходимо поговорить наедине, – тихо повторил немедиец. – А потом делай со мной все, что хочешь.

– Хорошо. Но помни: если обманешь – отправишься в Ад в ту же секунду.

Тараск почтительно склонился. Преисполненный мрачной решимости, он был на все согласен.

Глава X

«Ураган времени»

Огромный зал-амфитеатр располагался на самой вершине вырубленного в скале замка Синих Монахов. Здесь произошло воскрешение бывшего Бога. И здесь же Тезиас наметил разыграть последний акт трагедии «священная месть Великой Души».

Расположенные по окружности зала камины ярко пылали. В центре амфитеатра высился мраморный постамент. Около него выстроились монахи во главе с выздоровевшим магистром. Тезиас сидел в глубоком кресле чуть поодаль от постамента, на простом деревянном столике возле него покоился гигантский голубой фолиант – Книга Судеб. В раках карлика трепетал маленький пергаментный листок, исписанный мелким корявым почерком. Белое как лик луны лицо Тезиаса светилось от счастья.

– Сегодня, сейчас свершится моя священная месть! Ведомо ли вам, монахи, что это такое? – он помахал пергаментным листком. – Это перевод великого заклинания из самой Книги Судеб! Заклинания, пришедшего в наш мир с неведомых, затерянных во Вселенной планет! Никогда еще человеческие уста не произносили этих запретных слов, никто и никогда не испытывал действие этого заклинания. Я произнесу его, а испытает – Конан, тот, кто осмелился победить меня! Мое заклинание вырвет его из привычного мира и, сломав оковы времени и пространства, отправит в будущее – далекое, незнаемое. Насколько далекое – не ведает никто, по моим расчетам, не менее чем на десять тысяч лет вперед! Конан покинет этот мир непобежденным, как и подобает великому герою. Но останусь я, Великая Душа, единственный властелин Земли! Я останусь здесь, и никто более не посмеет преградить мне путь к власти над миром! Из будущего Конан не сможет угрожать мне. Более того, – Тезиас жестоко усмехнулся, – он попадет в мир, совершенно чуждый ему, а потому – враждебный. Возможно даже, в этом мире уже – или еще? – не будет жизни; тогда Конан окажется единственным человеком на планете. А может быть, он станет героем и в этом мире, создаст свою империю, совершит новые подвиги. Но мы о них уже не узнаем. Будущее – это не только лишь то, что случится завтра, за Горизонтом Времени, нет, это иной, враждебный всему привычному мир, мир моего мщения. Это заклинание – о скольких сил стоило мне перевести его с языка таинственных космических символов на человеческий язык – разверзнет Порталы Времени, и тем свершится моя месть! А сила этого заклинания такова, что никто – ни Бог, ни дьявол – не сможет обратить его вспять. Итак, я начинаю!

И с уст Великой Души полились неведомые звуки.

Чарующие, торжественные, словно песнь нездешних богов, они были одновременно резкими и холодными. В них звучал гимн древнейших, пресыщенных Знаниями, затерянных в глубинах Вселенной неизведанных миров, и этот могучий гимн сокрушал основы земных стихий. Его гипнотическая сила будоражила человеческий разум, играла сознанием, носилась стремительным вихрем в тайных закоулках памяти. Бесстрастные лица Синих Монахов еще более вытянулись, строй их распался, некоторые в непроизвольном отчаянии заложили уши. Чем дольше Тезиас читал тайные слова, тем более преображался его собственный облик. Он был подобен безрассудному дирижеру, дерзнувшему исполнить предо

всем миром дьявольскую фантазию безвестного нечеловеческого гения. Белая кожа карлика дрожала и пучилась, по густой гриве иссиня-черных волос искрили ручейки мутно-голубоватого свечения. Вскоре эти ручейки излились вниз, на тело карлика, одев его в сверкающий кокон электрических разрядов. Затем ручейки космического огня полились дальше, вперед, обогнули мраморный постамент, взметнулись к куполу зала и, легко пронзив толщу многометрового камня, излились в пространство, разбегаясь во все стороны. Затем пришел грохот – глухой, осторожный, он все более усиливался, и скоро великие Карпашские горы тряслись и стонали, как в первозданные времена, когда не было на Земле ни единой молекулы жизни, а только одинокий и бесстрастный Страж Земли влачил свое незримое существование в небесной шестнадцатигранной пирамиде посреди застывшего океана…

А Тезиас, как будто не замечая ничего вокруг, кроме листка пергамента с корявыми иероглифами, продолжал насиловать мир тяжелыми, исполненными неземного смысла, чарующими звуками…

– …И тогда он обратил заговорщиков в неподвижные бронзовые фигуры, точные копии живых людей. Они и по сей день жутким напоминанием высятся в моей опочивальне; десятки моих слуг пытались вытащить их оттуда, но колдовские изваяния словно приросли к древнему камню дворца. И зловещая картина, подаренная мне Тезиасом, точно заговоренная, до сих пор висит над моею кроватью, – сказал Тараск, заканчивая свой рассказ.

Конан молча слушал; каждое слово немедийца звучало как откровение… Тараск перевел дух и воззрился на киммерийца.

– Ну, теперь ты понимаешь, почему я решил стать твоим вассалом? Только ты, Конан, можешь защитить Немедию, Аквилонию и весь мир от Великой Души!

Конан покачал головой.

– Это невероятно. Я своими руками убил его – сначала тело, а затем и душу. Камень, заключивший в себе его душу, я выбросил в Карианскую впадину моря Вилайет. Возможно ли, чтобы какой-то мошенник принял на себя имя Великой Души?

– Исключено, – заметил Тараск. – Колдовской почерк карлика ни с чем не спутаешь. Та же театральность, тот же изуверский гипноз. Тезиас жив, клянусь Митрой, и вынашивает планы жестокой мести – тебе, Конан, и мне!

Но сомнения все еще не отпускали Конана. Он спросил:

– Послушай, Тараск, а как выглядел тот колдун, что превратил в бронзовых истуканов заговорщиков, пришедших убить тебя?

– Он был высок и худ, облачен в просторный синий плащ с синим же капюшоном, лицо его было бледно и бесстрастно, как маска, снятая с мертвеца. На груди его сверкал большой серебряный медальон, изображающий испещренный полосами треугольник…

– Слуга Судьбы! – вскричал, вскакивая со своего места, Конан. – Это был он!

Тараск с беспокойством посмотрел на варвара.

– Тебе знаком этот колдун?

– Да, приходилось встречаться, – внутренне содрогнувшись, пробормотал Конан. – И все же это не доказывает руку Тезиаса; может статься, этот маг с медальоном просто использует его имя!

Снаружи раздался голос Паллантида.

– Мой государь! Купец Ласло из Хоршемиша просит у тебя срочной аудиенции!

– Отошли его прочь! Я не жду никого из Хоршемиша! – рявкнул Конан; в сию минуту у него не было никакого желания беседовать о купеческих делах, хотя бы этот самый Ласло

был давним торговым партнером Аквилонии.

– Но господин! – прорезался другой голос, молящий и страстный. – У меня важные новости из Ханарии!

– Из Ханарии? Пропусти его, Паллантид! – велел Конан и, обращаясь к Тараску, добавил: – Это от Пелиаса.

Ласло оказался крючковатым старичком с хитринкой в глазах. Он внимательно оглядел шатер, бросил взгляд на седого как лунь Тараска и лишь потом поклонился Конану.

– Ну, купец, не томи, – сказал киммериец. – Ты привез мне письмо от Пелиаса, не так ли?

Кофиец задрожал, голос его звучал приглушенно.

– Все гораздо хуже, светлый государь! Слушай же, король Аквилонии! Послушай и ты, почтенный старец…

– Почтенный старец?! – расхохотался Конан. – Это же Тараск, король Немедийский, негодяй и пройдоха, каких на свете мало! Знаешь что, старец, иди-ка освежись, пока мы тут беседуем с достойным купцом.

– Но, Конан, мы же теперь заодно! – воспротивился было Тараск.

– Иди, иди! Что надо будет, я тебе сам потом расскажу! – тоном, не допускающим возражения, молвил Конан.

Когда немедиец покинул королевский шатер, Конан усадил смущенного купца на топчан и потребовал объяснении.

– Некоторое время назад, – начал свой рассказ Ласло, – чародей Пелиас пригласил к себе трех танцовщиц. Что именно произошло в Золотой башне, ведомо лишь одним великим богам. Вот только посреди ночи на улицах Ханарии появились три обнаженные девушки-те самые танцовщицы, что были у Пелиаса. Я видел их в ту же ночь, и, можешь мне поверить, государь, душами их овладело безумие. Одна из девушек сразу же погибла, напоровшись на чей-то меч. Толпа сочла, что женщины испорчены нечестивыми тварями, обитающими, по слухам, в подземельях башни могучего волшебника. Так что вторую танцовщицу сожгли заживо – там же, на площади у Золотой башни. Но я сразу понял: дело здесь нечисто. Мои слуги отбили последнюю из оставшихся в живых девушку у озверевшей толпы. Я допросил ее. Рассказ танцовщицы не отличался связностью.

– Что она говорила? – полный самых мрачных догадок, вопросил король.

– С ее слов я понял следующее. Во время их выступления как будто из ниоткуда появились трое, облаченные в синие плащи с капюшонами. Они повалили волшебника, затем вскрыли какой-то ящик, взяли оттуда большую книгу в голубом переплете…

– Проклятие! Книга Судеб! – вскричал Конан.

– …И испарились так же внезапно, как и появились. Сказав мне это, танцовщица умерла.

– А что же Пелиас?

– С тех пор от него не было никаких известий. Прежде чем отправиться к тебе, я, поборов страх, окруженный верными слугами, вступил в башню чародея. Пелиаса я нашел крепко спящим на своем диване. Никакие усилия пробудить его не дали результата; готов поклясться именем Иштар, здесь замешана черная магия!

– Это все?

– Все, мой господин! Оставив Пелиаса в башне, я тотчас отправился на встречу с тобой. Мне показались важными эти новости…

– Друг мой! Ты даже не можешь себе представить, насколько они важны! Отправляйся же; я велю насыпать тебе сто, нет, пятьсот аквилонских золотых, друг Ласло!

– Мой государь! – потрясенный купец упал в ноги Конану. – Я не стою таких денег!

– Встань, Ласло! – приказал король. – Есть новости, которые меняют ход истории! Они бесценны!

Конан собрал ближайших советников. Были Просперо, Паллантид, еще несколько военачальников, в мужестве и верности которых киммериец нисколько не сомневался. Пригласили и короля немедийцев Тараска. Аквилонские гвардейцы, стоявшие на страже, получили строгий приказ не подпускать никого к шатру ближе чем на двадцать шагов.

– Когда происходит много загадочных, казалось бы, несвязанных событий, порой бывает достаточно одного штриха, чтобы наспех наляпанная картина обрела смысл и значение, – сказал Конан. – Странный бой в Бельверусе, из которого живыми вышли только я, Зенобия и Просперо, события, происшедшие с Тарас-ком, мои собственные ночные приключения – подлинный смысл всего этого мне стал ясен после рассказа кофийского купца, побывавшего в башне Пелиаса в Ханарии. Пелиас усыплен, Книга Судеб, беречь которую он поклялся пуще жизни, снова украдена. Я говорю: «снова украдена». Ибо на свете есть только один человек, которому может понадобиться Книга Судеб, один, который решится ради нее лезть в башню могучего чародея, один, способный обхитрить и одолеть Пелиаса, – его рука, чую, дергает за ниточки всех странных и загадочных событий последнего времени… Ты был прав, Тараск. Карлик Тезиас, призрачный Бог, Великая Душа, – жив, вот что я хочу сказать! И это так же верно, как и то, что я вот этим мечом пронзил его тщедушную грудь, а черную душу его заключил в волшебную темницу! Один лишь Митра знает, как получилось, что карлик снова жив!

Возникла тяжелая, мучительная пауза. Наконец чей-то сдавленный голос прошептал:

– Мы все погибнем! Он вернулся за нашими душами…

– Чушь! – взревел Конан. – Я победил его однажды – не скажу, что это было легко – одолею и теперь. Мы не должны падать духом – Тезиас от нас только этого и ждет! Посмотрите на Тараска – он пришел сюда, чтобы сражаться! Чем мы хуже немедийцев?

– Но что могут наши мечи против нечестивых чар? – озабоченно вопросил Просперо.

– В конечном итоге все решает искусство крепкой стали, – возразил Конан.

– Это так, мой государь, но что мы будем делать, если самозваный Бог снова, как в прошлый раз, превратит наших людей в зомби или, того хуже, сотрет нашу армию с лица земли одним лишь взмахом своей руки? – сказал Паллантид.

– Нам нужна помощь волшебника, такого, как Пелиас, – добавил Тараск.

– Среди магов у меня друзей нет, – сощурился Конан. – Только Пелиас и асурский жрец Хадрат.

– Так призови этого самого Хадрата!

– Хадрат, будь он трижды проклят, пропадает где-то в Вендии! И потом, уж больно слабоват он против призрачного Бога.

– А если снова в Стигию податься, за волшебным камнем? – предположил Просперо.

– Пустая затея, – подумав, сказал киммериец. – Прошлый раз Пелиас доставил нас в Стигию на крылатых тварях; своим же ходом добираться до Птейона бессмысленно… Да и Тезиас не будет безучастно наблюдать за нашими приготовлениями. Нет, Просперо, поверь моему опыту: во второй раз фокус с Ромбом Яхкунга не пройдет!

– Что же нам делать?

– Откровенно скажу: не знаю! – развел руками Конан, но в этом жесте не было и намека на какую-либо обреченность.

Еще что-то сказал Паллантид, но слова его потонули в жутких воплях, доносившихся снаружи. Побледнев, люди выскочили из королевского шатра.

…Аквилонские и немедийские воины вопили и возносили молитвы богам. Оба лагеря были взяты в кольцо полчищами нежитей – точь-в-точь таких же, какие утащили Конана в невесть какую Преисподнюю. Безголовые серые твари зловеще щерили широкие пасти, и их острые белые клыки поблескивали в лучах полуденного солнца. Конан понял, что ждет его армию. На сей раз спасения не было…

Вот трое его воинов, обезумев от страха, бросились на ближайшую к ним бестию. «Стойте, сталь их не берет», – хотел крикнуть Конан, но было уже поздно. С бешеной скоростью заработали длинные трехпалые руки твари, заклацали зубы в зияющей пасти. Не прошло и десяти секунд, как от троих воинов осталось лишь кровавое месиво…

Многие пали ниц, в безумии припав лицом к теплой земле и обхватив голову руками, как будто так можно было защититься от смертельных ударов безголовых чудовищ. А те все не нападали, точно ожидая чьей-то особой команды.

Посреди же адского воинства, по-обезьяньи опираясь на все четыре конечности, стоял могучий монстр, раза в полтора выше Конана; перевернутые зенки твари вперились прямо в глаза киммерийца,

– Я Зук, – раздался громовой голос предводителя. – Твоя армия обречена, король Конан! Но ты еще можешь спасти хотя бы души своих людей, ибо жизни и тела их уже принадлежат нам!

– Что тебе нужно, тварь? – вопросил Конан, перекрикивая вопли устрашенных воинов.

– Ты последуешь за мной, варвар! – прогремел Зук. – Тогда твои воины умрут легко, словно от удара сталью. Если же будешь сопротивляться, их мучения продлятся тысячи лет, а загубленные нами души никогда не обретут вечного покоя.

Нежить рассмеялась; жуткий хныкающий, надтреснутый смех разнесся над притихшей равниной. И» словно подкрепляя слова Зука, на землю снизошла Тима, Задул пронизывающий, стремительный ветер, иссиня-черные тучи завладели небосводом, в считанные мгновения полностью закрыв собой солнце. Внезапно наступила Ночь. А посреди нахлынувшего Мрака продолжал бесноваться низкий грудной голос:

– Именем Сета, хозяйка сдержала слово! То-то будет потеха, братья!…

Мрак душил рассудок, но и в этом аду мозг Конана посетила такая мысль: «Хозяйка? Он сказал – хозяйка!». Впрочем, времени обдумывать слова твари не было, да и кто поручится за точность услышанного в этом котле разбушевавшейся Ночи?!

Визг набирающего силу ветра уже заглушал истошные крики людей. Превозмогая его, Конан прокричал в темноту:

– Хорошо, тварь, я иду с тобой!

Издевательский, леденящий душу хохот был ему ответом Мощь же бури быстро возрастала. Черные тучи, поглотившие полуденное солнце, озарились сполохами странного голубоватого сияния. В его неверном туманном свете Конан увидел, как Зук, вместо того чтобы хватать человека, за которым был послан, с изумлением и страхом глядит на небо. А туча тем временем разрешилась молнией: молния упала отвесно, точно пущенная неким нечеловечески метким стрелком, и ударила прямо в грудь Зука. Раздался взрыв; стремительная вспышка осветила равнину. Все люди лежали; из некоторых страх уже изгнал

жизнь. Рядом с киммерийцем стояли только Тараск, Просперо и Паллантид – казалось, рассудок вот-вот оставит и их. Но безголовые твари… Они и не думали нападать на распростертых на земле людей. Узрев загадочную гибель своего предводителя, они верещали и визжали, тупо тыкались куда-то, точно ища спасения в ином, незримом мире. Некоторым и вправду удавалось исчезнуть, проскользнув в какую-то невидимую межпространственную щель. Другие же, и их было большинство, отчаянно сновали по полю, где по ним из черных туч лупили молнии загадочной грозы. Твари взрывались в один миг, и скоро вся равнина была ярко освещена сполохами этих взрывов.

Конан стоял, не в силах оторвать взора от этого неповторимого, сказочного зрелища. А молнии все падали и падали, уничтожая адских тварей. Поглощенные мистической картиной, люди не заметили, как высоко над их головами, в беспросветной черноте туч, стал собираться стремительный, точно свет, поющий неведомую чарующую песнь вихрь. О, этот вихрь не был обычным торнадо! Он шел не со стороны, не из недр земли, нет, он спускался сверху вниз, прямо на головы стоящим людям. Он, этот вихрь, имел свою цель, но в то же время не походил на плод одной лишь только черной магии; нечто неизмеримо далекое всему земному таилось в его неистово крутящихся спиралях…

Конан заметил вихрь, когда тот уже висел прямо над его головой. Неизвестно почему, но эта, несомненно, осмысленно крутящаяся чернота ужаснула его даже более чем вся армия безголовых нежитей. Исступленно закричав, Конан, не разбирая дороги, бросился прочь от черного вихря. А он, этот вихрь, тотчас метнулся вслед за ним, и страшная догадка посетила мечущийся разум варвара: ему, вихрю, не нужны были другие – Тараск, Просперо, Паллантид, – ему нужен был только он, Конан! И киммериец бежал, вложив в бег всю свою физическую силу. Он бежал по полю, усеянному телами аквилонских и немедийских воинов; вокруг продолжали взрываться, поражаемые молниями, нежити, а он бежал, не разбирая дороги…

И все же черный смерч настиг его. Словно тысячи цепей разом пали на тело варвара. И эти цепи бешено вращались вокруг него, не прикасаясь к телу, но обжигая его неземным холодом. Все кругом утонуло во мраке. Конан почувствовал, как вихрь отрывает его от земли, но не уносит, а неподвижно держит в воздухе, точно изучая каждую клетку его организма. Затем поведение вихря меняется: он куда-то тащит Конана, но не в сторону, не ввысь и даже не в иной мир, а куда-то вглубь – в глубь чего, Конану знать не было дано. Появились какие-то разноцветные вспышки, они осветили вихревой тоннель, по которому смерч тащил Конана. Одно мгновение ему показалось, что он видит лица людей и морды чудовищ, башни городов, горы и океанскую гладь. Но все эти видения слились в бесчисленные яркие вспышки, ранящие глаза и разум человека. Над головой он заметил отливающий голубизной круг из неистово вращающихся молний; к этому-то кругу его и тащило. Внезапно пришло осознание, что за кругом этим – иной мир, враждебный, мир, в который он ни за что не хотел попадать и из которого нет возврата… И он стал яростно вертеть всеми конечностями, его могучее тело сгибалось и виляло, словно он в морской пучине играл танец с незримым подводным чудищем…

Но ничего не помогало, вихрь был сильнее, и голубой круг неумолимо приближался. Вдруг раздался грохот – самый сильный и резкий из всех звуков, когда-либо слышанных Конаном. Точно раскололась Земля или некая небесная плита, удерживающая равновесие Вселенной, нежданно дала трещину. Грохот продолжался безмерно краткий миг, но казалось, он звучит вечно. Оглушенный, Конан почувствовал, как будто тело его разваливается на две

части: он видел себя самого со стороны и в то же время знал, что тот, другой Конан, тоже видит его со стороны – так же, как и этот. Потом раздался пронзительный свист, плоть слетела со второго Конана, оставив только призрак, прозрачную оболочку, в точности повторяющую все линии и изгибы тела варвара. Свист повторился, вихрь схватил призрачного Конана, голубоватый круг разверзся, поглощая призрачное тело. В тот же миг живое тело Конана тряхнуло, он почувствовал под ногами бездну. Наконец произошла вспышка – словно тысячи солнц разом излили на него свой свет – и Конан потерял сознание.

Обессиленный, Тезиас полусидел-полулежал в своем кресле. Казалось, Заклинание Времени выпило из него все соки. Тело его и одежда напоминали испорченный волшебный светильник – они искрили, изрыгали голубоватые молнии, вокруг головы карлика плясал светящийся нимб, – впрочем, последнее еще больше сближало его с родом богов. Заклинание было давно завершено; разбуженные неземные стихии творили свое дело. Земля под ногами дрожала, за пределами дворца по-прежнему стонал рукотворный ветер, и небо было по-прежнему черным-черно.

Тезиас ждал – что ему еще оставалось? Он не знал точно, чем именно закончится его грандиозный эксперимент, какими будут побочные последствия. Но его авантюрная натура, его самовлюбленная уверенность не давали времени на новые размышления и повторные расчеты. Он претворил свой замысел в жизнь, как и было намечено. Теперь оставалось только ждать – ждать, чем закончится вызванный им катаклизм.

Ждать долго ему не пришлось. Голубоватые молнии вновь засверкали под куполом амфитеатра. Их становилось все больше, они ударяли вниз, о мраморный постамент, выступая своеобразными провозвестниками наступающего Нечто. Вскоре появилось оно само, это Нечто, – переливающийся мутно-голубоватыми блестками огненный шар. Шар медленно спускался вниз, с купола на мраморный постамент.

– О Великая Душа, что же это?! – не в силах сдержать волнения, вскричал всегда бесстрастный магистр.

– Это Огни Будущего, Брахо, они вступили в наш мир! – непривычным громовым голосом ответил Тезиас.

Внезапно шар лопнул. Мириады огней рассыпались но залу. В то же мгновение разом стих неземной ветер, черные тучи, пленившие солнце, вдруг испарились, будто их и не было, короче, уже через секунду в подлунном мире не осталось ни единого видимого следа недавнего буйства неведомых стихий…

Когда облако искр осело, изумленные Тезиас и его слуги увидели, что на мраморном постаменте в центре амфитеатра стоит человек. Живой человек. Он был абсолютно наг, и всем были отчетливо видны героические пропорции его могучего тела. Большая, покрытая черными кудрями голова, бычья шея, отталкивающее, устрашающее лицо, на котором горели ясные голубые глаза, грудь, испещренная шрамами, крепкий торс и мускулистые ноги. Обнаженный богатырь изумленно смотрел на собравшихся, а они – на него. Один из монахов, еле двигая пересохшими губами, пробормотал:

– Ущипните меня, если это не amp;Конан!

На что тотчас последовал резкий ответ Тезиаса:

– Ущипни его, Брахо: это не Конан.

Заслышав человеческую речь, богатырь тоже разлепил уста. Голос его был сильный, звучный. Он произносил слова как-то странно, неестественно, да и сами слова эти были словами нездешнего, неизвестного в Хайборийском мире языка. Однако Тезиас с великим

удивлением обнаружил, что хорошо понимает этого человека, ибо язык сей был тем же самым, что и тот, на котором было написано его, Великой Души, послание к самому себе. Богатырь сказал:

– Срань господня! Куда это я попал?

Глава XI

«Коварное заклинание»

– Слава Митре, кажется, он приходит в себя!

Это был голос Просперо. Конан слышал его. Киммериец с трудом открыл глаза.

Он лежал на своей походной скамье посредине королевского шатра. Шатер он узнал сразу, как и лица обступивших его людей – Просперо, Тараск, Паллантид, еще двое полководцев, один барон и один вельможа с немедийскими драконами на гербе, – вероятно, из свиты Тараска. Лица людей были бледны.

– Ради Крома, чего вы столпились, как на похоронах?! – взревел Конан.

Из глаз Просперо брызнули слезы радости.

– Ты жив, мой государь! Хвала великим богам!

– А мы уж было решили, что душа твоя отлетела в иной мир, – добавил Паллантид.

– Во всяком случае, все говорило за это, – подтвердил Тараск.

Конан пошевелил конечностями. Тело ныло, но, отметил киммериец, конечно, бывало и хуже. Резким движением, испугавшим соратников, он поднялся с ложа. Кровь отхлынула от головы, все поплыло перед глазами, он покачнулся, но ничего, отпустило.

– Что со мной было?

– Лучше уж и не спрашивай, мой король! – горестно воскликнул Просперо. – Пока ты здесь лежал, мы всё удивлялись, как сами-то не лишились рассудка!

Король поморщился. Ему нужны были факты, а Просперо, точно беспокойная мамаша, лезет со своими эмоциями!

– Я помню только, как черный вихрь догнал и подхватил меня, – сказал Конан. – Что было дальше?

Тараск, как наиболее закаленный колдовскими опытами – после самого Конана, разумеется, – взял на себя труд детально описать все, что он видел.

– Черный вихрь поднял тебя высоко над землей. Он стал раздевать твое тело, так что были видны кости и внутренние органы, даже твой обнаженный мозг.

Затем плоть сложилась обратно, а от тела отделилась призрачная оболочка – точь-в-точь ты, только бесплотный. Затем призрак куда-то улетел, раздался взрыв, ты упал на землю, и в этот миг все просветлело. Мы кинулись к тебе – ты был без сознания. Тогда мы принесли тебя сюда.

– Сколько времени я был без чувств?

– С тех пор как закончилась ужасная гроза, прошло уже два часа, – сказал Паллантид.

– Что с армией?

– Армии больше нет, – потупив очи, молвил генерал Просперо. – Часть наших воинов погибла во время грозы, другие стали безумными, третьи – их большинство – улучив момент, разбежались. Из нашего войска осталось не более тысячи верных людей со здоровым рассудком; в основном это Черные Драконы…

– А немедийцы?

– Не беспокойся, государь, – печально усмехнулся Тараск. – Моя армия разделила участь

аквилонского войска; я смог собрать не более пятисот рыцарей.

Громадный кулак Конана затрясся, грозя в неизвестность.

– Проклятие! Изобретена ли смерть, какую заслуживает тот, кто устроил эту заварушку?! Судя по всему, это работа нашего старого и недоброго знакомого – Великой Души!

– Одного я не понимаю, – сказал Просперо. – Если карлик напустил на нас этих жутких безголовых тварей, зачем потом убивать их сверкающими молниями?

– Сдается мне, твари служат другому хозяину! А где они, кстати?

– Когда гроза закончилась, на поле не осталось ни одной безголовой бестии, – доложил Паллантид.

– Прекрасно! Хотя бы одним врагом меньше. Остается Великая Душа. И, кажется, теперь я знаю, что нужно делать. Мне это было ниспослано свыше.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Тараск.

– Когда я был без сознания, мне явилось видение, – сказал Конан. – Я узрел чистое голубое небо, оно отражалось в зеркальной глади безжизненного океана.

Потом возникла пирамида – точно такая, какую мы с тобой, Тараск, видели на медальоне синего колдуна. Таинственный ветер стремительно понес меня навстречу пирамиде. Она росла, быстро превращаясь в сооружение поистине циклопических, невозможных размеров, взметнувшееся от земли до самых небес. Ничего подобного я в жизни не видел; я казался себе песчинкой в сравнении с ней. Потом я очутился внутри пирамиды. Там бушевали стихии похлеще тех, что вызвал нынче Тезиас. Но я не чувствовал их прикосновения. Меня встретил мозг, – маленький, искрящийся, – такой, каким мне описывал его Хъяхья – пришелец, томящийся в колоссальной пещере, скрытой водами Стикса. Мозг говорил со мной, и казалось, будто его голос сидит в моей душе. Он сказал: «Сегодня Тезиас разверз Порталы Времени. Началась цепь стремительных событии, которым суждено до основания потрясти твой мир, Конан. Тезиас не должен был этого делать». «Почему ты не помешал ему?» – спросил я. – «Не в моих правилах вмешиваться в дела суетного мира, – ответил мозг. – Я и так совершил невероятное, призвав тебя сюда. Но это было необходимо, ибо ты – единственный туземный разум, в чьих силах восстановить равновесие Истории». – «Что я должен сделать?», – был мой вопрос. – «Через некоторое время ты проснешься среди своих соратников. Собери остатки войска и иди к логову Тезиаса. Тебя ждет победа». Мозг сказал это, затем видение померкло, и мое сознание снова провалилось во тьму. Вот все, что я помню.

– Невероятно! Мы разбиты в пух и прах, у нас почти не осталось надежды, а этот мозг повелевает идти с полутора тысячами воинов на могучего волшебника, почти что Бога! Можно ли верить этому мозгу?

– Этот мозг – величайшая сила, какая только есть на Земле. Когда мы схлестнулись с карликом в первый раз, наши древние боги умыли руки только потому, что за спиной карлика был Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Не знаю, на чьей стороне он играет сегодня, но, судя по всему, Тезиас чем-то разгневал своего бывшего покровителя. Так что довольно разговоров – они ведь не приближают нас к победе! Сегодня же отправляемся к логову карлика!

– Отправляемся – куда? – выразил всеобщее удивление Тараск. – Разве мозг сказал тебе, где скрывается Великая Душа?

– Нет, этого он мне не говорил, – рассеянно пробормотал киммериец. Как он мог упустить такую важную деталь?! Куда идти-то?

– Я проведу вас, – раздался смешливый девичий голосок, и все разом повернулись на него.

В дальнем углу шатра, кокетливо опираясь на стенку раскладного походного шкафа, стояла самая прекрасная из когда-либо виденных Конаном женщин. Она была облачена в длинную полупрозрачную тунику, более обнажающую, чем скрывающую, прелести ее роскошного тела. Лицо ее являло собой маску неземной красоты. Золотые волосы бесчисленными косичками ниспадали почти до самой талии девушки. Весь ее облик светился таким совершенством, на какое, без сомнения, не способна была мать-природа.

Божественная красота девушки лишила речи варвара и его спутников. Красавица же, ступая, точно по воздуху, приблизилась к застывшим в немом изумлении мужчинам.

– Я проведу вас к логову карлика, – трепетно прошептали полные рубиновые губы.

Совладав наконец с собой, Конан хрипло проговорил:

– Кто ты такая, девочка?

– Я добрая фея, спустившаяся с небес, чтобы помочь отважным героям!

Неизвестно почему, но киммериец сразу же не поверил ее словам. Нет, не фантастичность появления феи насторожила его. Просто природный инстинкт варвара, доставшийся ему от диких предков, явственно ощутил какую-то злую ауру, вступившую в этот шатер вместе с красавицей. И аура эта действовала на него сильнее, чем все прелести ее божественного облика.

Отступив на шаг, он сказал:

– Я не верю тебе, красавица! Добро не может быть столь прекрасным! Красота Добра внутри, а не снаружи. Признавайся, кто ты такая, или с тобой поговорит мой меч!

Красавица рассмеялась, и в этом переливистом девичьем смехе всем почудилось что-то жуткое, зловещее…

– Увы, киммериец, тебя не проведешь! Знай же: я – Тхутмертари!

Реакция воинов была такова, как будто их внезапно приговорили к жестокой и мучительной смерти. Тараск обеими руками схватился за горло, словно пытаясь защитить его от невидимых удавок. Просперо, побледнев, приложил руку к сердцу. Остальные же замерли, точно ледяные изваяния, будучи не в силах что-нибудь сказать либо предпринять. Лишь Конан сохранил хладнокровие.

– Не шути так, женщина! Тхутмертари – это всего лишь страшная легенда. Ты не можешь быть ею. Еще будучи вором и пиратом, я слышал леденящие кровь рассказы о жестокостях, чинимых безрассудной стигийской принцессой. На караках и галерах, ходивших вдоль побережья Зингары, Аргоса, Куша и Стигии, не было моряка, кто бы не клацал зубами в ночной тиши, слушая страшилки о кровавых деяниях женщины-жрицы, обменявшей свою душу на власть над силами Мрака.

– Не знала, что я так популярна! – рассмеялась принцесса.

Словно не слыша ее, Конан продолжал:

– …Много лет назад, когда я был еще корсаром, дошла до нас весть, что жестокая принцесса исчезла. Говорили, ее забрал сам Сет, чтобы разделить с нею власть над обитателями адских бездн и загубленными душами… Но еще долго будоражили умы рассказы несчастных, чудом спасшихся от жертвенного ножа Тхутмертари…

– Что-то я не припоминаю, чтобы кто-либо спасся! Верно, это были самозванцы, а вы и развесили уши, храбрые моряки, – все в том же кокетливом тоне заметила девушка, и эти ее слова не оставили более в душе Конана сомнений в страшной правде – «черная жемчужина

Сета» была сейчас перед ним.

– Тхутмертари – это миф, миф Кром знает какой древний, – глухо произнес он. – Ты должна быть старухой.

– Я всего лишь на несколько лет старше тебя, – оскорбилась принцесса. – Мне пятьдесят семь. Мрак, которому я служу, дает вторую молодость. Но тебе ли, киммериец, удивляться этому – ты разве не встречался с Акивашей?!

И Конан вспомнил, как несколько лет назад, охотясь в недрах мрачной пирамиды Кеми за Сердцем Аримана, он повстречал Акивашу – принцессу, жившую десять тысячелетий назад, женщину, которая никогда не умирала. Она обвенчалась с Мраком и обрела бессмертие.

– Я – не Акиваша, – продолжала между тем красавица. – Я не согласна тысячи лет томиться во тьме посещаемых демонами катакомб. Я создана для света, для жизни, для любви и власти. Я рождена, чтобы нести волю Сета в мир людей, чтобы покорять народы и низвергать культы ложных богов! Долгие годы я провела в стигийской темнице, лелея надежду на освобождение. И вот час мой пробил. Верховный жрец Тот-Амон призвал меня пред свои очи. Глупец, он рассчитывал использовать Тхутмертари в борьбе против тебя и этого карлика. Он повелел мне выкрасть тебя, киммериец, и доставить к нему в Стигию, дабы ты послужил приманкой для алчущего мщения карлика. Шантажом и посулами он принудил меня покориться его воле… Но он не учел, что у Тхутмертари всегда своя игра! И все же я старалась. Верно, звезды не благоприятствовали исполнению его замысла. Все мои попытки овладеть тобою закончились безрезультатно.

– Так это ты подсылала ко мне адских тварей?!

– Да. А до того я использовала отряд наемников. Но всякий раз слуги карлика переступали мне дорогу. И вот Тот-Амон дал мне последний шанс. Нежити, которыми я повелеваю, явились сюда, чтобы выполнить мою волю. Что было дальше, ты знаешь сам; я потеряла почти всех своих слуг, так и не исполнив приказ Величайшего. Согласно законам, наложенным на меня Отцом Сетом, я более не могу пытаться похитить тебя или причинить тебе вред. На родине меня ждет суд короля и, что гораздо хуже, гнев Тот-Амона. Мне не остается ничего иного, кроме как присоединиться к тебе и идти на Тезиаса – виновника всех моих неудач и унижений! Никогда еще человек, переступавший дорогу Тхутмертари, не оставался жить, – зловеще проговорила принцесса. – Тезиас сделал это трижды, и он обязан умереть! Победив карлика, я свершу дело, угодное Отцу Сету, и милость Великого Бога-Змея оставит Тот-Амона, перейдя ко мне! Прежние традиции падут, и я стану первой в истории королевой-жрицей Стигии – навсегда!…

Инстинкт Конана все решил за него. Не говоря ни слова, киммериец взвился в воздух, его огромный кулак неизбежно должен был разнести вдребезги голову красавицы. Но Тхутмертари как будто ждала этого. Она ловко отскочила, ноготок на указательном пальце ее правой руки тотчас превратился в длинный тонкий кинжал. Ноготь-кинжал в доли секунды разрезал толстый брус, поддерживающий крышу шатра. Шатер обвалился, накрыв Конана и его соратников.

Когда мужчины выбрались из-под обломков шатра, Тхутмертари и след простыл. Отдуваясь, Тараск сказал:

– Ты хотел убить эту женщину, Конан! Почему?

– Это не женщина, а само Исчадие Ада! Никогда еще я не участвовал в нечестивой борьбе злых сил! Разве не слышал ты, что удумала эта черная ведьма?

– Я понял только, что она люто ненавидит карлика и готова помочь нам одолеть его.

– Она поможет спровадить тебя в Преисподнюю, Тараск! За свою жизнь я много повидал таких бестий – они только и ждут удобного момента, чтобы принести душу человеческую в жертву омерзительному Сету! А с тварями Сета я бился и биться буду, пока великий Кром не призовет меня к себе! Мы справимся с карликом и без этой ведьмы.

– Я так не считаю, – покачал головой Тараск.

– Он прав, – послышался певучий голосок стигийской принцессы. – Ведь вы даже не знаете, где его искать!

– Боги подскажут нам дорогу, – молвил Паллантид. – Сгинь, нечистая!

– Суровые испытания затмили разум храбрым воинам, – гордо подбоченясь, заметила Тхутмертари. – Часто ли ваши боги спасали вас? Я же, какая я ни на есть, однако ж дважды спасала тебе, Конан, жизнь – или ты забыл?

– Я помню, – холодно проговорил киммериец. – И все-таки проваливай по-хорошему, ведьма: я привык обходиться без услуг подобных тебе штукарей. У тебя свои счеты к карлику, а у нас – свои. Если же и вправду хочешь помочь, скажи только, где скрывается Тезиас.

– Его логово находится на северо-востоке Коринфии, среди заснеженных пиков Карпашских гор. Долог и труден путь туда, но еще тяжелее найти сокрытый в скале дворец карлика; без помощи чар тебе не обойтись.

– Ради Крома, женщина! – взревел Конан. – Я не собираюсь брать тебя в попутчицы! Еще вопрос, должен ли я тебе верить! Плох тот стигиец, который не мечтает завести в ловушку свою жертву! Почем я знаю, что ты не врешь?

– Я принцесса Тхутмертари, – надменно изрекла красавица. – Мне нет нужды опускаться до подобных хитростей. Я всегда свершаю то, что наметила. Когда же дойдет до тебя, скудоумный варвар: пока я не посчитаюсь с карликом, мы с тобой в одной команде! Есть ли у тебя на примете другой волшебник, который мог бы помочь тебе? Нету! За мной же вся мощь темных сил!

– Вот поэтому проваливай-ка отсюда подобру-поздорову! Иначе мой меч, будь уверена, найдет, где у тебя сердце! А я тебя не боюсь: сама призналась, что твой чешуйчатый божок воспретил тебе сражаться со мной!

– Но запрет не распространяется на других, например, на Зенобию или твоего сына Конна, – обворожительно улыбнувшись, откровенно сказала Тхутмертари. – Если ты сейчас прогонишь меня, я быстрее ветра домчусь до Тарантии и сумею пустить им кровь прежде, чем ты успеешь досчитать до тысячи; мои же верные рабы, нежити, с удовольствием полакомятся твоими подданными – один пухлый здоровяк Публио чего стоит!

– Ах ты, сука! – только и мог сказать Конан, серея лицом.

– Вот-вот. Так что давай-ка лучше собирай своих воинов. Ты и так уже потерял много времени, пререкаясь со мной. Торопись: я чувствую, сила Тезиаса крепнет с каждым часом!

Плюясь и чертыхаясь, Конан принялся за дело. Снова, уже в третий раз, борьба с проклятым карликом неумолимо толкает его в объятия темных сил…

Персонажи, которым суждено было выступить в поставленной Великой Душой драме, жили не только в Хайборийскую эпоху. Пятнадцать тысяч лет спустя после Конана на Земле кипела иная жизнь. Но равновесие Истории пошатнулось: Тезиасово Заклинание Времени простерлось в конец двадцатого столетия от Рождества Христова…

…В скромной, недостаточно просторной квартире, что расположена была в самом центре Рима, беседовали двое. Одного из них, хозяина квартиры, звали Луиджи Фонтанелли,

и был он знаменитым ученым-физиком, почетным членом пятидесяти академий и лауреатом Нобелевской премии. Второй, известный профессору Фонтанелли как Джейк Митчелл, был американец; о роде его занятий мало кто что-либо знал.

– Странная мы с тобой парочка, док, – осушив бокал бургундского, молвил Джейк. – Если бы твои ученые коллеги узнали, что ты водишь дружбу с человеком, которого разыскивает полиция пятнадцати стран, они вряд ли допустили бы тебя в свой круг.

Профессор издал короткий тихий смешок и любовно погладил длинную седую бороду.

– Если бы я водился только с ними, я до сих пор так и оставался бы скромным служащим Миланского университета. Разговоры о том, будто в жизни все решает талант, пусты, как и головы наших политиков.

Настоящий учёный столь же нуждается в деньгах, как и в гениальных идеях.

– Уж чего-чего, а гениальных идей у тебя предостаточно! – расхохотался Митчелл. – Половина научного мира считает тебя сумасшедшим, а другая половина – чудаком.

– Этим бездарям не дано постичь всю глубину научного мышления, – с презрением заметил профессор.- Они напоминают мне невежественных средневековых монахов, – да простит мне Святой Престол это сравнение, – которые отказывались принимать все, что было выше их понимания. Слава Богу, на дворе двадцатый век, а не шестнадцатый, иначе бы меня давно бы уже сожгли на костре как колдуна! Как горько сознавать, что мир не готов еще оценить мой гений!

– Зато его в полной мере сумел оценить я, – наливая себе новую порцию бургундского, заметил Джейк. – Я закрыл глаза на твои чудачества, вроде разработок машины времени или универсального вещества – кажется, так называется изобретенное тобой пойло? Но благодаря тебе, док, я, по правде сказать, стал самым удачливым искателем приключений нашего века! По части практического применения твоих машин, согласись, мне нет равных! Когда я смотрю все эти фантастические боевики…

– Ты все еще смотришь их?! – с укоризной воскликнул док.

– …Так вот, когда я их смотрю, мне смешно от убогой фантазии тамошних сценаристов и режиссеров. Знаешь, док, какой мой самый любимый фильм? «Фантомас» Юнебеля. С твоими техническими новинками я ощущаю себя этаким современным Фантомасом!

– Очень похвально для ученого служить тщеславию закоренелого бандита и авантюриста, – сказал профессор, и в голосе его прозвучала горечь.

– Ладно, док, не прибедняйся! – снова расхохотался Джейк. – Ты должен гордиться моими подвигами! Знаешь, когда-то со своими ребятами брал дворец президента Буандии, мы имели вид штурмовиков Империи из «Звездных войн»! Твои лазерные бластеры чудесно имитировали вторжение инопланетян. Ты бы видел физиономию президента перед тем, как я всадил ему луч между глаз!

– Прошу тебя, Джейк, – поморщился Фонтанелли, – меня воротит от натуралистических подробностей. И ты ошибаешься, если полагаешь, что я смирился с твоими методами!

– А как иначе проверить, действует изобретение или нет? – деланно удивился Митчелл.

– Ну, проверил?

– Проверил. Твои штучки были, как всегда, на высоте. А знаешь, сколько отвалила мне эта жирная свинья, нынешний президент Буандии? Тебе хватит купить себе новую лабораторию или даже целый остров под лабораторию в Тихом океане!

Митчелл знал: купить остров было заветной мечтой седовласого профессора. Впрочем, новые заветные мечты появлялись не реже двух раз в месяц.

– Я благодарен тебе, Джейк, – прочувственно молвил Фонтанелли. – Такие люди, как ты, двигают вперед науку.

– Спасибо, док. Черт возьми, мне, оказывается, приятно погреться в лучах твоей славы! … Кстати, намечается новое дело.

– Опять посадить какого-нибудь мерзавца в президентское кресло или прикончить известного политика?

– Бери выше, док. Встречи со мной домогаются какие-то курды.

– Курды?

– Да. И это не те курды, что грохают туристов в Турции или взывают к ООН в Северном Ираке. Нет, эти курды ворочают миллиардами! Спорю на все свое состояние, добытое потом и кровью, следующим моим заданием будет сковырнуть Саддама Хусейна! Надеюсь, старый друг не будет на меня в обиде…

– Какой кошмар! – всплеснул руками профессор.

– Если я прав в своей догадке, тебе, док, придется крепко пошевелить мозгами. Одними лишь газометами и лазерными бластерами здесь не обойдешься! Уж я-то знаю, какая охрана у Саддама!

– Да, пожалуй, не обойдешься…

– Ну ладно, док, мне пора. Не хочу заставлять ждать чертовски богатых курдов. Свою долю можешь получить в Цюрихе уже завтра. Счет прежний. И, ради Бога, не уезжай надолго – ты можешь мне здесь понадобиться. Эх, люблю Вечный Город! Пока, док. Можешь не провожать меня.

Крепкое прощальное рукопожатие подкрепило альянс знаменитого ученого и бесстрашного наемника. А затем Джейк поднялся и, привычно открыв ногой дверь, вышел в коридор. Он потянулся, шагнул к выходу… И внезапно исчез, чтобы, пронзая пласты тысячелетий, очнуться на мраморном пьедестале в крепости Синих Монахов…

Он стоял на подиуме, точно манекен, намертво приковав к себе изумленные взоры странной компании из четырнадцати рослых мужей в мрачных темно-синих плащах и одного коротышки, устроившегося в кресле прямо перед постаментом. Джейк Митчелл отлично понимал: он не бредит, не свихнулся и не спит. Джейк Митчелл не растерялся. Джейк Митчелл любил фантастические боевики и фильмы ужасов, наизусть знал, что должен говорить крутой главный герой в подобной ситуации.

– Срань господня! Куда это я попал? – вот были первые его слова.

Он стоял в центре какой-то пещеры; края ее и потолок терялись в темноте. В пещере было жарко и он не сразу ощутил свою наготу. Компания, собравшаяся здесь, явно не ожидала его появления. Во всяком случае, они не бросились к нему, выхватывая пистолеты или нечто, их заменяющее.

– Ты кто такой?

Голос принадлежал коротышке. Джейку сразу стало не по себе от прожигающего взора огромных черных глаз карлика. Вглядевшись в того внимательнее, Митчелл содрогнулся: существо, восседающее в кресле, не могло быть человеком! Округлое лицо было абсолютно белым, безжизненным; над лицом нависал гигантский, непропорциональный лоб-нарост, выступающий из-под кудрявой смоляной шевелюры. Тонкие губы и большой ковшеподобный нос завершали портрет уродца. А голос его был повелительным, он произносил слова с каким-то туманным архаическим акцентом; существо безбожно коверкало английский язык. Но Джейк понял его и тотчас ответил:

– Как это кто я такой? Я – человек! А вот кто ты, мать твою?! Кто вы такие? Вы – инопланетяне?

– Ты и впрямь не знаешь меня?! – сощурился коротышка.

– Первый раз вижу.

– Как ты попал сюда? – спросил высокий бледный человек с причудливой серебристой пластиной на груди, стоящий рядом с креслом карлика.

– Как попал… – рассеянно пробормотал Джейк. – Шел к двери, вдруг ощутил яркую вспышку, меня ослепило. В следующий миг я уже был здесь.

– Ага! – воскликнул коротышка, соскакивая с кресла. – Я начинаю кое-что понимать! Скажи мне, друг мой, свое имя и откуда ты родом!

– Я Джейк Уильям Митчелл-младший, родом из Джорджии.

– Во имя Всех Знаний Вселенной! – вскричало существо. – Какое длинное у тебя имя! Значит, из Джорджии? А где это?

Чистосердечный интерес, написанный на физиономии существа, явственно убеждал Митчелла в худшем: в мире, куда он попал, ничего не знают о Джорджии!

– Джорджия в Америке, – упавшим голосом произнес Джейк. – А Америка на Земле. Земля же – третья планета Солнечной системы. Голубая такая, круглая – если смотреть из космоса.

– Где находится Земля, мы и сами знаем, – живо заметил коротышка. – К твоему сведению, мы сейчас именно на Земле пребываем. А почем тебе известно, как она выглядит из космоса?

– Да это каждый ребенок знает! Тысячи космических аппаратов ежедневно фотографируют Землю!

– Ага! – снова вскричал карлик, торжествующе оглядев своих спутников. – Мои догадки подтверждаются! Еще скажи, друг мой, какой сейчас, по-твоему, год?

– Одна тысяча девятьсот девяносто третий, считая от Рождества Христова, – пролепетал Джейк.

– Брахо, карту!!! – завопил коротышка, прожигая Джейка магнетическим взглядом огромных агатовых глаз.

Когда в руках существа оказался листок, испещренный значками и извилистыми линиями, оно резво подбежало к подиуму, где все еще стоял Джейк, и сунуло в руки обнаженному великану то, что называло картой.

– Это карта мира, – сообщил коротышка. – Покажи на ней свою Америку.

Опытный глаз бывалого путешественника скользнул по «карте».

– Я не могу показать Америку, – сказал Джейк. – Ибо на этом рисунке изображено только Восточное полушарие, а Америка – в Западном. Я вижу здесь Европу и Азию. Но… Но их почти невозможно узнать! Где Британия, Скандинавия? А Италия, Греция, Турция? Боже мой, да ведь здесь нет самого Средиземного моря!!! Африка словно срослась с Евразией!

– Потрясающе! – разнесся под сводами пещеры-амфитеатра пронзительный крик карлика. – Вы слышали, монахи?! Он едва узнает наш мир! Он – из будущего! Я хотел отправить в будущее Конана, а вместо этого получил оттуда его точную копию!

Потрясенный сим известием, Джейк заорал:

– Может, объяснишь мне наконец, что все это значит?! Да кто ты такой, мать твою побери?! Что значит: «из будущего»?!

Существо снова обратило к нему пылающие очи.

– Скоро узнаешь, – сказал уродец. – Мы еще не раз обсудим с тобой наши миры. А покамест ты должен отдохнуть; мои монахи устроят тебя. Мне же нужно собраться с мыслями…

Последние слова коротышки прозвучали глухо, как будто издалека. Джейк почувствовал, как все члены его наливаются тяжестью и он засыпает. Бороться с этим внезапно нахлынувшим сном было невозможно. Гость из Будущего опустился на землю, провалившись в бездну гипнотического сна…

Несчастный барон Эритей стоял на коленях, и неудержимые слезы струились из его распухших глаз. Он смотрел на большой хрустальный бокал, наполненный кровью, в которой, точно огурец в рассоле, плавал изящный женский пальчик. На палец было нанизано кольцо с огромным, поистине бесценным бриллиантом. Бриллиант тот он подарил своей супруге, красавице Сильвестии, в день рождения сына… Пальчик с бриллиантом, плавающий в крови, был единственным, что от нее осталось.

Эритей и представить себе не мог, кто хозяйничал в доме во время его отсутствия. Бродя по испачканным кровью, заполненным костями и смердящими клочками недоеденных человеческих тел залам, он не мог и думать об этом. Человек, о котором говорили, будто Митра обвенчал его с удачей, в этот день проклял всех богов. Жестоки и бесчестны боги, допустившие такое!…

Сгустилась ночь. Барон был один в огромном дворце, ставшем общей могилой сотен замученных людей. Кровавое безумие окончательно овладело разумом Эритея. Слез[7]уже не было, но, взирая на окровавленный пальчик супруги, барон хрипло шептал:

– Месть! О, месть! Только тебя алчу я в этой никчемной жизни! О, я готов продать душу какому угодно демону за одно только слово: КТО??? Кто достоин моей мести?

И, отвечая ему, в тишине ночной прозвучал сильный низкий голос:

– Спеши отомстить, благородный Эритей! Я помогу тебе…

Эритей встрепенулся. Безумные глаза оглядели комнату.

– Кто говорит со мной? Ты – дух? Что нужно тебе от меня?

– Я твой друг, – сказал голос. – Я Дух Возмездия. Я открываю несчастным, подобным тебе, истинные имена злодеев. Готов ли ты следовать за этим зверем, чтобы свершить свою праведную месть?

– О, говори скорее! Я готов отправиться в самые бездны Ада!

– От тебя это не потребуется. Твой враг направляется сейчас по немедийской дороге в сторону Коринфии, держа путь к северо-восточным отрогам Карпашских гор.

– Прекрасно, его имя?!!

– Это дьявол в обличье женщины, и имя ее – Тхутмертари! Она повелевает тварями, которые растерзали твоих родных и близких, Эритей. Твари сделали это по ее приказу. Она красива и голубоглаза, и темные силы по-прежнему подвластны ей…

– О, если осталась еще на свете справедливость, силы Тьмы не помогут ей уйти от меча Мстителя!

– Торопись же, Эритей, – сурово сказал голос. – Злодейка все более удаляется от тебя! Будь хитер и осторожен, как ночной волк: Тхутмертари – опасный противник, она могучая волшебница! К тому же путешествует она в компании твоего короля Конана…

– Конан! Он умрет вместе с ней, предатель!

– Нет! Его ждет иная судьба. Далеко на Юге есть Бог, который долгие десятилетия ждет

этой жертвы. Помни, Эритей: только Тхутмертари – ты должен ей отомстить!

– И я отомщу ей, пусть даже ради этого придется расстаться с жизнью и обречь душу на вечные мучения! – страстно вскричал барон Фланский и, не разбирая дороги, бросился к двери. Через секунду снаружи раздался цокот лошадиных копыт.

– Вот, прекрасная Тхутмертари, к чему приводит излишняя жестокость, – заметил между тем голос. – А ведь в прошлом я не раз остерегал тебя. Ты умрешь от руки этого безумца – ты, принцесса, посмевшая презреть волю великого Тот-Амона! О, Отец Сет, прости мне эту жертву!…

Глава XII

«Перекличка миров»

ТТезиасу потребовалось всего лишь несколько мгновений, чтобы окончательно уяснить, что же, собственно, произошло. Сомнений не было: Заклинание Времени оказалось ой каким коварным! Вместо того, чтобы отослать Конана в далекое будущее, оно призвало из этого будущего в Хайборийскую эру точную копию, полного двойника киммерийца!

В чем причина? Версию о причастности местных богов к своей неудаче Тезиас отбросил сразу же: уж больно слабоваты были Кром, Митра, Иштар, Сети вся компания для подобных деянии. После тщательных размышлений он отклонил и версию о вмешательстве в заклинание Стража Земли. Во-первых, всемогущий мозг не станет обращать внимания на такую, по планетарным масштабам, мелочь, как судьба какого-то Конана. И, во-вторых, развязка эксперимента со Временем была слишком, что ли, изящна для бесстрастно-прямолинейного Стража… Перебрав все возможные варианты, Тезиас остановился на наиболее банальном: дело в самом заклинании. Скорее всего, он, Великая Душа, неправильно перевел на земной язык какой-нибудь космический символ из Книги Судеб. Тем самым смысл заклинания изменился – с точностью до наоборот. Какая жестокая насмешка Судьбы – самый могущественный волшебник Земли терпит неудачу по причине заурядной ошибки начинающих магов!…

Но была ли неудача неудачей?! Мозг Тезиаса лихорадочно обдумывал, может ли он получить выгоду от нежданного явления Гостя из Будущего. Может, безусловно! Какую чудесную основу для божественной мести дает одна лишь внешность Гостя! Это с сугубо практической точки зрения. А с научной? С научной точки зрения явление Гостя открывает воистину необозримые перспективы! Каков тот мир, в котором живет Гость? Возможно, его мир станет следующим, который покорит Великая Душа…

Тезиас позвал магистра Синих Монахов.

– Брахо, отправь трех братьев на разведку: я желаю знать, что приключилось с Конаном. Не вели им ввязываться в какие-либо потасовки. Пусть только узнают, где сейчас находится варвар и чем занимается. И еще, Брахо: прикажи привести сюда нашего гостя.

Джейк Митчелл по-прежнему пребывал в гипнотическом сне. Двое бесстрастных монахов внесли его в кабинет Тезиаса и усадили на широкий диван. Карлик сидел на своем обычном месте, в глубоком кресле за Письменным столом. Снова появился Брахо, он встал справа от своего хозяина.

– Джейк Уильям Митчелл-младший, я приказываю тебе: пробудись! – воскликнул Тезиас,

Глаза Гостя открылись и тупо уставились на карлика.

– Опять ты, – печально произнес Джейк. – А я думал, ты мне приснился.

Брахо поднес Гостю чашу, наполненную шипучей мутно-синей жидкостью.

– Выпей это, – сказал магистр, – и голова твоя прояснится.

– Что за пойло? – икнув, вопросил Митчелл. – Я не буду ничего пить, пока вы не ответите на мои вопросы!

– Пей, друг мой Джейк, – ласковым голосом приказал карлик. – Пей, а потом поговорим. Не бойся: если б я хотел тебя отравить, я не стал бы тянуть с этим. Напиток оказался поистине ангельским: Джейк почувствовал, как по всему телу его словно разлилась живительная энергия.

– А почем я знаю, вдруг тебе охота превратить меня в зомби или в мутанта?! – заметил он, внезапно вспомнив некоторые сюжеты из знаменитых «ужастиков».

Замечание Гостя почему-то развеселило карлика.

– Чтобы превратить тебя в зомби, достаточно одного лишь моего мысленного приказа! Но не беспокойся: тебе это не грозит, по крайней мере, пока.

– Что ты сделал со мной – там, в пещере? Я как будто куда-то провалился…

– Я услышал тебя. Пока ты спал, мои слуги чуть тебя приодели. Нравится ли моему гостю новый костюм?

Джейк был облачен в роскошный туалет западного владыки. Глядя на него, Тезиас и Брахо не могли избавиться от ощущения, что перед ними восседает сам Конан, король Аквилонский…

– Да вроде ничего, – сказал Джейк. – Но имей в виду: у нас такие не носят!

– И все-таки тебе придется привыкать к здешней одежде… А теперь я готов удовлетворить твое любопытство. Я покажу тебе мой мир. Смотри же!

Черные очи Великой Души полыхнули магическим огнем. На каменной стене зажегся белый экран. По экрану поползли туманные видения, вскоре они обрели четкость, и Джейк Митчелл увидел типичные картины Хайборийского мира, запечатленные в памяти Тезиаса. Он видел пурпурные башни городов, шумные базары и невольничьи рынки, отчаянные битвы, где в изобилии лилась кровь, сверкали мечи и свистели копья, наблюдал жестокие схватки пиратов, треск парусов в бушующем море, слышал стоны невольников под ударами бичей надсмотрщиков… Потом Тезиас показал ему полуразрушенные храмы забытых богов, в тиши которых мрачные полуобнаженные жрецы с омерзительными звериными масками на лицах проливали на алтарях кровь безвинных жертв… Его взору предстали чудовища, настолько жуткие, что даже он, насмотревшийся в своей жизни немало реальных и «киношных» ужасов, оцепенел от страха и отвращения. В темных подземельях он видел скрюченных над дышащими багряными испарениями чашами стариков с искаженными в вечной злобе лицами – то были жестокие черные маги; с ними сражались и их побеждали бесстрашные мускулистые герои с широким мечом в руке – в одном из них Джейк с изумлением узнал себя самого – или это ему только причудилось? Наконец, Тезиас показал ему Землю сверху, с высоты птичьего полета, так, как он сам наблюдал ее, когда освобожденная душа его совершала первое путешествие к Пирамиде Мира…

Экран померк – удивительная экскурсия по Хайборийской эре закончилась. Переведя дух, Тезиас сказал:

– Вот таков мой мир – мир, в котором ты теперь живешь.

– Невероятно, – в изумлении пробормотал Джейк.- Это похоже на сказку… Все эти воины, чудовища, волшебники… Возможно ли такое?! И кто ты, показавший мне все это? Я не вижу здесь телевизора, компьютера или киноаппарата! Как удалось тебе продемонстрировать на голой стене этот фильм? Или меня обманывают мои глаза? Скажи: ты – человек?

– Я и сам не знаю точного ответа на этот вопрос, – чистосердечно признался карлик. – Но когда-то я был человеком. Мое имя Тезиас, я был ученым в одном из городов моего мира.

Затем я открыл – не спрашивай, как – источник Великих Знании, и знания эти дали мне власть над миром. Я был богом и повелителем половины здешних царств, приняв имя Великой Души. Так бы и правил я Землей, но внезапно один из героев сразил меня. Мой друг Брахо и его братья – ты уже видел их – воскресили меня из мертвых…

– Так ты – живой мертвец?! – ужаснулся Джейк, и лицо его побелело, пальцы конвульсивно вцепились в ткань дивана.

– Не беспокойся, друг мой, – устало отмахнулся Тезиас. – В моем мире подобное не такая уж редкость. Не далее как два с половиной года тому назад был воскрешен чародей, пролежавший в гробу три тысячи лет. Точно так же воскрес и мой старый учитель, чье сердце было остановлено по моему слову.

– Видать, старик шибко досадил тебе.

– Да, было дело… Но мы отвлеклись: я желаю узреть твой мир, Джейк. – Митчелл хотел что-то сказать, но Тезиас опередил его, послав руку в предостерегающем жесте. – Нет, друг мой, тебе не придется что-либо рассказывать. Только сосредоточься и смотри на меня!

Магический экран снова зажегся. Взору Великой Души предстала впечатляющая панорама двадцатого столетия, сохраненная в мозгу Гостя. Любой другой, узрев такое, ничего не понял бы, но могучий разум Великой Души, прошедший через испытания Космическим Знанием в пирамиде Стража, способен был без труда воспринимать картины, непостижимые для сознания, обычного человека своего времени. Он узнал гигантские города и автострады, огромные заводы, железные дороги и аэродромы; с аэродромов взлетали серебристые механические птицы. На автодорогах он увидел сгустки движущегося металла, внутри сидели люди, и Тезиас сразу постиг назначение этих машин. Он видел длинные металлические корабли, оснащенные неведомым оружием и рассекающие океанские воды с невиданной скоростью; на них вовсе не было парусов. Он видел ночные города, равномерно освещаемые электрическими лампами, и грандиозные подземные лаборатории, в которых люди в белых халатах возились с колоссальными, величиной с многоэтажный дом, снарядами…

– Я завидую тебе, – с тоской в голосе сказал наконец Тезиас. – Ты живешь в мире, который и богаче, и краше, и могущественнее моего… Это мир великой цивилизации.

– Тогда ты мало что понял, – усмехнулся Джейк. – В моем мире правят бал алчность и жестокость. Каждый сам за себя; ни на кого нельзя полностью положиться. Доблестью и благородством там и не пахнет: каждый стремится обмануть каждого. Человек человеку волк, – говорят у нас. Деньги решают все!

– Я заметил это. И я понял, между прочим, твою истинную сущность, Джейк Митчелл. Я благодарен Судьбе за то, что из всех жителей твоего мира она выбрала именно тебя. Ты как нельзя лучше соответствуешь моим замыслам: внешность, характер, энергия… Я хочу сделать тебе деловое предложение, Джейк Митчелл.

– Что ты имеешь в виду?

– Мир, в который ты попал, друг мой, конечно, не чета твоему, – внимательно глядя на Гостя, начал Тезиас. – Но и он, мой мир, стоит того, чтобы за него побороться. В мои планы входит вернуть себе власть над миром. И, положа руку на сердце, признаюсь тебе: я не вижу силы, способной этому помешать!

– От скромности ты, конечно, не умрешь, – вставил Митчелл.

– Скромность или нескромность, – они здесь ни при чем. Просто тебе представилось счастье лицезреть самого могущественного человека, жившего когда-либо на Земле! И, судя

по всему, второго такого, как я, планета еще не скоро увидит! Но даже мне нужны помощники – те, кто будет управлять странами от моего имени. Пока что Синие Монахи – единственные мои слуги; присоединяйся к ним, Джейк!

Митчелл измерил карлика полным презрения взглядом.

– Еще никогда Джейк Митчелл не ползал перед кем-либо на коленях, – с выражением произнес он. – Я не делал этого в своем мире, не сделаю и ни в каком другом! Так что не трать время попусту: твое «деловое предложение» отвергнуто. Верни меня в мое время. Тезиас сокрушенно покачал головой.

– Гордыня затмила тебе рассудок. Я вижу, и впрямь люди будущего страдают теми же слабостями, что и герои моего мира… Ты не понял меня, Джейк. Не рабом, но владыкой хочу я тебя сделать! Ты ведь наемник, не так ли? Вспомни, скольких ничтожеств усадил ты в кресла правителей в погоне за богатством! А разве не возникало у тебя самого желания заполучить власть – власть огромную, неограниченную?! Править тысячами, миллионами людей, повелевать ими, как игрушками, по своей воле казнить и миловать, – разве не это величайшее наслаждение, даруемое нам Судьбой?! Признайся, ты же думал об этом!

– Ну, думал. Ну и что с того? В моем мире сила не всегда дает власть. Люди придумали демократию: выборы, партии, парламент и прочая дребедень… Время, когда народами повелевали авантюристы-одиночки, кануло в Лету!

– Вот именно! Вот именно! – воскликнул Тезиас. – То, что невозможно было представить в твоем мире, Судьба ныне дарует тебе на золотом подносе! Возьми его, Джейк! В моем мире сила всегда и повсюду одерживает верх, неважно, какая – сила меча, сила магии или сила знаний. В моем времени Судьба благосклонна к бесстрашным искателям приключений!… Заметил ли ты в моих видениях человека, и лицом, и телом как две капли воды схожего с тобой?

– Еще бы! Этот парень командовал армиями, сражался с чудовищами и волшебниками, но всегда побеждал их!

– Вот видишь! А ведь он похож на тебя не только внешне. Он родился в горах далеко на севере этого континента. Судьба сделала его искателем приключений. Он был вором и наемником, пиратом и придворным, солдатом и маршалом. Он один отправил на тот свет многие тысячи человек, и какие это были люди! Его меч плясал по спинам невообразимых чудищ; сам он неумолимо ускользал из их когтистых лап. Ад боится его. Ныне он властелин богатейшей державы мира – Аквилонии, его воле одинаково беспрекословно повинуются аристократы и простолюдины. Это авантюрист-одиночка, пробившийся к вершинам славы!

– Человек, сделавший себя сам! Это мне знакомо, – заметил Митчелл.

– Да! Конан – великий и непобедимый герой! Он – самый грозный мой противник,

– Вот бы не подумал! А мне казалось, все подобные человечишки давно уже лижут пыль у твоих ног!

– Увы, мой друг, я напрасно пытался присмирить Конана! Он варваром родился, варваром и умрет. А пыль за него лизать будешь ты, – холодно отрезал карлик. – Да, Джейк, ты не ослышался: я намерен подменить Конана тобою. Ты станешь владыкой Аквилонии – державы, до которой далеко твоей Америке.

– А Конан? Что будет с ним?

– Судьбой Конана я сумею распорядиться. Как видно, мне не суждено погубить или сломить его, но уж вытрясти душу из великого героя я постараюсь!

– А я, значит, буду твоим сатрапом?

– Среди многих других. Заметь: я предлагаю тебе лучшую долю! А если вдруг тебе наскучит бремя власти, ты получишь богатство – столько золота, сколько можешь себе представить!

– Я могу много себе представить. Вряд ли в твоих закромах найдется столько звонких монет.

– Не скажи, – загадочно засмеялся Тезиас. – Вот, видишь этот столик? Как, по-твоему, он из какого материала?

– Дерево, что же еще!

– Верно. А теперь?

На глазах изумленного Джейка огромный письменный стол, за которым восседал карлик, заблестел, словно золотой слиток в сокровищнице Нью-Йоркского банка. Джейк сорвался с дивана, подскочил к столу, щупал его, стучал костяшками пальцев, жадным взором вглядывался в желтизну благородного металла…

– Господи, золото!… Невероятно, мать твою! Как ты сделал это?

– Сядь, – властно приказал Тезиас, и в ту же секунду золото вновь обратилось обычным деревом.

– Ты загипнотизировал меня, – садясь, неуверенно молвил Джейк. – Никакого золота не было.

– Думай что хочешь. Но если мне под силу ТАК загипнотизировать волевого и неустрашимого Джейка Митчелла, неужели, по-твоему, я не могу соорудить золото из куска древесины?!

– Такое я видал только в сказках про средневековых алхимиков…

– В мире Великой Души сказка оживает… Так что, согласен на мое предложение?

– А если я захочу вернуться со своим золотом домой, в мое время? Ты будешь удерживать меня? На лице карлика появилась грустная улыбка.

– Увы, мой Друг! Боюсь, тебя удержат иные, более могущественные, чем я, силы.

– Что ты хочешь этим сказать, говно собачье?! – в гневе воскликнул Джейк. – Неужто я больше никогда не увижу дома? Черт возьми, мне не улыбается умереть на золотом троне в каком-то сраном прошлом! Сумел втащить меня сюда, сумей и вернуть обратно! Слышишь, ты, коротышка?!

– Не кипятись, – невозмутимо молвил Тезиас. – Я и сам зажегся желанием простереть свою длань над твоим миром. Но пока мне это не под силу.

– Да какой же из тебя волшебник, если даже в будущее ты не можешь заглянуть? – издевательски-пренебрежительно прогнусавил Джейк. – Нострадамус был простым монахом, а на три тысячи лет вперед напророчил! А этот – этот коротышка вздумал править миром, а машиной времени не обзавелся! Срамота, одно слово!

– Не заводи меня, – негромко, но отчетливо проговорил карлик. – А то познаешь гнев Бога. Я хоть и временно отошел от дел, а все ж таки в жалкого клопа кого угодно превратить сумею.

Словно не слыша этого предостережения, американец продолжал;

– Да кто ты такой?! Дай мне сюда хороший револьвер, и я пришью тебя за одну секунду, Бог ты там или не Бог! Шел бы ты к черту со всеми этими путешествиями во времени! Бред какой-то! Я, помню, так и говорил этому чудаку Фонтанелли, а он знай себе твердит про разные временные кольца!

– Что? Что ты сказал? – вскочил со своего кресла Тезиас.

– Сказал что слышал. Брехня все это про путешествия во времени!

– Нет, не то! Кто твердил о них тебе?

– Да это док, мой напарник… Знаменитый ученый, между прочим! Физик. Изобретатель. Тоже что-то там с машиной времени возился…

– Это Перст Судьбы! – в волнении вскричал карлик. – Ты слышал, Брахо? Невозможно поверить, чтобы Судьба так улыбнулась мне! Вот оно, недостающее звено! Я и ученый, исследующий время тысячелетия спустя: вместе мы покорим его! Ты все понял, Джейк? Твой док поможет нам! Я призову его в мой мир, как призвал тебя!

– Не уверен, что это будет возможно, хозяин, – сказал хранивший до сих пор молчание Брахо. – Вспомни: Джейк попал к нам чисто случайно.

– Да, пожалуй… И все же неплохо было бы заполучить этого самого дока со всеми его исследованиями. А пока что, друг Джейк, придется тебе пожить у нас!

– Ладно, – пробурчал Митчелл. – Считай, что ты нанял меня.

– Вот и славно. Брахо введет тебя в курс дела; тебе еще многому предстоит научиться. А специальным призом для тебя станет путевка домой. Будешь паинькой -^ получишь конфетку! Не злись, не злись, я что-нибудь придумаю! Брахо, проводи нашего гостя в его новые апартаменты.

Оставшись один, Тезиас мечтательно потянулся. Огромные агатовые глаза светились, точно волшебные фонари в ночном блеске луны.

– Итак, игра продолжается и становится все более интересной. В нее вступило само Время. И мне придется снова двигать пешки… Как знать, что это – мой новый шанс или очередная ловушка коварной Судьбы?!

Путешествие с Тхутмертари оказалось вовсе не таким ужасным, как представлял себе сперва Конан. Золотоволосая стигийка как будто делала все, чтобы заслужить доверие своих нечаянных попутчиков. Она болтала без умолку, напрочь подрывая привычные представления о мрачных, замкнутых в себе волшебниках, беседовала с воинами, стараясь укрепить их дух. Она заразительно смеялась, рассказывала занятные истории из жизни знатных стигийцев, и никто не мог сдержать улыбку, слушая колкие анекдоты о трусливых, боящихся собственной тени аристократах и тупых, начисто лишенных чувства юмора жрецах.

– …И вот вхожу я как-то в храм Сета, что в Луксуре, а навстречу мне – верховный жрец Тот-Амон собственной персоной спешит. Сгорбленный такой, бледный, голову куском шелка прикрывает. Я ему: «Благородный Тот-Амон, как осмелился ты ходить в святом храме с покрытой головой?? А Величайший боязливо оглядывается по сторонам и шепотом отвечает: «Сет простит мне этот ничтожный грех, прекрасная Тхутмертари. Над моим троном повесили новую лампу, и у меня есть подозрение, что рабочие ее плохо прикрепили». – «А что, лампа уже падала тебе на голову?» – спрашиваю я. «Нет, но звезды говорят: в ночь полнолуния это непременно случится».

Бравые солдаты так и прыснули: принцессе удавалось великолепно имитировать сладкоречиво-повелительные интонации знаменитого колдуна, всегда бывшего для жителей Севера только лишь страшной легендой. А оказалось, живой человек, глупый и ограниченный к тому же!…

Смеясь вместе со всеми, Конан размышлял, стоило ли, по большому счету, так уж негодовать по поводу присутствия Тхутмертари в его войске. Ведь ему и раньше приходилось путешествовать с волшебниками – взять хотя бы Витариуса или колдунью Илльяну. Тот же Пелиас, бывший чернокнижник, сумел-таки оказаться полезным во время их недавнего

путешествия к руинам Птейона Проклятого. Кто знает, вдруг и Тхутмертари, эта окутанная незримой аурой Зла красавица, сподобится пособить ему в борьбе против гнусного карлика?

А тот уже который день ничем не заявлял о себе. Поход продолжался без приключений. Еще на аквилонской границе Конан расстался с Паллантидом; генерал отправился в Тарантию, чтобы объявить народу о новом походе короля. Были у Паллантида и секретные поручения, о них Конан не поставил в известность ни Тараска, ни Тхутмертари.

Тем временем немногочисленное, но надежное войско Конана быстрым маршем прошло через Немедию. Узнав о цели похода, к нему добровольно присоединялись разрозненные отряды баронов, бесстрашные, готовые на все ради денег и приключений наемники, даже простые крестьяне, чуть заслышав о благородной миссии войска, не раздумывая, становились в строй. Немедийский король Тараск оказался, между прочим, превосходным оратором. На несчетных сходках он, обнажив седую голову, рассказывал слушателям о тяжких днях былого владычества Великой Души. «Мы идем, чтобы раз и навсегда разделаться с гнусным карликом, чтобы никто более не осмеливался посягать на ваши тела и души, единственно принадлежащие высокому пресветлому Митре!» – неизменно заканчивал он свои героические речи под одобрительные крики собравшихся. Конан, не умевший говорить красиво, взял на себя функцию организатора добровольческой армии. И вот, когда войско подходило уже к границам Коринфии, в его рядах скакали на конях и шагали более сорока тысяч человек…

Приближался вечер – вечер следующего после Черной Грозы дня. Стремительный марш через всю Немедию утомил войско. Конан скомандовал остановку, и армия принялась готовиться к ночлегу. Но солнце еще не успело скрыться за горизонтом, когда Тхутмертари тронула киммерийца за руку.

– Конан, – озабоченно молвила красавица. – Чувства, доступные волшебникам, говорят мне об опасности. Нечто приближается с востока, и оно не имеет названия!

Всевозможные загадки уже порядком надоели варвару. Он тихо выругался.

– Ну и что ты предлагаешь? Зарыться в землю?

– Нет, у меня есть идея получше. Надень-ка вот

это!

И она дала Конану прозрачную девичью накидку. Тот сурово воззрился на прекрасную волшебницу.

– Ради Крома, какой мне прок от этого платка? Или девичье обличье спасет меня от козней карлика?

– Это волшебная накидка. Она сделает тебя незримым. Я надену такую же.

– Незримым – это как? Невидимкой, что ли?

– Ты будешь не только невидим, но и неосязаем. Мы, чародеи, часто используем такую накидку, чтобы защитить себя от взоров более могущественных магов и даже самих богов. Ну же, надевай скорее – я чувствую, они приближаются!

Только Конан и Тхутмертари облачились в чудесные костюмы, над лагерем послышалось хлопанье крыльев. Одного взгляда на горизонт было достаточно, чтобы заметить трех огромных синих птиц, – или летучих мышей? – ожесточенно машущих гигантскими перепончатыми крыльями. Птицы приближались, и первые крики ужаса уже сотрясали успокоившийся было лагерь.

– Демоны! В небе демоны! – завопил кто-то, и его

вопль подхватили многие.

– Стреляйте в этих тварей! – скомандовал Конан лучникам, но те не видели и не слышали короля, скрытого волшебной накидкой.

– Что стоите, стреляйте же в них! – мгновенно оценив ситуацию, воскликнул Просперо.

Десятки стрел и копий полетели в вечернее небо. В ответ раздался короткий издевательский смешок, еще более смутивший рассудок отважных стрелков. А птицы уже парили над самым лагерем, спускаясь все ниже и ниже. Стрелы и копья, точно заговоренные, пролетали мимо, не причиняя тварям ни малейшего вреда.

– Да у этих птиц человеческие лица! – вскричала Тхутмертари.

Конан невольно поежился, вспомнив, как такая же тварь, вперив в тело варвара ястребиные когти, вытаскивала его из кипящего океана Преисподних Миров…

– Мне знакомы эти бестии, – пробормотал киммериец. – Это люди Тезиаса.

– Что-то не больно похожи они на людей, – заметила волшебница. – Так или иначе, они кого-то высматривают!

Это было верно: люди-птицы не проявляли каких-либо признаков агрессивности. Они кружили над лагерем, их пронизывающие взгляды ощупывали каждую палатку. Но для суеверных хайборийцев и этого было достаточно. Наблюдая, как ловко увертываются твари от ударов земного оружия, многие бросились врассыпную.

– Проклятие! – проревел Конан. – Еще немного, и эти твари распугают всю мою армию! А я сижу тут под периной, точно застуканный любовник!

– Сиди и не смей даже думать открыться! Ведь они тебя разыскивают! – сурово объявила Тхутмертари.

Похоже, и здесь волшебница была права. Неуязвимые люди-птицы не стали нападать на лагерь. Покружив над ним не более трех минут, они резко взмыли в небо и, вращая огромными крыльями, унеслись обратно на восток.

– Пресветлый Митра, сегодня я не надеялся дожить до наступления ночи, – заявил Тараск, придя в себя. – Что это было?

Конан сбросил чудесную накидку. Перепуганный король Немедии в ужасе отшатнулся, узрев вдруг рядом с собой внезапно возникшего киммерийского великана.

– Держись, Тараск, это только цветочки, – волосатая лапа Конана опустилась на плечо немедийца. – Что-то еще ждет нас во владениях карлика!…

«Ободренный» таким заявлением, Тараск принялся возносить молитвы Митре, Богу Света и Солнечной Справедливости…

…А далеко-далеко на западе, презирая сгущающуюся мглу, мчал вздыбленного жеребца богато одетый всадник с безумными, запавшими глазами; вряд ли кто-либо из аквилонцев, встретив его на пути, узнал бы в этом человеке знаменитого купца, а затем барона Фланского Эритея…

Глава XIII

«Нападение гипнотических карликов»

Тезиас не собирался отдыхать этой ночью. Точно так же, как и накануне, был жарко натоплен огромный зал-амфитеатр, и точно так же толпились вокруг своего властелина бесстрастные Синие Монахи. Привели и Джейка Митчелла: он, как Первый Гость, призван был встречать Гостя Второго – профессора Луиджи Фонтанелли. И вот Тезиас начал читать свое заклинание.

Неведомые слова тяжело ложились в зловещую тишину чертога, но беспокойство все более овладевало Великой Душой. Что-то явно было не так. И не отсутствие впечатляющих световых эффектов более пугало его; он знал: Дорога в Будущее уже проторена и, весьма вероятно, суровая черная гроза больше не повторится. Нет, его беспокоило иное. Произнося чарующие звуки из Великой Книги Судебной будто ощущал незримую стену, о которую суждено им разбиться…

Заклинание было закончено. Над амфитеатром нависла напряженная тишина. Ничего не происходило. Тезиас ждал, и бледное лицо его покрывалось красными пятнами. Это уже была настоящая неудача. Для Тезиаса не имело решающей роли то, что без. Второго Гостя, собственно, он мог прекрасно обойтись. Великая Душа не привык к поражениям, особенно на научной стезе, и это убивало его более всего. Затишье затянулось. Наконец Джейк, не отличавшийся долготерпением, сказал:

– Не ладится что-то у тебя, волшебник! Видать, док не хочет следовать по моим стопам…

– Заткнись, – сурово приказал Брахо. – Не видишь: хозяин думает.

Митчелл уже собирался отпустить колкую шуточку по адресу «думающего хозяина», но осекся: на него в упор смотрели горящие, непропорционально громадные агатовые глаза.

– Кажется, я знаю, в чем причина, – сказал Тезиас. – Удачным эксперимент был тогда, когда я пытался отправить в будущее Конана. Придется снова действовать «от обратного»: я должен попытаться отослать в твой мир, Джейк, человека, как две капли воды схожего с твоим доком!

– Ну, это ты вряд ли отыщешь такого, – разочарованно протянул Митчелл. – Второго такого типа, как док, во всем свете не сыскать!

– А все-таки покажи его мне.

– Как? – изумился гигант. – Я не захватил с собой его фотокарточку! Забыл: я пожаловал к тебе нагишом!

– Это неважно, – нетерпеливо заметил карлик. – Смотри на меня, представляя в своем воображении его портрет. А я уж сумею разглядеть, что это за птица.

Зажегся магический белый экран – на этот раз не на стене, а прямо в воздухе. Изображение получилось объемным, но туманным: очертания фигуры были размыты.

– Ну же, Джейк, сосредоточься! Пыхтя от напряжения, гость буркнул:

– Я не могу сосредоточиться, глядя на тебя!

Этого уже Великая Душа стерпеть не смог. Срывается грандиозный эксперимент, а этот

боров, видите ли, не может глядеть на могучего Бога!

– Взять его! – приказал карлик. – Раз ты не можешь сосредоточиться, закрой глаза и уйди в себя. Придется мне самому побродить по лабиринтам твоей памяти!

– Нет!!! – завопил Джейк, тщетно пытаясь отбиться от схвативших его Синих Монахов. – Я не позволю ковыряться в моем мозгу! Ты превратишь меня в зомби; я видел, как это делается!

– Все может быть, – философски заметил Тезиас. – Не беда, если твой скудный разум ляжет на алтарь науки. Не тяни, закрой глаза. Я всегда добиваюсь, чего хочу.

Страх, овладевший душой Джейка, неожиданно придал ясность образу на экране. Путешествия по глубинам сознания не потребовалось. Все увидели высокого благообразного старика; приятное, отмеченное чертами аристократизма лицо его окаймляла длинная белая борода… И тогда пещеру потряс изумленно-восторженный крик карлика:

– Пелиас!!!

Видение тотчас померкло. Обессиленный, Джейк без чувств свалился на руки монахам.

– Это и в самом деле был Пелиас, – сказал Брахо. – Возможно ли такое?

– Не только возможно, но, кто знает, может быть, даже закономерно, – ответил Тезиас; глаза его блестели. – Подумай: Конан и Пелиас – здесь. Джейк Митчелл и Луиджи Фонтанелли – там. В обоих случаях один – богатырь средних лет, рубака и авантюрист, другой – умудренный годами ученый. Сие не может быть случайным совпадением! Нет, история повторяется! Потрясающе!

– Теперь ты можешь вызвать в наш мир профессора, используя своего старого учителя в качестве наживки, – заметил Брахо.

– Я так и сделаю, причем немедленно!

– Остерегись, хозяин, – покачал головой магистр. – Мне кажется, столь могучие заклинания должны быть растянуты во времени. Ты ведь сегодня уже пытался потревожить пласты Истории. Молю тебя, потерпи хотя бы до утра! Пелиас никуда не денется – он дремлет в своей башне, усыпленный братьями.

– О, черт! – маленький кулачок Великой Души погрозил в пустоту. – Проклятые физические законы! Но ничего, когда-нибудь я обязательно изменю их! Ты прав, магистр. Не стоит искушать Судьбу: она и так ко мне слишком благосклонна. Подожду до утра…

– Хозяин, прибыли разведчики, – доложил один из монахов.

Тезиас сделал знак, и в зал вступили трое – те самые, чей птичий облик так испугал храбрых хайборийских воинов.

– Итак, что вы узнали? – вопросил карлик.

– Войско противника расположилось лагерем недалеко от немедийско-коринфской границы. Верховодят король Тараск и генерал Просперо. С наступлением утра они намерены возобновить движение на северо-восток.

– А Конан? Разве его нет с ними?! Монахи понурили очи, как будто чувствовали за собой некую вину.

– Конан не был нами обнаружен, хозяин. Его нет в лагере.

– Я этому не верю! – выбросив вперед руку, воскликнул Тезиас. – Он должен быть где-то рядом! Я чувствую, как он приближается!

– И мне знакомо это чувство, – сказал Брахо. – Он, несомненно, хочет остаться незамеченным. Я ощущаю присутствие магии…

– Жалкий, пустоголовый варвар! Кто может укрыться от взора Великой Души?! Ладно,

если только он среди этого войска, я покажу ему, как жестоко он заблуждается! О, он запомнит завтрашний день на всю оставшуюся жизнь! Все, Брахо, мне надоело прятаться за спинами Синих Монахов! Завтра я лично пощекочу нервишки у всей честной компании! И, от души рассмеявшись, Тезиас отправился в свои апартаменты.

Армия Конана уже два часа шла по пределам Коринфии. Пограничные посты не стали связываться с этакой армадой, ведомой к тому же знаменитым королем Конаном, и, недолго думая, пропустили ее. Впереди расстилались цветущие равнинные луга. Где-то там, вдали, едва заметны были припорошенные дымкой вершины.

Конан не раз ходил этими дорогами. Коринфия была точно насыщена магией; колдуны всех мастей так и липли к этой благодатной земле. Но здесь не было того порядка и той правильной централизации, что царила в мрачной Стигии. Коринфские чародеи, гордящиеся своим происхождением от таинственных волшебников ахеронской расы, всегда были себе на уме. Некоторые, правда, поклонялись, как и положено черному магу, змееголовому Богу Сету, Князю Тьмы, другие возносили Черную Ипостась обезьяноподобного Ханумана, третьи молились безвестным идолам, четвертые же, составлявшие большинство, почитали богами себя и чаяли ни много ни мало овладеть всем миром. Здесь, в мрачных скальных замках, рождались зловещие человеконенавистнические замыслы, отсюда предназначено было шагать темным воинствам погрязших в грехе чернокнижников…

Да, он, Конан, славно поработал мечом в здешних пределах! Многие маги пали от его руки. А ведь те были вовсе не последними представителями своего черного ремесла. Совартус, Нэг Ужасный и прочие были колдунами высшего разряда, но он все-таки сумел сокрушить их.

Конан сознавал, что нынешний его противник гораздо опаснее «обычных» волшебников. Киммериец размышлял об этом всю ночь, ибо ожидание внезапного нападения Великой Души не позволило ему сомкнуть глаз. Но, кроме зловещих людей-птиц вечером, больше никто не осмеливался потревожить покой Конанова войска,

Конан думал о своем враге, и всегдашняя уверенность в победе нередко уступала место безысходному отчаянию. А отчаяние это было вызвано непониманием. Вся жизнь киммерийца прошла в беспрестанных схватках с порождениями Зла, он, кажется, встречался со всеми тварями, ползающими во Мраке Вечной Ночи, взор его опускался в самые источники черного могущества их хозяев. Волшебники и чудовища не страшили Конана так, как те холодные бездны, откуда черпал свою силу проклятый карлик. Ибо маги и чудища были потомками таких же, как они, магов и чудищ прошлого. Да, за каждым из них стояли тысячелетия великого зла, когда невинная кровь лилась в изобилии, а на алтарях пели гимны жестоким богам… Но это зло, как справедливо заметил как-то мудрый Пелиас, было злом земным, своим, что ли. Оно, это зло, было плоть от плоти земного мира, и Конан знал; Добро земное неизменно побеждает земное же Зло. Силы же, стоящие за Тезиасом, были всецело чужды земному миру. Конан чувствовал это, чувствовал, как студеные щупальца неживого, нечеловеческого разума тянутся к его миру через все деяния Великой Души, и их ледяное прикосновение было одинаково враждебно как для Добра, так и для Зла Земли. Вот почему он, Воин Света, и принцесса Тхутмертари, служительница Вечной Ночи, оказались в одной упряжке: не роковое стечение обстоятельств, а закономерная вражда Родного и Чуждого свела их в борьбе против карлика. А Тезиас – Тезиас не черпал силу из бездн Мрака, подобно Тхутмертари и другим чернокнижникам. Нет, она, его сила, лилась из иных пределов, из покинутых Жизнью межзвездных глубин, с затерянных во Вселенной древних

планет, обитатели которых никогда не были людьми… Сила эта таилась не тысячи, а, возможно, многие миллионы лет, и теперь, управляемая холодным гением Великой Души, изливалась на его родную планету. ^ Почему Тезиас поселился именно здесь? Конан не знал ответа на этот и многие другие вопросы. Ни ему, ни даже Тхутмертари не дано было объяснить загадку воскрешения Великой Души: было в этом что-то пугающе-чуждое, как и во всем, что связано с именем карлика. Какая-то неземная магия, вернувшая к жизни это существо – но зачем?! Откуда взялись эти жуткие синие колдуны, слуги карлика, каждый из которых был, по всему видать, сильнее любого из хайборийских чародеев? Недаром главарь их, Брахо, осмелился сойтись в поединке с самим Кромом Киммерийским…

И, как это всегда бывало с ним в такие минуты, в душе Конана закипала злость. Вся его сущность протестовала против участи, уготовленной миру Тезиасом. Невозможно представить, чтобы вместо кипучей, да, полной жестокостей и несправедливостей, но такой родной жизни воцарилась гнетущая космическая тишина, чтобы не короли, пусть порою бездарные и бессердечные, но такие живые, плоть от плоти этого мира, а бесстрастные Слуги Судьбы, облаченные в синие плащи с капюшонами, вершили дела государств! Он, Конан, не допустит этого! Он победил карлика однажды, победит его и снова, тем более что на сей раз успех предсказал ему не кто-нибудь, а сам Сидящий-в-Пирамиде, – похоже, единственный, перед кем трепещет Великая Душа…

Впереди показался лес. Дорога, сужаясь, впадала в него. Когда войско приблизилось к первым деревьям, Конан приказал остановиться.

– Очень странно, – пробормотал киммериец. – Никакого леса здесь никогда не было! Я прекрасно помню эти места, был здесь несколько лет назад. Леса не было, клянусь Кромом!

– Возможно ли, чтобы деревья выросли за такое короткое время? – задался вопросом Просперо.

– Исключено. Этому лесу не менее двух столетий. Бьюсь об заклад, кто-то вволю поколдовал над этим местом!

Тхутмертари отрицательно покачала головой.

– Если бы здесь была замешана магия, я бы сразу это поняла. Конан, лес настоящий!

И снова киммериец невольно содрогнулся. Опять какая-то дьявольщина, не имеющая разумного объяснения! Что за игру затеял с ним карлик на этот раз?

– Настоящий лес или нет, а пройти через него нам придется, – буркнул варвар. – Командуй вперед, Просперо!

Первым вступил под своды могучих деревьев сам Конан. Пытливый взгляд его настороженно обыскивал каждую ветку, каждый куст, за которым мог таиться враг. Но лес был как лес, ничего подозрительного и зловещего в нем не наблюдалось. Никаких ядовитых испарений, из всех звуков слышны были только жужжание насекомых и щебетание птиц. В широких просеках было пусто, лишь раз Конан заметил промелькнувшие где-то заячьи уши. Неужели тревоги напрасны?!

– Вот заяц пробежал, – нарушая тяжкую тишину, пробормотал киммериец.

Прекрасное лицо Тхутмертари в один миг осунулось и посерело.

– Конан, в Коринфии не водятся зайцы, – тихо, но внятно молвила она. – Чародей Арентиус сто лет назад превратил их всех в ящериц!

Конан не успел ответить. Откуда-то сверху раздался такой знакомый и ужасающий, высокий, пронзительный голос:

– Какал эрудированная девушка! А ты, киммериец, не ко мне ли в гости спешишь?

Холодея, Конан вскинул голову. На ветке раскидистого дуба, беззаботно болтая коротенькими ножками, собственной персоной сидел карлик Тезиас!

В следующую секунду лес ожил. На всех деревьях, на каждой ветке вдруг появились маленькие большеголовые человечки с огромными, блистающими, точно агат, глазами. Их были тысячи, они свистели, вопили, смеялись и плясали, от издаваемого ими совокупного гама закладывало уши. Еще спустя мгновение вся эта свора карликов, ничем не отличимых от самого Тезиаса, спрыгнула с деревьев прямо на оцепеневших от ужаса и неожиданности людей.

Находчивый, отличающийся молниеносной реакцией варвар не успел ничего предпринять, настолько внезапным и необычным было это нападение. Его атаковали с десяток карликов. Один устроился на голове, вцепившись в волосы, другой висел сбоку, щекоча у Конана подмышками, третий плясал у лица, строя гримасы. Четвертый карлик ухватился рукой за ухо и гнусавым голосом шептал непристойности. Пятый колдовал у седла, видно, пытаясь расстегнуть сбрую. Шестой карлик, стоя на земле, дергал коня за хвост, отчего тот ржал и брыкался, норовя сбросить всадника. Остальные карлики, прицепившиеся к Конану и его лошади, вели себя не лучше. Самое удивительное, никто из них не пытался убить его; точно свора взбесившихся щенков набросилась на здоровенного льва…

Вынужденный защищаться от облепивших его Тезиасов, Конан не был в состоянии контролировать ситуацию в своем войске. Положение же войска было отчаянным; каждого человека атаковали по пять-семь карликов. Одна лишь Тхутмертари каким-то чудом успела облачиться в волшебную накидку и тем самым избежать нападения. Она видела, как четверо карликов, свалившие Тараска с лошади, теперь весело отплясывали на его животе. Генералу Просперо удалось выхватить меч, он рубил им направо и налево, но карлики всякий раз увертывались, дико вереща и показывая Просперо пальцами, какой он дурак…

Некоторые воины, казалось, уже сошли с ума. Стремясь защититься, они лупили мечами куда попало; нередко удары, предназначавшиеся увертливым карликам, достигали их собственных тел. Вот один уже отрубил себе руку, другой – ногу, третий разрубил голову коня, на котором сидел…

Тхутмертари видела все это, но заклинание, которое могло бы остановить сей жуткий балаган, не было известно знаменитой волшебнице. Она видела, как один из Тезиасов, облепивших Конана, уменьшившись до невероятных размеров, полез в ухо к Конану, другой, такой же маленький, схватился ручками за ресницы киммерийца и раскачивался на них, как на качелях, норовя достать до глаза крохотными ножками. А тот, что сидел на голове, вдруг дико захохотав, спустил широкие штаны и стал испражняться прямо на густую шевелюру аквилонского короля…

В лесу стоял невообразимый гомон. К крикам ужаса и безумия, издаваемым людьми, примешивались глумливо-ехидные возгласы веселящихся карликов. То тут, то там слышалось:

– А у тебя усадьба сгорела!

– Пока ты здесь прохлаждаешься, жена твоя с соседом спит!

– А твой папа умер! Умер! Умер! Ха-ха-ха!

– Беги скорей домой: твое золото разворовывают! Торопись, не то все растащат!

– А дочку твою беременную вчерась твой же сын изнасиловал! Вот потеха-то была – вся деревня на животах лежала!

И прочее, в том же духе.

…Конан защищался, как мог. Но, казалось, совладать с сонмищем бесноватых карликов было выше человеческих сил. Увы, то были не фантомы, не призраки, а вполне реальные, наделенные плотью существа, которые, видно, прибыли сюда отпраздновать кончину его рассудка… Вдобавок ко всему ему вдруг почудилось, что к облепившим его снаружи тезиасам прибавился еще один – тот, кто пролез через ухо, сейчас дубасил по его животу изнутри…

– Ну все, отцепитесь, поганые! – в ярости вскричал Конан, чем еще больше развеселил карликов. Улюлюкая, один из них спрыгнул на морду лошади и, выставив коротенькие пальцы, проколол верному коню оба глаза. Жеребец повалился наземь, Конан же успел спрыгнуть и устоял на ногах. Но недолго: карлики-садисты, ни одного из которых не придавило при падении лошади, снова набросились на него. Один стащил набедренную повязку, другой, подпрыгнув, ухватился за могучие чресла варвара и, непристойно кривляясь и охая, стал имитировать движения, совершаемые при половом акте…

Казалось, этому сумасшествию не будет конца. Внезапно пришло понимание. В миг, когда человеческий рассудок уже буквально разваливался, Конан вспомнил, КАК Тезиас в свое время изгнал его из Тарантии. Конечно же, это был гипноз, жуткий, чудовищный, но, в конечном счете, всего лишь гипноз!

– Вас никого нету, вы, проклятые карлики! – хрипло заорал он, и голос его прорвался сквозь сумасшедший визг леса. – Вы только кажетесь! Нету вас, я в вас не верю!

Сонмища беснующихся тезиасов как будто этого и ждали. Разом смолкнув, они отцепились от своих жертв, В тот же миг каждый карлик превратился в облачко голубоватого пара. Эти облачка не стояли на месте, они бежали к какому-то единому центру. Вскоре перед Конаном предстал уже не карлик, но гигант – высоченный исполин с обликом Тезиаса; в глазных орбитах вращались черные яблоки, каждое величиною с нагрудный щит воина. Из небесных вершин, откуда пялились зрачки чудища, раздался громоподобный смех.

– Туго же ты соображаешь, варвар! – изрек Тезиас-великан. – Вот так всегда с вами, с людьми: пока всю душу не вытрясешь, никто не удосужится пошевелить мозгами!

– Тебя тоже нет, верзила! – заорал Конан. – Я не верю в тебя! Исчезни!

– И то верно, – согласился исполин. – Меня здесь нет, да никогда и не было. Я сейчас дома сижу, гостей жду! Дорогу найдешь, варвар, или тебе показать?

– Сгинь, нечистый! Не сомневайся, я не покажу тебе спину!

– Ка-а-кой храбрый! – глумливо рассмеялось чудище. – А я ведь не сомневался в тебе! Ну бывай, Конан, до скорой встречи!

И, все еще смеясь, монстр-исполин растворился в воздухе. В то же мгновение старый лес исчез, как будто его никогда и не было. Вокруг расстилались цветущие коринфские луга.

Встряхнув головой, Конан отогнал наваждение. Но оно не уходило, и киммериец внезапно понял, что и лес, и карлики, и монстр-исполин – все это было внушено ему и его людям Великой Душой!

Оглядевшись, он с содроганием уяснил и другое: само нападение гипнотических карликов вовсе не причудилось ему. Оно было всамделишным. Его армия лежала на земле, вокруг гоняли обезумевшие лошади; те немногие всадники, что удержались на конях, сейчас уносились прочь, не разбирая дороги. Конан видел, как по цветущим лугам во все стороны растекались серые змейки – то бежали воины его разгромленной армии…

Сзади к нему подскочила Тхутмертари.

– О, Конан, ты жив! Прости, я ничем не помогла тебе!… О, Великий Сет, да ты весь в ранах!

Конан только теперь заметил, что тело его походило на исколотую стрелами мишень. Отовсюду сочилась кровь, под глазами, на плечах, ногах краснели колотые и рваные раны, но удивительным образом не был задет ни один жизненно важный орган.

Киммериец пошел вдоль дороги, взирая на остатки растерзанной армии. Мертвых почти не было – жизнь покинула лишь тех, кто, тщетно пытаясь защититься от карликов, поразил сам себя. Зато безумных были многие сотни, если не тысячи. Они ползали по земле, стонали и пищали, кусали сырую почву, конвульсивно дергали конечностями, словно над ними все еще глумился враг. Конана передернуло от стыда и отвращения. Он видел много жесточайших битв, но и в самом жутком кошмаре ему бы не примерещилось, чтобы храбрые мужчины-воины являли собой столь жалкое зрелище.

Какой-то безумец – Конан успел заметить на его изодранной кольчуге кокарду аквилонского гвардейца, Черного Дракона, – вдруг кинулся на короля сзади с мечом наперевес. Хорошо, что рядом шла Тхутмертари – бывший гвардеец, издав булькающий стон, повалился наземь с раздробленной шеей. Посреди зеленых лугов все еще царствовало безумие…

Конан заметил Просперо. Генерал лежал без сознания, задрав к небу голый подбородок. Знаменитой клиновидной бородки, которой Просперо так гордился, больше не было. Как будто кто-то подпалил ее; нижняя часть лица и шея генерала были обожжены. Рядом лежал Тараск; с его седой шевелюрой тоже творилось нечто ужасное: густые клочья белых волос валялись возле тела, голова же напоминала маску сумасшедшего клоуна. Тараск был в сознании, его глаза бессмысленно глядели в небо, и в них застыли тоска и мольба: как боги допустили такое…

Налитые кровью очи Конана обратились к Тхутмертари.

– За всю мою жизнь меня никогда еще так не унижали, – тихо молвил киммериец, но голос его был страшнее самого ужасного крика.

– Я предполагала, что Тезиас – опасный противник, но происшедшее сегодня перевернуло все мои представления о возможностях магии, – сказала принцесса. – Никакой чародей не способен сотворить такое, и никакой Бог не мог проявить подобную безумную изобретательность… Тезиасу мало победить нас – он хочет изнасиловать наши души! Я видела, как гибнут армии от взмаха руки волшебника, но такое… Этим карликам не жизнь твоих воинов нужна была – карлики, напавшие на твое войско, явились, чтобы отнять сам разум человеческий!

– Никаких карликов не было, – устало заметил Конан. – Это все дьявольская игра воображения. Гипноз, мощный гипноз – вот главное оружие Великой Души. Он внушил, а мы поверили!

– То есть ты хочешь сказать, будто не карлики, а люди сами себя изранили? Но это невозможно!

– Ты плохо знаешь Тезиаса… Помню, он овладел Тарантией за несколько минут. И знаешь, как? Он сумел внушить всем, будто я – маньяк-кровопийца, пожирающий человеческих детей, будто я низверг истинных богов и поклоняюсь жестокому колдуну Пелиасу! Каково, а? Мои верные соратники тогда едва не насадили меня на копья…

– Так что же нам делать?! – всплеснула руками стигийка. – Тезиас одержал верх!

– Пока еще нет, – хмуро отозвался киммериец. – И он знает это. Проигранная битва – еще не проигранная война. И даже проиграв войну, еще можно сражаться – не за жизнь, так за честь и справедливость! Когда я победил Тезиаса в первый раз, у меня был волшебный

камень, Ромб Яхкунга; на моей стороне также была внезапность – карлик не подозревал, что я охочусь за ним. Сейчас ничего этого нет. Но я и не подумаю отступать: пока жив человек, шанс есть в любой ситуации. Даже если он овладеет нами, всегда есть надежда перехитрить его. И у Бога бывают минуты затмения, – загадочно добавил Конан.

– Ты воистину неустрашимый герой, – заметила Тхутмертари. – Мне нравятся такие мужчины. Я не покину тебя, мой гордый король!

Она словно забыла, как всего два дня назад киммериец гнал ее прочь, жестокую черную волшебницу! Но теперь, похоже, поддержка прекрасной принцессы помогала ему выстоять.

– Ладно, армии больше нет, – сказал Конан. – И все же я должен спасти хотя бы тех, в ком еще теплится разум! Ты не поможешь мне, Тхутмертари?

– Я постараюсь. Но учти: это будет жестокая услуга! Темные силы могучи, но ничего не делают задаром!

– Что ты имеешь в виду?

– Чтобы спасти немногих, тебе придется пожертвовать остальными. Надеюсь, Отец Сет смилостивится и вдохнет силу в тела твоих воинов.

– А взамен? – насторожился киммериец.

– Взамен он потребует души тех, кому помочь боги уже не в состоянии, – безжалостно ответила принцесса.

– Ты спятила, девчонка! – воскликнул король; багровые пятна поползли по его израненному лицу. – Ты предлагаешь мне принести этих несчастных в жертву твоему омерзительному Богу?! Да как твои лживые уста осмелились изречь такое?! Не будь ты бабой, твоя голова уже валялась бы у моих ног!

Тхутмертари презрительно сощурилась.

– Помнится, при нашей первой встрече, – тогда, в шатре, – ты кинулся на меня, не вспоминая про мой пол! – ядовито заметила красавица.

– Изыди, дочерь Мрака! Я уже достаточно прогневал богов, связавшись с тобой! Не видать твоему Змею невинных душ! Уж лучше я сам добью этих несчастных! Смерть от меча более достойна мужчины!

– И тем самым погубишь всех, глупый варвар! Посмотри на Просперо и Тараска: они еле дышат. Подумай: чего стоят эти безумные души? Они погублены уже! Велика ли разница, какой Бог воспримет их?!

– Не увещевай меня, искусительница! Что-то будет с ними в подземных чертогах Сета?!

– Тебе лучше об этом не знать, слабонервный мальчик, – рубиновые губы растянулись в жуткой усмешке, и Конан едва удержал себя, чтобы не срубить эту прекрасную головку.

– Разговор окончен! Я запрещаю тебе колдовать! Слышишь, ведьма, разрази тебя Кром?!

– Поздно, киммериец. Сет алчет жертв, – точно змея, зашипела принцесса. – И мне не дано остановить его священную оргию… Дети Тьмы уже ползут сюда; кровавый пир близок. Смирись, человек!

Конан не стал больше терпеть. Довольно с него всякой чертовщины, гипноза и магии! Кровавому пиру детей Тьмы он потакать не намерен. Зазвенел металл – это меч короля ударился о длинный стальной кинжал, вытянувшийся из пальца Тхутмертари.

– Усни, смертный! Я не хочу убивать тебя! – зашипела волшебница. – Спать! Спать! Спать!!!

Конан свалился к ее ногам, едва не упав на собственный меч; мгновение спустя он уже храпел.

– Отдохни, чистоплюй! – Изящная туфелька вонзилась в бок распростертого на земле варвара. – Все равно никчемный был разговор.

– Что ты делаешь, принцесса? – раздался сдавленный голос Тараска; немедийский король привстал, опираясь на локоть.

Тхутмертари даже не повернулась к нему.

– Вот, пыталась втолковать кое-какие очевидные вещи этому безмозглому варвару! Ладно, обойдусь без его монаршего благословения. Закрой глаза, заткни уши, немедиец! Ибо только так сможешь ты спасти свою жизнь и душу!

И уже через минуту посреди израненного войска мрачная красавица с растрепанными золотыми волосами шептала тайные призывания незримых слуг Великого Змея. Откликаясь на ее зов, из недр земли поползли, подбираясь к распростертым телам людей, шипящие черные тени; от их ядовитого прикосновения сгибались и корчились в предсмертных судорогах спелые травы коринфских лугов…

Глава XIV

«Подарок к юбилею профессора»

В кабинете Тезиаса расположились четверо. Как всегда, карлик восседал в глубоком кресле за письменным столом, верный Брахо стоял по правую руку от него, на диване же расположились Гости – Джейк Митчелл и доктор Луиджи Фонтанелли; в глазах последнего застыло неподдельное изумление, смешанное с торжеством пылкого ученого, только что блестяще доказавшего свою научную правоту…

Беседуя с Гостями из Будущего, Тезиас никак не мог избавиться от ощущения, что перед ним его верные противники – могучий Конан и мудрый Пелиас, старый учитель, взрастивший его. Как чудесно все-таки распорядилась Судьба!…

– …И вот только я произнес последние слова Заклинания Времени, вновь родилась гроза – не такая могучая, как в первый раз, когда в мой мир прибыл Джейк, – она бушевала только здесь, в этой крепости, да еще в башне чародея, который похож на вас, доктор, как две капли воды. Уже через минуту возник огненный шар, и вышли вы, мой ученый Друг, – засмеялся

Тезиас. – А я – я рад приветствовать второго Гостя из Будущего в моей скромной обители!

– Изумительно! Изумительно, мистер Тезиас! Я всегда считал, что путешествия людей во времени возможны, но чтобы это произошло со мной самим! О, как я вам благодарен! Вы воистину великий ученый, опередивший время, мистер Тезиас! – горячо говорил Фонтанелли.

– Спасибо на добром слове, доктор. В устах такого человека, как вы, похвала дороже золота. Надеюсь, вы не слишком огорчитесь, если возвращение домой несколько задержится?

[11] – Ну что вы, что вы, мистер Тезиас! Я буду только рад общению с вами! Мне не терпится услышать из первых уст о ваших научных опытах!

– Вот и отлично. Как и прежде, будете работать вместе с Джейком; я принял его к себе на службу.

– Неужели? Поздравляю, Джейк! Ну и что ты будешь делать?

– На меня возложена чрезвычайно ответственная миссия, – буркнул Митчелл, отворачиваясь. Он, конечно, далеко не ангел, но противно слушать, как этот коротышка делает из дока круглого идиота!

– Должен вас предупредить, мистер Тезиас, – Джейк, не обижайся на меня! – мистер Митчелл нередко берется за грязную работу и он знает мое сугубо негативное отношение к его методам! – доверительно сообщил док. – Надеюсь, миссия, которую вы ему поручили, пойдет во благо людям.

Тезиас оскорбленно вскинул брови; коротенькие ручки вытянулись в протестующем жесте.

– • Полноте, доктор, за кого вы меня принимаете?! Разумеется, во благо! Вся моя

научная деятельность направлена на процветание человечества! Если б вы знали, как дик и примитивен мой мир! Вот мы с вами беседуем как образованные люди, а – да будет вам известно – лишь один процент местного населения умеет читать; писать же умеют и вовсе единицы!

– Какой кошмар! – всплеснул руками доктор. – Это даже хуже, чем в средние века!

– Вот видите! А знали бы вы, кто правит народами этой земли! Какие-то варвары; руки их по локоть в крови! Люди злы и жестоки, образование не пользуется уважением в моем мире. Знания монополизированы узкой кастой злобных жрецов; они используют его во вред людям. На планете продолжаются бессмысленные междоусобные войны. Простые труженики вынуждены брать в руки оружие, чтобы защитить себя, близких и нажитое имущество!

– Как мне это знакомо! – горестно воскликнул Фонтанелли. – Я ведь и сам воевал во вторую мировую!

– Тогда вы понимаете меня. Не удивляйтесь, но и мне, человеку, обделенному, так сказать, физической силой, пришлось не так давно вступить в жестокий бой во имя науки. Я достиг многого, но силы варварства пока не сломлены; вот почему я не могу позволить себе расслабиться. Моя главная цель – нести в мир знания и блага подлинной цивилизации. Сначала будет трудно, придется преодолевать известное сопротивление – агрессивное невежество въелось во все клетки человеческого организма. Но и отступать я не намерен. Я верю во всепобеждающую силу науки. Когда уже все битвы останутся позади, прозревшие люди возблагодарят нас за наши труды! – закончил Тезиас свой патетический монолог.

– Если будет кому, точно возблагодарят, – пробормотал Джейк, но профессор, кажется, пропустил мимо ушей его замечание. Сам Джейк все более недоумевал: Тезиас говорит так страстно и убежденно, что поневоле задумаешься, а вдруг и вправду этот коротышка не просто заботится о власти над миром, но и задумал некую историческую миссию?!

– Вы не только великий ученый, но и великий человек, мистер Тезиас, – сказал между тем доктор. – Такие, как вы, должны вершить судьбу человечества! Политики продажны и тупы – я говорю о своем мире, но, уверен, в вашем дела обстоят не лучше: политики есть политики! Только ученые, умудренные знаниями, опытом и интуицией, могут и должны править миром! Собравшись вместе, они составят некий правящий ареопаг. Их будут сотни; власть на планете будет принадлежать лучшим умам человечества!

– Зачем же? Я и один справлюсь, – сквозь зубы процедил Тезиас.

Но Фонтанелли, похоже, не слышал и его. Увлеченный своей идеей, он продолжал:

– Если ученые получат власть, все вокруг изменится! Энергия цивилизации пойдет не на разрушение, но на созидание. Сколько неразгаданных тайн хранит Вселенная! Тайны времени и пространства, они всегда привлекали людей. Есть ли жизнь на далеких планетах? Существуют ли параллельные миры? Возможна ли телепортация?…

– Возможна, – перебил профессора Тезиас. – Очень даже возможна. Многие здешние маги владеют ею в какой-то мере. А я – в совершенстве.

– Бросьте, – отмахнулся док. – Я ученый, и мне нужны научные доказательства!

– Доказательства? Так вы их получите! – вскричал задетый за живое карлик.

Блеснули агатовые глаза, все вокруг поплыло, точно в сказочном сне, но уже секунду спустя кабинет Тезиаса обратился залом-амфитеатром; как и за миг до того, карлик сидел в глубоком кресле, рядом стоял невозмутимый магистр, но дивана не было – Митчелл и Фонтанелли стояли посреди пустого чертога!

– Господи, да что же это было? – ошеломленно оглядываясь, молвил седовласый профессор.

– Это была телепортация, как вы и заказывали, – иронично заметил карлик. – Я перенес нас из моего кабинета в этот зал. Вас устраивают предъявленные мною доказательства?

– Да… Наверное… – пролепетал док.

Джейк Митчелл, которого научная сторона проблемы мало интересовала, игриво задел профессора плечом.

– Как, док, тебе это, а? Нелегко, наверное, на старости-то лет в таких экспериментах участвовать!

Фонтанелли неожиданно побледнел. Если бы не Брахо, заботливо подставивший свои руки, док, по всему видать, не удержался бы на ногах.

– Что с вами, друг мой? – воскликнул Тезиас. – Вам плохо?

– О Боже! – прошептал профессор. – У меня же сегодня день рождения! Мне семьдесят пять лет! Какой ужас!

– Ты что, док, не знал, какой ты старый? – расхохотался Митчелл. – Можно подумать, ты поспорил на миллион долларов, что не доживешь до семидесяти пяти!

– Хуже! Гораздо хуже! – простонал Фонтанелли. – Я приурочил к своему юбилею грандиозный научный эксперимент!

– Что за эксперимент? – с нетерпением вопросил Тезиас. Пытливый и проницательный ум Великой Души тотчас почувствовал, что вот-вот откроется нечто особо важное – важное не вообще, не только и не столько для науки, сколько для него, Тезиаса, лично.

– Я задумал эксперимент, грандиозный и дерзновенный, – произнес профессор. – Полет в будущее. Я приурочил его к своему юбилею.

– Ты собрался в будущее, док? Вот потеха: собрался в будущее, попал в прошлое!

– Не я. Сконструированная мною система – назовем ее для ясности Машиной Времени – работает по принципу привязки к индивидуальному генетическому коду человека-хозяина. Видите ли, по сути создать аппарат, который мог бы «прыгать» на час, день, год вперед или назад, не слишком сложно. Но есть ли в этом смысл? Важно иное: чтобы машина попадала туда и в то самое время, где находится ее хозяин – человек. Вот концепция, из которой я исходил, конструируя свою Машину Времени. Десятого апреля – это было позавчера – позавчера, разумеется, в моем мире, – я установил свою систему на «Черном коршуне»…

– Каналья!!! – точно взбесившись, заорал Джейк; он схватил за грудки несчастного профессора. – Как посмел ты прикоснуться к моему любимому вертолету?

– Это также и мой вертолет, – печально возразил док, когда невозмутимый Брахо оттащил Джейка. – Мы вместе собирали его. Если ты летаешь на моей машине, это еще не значит, что она твоя! Так вот, я установил свою систему на этом вертолете. Напоминаю, это было десятого апреля. Одиннадцатого, вчера, в девять утра, система должна была включиться. И она включилась – сей факт зафиксировали приборы. Задание же у нее было такое: перенести вертолет в то самое время, когда мне исполнится ровно семьдесят пять лет. Но вся штука в том, что вчера, когда Машина Времени включилась, мне еще не было семидесяти пяти! Поэтому одиннадцатого в девять вертолет исчез во времени, чтобы появиться вновь двенадцатого в девять часов пятнадцать минут, то есть тогда, когда мне исполнится ровно семьдесят пять! Исчезновение «Черного коршуна» также зафиксировали мои приборы…

– Говнюк несчастный! – рявкнул разъяренный Джейк. – Один этот вертолет стоит

семьсот миллионов долларов, но для меня он бесценен, ибо второго такого нет ни у кого! Ты знаешь это, каналья! Нет, вы подумайте: он принудил «Черного коршуна» участвовать в своих сраных экспериментах! Я тебе этого никогда не прощу, док!

– Заткнись, Джейк! – приказал Тезиас. Он внимательно следил за рассказом профессора и уже, кажется, начинал кое-что понимать…

– Таким образом, вертолет исчез во времени, чтобы появиться через двадцать четыре часа с минутами, – продолжал Фонтанелли. – Я с нетерпением ждал окончания эксперимента. Но дожить в своем мире до девяти пятнадцати не было мне суждено: я исчез около пяти утра, чтобы очнуться здесь, в вашем мире, мистер Тезиас…

Карлик понял все.

– Брахо! Как давно появился здесь профессор?

– Думаю, прошло уже часа четыре, а может, и более…

– Прекрасно!!! Нам остается только ждать! Молитесь, профессор, чтобы ваша Машина Времени нашла своего хозяина!

Милостивая Судьба не заставила Великую Душу ждать и в этот раз. Едва прозвучали его слова, ужасный грохот потряс скалу-крепость. В вышине, под куполом пещеры, возник искрящийся огненный шар. Шар медленно спускался вниз, к людям.

– О, какой он громадный… – прошептал Брахо.

И точно: шар из огня занимал почти весь чертог. Людям пришлось отступить к стене, но горячее дыхание потревоженного Времени доставало их и там.

– Если машина упадет на этот камень, ценное оборудование может быть повреждено, – озабоченно сказал Фонтанелли.

Тезиас кивнул: мраморный постамент исчез, словно провалившись в неведомую бездну. И вовремя – светящийся шар лопнул, обдав людей полыхающими искрами. Раздался гулкий толчок, как будто что-то тяжелое опустили наземь. Когда огненные искры сгорели, взорам людей предстала большая черная птица; машина, собранная в конце двадцатого века, проследовала за хозяином в Хайборийскую эру.

Джейк Митчелл бросился к вертолету. Наскоро обследовав своего любимца, американец восторженно воскликнул:

– А, черт! Вот это да! «Черный коршун» как новенький!

Тезиас же, загадочно улыбаясь, пожал руку профессору Фонтанелли.

– Поздравляю с юбилеем, друг мой! Вы сами сделали себе роскошный подарок – ваш грандиозный эксперимент увенчался совершенным триумфом! Я рад принимать у себя величайшего гения Будущего!

– Да, это сенсация, – смущенно молвил профессор. – Это даже больше, чем я рассчитывал. Я планировал преодолеть во времени сутки, и что же? Никто не знает, сколько тысячелетий разделяют наши миры, однако ж «Черный коршун» преодолел их!

Тезиас, Брахо и Фонтанелли приблизились к машине. Великая Душа и его верный магистр бросали восхищенные взгляды на черные металлические бока неведомой птицы, могучие широкие крылья, длинный, сужающийся хвост с треугольным оперением на конце, грозную и хищную голову с клювоподобным отростком спереди. Машина из Будущего и вправду походила на огромного черного коршуна, изготовившегося к атаке…

– Вы, верно, полагаете, это простой вертолет, каких сотни на вооружении у армии Соединенных Штатов? – сказал между тем Джейк, обращаясь к Тезиасу и Брахо; глаза его светились гордостью. – Нет, клянусь жизнью, это самая мощная машина моего времени! Я и

док выложились, собирая этот вертолет. Как я уже говорил, на создание «Черного коршуна» затрачены громадные деньги. Док нацепил на это железо массу полезных штучек, после чего машина превратилась в настоящего ангела смерти!

– Я работал не для того, чтобы убивать, – вставил Фонтанелли.

– Да, док, ты трудился ради денег! – отпарировал Джейк и продолжал: – Так или иначе, пилот этого вертолета чувствует себя повелителем небес. Еще бы: его крейсерская скорость – триста миль в час; быстрее не летает ни одна винтокрылая машина моего времени. На вооружении у «Черного коршуна» восемьдесят ракет класса «воздух-земля» и «воздух-воздух» две танковые пушки – спереди и сзади, восемь крупнокалиберных пулеметов: шесть расположены по бокам и по одному-на крыльях, наконец, видите этот «клюв» – в чреве его сидит убийственная триада: гранатомет, огнемет и лазерная пушка; выбор оружия осуществляется в доли секунды! На борту установлены десять компьютеров и три дублирующие друг друга системы жизнеобеспечения. Два спаренных подъемных винта позволяют вертолету набирать высоту в одну милю за считанные минуты, и вы бы видели, как он маневрирует при этом! Потолок полета составляет двенадцать миль; можно парить над облаками, не ощущая каких-либо неудобств, ибо кабина абсолютно герметична, как в сверхзвуковом истребителе! «Черный коршун» практически неуязвим: пули щелкают об него, как горошины о каменную стену, броня моего «коршуна» выдержит и удар гранатомета, и даже ракета не пробьет ее! «Черный коршун» – лучшее оружие, какое ты когда-либо видел, мать твою, ты понимаешь это?! – последнее восклицание Митчелла адресовалось Тезиасу, который с восхищением взирал на чудесную машину и ее на редкость красноречивого пилота.

– А ты-то сам летал на этой штуковине? – недоверчиво вопросил Брахо.

Джейк одарил магистра испепеляющим, полным нескрываемого презрения взглядом.

– Еще как летал! Я один разнес вдребезги целый военный аэродром в Западной Африке. Восемь новейших штурмовиков с полным боекомплектом, поднявшиеся, чтобы перехватить меня, были сбиты мною один за другим в течение пяти минут! А затем, – Джейк зловеще осклабился, – я полоснул по нефтяным резервуарам лазерным лучом; когда же нефть разлилась, я поджег ее из огнемета – зарево было видно потом на расстоянии двухсот миль! Вся операция заняла не более десяти минут. Затем я скрылся в черном дыму, а никто так ничего и не понял! Местное правительство объявило, будто это была вылазка экстремистов-смертников из Партии освобождения Западного Берега! Идиоты, они и представить себе не могут, что все сделал один человек на одном-единственном вертолете!

И Джейк самодовольно расхохотался: сейчас, вспоминая недавние подвиги, он был на вершине блаженства.

– Просто невероятно, – проговорил Тезиас. – Будь мы с Брахо чуть-чуть слабее умом, мы непременно решили бы, что ты – всемогущий волшебник…

– А я и есть волшебник, когда сижу за пультом главного бортового компьютера и внизу расстилается земля! – рассмеялся Митчелл. – Я король небес! Спорим, Великая Душа, я покорю весь твой мир, не вылезая из кабины этого вертолета?!

Джейк протянул карлику мускулистую руку, как будто действительно предлагал заключить пари. Однако тот руки не подал.

– Я обязательно найду применение этой замечательной машине, Джейк, – серьезно сказал Тезиас. – Глупые и невежественные, жители моего мира, не раздумывая, сочтут эту машину ужасным огнедышащим демоном; сие только сыграет нам на руку. Один вид

чудовища, несомненно, приблизит торжество науки, бессмысленные же жертвы ей ни к чему, – последнее Тезиас подчеркнул специально для доктора Фонтанелли. – Кроме того, я думаю, в чреве этого демона наверняка найдется немало таких вещей, которые можно с успехом использовать отдельно…

– Да там внутри целый арсенал: пистолеты, ружья, лазерные бластеры дока и даже один газомет! Оружия хватит, чтобы превратить в рейнджеров всех твоих гомиков, Великая Душа!

– Монахи не нуждаются в людском оружии, – надменно заметил Брахо. – Силы, подвластные нам, стократ превосходят мощь этого механического чудовища…

– Много ты понимаешь в оружии, ты, педик, – оскорбился Джейк. – Может, устроим состязание? Слабо плеваться огнем, а, волшебник?! А «Черный коршун» – может!

– Мне достаточно взмаха руки, чтобы превратить твою птицу в груду искореженного металла, – холодно молвил магистр.

– Прекратим бессмысленную дискуссию, – вмешался Тезиас. – Силы магического и земного оружия удачно дополнят друг друга в наших человеколюбивых деяниях. Достойное применение найдется всему, что способно послужить на благо цивилизации.

– Но как я буду летать в этом склепе? Эх, кабы знать, что явится «Черный коршун», на открытую площадку выбрались бы!

– Успокойся: будешь летать на свежем воздухе, – рассмеялся карлик.

– Как это? Потолок, что ли, исчезнет?!

– А хотя бы и исчезнет! Это уж моя забота, дорогой «король небес»! Но ты слишком много болтаешь, Джейк Митчелл. А ну-ка, покажи свое чудище изнутри!

Следующие два часа ушли у Тезиаса на осмотр Механического Гостя.

– Проснись, герой! – услышал Конан насмешливый голос Тхутмертари.

Мгновенно пробудившись, киммериец не поверил своим глазам. Он прекрасно помнил нападение гипнотических карликов, помнил свой спор со стигийской волшебницей, помнил даже, как засыпал, будучи не в силах противостоять злым чарам. Что было дальше, он не помнил. Сейчас же… Сейчас он ехал во главе своего войска, рядом скакали Просперо, Тараск и Тхутмертари – веселые, бодрые, на их радостных лицах не было и тени того кошмара, который им пришлось пережить. Остальные воины также были в добром здравии: создавалось впечатление, что это скачут не страдальцы, перенесшие за какие-то три дня нападение нежитей, жуткую черную грозу, явление людей-птиц и атаку взбесившихся карликов, а удачливые охотники, отдохнувшие после легкой прогулки по лесу.

– Ради крови Крома, что все это значит? – обратился Конан к Просперо. Киммериец знал: уж кто-кто, а верный соратник ни за что не соврет своему королю.

– Удивляюсь, как и ты, государь, – сказал, пощипывая отросшую снова клиновидную бородку, Просперо. – Помню, как карлики свалили меня с лошади, затем точно провалился куда-то. Сквозь сон слышу чьи-то голоса, но не разберу, чьи. Потом будто бы ты ругался с принцессой. А дальше – дальше тишина. Тишина и тени… – голос генерала задрожал.

– Во имя потрохов Эрлика, /какие еще тени?! – вскричал киммериец.

– Сквозь сон я чувствовал, как какие-то черные тени, неосязаемые и зловещие, ползут мимо меня. Некоторые ощупывали мое тело, но потом оставляли меня и ползли дальше. Я отчетливо слышал стоны, крики, какое-то шипение… Вскоре все стихло, и я открыл глаза. О, государь, ты не поверишь: я словно родился заново! После этого пробуждения я как будто обрел вторую молодость!

– – И я, – признался Тараск. – Все, что описывает Просперо, происходило и со мной. Мы

поговорили с остальными – они рассказывают то же самое: сначала забытье, потом стоны рядом и зловещее шипение. А дальше – внезапное пробуждение, такое чудесное, что, кажется, под силу свернуть горы!

Осмотревшись, Конан бегло сосчитал всадников. Их было не более пятисот…

– А где убитые и раненые? Их должны быть тысячи! Куда вы дели их?

Просперо помрачнел.

– Это-то и есть самое загадочное, государь. Когда мы очнулись, ни тех, ни других больше не было. Были только здоровые; на наших телах нет ни единой царапины!

Конан с ненавистью воззрился на Тхутмертари. Та молвила:

– Чего уставился, чистоплюй?! Все довольны, чего ж тебе еще надо? Благодари меня! Отец Сет сделал для твоего войска то, что было не под силу богам Света!

– Ты – чудовище! Ты не должна была это делать, Тхутмертари!

– Ах вот как? Я спасла тебя уже трижды, бессовестный варвар! Больше не жди от меня подмоги! – и принцесса резко отвернулась, демонстрируя глубокую обиду.

– В чем дело? О чем она говорит? – вопросил Тараск.

Конан злобно сплюнул.

– Ты вторую молодость ощутил, не так ли? А хочешь знать, кто дал ее тебе? Сет, Князь Тьмы! Как, доволен?

– О, Митра! Значит, и я… – простонал Просперо.

– Да, и ты, и я, и все остальные, – безжалостно заявил Конан. – Все мы приняли исцеление от Бога Мрака. Она, эта ведьма, расплатилась за нас жизнями и душами наших братьев!

Тут Тхутмертари обернулась и одарила своих спутников лучезарной улыбкой. И было в этой очаровательной улыбке рубиновых губ нечто вампирье…

Тезиас, Брахо, Митчелл и Фонтанелли все еще возились с «Черным коршуном», когда в зал-амфитеатр вступил монах. Поклонившись карлику, он сказал:

– Хозяин, есть новости с равнины.

– Говори! – приказал Тезиас, перейдя на кхитайский язык. Он не хотел посвящать Гостей, особенно Профессора, в детали своей войны с Конаном. Это была его личная война, никто, кроме верных монахов, не имел права участвовать в ней. Тезиас и не подозревал, что Фонтанелли был полиглотом и в совершенстве знал древнекитайские наречия…

– Войско Конана приближается к замку, – также перейдя на кхитайский, сказал монах. – Около пяти сотен тяжеловооруженных рыцарей во главе с самим аквилонским королем.

– Так Конан едет не один! Я вновь ощущаю присутствие черной магии! Вот, Брахо, что я говорил: и шагу не может ступить наш отважный герой без помощи темных сил! Ну что ж, придется распугать птичек… Ведь я приглашал в гости одного только киммерийца!

Тезиас засмеялся, заставив вздрогнуть седовласого профессора: смех хозяина горной цитадели не был смехом добродетельного ученого; так смеются люди, задумавшие страшное преступление…

– Прошу меня извинить, – произнес Тезиас по-немедийски – этим языком он пользовался в общении с Гостями. – Я должен заняться медитацией. Оставляю вас, доктор, и тебя, Джейк, на попечении Брахо.

И, чтобы произвести на Гостей еще большее впечатление, Тезиас, махнув рукой на прощание, не вышел в открытую дверь, около которой стоял. Не прибег он и к телепортации. Просто он, небрежно переставляя ножками, бесшумно прошел сквозь каменную стену, и был

таков. Митчелл и Фонтанелли смотрели ему вслед, открывши рты.

– Это как? – вымолвил наконец док.

– Одиннадцатый закон термодинамики, – невозмутимо заметил Брахо. – Смещение физического тела в пятое измерение. Коротковолновая дематериализация, попросту говоря… Так как, то бишь, работает ваша Машина Времени, профессор?

Глава XV

«Убийственный взор миража»

День казался нескончаемым. Войско Конана двигалось по обожженной солончаковой степи уже несколько часов. Нигде не было видно ни малейших признаков жизни. Только справа и далеко впереди расплывшимися кляксами на голубом небе темнели первые пики Карпашских гор.

– Кто-нибудь понимает, какая чертовщина здесь творится? – взорвался вдруг Тараск. – Уже давно должны были наступить сумерки, а солнце как будто застыло над нашими головами!

– Не бывал ты в Асгарде, немедиец! Там день длится несколько месяцев подряд, – усмехнулся Конан. Улыбка оказалась вымученной; на душе у киммерийца было неспокойно.

– Но Коринфия – не Асгард! – горячо возразил Тараск. – Бьюсь об заклад, перед нами снова фокусы проклятого карлика! Что думаешь об этом, принцесса?

– Никто не властен остановить вечный бег Солнца, – убежденно заметила Тхутмертари. – Очень давно, миллионы лет назад, когда не было еще на Земле человеческого племени, великий Сет пытался сделать это. Но даже он, бессмертный властелин Ночи, не сумел справиться с Солнцем!

– А может, карлик снова загипнотизировал нас? – сказал Конан.

Вопрос тяжко повис в воздухе. Кто мог знать, какую еще пакость готовит им дьявольский ум Тезиаса? Но что за прок карлику препятствовать наступлению ночи? Разве день более благоприятен для темных дел?…

Тихо, но неумолимо нарастало неясное напряжение. Предвкушение грядущего кошмара, небывалого в своем безрассудстве, все более овладевало душой Конана. Он ощущал, как медленно, незаметно менялся окружающий их пейзаж. Сначала исчез ветер – беспокойный пронизывающий ветер, дувший с севера, постепенно сошел на нет. Воцарился полный, абсолютный штиль, все как будто замерло на этой солончаковой равнине. Потом пришла тишина – тоже полная, абсолютная, разрываемая лишь неровным цокотом копыт и тревожным ржанием лошадей. Куда-то исчезли надоедливые мухи, равно как и вся прочая летающая живность. Наконец, задрав вверх голову, Конан с суеверным ужасом обнаружил, что как солнечный диск расплывается, тает в лазурном небе буквально на глазах. Самым же жутким при этом было то, что света с исчезновением солнца, казалось, еще прибавилось. Свет был ровным, он не имел зримого источника, но равнина была ярко освещена, как никогда ранее.

Кони уже ржали и метались, беспокойно мотая мордами. Притихшие всадники затравленно озирались по сторонам, ежесекундно ожидая нападения неведомых врагов. Все молчали, напряженно вглядываясь в зловеще сгущающуюся тишину. Из всего, что их окружало ранее, остались лишь эта безжизненная степь и горы.

Впрочем, нет. Степь и горы тоже начинали меняться – столь же неспешно и столь же неумолимо. Карпашские вершины обрастали рваным коричневым туманом, контуры скал размывались, угасая в неясной дымке. И земля под копытами коней тоже менялась –

потрескавшиеся солончаки как-то странно сглаживались, обретали немыслимую прозрачность… Но то, что произошло дальше, казалось, способно было без труда отнять волю и разум у самых отважных сердец.

Коричневая дымка, поглотившая горы, бесшумно расползалась по испуганному небу. Скоро небосвод стал темным, но света оттого не убавилось: казалось, воздух светится сам по себе. Земля окончательно обросла прозрачным панцирем: глядя вниз, люди и животные ощущали себя стоящими на тонком, невидимом ледяном настиле, покрывающем бездонную пропасть в Никуда. Лошади уже не ржали, а как-то жалобно, словно погибающие от холода щенки, скулили; под копытами их расстилалась бездна…

Но и это было не все. Коричневый небосвод стал сгущаться; одновременно же нечто зашевелилось в бездне, разверстой под ногами. Мертвея от ужаса, Конан наблюдал, как посреди тишины медленно формировалось видение. Сначала появилась колоссальная, во все небо, голова, на ней зашевелились волосы, возник большой крючковатый нос, оформились бледные тонкие губы… На него смотрела гигантская, занимающая собою весь небосклон, голова Тезиаса! Последними появились жуткие черные глаза, и глаза эти – магнетические агатовые фонари миража-исполина – уставились прямо в обнаженные души людей.

То же самое происходило и внизу: циклопическая голова Тезиаса взирала на них из бездны. Казалось, они мостятся прямо на кончике носа проглядывающего из пропасти видения; стоит голове чуть-чуть шевельнуться, и все люди тотчас свалятся в широкие ноздри…

Конану хватило сил оглядеться. Ужасающая голова была повсюду: сверху и снизу, спереди и сбоку; только сзади – там, откуда они пришли – ее не было. Голова была неподвижна, рот сжат, ноздри не дышали и только кошмарные черные глаза-фонари, казалось, жили, высматривая нечто сокровенное в самых глубинах смущенного человеческого сознания.

Зачарованные кошмарным видением, всадники и кони застыли. Застыло все в этом мире, в мире, где не было ни дня, ни ночи, ни солнечного света, ни ночной тьмы, ни ветров, ни дождей, ничего, что составляет земное существование, а была единственно только гигантская, взирающая отовсюду неподвижная голова Тезиаса – и люди, застывшие, словно пешки на покинутой игроками шахматной доске…

Бог Великая Душа рассчитал все с нечеловеческой точностью. Прекрасно помнящие нападение бесноватых гипнотических карликов, Конан и его спутники теперь были атакованы с противоположной стороны. После разрывающего разум безумного балагана Тезиас продемонстрировал им, сколь убийственна может быть бросившая вызов самой природе Тишина. Ведь глаза миража не изрыгали молнии, земля не тряслась под ногами, незримые путы не душили людей, гигантская голова даже не пыталась испугать их, не скалила зубы, не обдавала зловонным дыханием – вообще не было ничего, что можно было бы назвать агрессивными действиями. Неподвижный мираж всего лишь смотрел на людей, но это-то как раз и было самое страшное! Ибо человек может справиться с любыми напастями, пережить любые пытки, может сражаться с жуткими чудовищами – он сделает все это, борясь за свою жизнь. Борьба составляет сущность человека, в борьбе – его жизнь. Здесь же бороться было не с кем: голова Великой Души подменила собой весь привычный мир. А как можно было бороться с миражем?

– Это не Ад. Я была в Аду. Это хуже, чем Ад, – тихо прошептала Тхутмертари, не в силах отвести взор от убийственных глаз миража.

Лучше бы она молчала. Шепот женщины прозвучал как крик; точно в этом мире чудовищной головы даже звук передается иначе. Один из воинов, закаленный немедийский рыцарь, молча пронзил кинжалом свою грудь. Он свалился вниз, на прозрачный настил, бездна не поглотила его. Напротив, кинжал сам вылез из глубокой раны, рана затянулась, человек, ничего не понимая, открыл глаза. Неведомая сила подхватила его и усадила обратно в седло; кинжал снова застыл на поясе воина.

После этого попытки самоубийств приобрели массовый характер. Люди даже пытались срубить себе головы, но неведомая сила всякий раз препятствовала им. Безумие овладело почти всеми, каждый как будто норовил поскорее отослать свою раненую душу из мира чудовищной головы – неважно куда, хотя бы и в Преисподнюю, лишь бы подальше отсюда. Но никто не получил даже царапины. А на все это по-прежнему неподвижно взирал живой мираж…

– Он не хочет их гибели, – прошептала Тхутмертари. – Чего же он хочет тогда?

– Он хочет, чтобы мы повернули обратно, – беззвучно молвил Просперо, сам находящийся в полуобморочном состоянии.

– Он хочет, чтобы вы повернули обратно, – поправил генерала бледный Конан. – Он ждет одного меня.

– Бесполезно, Конан, – простонал Тараск. – Человеку не справиться с этим чудовищем. Я сам поклялся именем Митры, что не отступлю, пока не падет этот карлик. Но, ты сам видишь, Великая Душа сильнее наших богов. Ты видишь: он не дает нам даже умереть!…

Голос Тараска дрожал; седовласый король рыдал, не стыдясь своих воинов. Впрочем, тем было не до него.

– Он победил вас, – бормотал Просперо. – Все кончено, Конан. Мы даже не знаем, где мы – все еще в Коринфии или уже в Аду – в собственном Аду Великой Души. Прощай, мой светлый государь, я чую, жизнь заканчивается; мы никогда не увидим более златоглавой Тарантии!…

– Вздор, Просперо, вздор, – прохрипел киммериец, отчаянно борясь с всепроникающим взором чудовищного миража. – Ему не запугать нас! Это всего лишь мираж, плод гипноза… Слышишь, ты, голова! Я не верю в тебя! Тебя нет, будь ты проклята! Изыди!!!

Но мираж не исчез подобно сонмищу гипнотических карликов. Казалось, он застыл здесь навечно, и не дано было людям отогнать его… Неподвижная голова никак не отреагировала на восклицания Конана. Чудовищный взгляд миража по-прежнему смотрел прямо в душу, смотрел отовсюду; Конаном вдруг овладело чувство, будто мираж уже проник в затаенные глубины человеческого сознания и хозяйничает там, меняя все и вся по своему усмотрению…

Тхутмертари сдалась последней. Силы Мрака, которым она верно служила, поддерживали в ней мужество, но и они, похоже, были не всемогущи.

– Смирись, Конан, – трепещущим голосом прошептала стигийка. – Нам не победить Его. Скоро весь мир будет в Его власти. Сет единственный, кто сможет противостоять Ему; но даже Сет не спасет людей. Все кончено, нам остается только преклонить колени перед этой головой…

Принцесса хотела спрыгнуть с одеревеневшего коня, но Конан удержал ее.

– Нет, еще не все кончено! Есть другой выход. Просперо! Веди людей обратно.

– А ты? Что будет с тобой?

– Я пойду дальше. Карлик ждет меня; я поклялся, что не покажу ему спины! Ты ведь

этого добиваешься, голова?!

– Ты загубишь свою душу, государь, – обреченно заметил Просперо. – Он не отпустит тебя прежнего.

– Это мы еще посмотрим! Поворачивайте, Просперо!

– Мираж не даст нам уйти, – подал голос Тараск.

– Еще как даст! Ему нужен только я… Конан оказался прав. Едва войско повернуло назад, ноги как будто сами понесли коней.

– Хвала великим богам! Впереди нет головы! – донесся до киммерийца удаляющийся голос Просперо.

– Я рад за вас, – рассеянно пробормотал Конан.

– Ну что, пойдем дальше?

Рядом была Тхутмертари. Ясные голубые глаза волшебницы с мольбой смотрели на киммерийца.

– Почему ты осталась? – рявкнул Конан.

– Тхутмертари никогда не отступает, – сквозь зубы процедила принцесса. – Я фаталистка. Будь что будет, Конан. Пусть мы проиграем, но бой обязательно должен состояться! Не забывай: у меня свои счеты к карлику. Я не буду «черной жемчужиной Сета», если даже не попытаюсь предъявить их к оплате! Я повергну голову карлика к престолу Сета – или умру!

Конан рассмеялся; героическая речь стигийки как будто разрядила обстановку. Стараясь не смотреть вниз, он быстро спрыгнул с коня. Под ногами оказалась твердь.

– Вашу руку, принцесса, – молвил он, помогая спуститься Тхутмертари.

– Ты рад, что я осталась, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказала стигийка, оказавшись на земле.

– Почему бы и нет? В борьбе с карликом и твоя помощь не помешает. А если тебе суждено погибнуть – что ж, одной черной волшебницей на Земле станет меньше!

– Вот, значит, почему, – тряхнула золотыми косами Тхутмертари. – Ты гениальный стратег, киммериец!

– Жизнь вынуждает, стигийка!

Внезапно под их ногами заблестели голубые бусинки. Появилась сверкающая тропинка, она уносилась вперед, к северо-востоку, исчезая едва ли не в губах живого миража. Конан усмехнулся.

– Карлик позаботился, чтобы мы не заблудились!

– Он следит за нами.

– Не думаю, – покачал головой король. – Мне кажется, все его гипнотические создания – карлики, монстр высотой с гору и эта голова – живут как бы сами по себе. Тезиас дает им какую-то установку, и они ее выполняют, когда нужно. Не знаю, какую дьявольскую магию он при этом использует, но чувствую: это так.

– А голова? Что мы будем делать с ней? – озабоченно молвила Тхутмертари.

– Плюнь ты на нее, на эту голову, – в глазах Конана зажглись озорные искорки. – Она не трогает нас, почему же нам до нее должно быть дело? Пошли, принцесса!

И, стараясь смотреть только на голубую ленточку волшебной тропинки, Конан и Тхутмертари, взявшись за руки, бодро зашагали на северо-восток. Живой мираж Великой Души провожал их долгим, пронизывающим взглядом.

– Хозяин, не в моих правилах говорить комплименты, но сегодня ты превзошел сам себя!

Птички разлетелись, как ты и предвидел!

Тезиас, сидевший в кресле за рабочим столом, триумфально улыбнулся. Перед ним лежала Книга Судеб и он что-то выписывал из нее на листок пергамента.

– Я не намерен останавливаться, Брахо. Сталь – вот что на очереди.

– Сталь?

– Да, сталь. Конан ведь почитает сталь божественным металлом, – загадочно ухмыльнулся карлик. – Сталь, верный меч из крепкой стали – вот есть инструмент всех его подвигов. Я преподнесу ему сюрприз из стали… Все ли готово к встрече варвара, Брахо?

– Все готово, о Великая Душа! Монахи с нетерпением ждут твоего гостя. Встреча состоится в малой гостиной, как ты приказывал.

– Хорошо. Ждать осталось недолго. Гордый орел сам летит ко мне в клетку, даже не зная, какие испытания ждут его. На что он рассчитывает, Брахо? Никакого тайного оружия я у него не заметил. Неужели он думает сразить меня мечом?!

Магистр развел руками.

– Никто не может знать, что творится в мозгу варвара. Примитивные инстинкты толкают вперед этого человека. Бессмысленно искать логику в его поступках.

– Наверное, ты прав, магистр. Хотя неплохо было бы проникнуть в самый мозг варвара, в самую его душу. Меня всегда интересовало – что там, внутри? Но ничего, Брахо, скоро я научусь читать мысли на расстоянии.

Уж тогда никто и ничто не укроется от моего всевидящего ока!

Магистр Синих Монахов почтительно поклонился.

– И еще одно, Брахо.

– Да, хозяин.

– Проследи, чтобы профессор Фонтанелли оставался в своей комнате во время встречи нашего гостя. Старик слишком впечатлителен; боюсь, я не сумею убедить его, что мои эксперименты с Конаном идут во благо человечеству. И, во-вторых, мне не хотелось бы портить доку юбилей.

– Я все понял, Великая Душа. Фонтанелли останется в своей комнате до твоего особого повеления.

Сказав это, Брахо растворился в воздухе. «Похоже, мои монахи скоро разучатся ходить», – самодовольно отметил Тезиас.

Чем дальше продвигались Конан и Тхутмертари по голубой тропинке, тем более менялся окружающий их пейзаж. Менялся в обратную сторону: гигантская голова миража по-прежнему взирала на них с небосклона, но уже возвращался легкий ветерок, из-под прозрачного настила вновь проступала солончаковая степь и, главное, впереди вырастали туманные пики высоких гор. Чтобы отвлечься от горестных дум, киммериец и стигийка дали волю языку. Всю дорогу они проговорили и, казалось, нет таких тем, которых бы не коснулись воин и волшебница.

– Мы с тобой замечательная пара, Конан, – говорила принцесса. – У нас голубые глаза, мы красивы и по-своему сильны, мы почти одногодки. Почему бы нам не быть вместе и после смерти карлика?

– Я не верю тебе, красавица, – тряхнув гривой, рассмеялся Конан. – Не нужно быть волшебником, чтобы прочитать, что у тебя на уме. Готов поспорить на все свое королевство, как только погибнет карлик, твои злые чары тотчас падут на меня!

– И то правда, – не стала спорить волшебница. – Ты воистину лакомый кусочек. Одни

герой, подобный тебе, стоит тысяч обычных людей. Сет никогда не забудет такой жертвы!

– И никогда ее не получит! Послушай, красавица, я встречал десятки таких, как ты, магов. Все они души не чаяли притащить меня к жертвенному алтарю. Но, как видишь, они попали к Сету много раньше меня! Так что не советую даже пробовать, принцесса!

– А Тот-Амон обязательно попытается! Знай же: он строго-настрого наказал сохранить тебе жизнь, ибо хочет лично поднести жертвенный нож к твоей груди.

– Мне ли бояться Тот-Амона? Жизнь сталкивала нас раз десять, но я всегда побеждал, Тот-Амон же едва уносил ноги! Так будет и впредь, клянусь Кромом, пока я не отправлю к дьяволам этого мерзавца! Скажи лучше, что заставляет тебя, женщину, писаную красавицу, служить Злу? Стариков-некромантов еще можно понять: им больше некуда податься. Но ты – почему? Свет дает столько радостей и наслаждений – зачем же служить Тьме?!

– Ты ничего не смыслишь в этом, варвар, – страстно заговорила Тхутмертари; слова Конана как будто задели ее за живое. – Разве ты никогда не пытался понять душу черного мага?

– Никогда. С ними всегда разговаривал мой меч.

– В этом была твоя ошибка. Знай же: Тьма прекрасная, наслаждения, даруемые ею, не сравнимы ни с какими радостями Дня! Зло дает безграничную власть, немыслимое богатство, вечную жизнь! И чем больше Зла, тем выше степень наслаждения. Зло неприхотливо; оно не требует от тебя самопожертвования, нет, оно алчет крови других. А когда ты восходишь на алтарь, когда жертвенный нож в твоей руке пускает кровь жертве, Ад ласкает тебя – это так восхитительно! Разве тебе, мой герой, не знакомо это чувство?! Ведь ты своим мечом отправил в Преисподнюю не меньше людей, чем я – жертвенным стилетом!

– Это не одно и то же, – мрачно молвил Конан. – Я убивал в честном бою, ты же проливала кровь безвинных и беззащитных!

– Кто безвинен, а кто грешен, решаем не мы, – парировала Тхутмертари. – Боги разберутся, праведна ли жертва. Сет не требует от своих жрецов долгих размышлений. Только кровь! Кровь на древних алтарях – вот что питает могущество Великого Змея! Жертвенная кровь священна; чем ее больше, тем сильнее Зло. О, варвар! Ты же создан для Зла! – Гибкие пальцы красавицы ласкали обнаженную грудь Конана, но ему чудилось, будто это змеи ползают по его телу. – Пойдем со мной, могучий варвар! Я не шучу: мы будем служить Сету вместе. Сет сделает тебя бессмертным! Соверши только шаг, мой герой, всего одни шаг! Зло затянет тебя, и ты почувствуешь величайшее наслаждение…

– Брось, волшебница, – мягко, но решительно отстранился Конан. – Я давно выбрал свою дорогу; тебе не совратить меня.

– О, как жестоко ты ошибаешься, – почти простонала девушка; в ее певучем голосе киммерийцу в который уже раз послышалось змеиное шипение. – Как же ты ошибаешься! Начать служение Злу никогда не поздно. Тьма не требует послужных списков. Слуги Сета – это не каста добродетельных жрецов, как служители культа проклятого Митры. Слуги Сета – те, кто готов, не раздумывая, проливать кровь. Много крови. Ты подходишь на эту роль, варвар! Что тебе до людей? Они не стоят тебя! Пойми: ты выше их! Топчи их сапогами, руби, насилуй – Сет поможет тебе в этом. О, а какие плотские утехи дарует Мрак! Я знаю, о чем говорю! Я прошла через великие оргии; сам Сет удостоил меня своим божественным вниманием!…

– Ты отдалась Змею?! – поперхнулся Конан.

– О да, я отдалась ему, отдалась с радостью, и он оставил во мне свое священное семя!

Это был самый счастливый миг моей жизни! Я отдала бы все, лишь бы повторилось это мгновение… Его чешуйчатое тело ласкало мою грудь, потом мы плескались в морях свежей крови, и я зачала. Родилась тварь с головой человека и туловищем змеи. Была новая оргия, мы купали новорожденную тварь в крови, она снесла тысячу яиц, и из них появились нежити – серые создания без головы, но с адской силой в железных суставах… А знаешь, почему они безропотно подчиняются мне? Ведь демоны обычно лютой ненавистью ненавидят чародеев-хозяев, нежити же служат мне самозабвенно. Не я, но сам Князь Тьмы заклял их своим именем; это был его свадебный подарок мне…

Конан с жалостью и презрением смотрел на нее. Наконец он сказал:

– Я не могу тебя даже ненавидеть. Ты просто свихнувшаяся девчонка, ищущая радостей во зле и непотребстве. Мне жаль тебя, Тхутмертари!

– Ты так ничего и не понял, – с грустью молвила волшебница. – Я служу Тьме, потому что таков мой выбор. Я выбрала Ночь, как ты выбрал День. И, родись я снова, я снова же, не раздумывая, отдам себя во власть Мрака. Ибо знаю, что это такое.

– Тогда ты – чудовище, – содрогнулся киммериец. – Боги обязательно накажут тебя.

Стигийка звонко рассмеялась; реплика Конана как будто даже позабавила ее.

– А я знаю. Гореть мне в геенне, другой дороги нет! Но геенна не страшит меня: там все свои, и я еще получу наслаждение!

– Знают ли нежити, что ты их мать?

– Об этом не знает никто. Ни нежити, ни люди. Только Сет и я. Ты первый, кому я открылась.

– Зачем ты сказала мне?

– Не знаю, – хитро улыбнулась принцесса. – Так вышло. Вызвал меня на откровенность… У меня есть возлюбленный, между прочим!

– Слышал уже, – буркнул Конан. – И имя его – Сет!

– Нет, я люблю человека. Зовут его Атотмис. Тот-Амон содержит его в заколдованной темнице в королевском Луксуре.

– Твой Атотмис – тоже волшебник?

– Увы, увы! Атотмис – всего лишь простой жрец, даже не посвященный. Его брат, Тутотмес, поднял в свое время бунт против Тот-Амона.

– А я знал Тутотмеса, – заметил Конан. – Он украл у меня Сердце Аримана. Тутотмес погиб на моих глазах: колдун из Кхитая прикончил его ударом Посоха Смерти. Еще через минуту я уложил этого кхитайца и завладел Сердцем Аримана.

– Мир тесен, не находишь, киммериец?! Надо будет рассказать эту историю Атотмису – он будет признателен тебе за брата.

– Плевать я хотел на его признательность! Не подвернись кхитаец, я сам порешил бы этого Тутотмеса… А ты что же, намерена освободить своего возлюбленного?

– Да. Победа над карликом вселит в меня новые силы. Тот-Амон вынужден будет выпустить Атотмиса. А я – я стану королевой Стигии и первой верховной жрицей Сета. Светская и жреческая власть наконец воссоединится в моем лице! – пылко воскликнула Тхутмертари.

– О, боги! – простонал Конан. – Молю вас: отведите эту напасть! Аквилония не готова к приему стольких беженцев!

– Можешь быть спокоен, властелин Аквилонии: беженцев не будет, – хищно изрекла волшебница. – Никто и никогда не уходил от Тхутмертари! Так будет, по моему слову!

– У тебя ничего не получится, – заметил Конан. Но стигийка вместо того, чтобы ответить ему, лишь испуганно прижалась к его мускулистому торсу.

– Ты слышал? Будто лошадь проскакала мимо нас.

– Ну и что? Мираж уже почти исчез; может статься, наши кони очухались и пустились нам вслед. Ба, да мы, кажется, пришли!

Горы открылись внезапно. От громадной головы осталась неясная дымка, мираж, похоже, действительно отступил; то ли действие магии Тезиаса закончилось, то ли подобное развитие событий в самом деле устраивало карлика – кто знает?… Скалы высились у людей на пути. Стояла уже глубокая ночь, но голубая змейка, указывающая им путь, по-прежнему струилась меж ущелий. Была полная луна, освещавшая лица тусклым, мертвенным светом. И люди шли меж скал, теперь уже молча. Со стороны могло показаться, что это два мертвеца шествуют посреди ночи к месту последнего успокоения своих душ…

Ощущение, что за ними кто-то следит, вдруг овладело Конаном. И это был не мираж и не призрак. Нет, наблюдающий за ними был человеком. Инстинкт Конана тотчас же учуял его. Тхутмертари же, погруженная в свои мысли, брела где-то позади.

Конан увидел тень затылком. Она стояла на скале, дыша прямо над их головами. Киммериец резко обернулся. Инстинкт не подвел его: на скале и впрямь был человек. Сжавшись, точно горный барс, он изготовился к прыжку. Туманный свет луны плясал на лезвии широкого меча, который он сжимал в руке.

– Тхутмертари, нет! – словно помимо воли, отчаянно вскричал Конан.

В тот же миг человек прыгнул – прыгнул прямо на голову девушки. И его встретил длинный острый кинжал, точно по команде вытянувшийся из правого указательного пальца волшебницы. Пронзенное тело бесшумно пало на камни. Конан подбежал к женщине.

– С тобой все в порядке? – вопросил он, в очередной раз дивясь отменной реакции Тхутмертари: ею, такой реакцией на опасность; ее что, тоже Мрак одарил?

– Да, – стуча зубами, ответила принцесса. – Кто это был?

Конан перевернул труп. В мертвенном блеске луны он не сразу узнал его. Подернутый гримасой рот, безумные, остекленевшие глаза.

– Митра и демоны! Да это же Эритей, барон Фланский! Что за муха его укусила?

– О! – только и воскликнула волшебница, но интонация ее насторожила Конана.

– Тебе известно, почему этот человек хотел убить тебя? – сурово вопросил он.

– Да, мне известно… Я останавливалась в его доме несколько дней назад.

– Какое же ты чудовище! – вложив в эти слова все свои чувства, молвил Конан,

– Зачем же ты тогда спас меня? – злобно парировала Тхутмертари.

Киммериец не ответил. Смачно выругавшись, он пошел дальше по голубой ленте, петлявшей между черных скал.

Тропинка закончилась у широких ступеней, пробитых в камне. Перед Конаном высилась скала, непохожая на другие. Отвесная и округлая, она скорее напоминала гигантскую башню. Скала-крепость не имела ни окон, ни дверей, ни каких-либо иных отверстий – бойниц или вентиляционных труб. Вход в крепость обозначала массивная железная плита, прильнувшая к камню; именно к ней, к этой плите, вели широкие рукотворные ступени.

– Вот она, горная цитадель карлика, – молвила Тхутмертари.

– Я полагаю, нас ждут с парадного входа, – Конан кивнул в сторону железной плиты. – И все же я хотел бы обследовать крепость снаружи. Мало ли что…

Они двинулись вокруг скалы. Приходилось пробираться сквозь заросли папоротников

высотой в полтора роста Конана. Киммериец, ругаясь, мечом прокладывал себе дорогу.

– Они что там, все по воздуху летают? – кряхтел он.

– Возможно. А может быть, единственный вход – через плиту?

Обойти скалу по окружности им не удалось. Примерно через сто шагов их встретила пропасть; в этом месте скала была словно обрезана ножом. Но и без того было ясно; крепость абсолютно неприступна. Глаз бывалого вора без труда определил: по отвесной, абсолютно гладкой, как будто отполированной поверхности взобраться либо спуститься было невозможно. Да и куда взбираться: окон-то не было!

– Н-да, – разочарованно протянул киммериец. – На свете мало крепостей, перед которыми отступал Конан-вор. Но здесь я пасую. Как, принцесса, будем стучать в калитку или обождем, пока слуги карлика сами за нами выйдут?

Тхутмертари загадочно сощурилась.

– Ни то, ни другое. Мы пройдем здесь, где карлик нас не ждет.

– Сквозь стену, что ли?

– Именно! Отойди-ка в сторонку, киммериец! Что-то давно не прибегала я к своим заклятиям…

И Тхутмертари начала колдовать. Ворожила она долго; Конан уже начал нетерпеливо прохаживаться за ее спиной, наконец буркнул:

– Ну, скоро? Этак ты всех стервятников скличешь!

– Молчи, варвар, если жизнь дорога! Не нарушай целостность заклятия!… Все, готово!

К счастью, вспышки, – обычного для подобного колдовства светового эффекта, – не последовало. Кусок стены отвалился почти бесшумно, обнажив черноту скальной галереи. Тхутмертари отважно заглянула внутрь.

– Ну вот, что я говорила! – торжествующе прошептала она. – Мы застанем Тезиаса врасплох! Иди же, мой храбрый варвар!

Пригнув голову, Конан осторожно вступил в проем. Следом двинулась Тхутмертари. Но быстрее, чем сверкает молния, встрепенулась, вставая на прежнее место, отколовшаяся каменная глыба; волшебница осталась снаружи. Конана же моментально подхватили незримые ледяные руки, и руки эти уверенно потащили куда-то могучего киммерийца.

Глава XVI

«Узник горной цитадели»

Он мчался по извилистым галереям, и даже его всемогущий первобытный инстинкт не в силах был определить общее направление. Ветер свистел в ушах, мимо проносились какие-то огни. Навстречу мчались каменные стены, вот-вот, казалось, он разобьется о них, но в последний момент коридор всегда сворачивал, и неведомый ветер мчал Конана дальше. Наконец незримые руки бросили его куда-то; он ощутил под собой гладкий каменный пол.

– Вставай же, могучий Конан! Негоже королю Аквилонии отдыхать на холодном полу. Я приготовил для тебя кое-что получше!

Конан вскочил, затравленно озираясь. Он стоял посреди покоя, не большого и не маленького, но достаточно просторного, чтобы вместить несколько десятков человек. Комната не блистала богатством убранства: на полу, потолке и стенах не было ни ковров, ни картин, ни каких-либо иных украшений. Только загадочные светильники в форме перевернутых пирамид, словно сталактиты в пещере, свисали с высокого потолка; их ровный свет ярко освещал чертог.

В глубине покоя располагалось неказистое на вид, но, несомненно, удобное для хозяина, кресло; в нем, облаченный в облегающий черный костюм, закутанный в меха, восседал сам карлик Тезиас. Вокруг него точным порядком разместились рослые, крепко сложенные мужи в одинаковых индиговых плащах, синие же капюшоны скрывали их головы. Был здесь и уже знакомый Конану Слуга Судьбы – магистр стоял по правую руку от кресла карлика. По левую же руку, ухмыляясь, устроился человек, в котором Конан с содроганием узрел свое отражение. Широкоплечий, мускулистый, голубоглазый, этот человек нагло взирал на Конана, и в очах его не было и тени присущего киммерийцу врожденного благородства…

– Приветствую тебя в моей скромной обители, великий Конан! – продолжал между тем Тезиас. – Долго же я ждал тебя! Но ты сполна вознаградил меня за мое долготерпение. Ты действовал так, словно заранее знал весь мой план, словно сам – добровольно! – согласился участвовать в моей игре…

– Игра закончена, гнусный карла! – взревел Конан, устремляясь к трону Великой Души. В руке варвара все еще был меч. Конан знал, что сразить Тезиаса вот так запросто вряд ли будет ему суждено. Но он должен был что-то делать! Не стоять же тут подобно рабу-истукану, выслушивая глумливые речи Кром знает как ожившего Бога!

В мгновение ока Конан подлетел к трону Тезиаса. Странно, но ни карлик, ни четырнадцать его монахов, ни тот, второй, Конан не шелохнулись. Никто не попытался остановить его даже тогда, когда с оглушительным свистом рассекающий воздух длинный меч понесся к голове Великой Души. Но недоумевать по этому поводу Конану было некогда. Не встретив никакого сопротивления, он разрубил Тезиаса напополам – сверху вниз, от головы до самых бедер.

Однако ужасающего стона не последовало, и алая кровь не брызнула из разрубленного тела. К ужасу своему, Конан узрел, что там, где прошел убийственный след его меча, сидят, ухмыляясь, уже два Тезиаса! Оба были совершенно невредимы. Укоризненно покачивая

головами, они осуждающе глядели на Конана.

«Опять колдовство», – подумал он. Вдруг иной голос, зашевелившийся в его мозгу, бесстрастно произнес: «А чего ты еще ожидал?»

Конан снова взревел, как смертельно раненный зверь. Меч сверкал с молниеносной быстротой. Он рвал, резал, кромсал тщедушное тело Тезиаса, но чем дальше, тем больше из-под лезвия меча вылезало новых карликов, ничем не отличимых от Тезиаса. Вскоре их были уже десятки, они не умещались в кресле. Глумясь и хихикая, они толпились вокруг сражающегося Конана и бесстыдно заглядывали в самую душу его.

Конан не мог остановиться. Казалось, он обезумел, круша и кромсая маленькие тела вокруг себя. Краем глаза он видел, как безучастно взирают на эту странную битву Синие Монахи, а тот, второй, Конан, напротив, раскрыв рот, изумленно смотрит…

Наконец, обессилев, киммериец опустил меч. Он тяжело дышал, могучая грудь судорожно вздымалась, в синих глазах отразилось отчаяние. Только он прекратил бессмысленную сечу, карлики исчезли. На троне снова сидел один-единственный Тезиас, живой и невредимый.

– Как это грубо, – с деланным сожалением молвил карлик. – Пришел в гости и сразу же напал на хозяина! Тебе повезло, варвар, что я отходчив, иначе не миновать бы тебе божественного гнева!

– Ну вот он я, чего ж ты ждешь, гнусный карла?! – просипел Конан. – Давай, заканчивай свой балаган!

– Не-ет, любезный Конан! – протестующе воскликнул Тезиас. – Подошла к концу только первая часть нашего фарса. Комедия закончена, начнется драма. Драма дикого мира, который падет к ногам Великой Души!

Киммериец сумел взять себя в руки. Если этот мерзавец хочет поговорить с ним, почему бы и нет?! Раньше всякое промедление врагов всегда играло на руку Конану.

– Могу ли я знать, какая роль уготована мне в твоем бездарном фарсе?

Тезиас широко улыбнулся, и улыбка эта не предвещала Конану ничего хорошего.

– Ага, киммериец, я вижу, в твоей душе проснулся живой интерес! Меня радует это. Поскольку ты едва ли представишь для меня какую-либо опасность в будущем, не стану от тебя ничего скрывать. Вот, видишь этого человека? – Тезиас указал на двойника. – Ты вряд ли поймешь, откуда он взялся, но это и неважно. Отныне Конан – он! Подойди, друг мой Джейк, к этому незадачливому варвару и прими от него аквилонскую корону!

Хищно блеснув белоснежными зубами, Джейк двинулся было к Конану. Взирая на свое живое отражение, Конан сначала опешил. Что это – очередной мираж Великой Души? Опять гипноз? Но миражу не предлагают корону! Корону может носить лишь живой человек! А если это проверить?

Волосатая рука Джейка уже тянулась к золотому обручу Аквилонии, что всегда сиял на голове Конана, когда огромный кулак киммерийца стремительно врезался в живот двойника. Удар был мощным. Джейк согнулся пополам, и Конан добавил со спины. Затрещали кости, Джейк, хрипя, покатился по полу.

– И этому ты хотел вручить корону Аквилонии?! – дерзко рассмеялся Конан. – Я был о тебе лучшего мнения, карла! Да такой хлюпик окочурится от дыхания младенца!

Сатанея, Джейк поднялся с пола. Воздух с шумом выходил из осклабившегося рта, слюна стекала по широкому подбородку, смешанная с кровью. Из-за пояса двойник выхватил некую штуковину, напоминающую изогнутую под прямым углом трубку из черного металла.

Раздался щелчок, указательный палец правой руки лег на небольшой отросток, чуть заметный на тыльной стороне странной трубки. Конан сразу понял: это – смерть. Едва он отпрыгнул в сторону, прозвучал громкий хлопок, мимо просвистело нечто, а еще миг спустя где-то за его спиной послышался тихий, но гулкий удар металла о камень.

– 'Какой ты прыткий, мать твою, – растягивая слова, с выражением проговорил двойник. – Но я достану тебя, мразь. Никто еще не уходил от пули Джейка Митчелла!…

Двойник прицелился снова. Палец не успел нажать на курок, как пистолет сам выскочил из сжатой руки, и раздался повелительный голос Тезиаса:

– Довольно, Джейк! Ступай на Место! Конан прав: тебе нужно еще многому научиться, чтобы править Аквилонией.

Американец, пробормотав какое-то ругательство, понуро побрел к трону. Конан же, решив, что, прикончив этого ублюдка прямо сейчас, он поступит в высшей степени благородно, метнул меч, точно копье, целя прямо в спину двойника. Тезиас как будто ждал этой импровизации. Меч, уйдя в сторону, мягко опустился на столик у ног карлика – туда, где уже лежала огромная книга в голубом переплете. А Конана снова подхватили невидимые руки, и спустя мгновение он ощутил себя прикованным к хладной стене. Тяжелые стальные цепи, в которых не было ничего призрачного, опоясывали его шею, руки, торс, ноги. Он был почти что распят, но, по-видимому, карлик не собирался причинять ему физических страданий; во всяком случае, внутри стальной клетки члены его двигались относительно свободно.

Тезиас, сощурившись, молвил:

– Я дал себе слово, что этой ночью не прольется ничья кровь…

– А вот и прольется, и кровь эта будет твоею! – возгласил звонкий девичий голос.

У входа в «гостиную» стояла Тхутмертари. На ней было закрытое облегающее платье ядовитого ярко-зеленого цвета с желтоватыми блестками, кольцами ниспадающее до пят. «Когда она успела переодеться?», – шевельнулось в голове Конана. Голубые глаза стигийской красавицы были полны ярости. Тхутмертари грациозно покачивалась, при этом кольца ее странного костюма шевелились, и казалось, что принцессу опоясывает кокон из живых змей. Прекрасная и зловещая, она являла собой воистину жуткое зрелище.

– Гляди, киммериец, твоя девушка пожаловала! – наигранно изумился Тезиас.

– Я не его девушка. Я – принцесса Тхутмертари! На карлика сия новость, похоже, не произвела ни малейшего впечатления.

– Ну и что с того? Я-то тебя в гости не приглашал! Но раз уж ты пожаловала, придется тебя убить. Признаюсь, я не питаю симпатий к стигийской расе, а к прислужникам Сета – в особенности. Помнишь, Брахо, я обещался натереть чешую Сету?! Вот удобный случай. Монахи! Прикончить суку, – приказал он совсем невежливо.

– Ко мне, мои верные слуги!!! – что есть мочи завопила волшебница.

И появились нежити. Они вылезали из невидимых глазом межпространственных дыр, их были десятки, костлявых, трупоподобных серых тварей с перевернутыми глазами на сосках и клыкастой пастью на животе. Они обступили хозяйку, и, кажется, перед ними попятились даже бесстрашные Синие Монахи. В случайной тишине раздался сдавленный шепот Джейка:

– Срань господня, что за твари!…

Волшебница Тхутмертари пронзительно засмеялась; от ее смеха на голове у Конана зашевелились волосы.

– Конец тебе, карлик! – торжествующе вскричала стигийка. – Там, в Бельверусе, я убила твоего слугу, здесь, в Карпашах, я отправлю в Ад самого хозяина. Вперед, мои верные рабы, во имя Сета Великого и Всемогущего!

Неспешно переставляя ластоподобные ступни, нежити двинулись к трону Тезиаса, тесня Синих Монахов. Те метали в тварей лазоревые молнии, но бестий, казалось, защищала невидимая стена. Разинув ужасные пасти и выставив вперед устрашающие трехпалые клешни, твари приближались к людям.

Конан видел, как побледнел Тезиас и как конвульсивно затрепетали руки Брахо, прильнувшие к серебристому медальону с пирамидой. А над сводами гостиной разливался жестокий голос Тхутмертари:

– О Сет, Великий Змей, разверзни врата Ада! Прими души этих несчастных! Прими!!!

Внезапно нежити, презрев тактику осторожного наступления, набросились на монахов. Но хитры и изобретательны были слуги Великой Души. Питаемые энергией своего хозяина, которую тот, как обычно, черпал прямо из Безбрежного Космоса, Синие Монахи использовали излюбленный прием Великой Души – сотворение живых миражей. Скоро Конану начало казаться, что монахов в комнате сотни, а то и тысячи, хотя он твердо знал: слуг карлика всего четырнадцать. Они сплошным ковром из своих тел, реальных и призрачных, заполонили узкое пространство между нежитями и троном карлика. Они стремительно сновали меж неповоротливых тварей, быстрые руки синих колдунов дробили железные кости, а клещи нежитей только клацали в пустоте, ибо не дано было безмозглым созданиям Тьмы отличить настоящего монаха от призрака. Лишь один раз сквозь гул кошмарной битвы прорезался тоскливый гаснущий вопль человека – это клешня бестии нашла-таки одно живое тело…

Синие Монахи побеждали. Они теснили нежитей к стене, туда, где, окруженная нечеловеческими слугами, стояла Тхутмертари. Конан прекрасно видел все это: его приковали к стене так, что слева от него был трон карлика, а справа – вход в «гостиную», через который вступила стигийка.

– Мрак отступает предо мной, как и всегда! – радостно воскликнул Тезиас; он по-прежнему восседал в своем кресле, как полководец стоит на холме, наблюдая за ходом разгорающегося в долине сражения.

Видя, что атака ее адского воинства захлебывается, волшебница устремилась в бой сама. Она отважно ринулась в самую гущу сражения, но и ей не всегда удавалось отличить подлинного врага от мнимого. Но ей удавалось другое: уцелеть в этой страшной схватке. Казалось, она движется точно изумрудная молния, еще быстрее стремительных слуг карлика. Вот она подскочила к одному из них, резко приложила ладонь к его груди. Конан вздрогнул от ужаса и отвращения: ладонь женщины была чернее смоли! Но то был призрак, он растаял в воздухе. Тхутмертари металась еще и еще, вокруг нее гибли, сраженные смертельными ударами мужей в синем, ее слуги, адское потомство женщины, отдавшей себя Богу-Змею. И вот, когда уже почти все нежити были перебиты, черная ладонь волшебницы наконец-таки нашла свою жертву. Грудь монаха, к которой она приложилась, вдруг вспыхнула, задымилась, человек с жутким стоном рухнул ниц, испуская дух.

Ликующий крик вырвался из горла стигийской принцессы. Она была совсем рядом с троном Тезиаса. Вытянув вперед черную ладонь, волшебница с парализующим волю пронзительным визгом бросилась на застывшего в кресле карлика. На пути ее встал верный Брахо: грудь магистра приняла предназначавшийся Великой Душе удар, И Брахо устоял!

«Черная ладонь Сета» легла прямо на серебристый медальон с пирамидой, сверкающий на груди магистра. Чертог потряс нечеловеческий вопль стигийки: рука ее вмиг обуглилась до самого плеча и тотчас отвалилась. Дымясь, рука волшебницы покатилась к ногам Брахо. А из медальона ударил луч – ударил прямиком в грудь Тхутмертари, отбросив ее на десять шагов назад, к самой каменной стене.

Вскоре все было кончено. Нежити были перебиты; по мановению руки карлика их переломанные кости исчезли с лица земли. Монахи окружили поверженную принцессу. Конан, внимательно следивший за ходом страшной битвы, с досадой сплюнул. Он знал, кто есть такая принцесса Тхутмертари, знал, какие ужасающие, враждебные всему человеческому силы за ней стоят. Но он все же желал ей победы! Да и как могло быть иначе, когда женщина божественной красоты сражается с жутким, воскресшим из мертвых карликом-уродцем?!

Однако стигийская волшебница и не думала сдаваться в руки обступивших ее монахов. Она отчаянно шептала запретные слова на мертвом, знакомом лишь немногим некромантам языке канувшей в безвестность Расы Тифона. Когда уже монахи готовы были схватить ее, раздался грохот. Из невидимых щелей выползали огромные, сверкающие черной чешуей гады. Дети Мрака вновь пришли на выручку своей преданной сестре…

Монахи не стушевались и на сей раз. В руках их вдруг появились широкие мечи, и они стали хлестать мечами по спинам гадов; вскоре к трону Тезиаса уже бежали струи желтой змеиной крови. Конан не мог не отметить: мечами слуги карлика владели в совершенстве. Да и Тхутмертари знала, что ползучие твари не остановят всесильных слуг Великой Души. Совершая замысловатые пассы единственной своей рукой, она шипела, точно змея, и в шипении этом угадывались слова:

– О Летучие Дети Змея, вы, подвластные лишь Отцу Своему, вы те, о ком не ведает ни один смертный, вы, гордые Властители Заоблачных Преисподних, явитесь на мой зов! Я сестра ваша, Летучие Дети Сета! Придите ко мне на помощь!…

И потолок разверзся, обнажив черноту неназванных бездн. Вниз ринулись змеи, но какие это были змеи! Похожие на земных гадюк, они быстро летали, хотя и не имели крыльев. Конан в жизни не видел подобных тварей. Словно маленькие зеленые ручейки, они скользили в пространстве, опутывая монахов незримой паутиной; с их желтых клыков стекали красные капельки яда. Их были мириады, они напали на всех сразу; Конан заметил, что Тезиас едва успел взмахнуть рукой, сооружая над собой, Брахо и Джейком некий защитный купол. Но Летучие Дети Сета облепили невидимую оболочку, клацали зубами, пытаясь добраться до людей, и казалось, вот-вот этого добьются. Синим Монахам же было гораздо хуже, чем их хозяину. И полминуты не прошло с момента появления летучих змей, как двое монахов уже лежали с перекушенными глотками; остальных, без сомнения, ожидала та же участь. В широких, налитых кровью глазах Тхутмертари появилось выражение негасимого триумфа. Она возгласила:

– И все же победила тебя, карлик! Ничто живое не может устоять перед Летучими Детьми Змея!

И тогда Бог Великая Душа сам вступил в жестокую битву. Карлик вскочил со своего трона, его руки стремительным броском простерлись в бесконечность, так что кончики пальцев исчезли в сгустившемся воздухе. Черные молнии вырвались из агатовых глаз, и Конан услышал громоподобный вопль:

– Рожденный ползать летать не может!!! Властью, данной мне Великим Разумом

Вселенной, я повелеваю: умрите, Дети Мрака!

Каменный потолок, вздрогнув, снова встал на свое место. А летучие змеи попадали наземь. Все более уменьшаясь в размерах, они превратились в ужей, затем в пестрящие зеленые ниточки, а через несколько мгновений исчезли вовсе. Тхутмертари осталась одна, единственной рукой прижимаясь к холодной стене, как будто этот Нездешний Холод мог дать ей спасение. Тезиас же встряхнулся и, переставляя коротенькими ножками, молча пошел к ней. Его слуги, кланяясь, расступались перед ним.

– Я не дамся тебе, Великая Душа! – отчаянно взвизгнула стигийка. Сейчас она напоминала не могучую волшебницу, а затравленную рабыню, ожидающую неминуемой, мучительной смерти.

Тезиас вплотную приблизился к ней.

– На колени, дочь Мрака! На колени!!! – леденящим душу голосом, в котором не было ничего человеческого, приказал Бог.

И Тхутмертари, отчаянно цепляясь за стену, все-таки сползла к его стопам. Тоскливый предсмертный стон вырвался из ее груди.

– Спаси меня, Отец Сет! Возьми к себе! Вызволи из когтей этого проклятого карлика…

Голова стигийки уже была на уровне груди карлика. Тезиас заложил руки за спину, но Конану почудилось, будто из бездонных агатовых глаз вытягиваются другие руки – черные, туманные тени, они простерлись к горлу Тхутмертари. И точно: та захрипела, словно незримые глаза-руки действительно душили ее.

– Так будет со всем вашим адским отродьем, дочерь Мрака, – жестоко приговаривал Тезиас. – Я расправлюсь с остальными прислужниками Тьмы точно также, как сегодня расправился с тобой…

– Сет! Сет! Спаси меня… – хрипела Тхутмертари.

– Да. Я иду, – прошипел в мозгу людей низкий свистящий голос.

За спиной Тезиаса начал вырисовываться смутный силуэт Великого Змея. Монахи в ужасе отшатывались от бездонного холода, привнесенного в этот покой бессмертным властелином Ночи. Тезиас, отпустив Тхутмертари, отскочил прочь. Но ледяной туман продолжал сгущаться: это Князь Тьмы, казалось, сам снисходит в Мир Людей, чтобы отомстить за унижения излюбленной дочери.

Тезиас помрачнел, челюсть его отвисла. По-видимому, он не был еще готов встретиться с чешуйчатым Богом лицом к лицу. Но карлик не зря называл себя Великой Душой: ума и находчивости ему было не занимать. Он не стал дожидаться полной материализации Великого Змея. Он понимал: Бог Мрака не снизойдет на Землю, если исчезнет та, которая призвала его.

– Отправляйся домой, дочь Ночи! – воскликнул Тезиас. – Лети в Стигию, к Тот-Амону; он сумеет разобраться с тобой! Мне ты не нужна!

В миг, когда прозвучали эти слова, из растопыренных ладоней карлика вырвались крохотные голубые молнии. Искрясь, они опеленали воспрявшую было духом волшебницу. Раздался оглушительный скрежет, потолок снова разверзся; на этот раз показалось чистое ночное небо. Искрящийся сверток из молний, внутри которого находилась поверженная принцесса, стремительно взмыл навстречу полной луне и унесся прочь.

– На юг! В Стигию! К Тот-Амону! – отрывисто кричал карлик вослед удивительному ночному метеору.

Видение Сета исчезло. Потолок занял обычное место.

Минуту стояла томительная тишина, затем ее оборвал голос Конана.

– А все ж таки девчонка потрепала тебя, а, Великая Душа?!

Карлик круто развернулся к киммерийцу.

– Ты все еще здесь?

– Где ж мне еще быть, – рассмеялся Конан. – Сам ведь приковал меня к этой стене!

– Прекрасно, – отметил Тезиас. – Тогда доиграем до конца первый акт нашей увлекательной драмы. Действие было прервано внезапным появлением злой волшебницы. Однако главный герой смело разметал силы Тьмы. Его доблестные слуги сражались, не щадя жизни. Скольких людей мы недосчитались, Брахо?

– Четверых. Один погиб, сражаясь с нежитями, другого убила ведьма, остальные двое пали от укусов летучих змей.

– Вот, Конан, слышишь? Мы не только книгочеи, но и храбрые воины. Мы тоже умеем сражаться, – со значением молвил карлик.

– Вы сражаетесь колдовским оружием!

– Мы сражаемся тем оружием, которым наградили себя сами, – парировал Великая Душа. – Этой ночью, киммериец, Знания побороли Магию!

– Твои знания несут боль и унижения. Ты навязываешь людям то, чего они не понимают и чего страшатся…

– Ах, оставь… Я слишком устал, чтобы вести с тобой философские беседы. У нас еще будет время для этого. А пока завершим начатое.

Карлик подошел к Конану. Золотой обруч Аквилонии соскользнул с головы киммерийца прямо в холодные руки Тезиаса. Набрав в рот побольше слюны, Конан смачно плюнул в самодовольную физиономию воскресшего Бога. Однако выпущенный Конаном плевок, совершив затейливый пируэт в воздухе перед лицом Тезиаса, вдруг круто изменил направление полета и спустя секунду опустился между глаз низложенного короля. Не в силах скрыть унижение, Конан грязно выругался.

– Ай-яй-яй! – укоризненно покачал головой карлик. – Ты плюешься, как верблюд и ругаешься подобно грязному барахскому пирату. А впрочем, ты и есть грязный барахский пират. В жизни не встречал такого невоспитанного человека! Учись у него, Джейк, – чтобы тебя признали, ты должен быть таким же грубым варваром! Опустись, так сказать, на ступеньку ниже по лестнице эволюции. А тебя, бывший король, мы научим хорошим манерам, не сомневайся! Ты еще послужишь науке.

Тезиас прошел к своему креслу, играя золотой аквилонской короной, точно колесиком. Поудобнее устроившись, он сказал:

– Начнем церемонию коронации. Она не будет долгой: к чему помпезность? Приблизься ко мне, Джейк! Бог держит свое слово.

Огромный и мускулистый, американец встал перед троном карлика.

– На колени перед Великой Душой! – приказал Брахо, и Джейк не осмелился его ослушаться.

– Властью, данной мне всемогущим Космическим Разумом, которая суть выше власти Здешних Богов, я объявляю тебя, Джейк Митчелл из Джорджии, единственным и самодержавным владыкою Аквилонии! Отныне ты – милостью Великой Души Конан, король Аквилонский! – торжественно объявил Тезиас, возлагая на голову Джейка золотой обруч.

– Говори ответную речь, – шепнул Брахо новоиспеченному монарху.

– Чего говорить-то?» – хотел спросить тот, но уста его как будто сами собой разжались,

и он заговорил, склоня голову:

– Клянусь служить тебе верой и правдой, мой Бог! Повергаю Аквилонию к стопам твоим!

Конан взирал на «коронацию» и не мог избавиться от ощущения, что видит дурной сон… Словно угадав мысли киммерийца, Тезиас обратил к нему свои очи.

– Это не сон, варвар! Я добился своего: Конан Аквилонский лежит в пыли у моих ног!

– Плевал я на твою шутовскую коронацию, – стараясь сохранить хладнокровие, ответил Конан. – С тем же успехом ты бы мог усадить на мой трон обезьяноподобного Ханумана! Аквилония никогда не признает меня в этом мерзавце. Зенобия сразу найдет подмену. Да и говорит он не по-нашему!

Уж вовсе не к месту сказал он про Зенобию! Хитро рассмеявшись, карлик обратился к Джейку:

– Ничего, акцент мы поправим! Вставай, король Аквилонии! Настало время показать тебе твое царство. Гляди!

На стене вспыхнул магический экран. Все увидели пышные луга, широкие поля густой пшеницы, богатые города и саму златоглавую Тарантию… В Гарантии экран показал огромный, взметнувшийся над городом королевский дворец, Рубиновый Трон монарха, разряженных придворных, наконец, прекрасную молодую женщину, играющую с маленьким мальчиком; в роскошных волосах ее сверкала изящная, украшенная опалами корона.

– Ух ты, какая телка! – восхитился Джейк.

– Это твоя жена отныне, – важно объявил Тезиас.

Экран погас. Новоиспеченный король Аквилонии вальяжной поступью подошел к закованному в цепи киммерийцу.

– Ты все понял, каналья? Я буду плеваться в твоих придворных, я буду казнить и миловать твоих подданных, а затем, ночью, когда все это мне надоест, я с удовольствием буду трахать твою телку, а она будет думать, что это ты!

Этого уже Конан вынести не мог. Собрав в кулак всю свою силу, он резко дернулся вперед. Но заколдованные цепи были крепки. Холодная сталь цепей удержала Конана, впиваясь в обнаженное тело, и он потерял сознание. Но пытка его души на том не закончилась; Тезиас вовсе не был склонен отпускать его. Он почувствовал, как сознание насильно возвращается к нему. Перед ним, ухмыляясь, по-прежнему стоял двойник с золотым обручем Аквилонии в смоляных волосах. Конан в отчаянии понурил голову.

– А теперь ступай к своим подданным, король Аквилонии, – сказал Тезиас. – Они ждут тебя у стен замка.

Это было что-то новое! Конан тотчас оживился:

– Что ты несешь, выродок? Мои воины далеко отсюда!

Тезиас звонко рассмеялся.

– Ты недооцениваешь своих подданных, варвар! Они по-прежнему верны тебе! Когда исчез вызванный мною мираж, Просперо решил идти тебе на выручку.

Тараск воспротивился, и у них вышел крутой спор. Две трети воинов пришли с Просперо, остальных увел Тараск. Должен признаться, и то, и другое полностью соответствует моим планам касательно тебя и Джейка.

– Тараск, собака! Я не должен был брать его с собой! – вырвалось у Конана.

– Не тревожься: Тараск не уйдет от меня. Так вот, войско Просперо стоит у стен цитадели, решая, как пособить тебе. Глупые, они полагают, что их королю требуется

помощь… Джейк, пардон, Конан спустится к ним и успокоит храбрых воинов. Ты все помнишь, американец, что ты должен сказать?

– О'кей, Великая Душа, не подведу, – осклабился Митчелл. – Мне и самому по сердцу твоя игра.

– Ступай же! Впрочем, лучше я тебя телепортирую, чтобы не заставлять ждать твоих новых подданных.

Джейк исчез. Магический экран опять возник на стене. Конан увидел верных воинов, осторожно ступающих среди ночи по широким каменным ступеням. А вот и сам Просперо: поглаживая бородку, генерал шел впереди всех с обнаженным мечом в руке.

– Давай гляди, киммериец, дальше будет самое интересное, – заметил Тезиас.

Конан, казалось, уже успел привыкнуть к самым изощренным издевательствам Великой Души. Он уныло взирал на экран, даже не пытаясь гадать, какую пакость задумал враг на этот раз.

Он увидел, как внезапно откатилась в сторону массивная железная плита. Из проема хлынул свет. Появился человек, – высокий, широкоплечий, мускулистый, – и киммериец услышал радостный крик Просперо:

– Конан! Это король! Ты жив! Ура королю Конану!

Полководец бросился навстречу Лже-Конану. Но тот сделал останавливающий повелительный жест, и Просперо в изумлении замер.

– Слушайте меня, воины! – пробасил богатырь; от его голоса варвар содрогнулся: Лже-Конан говорил с исконно киммерийским акцентом!

– Слушайте меня, воины! Моей вражде с Великой Душой пришел конец.

– Ты убил его государь? – раздался из толпы восторженный крик.

– Нет. В этом не было необходимости. Знайте же: силы Зла околдовали всех нас. Мы думали, Великая Душа враг нам. Как жестоко мы ошибались! Великий Бог помог мне прозреть. Вместе с ним мы одолели Тьму. Зло повергнуто, и вот я вышел к вам, чтобы объявить свою волю; Великая Душа – Бог Аквилонии отныне!

В толпе воинов поднялся удивленный ропот.

– Мы не верим тебе! Ты – демон, посланный злобным карликом! Наш король никогда не отрекся бы от истинных богов!

«Вот сейчас они растерзают этого подонка», – со злорадством подумал Конан. Но двойник не стушевался под гневными взглядами сотен аквилонских и неме-дийских воинов.

– Истинный Бог отныне – Великая Душа! А ваш король – я, Конан Аквилонский! Я не демон, не призрак и не мираж! Я готов сразиться с каждым, кто в этом сомневается! – и Лже-Конан быстрым, уверенным движением обнажил меч.

«Да это же МОЙ меч!» – воскликнул про себя киммериец, но тут же осекся: ЕГО меч, как и прежде, лежал на столике у ног карлика – рядом с Книгой Судеб. Дьявольщина продолжалась…

Вступить в схватку с королем, вышедшим из чрева гигантской скалы-цитадели, да еще глубокой ночью, не отважился никто.

– Прости, государь, – рассеянно молвил Просперо. – Все это так неожиданно… «Старый дурак!»

– Ничего, Просперо, я понимаю, – Лже-Конан дружески прихлопнул генерала по плечу – в точности так, как делал это сам Конан. – Пошли гонцов в Тарантою, пусть сообщат Зенобии о нашей победе над силами Тьмы.

– А что же ты, государь?

– Я должен вернуться в замок. Мне надлежит обсудить еще кое-что с Великой Душой.

Конан ликовал: план карлика впервые дал слабину! Король Конан, каким знали его подданные, всегда делил радости и невзгоды со своим войском. И он никогда не оставил бы верных солдат среди ночи, сам укрывшись в цитадели, где наверняка можно было устроить всех! Только обратит ли Просперо внимание на такую странность? Похоже, он действительно растерян…

Тем временем Лже-Конан вернулся в замок, и плита задвинулась за ним. Вот вторая ошибка карлика: он не должен был показывать противнику, как открываются врата в его цитадель. Но суждено ли ему, Конану, воспользоваться этими мелкими оплошностями самоуверенного Бога?!

Джейк показался в гостиной. О, как Конан ненавидел этого Кром знает откуда взявшегося двойника! Пуще он ненавидел только самого карлика, организовавшего весь этот жуткий театр. Ничего, если только останется жить, он наверняка сумеет расквитаться и с Лже-Конаном, и с его хозяином!

– Молодец, Джейк! – похвалил Тезиас. – Ты рожден быть монархом, и ты будешь им, пока того хочу я!

От последних слов двойника передернуло. «Видать, этот малый не шибко в восторге, что им понукает какой-то карлик», – отметил, Конан.

– Я пойду к «Черному коршуну», – хмурясь, сказал Митчелл. – Может, телепортируешь меня?

– Топай ножками, король Аквилонии, – ласково молвил карлик. – Я тебе не извозчик.

Буркнув что-то себе под нос, американец вышел. С места поднялся и Тезиас.

– Пожалуй, пойду и я, – сказал он, глядя в глаза Конану. – День был тяжелый, да и ночь не легче. Даже богам необходим отдых. Вздремну часика два – и к утру буду как огурчик. Повиси здесь покамест, варвар. Подумай, так сказать, о смысле бытия!

– Оставляя меня в живых, ты даешь мне шанс! – вырвалось у Конана.

Магистр Синих Монахов мягко тронул Тезиаса за руку.

– Он прав, хозяин. Живой Конан слишком опасен! Если не хочешь убить его, хотя бы усыпи!

«Чтоб тебе сдохнуть, Слуга Судьбы! Ну же, что ответит карлик?»

Карлик снова рассмеялся.

– Оставь, Брахо! Меня не страшат опасности! Без опасностей и приключений жизнь скучна и неинтересна. Если бы Конана не было, стоило бы выдумать его. Неужели, по-твоему, я удовлетворился бы таким противником, как, к примеру, Тараск?! Нет, Брахо, без борьбы игра во власть теряет всякий смысл! Власть – это не вода, падающая с небес на кого попало; власть – это сокровище, за которое необходимо сражаться. В борьбе за власть всегда побеждает сильнейший – это я. Конану не убежать из моих цепей; на них нет ни единого замка, и не ключами, а заклятиями Великой Души запирается и отпирается твоя темница, варвар! В этом замке у тебя нет друзей, а даже если б таковые были, не в их силах разомкнуть мои цепи! Более того, я оставлю тебе твой меч; смотри на него, прощаясь: он больше никогда тебе не пригодится!… Пошли, монахи!

Окруженный свитой, карлик отбыл, унося с собой Книгу Судеб. Один лишь Брахо задержался у темницы Конана. Испытующе глядя на киммерийца, Слуга Судьбы сказал:

– Вот видишь, варвар, к чему привело твое упрямство. Послушался бы ты меня тогда –

помнишь, как я предлагал тебе беззаботную жизнь?!

– Беги за своим хозяином, шавка-магистр, – презрительно процедил Конан. – Пока я жив, вы еще не победили!

– Все может быть, – откровенно признался Брахо, – Но я не столь самонадеян, как мой Бог. Я буду следить за тобой, варвар. Ты обречен и сам знаешь это.

– Посмотрим! – с вызовом заметил киммериец.

– Что ж, посмотрим… Хочу напоследок открыть тебе маленький секрет, варвар. Хозяин предполагал сделать тебе сюрприз, но, я надеюсь, он не очень разгневается, если я открою дорогому гостю, что его ждет. Хозяин вычитал в Книге Судеб особое заклинание, превращающее людей в сталь.

– Кром! – выдохнул потрясенный Конан.

– Ты удивлен? Он перевел первую часть заклинания – собственно превращение. Завтра он переведет и вторую – как превратить стального идола обратно в человека. Ты все понял?! Он будет превращать тебя в сталь, варвар, в крепкую могучую сталь, которой ты поклоняешься, точно Богу, и расколдовывать обратно, когда и если ему заблагорассудится! Только так, варвар, ты по-настоящему познаешь Волшебство Стали!

Конан не нашелся что ответить. На этот раз отчаяние и безысходность всецело овладели его душой. Он не услышал, как невозмутимый Слуга Судьбы покинул гостиную.

Глава XVII

«Грохот в ночи»

Профессор Луиджи Фонтанелли был закоренелым консерватором. По его глубокому убеждению, ночью человеку полагалось спать. Особенно если он достиг возраста в семьдесят пять лет. И особенно если за несколько часов до того он совершил колоссальный прыжок во времени и пространстве. Рассудив, что в Прошлом человеку точно так же необходим здоровый, крепкий сон, как и в Будущем, док не преминул воспользоваться предложением любезного хозяина, отправившись спать при первой же возможности.

Вечером карлик лично проводил профессора в отведенные ему апартаменты. Они состояли из одной просторной, скромно, но аккуратно убранной комнаты, напоминавшей кабинет самого Тезиаса. У стены стояла широкая удобная кровать, чуть поодаль – массивный письменный стол. Вход в комнату обозначала тяжелая дубовая дверь. Внешне комната профессора напоминала монашескую келью, но док не придал этому никакого значения. Как истинный ученый, он был неприхотлив. Да и как выскажешь какие-либо претензии радушному хозяину, подарившему ему, единственному из людей науки двадцатого столетия, радость работы в далеком Прошлом?! На завтра док наметил большую исследовательскую программу; Тезиас обещал помочь ему. Но для этого необходимо было как следует выспаться.

И он спал на широкой удобной кровати, укрывшись мягким пуховым одеялом. Он не услышал ни прибытия Конана в горную цитадель, ни шумного появления Тхутмертари. Спал он крепко, но вдруг ему, никогда в жизни не видевшему снов, причудилось землетрясение. Он ощутил, как колеблется под ним почва. Затем раздался грохот, и Фонтанелли проснулся. Грохот повторился; профессор открыл глаза. Землетрясение не снилось ему: комната слегка дрожала, глухой грохот, какой бывает при глубинных толчках, шел из недр горы. Док вскочил с постели и дрожащими руками нащупал свечу. Давно ему не приходилось пользоваться столь примитивным источником света, но, на удивление, свеча зажглась сразу, точно сама собой. Грохота больше не было, зато откуда-то снизу слышались звуки, отдаленно напоминающие крики людей, скрип и лязг металла.

Первой мыслью профессора было предупредить Тезиаса о землетрясении. Он быстро подошел к двери и дернул ее на себя. Дверь не открылась. Тогда Фонтанелли толкнул ее – дверь не поддалась и на этот раз. Тщательно обследовав ручку, док убедился, что засов находится снаружи.

Итак, его заперли. Зачем? Бунтарская натура ученого протестовала против всякого принуждения. Его заперли, точно нашкодившего ребенка! Док прислушался. Крики затихли; однако им на смену пришли высокие свистящие звуки, словно кто-то выпускал воздух из громадной барокамеры. Вдруг раздался отчаянный, душераздирающий вопль, заставивший профессора содрогнуться в немом ужасе. На смену воплю пришел смех – такой же высокий, лающий, жуткий, чем-то отдаленно напоминающий голос хозяина этой цитадели. «Чем там занимается мистер Тезиас?» – с тревогой подумал Фонтанелли. Зачем понадобилось изолировать его в этой келье? На что не нужно было ему смотреть? Какие опыты проводит Тезиас посреди ночи?

Фонтанелли ещё раз дернул дверь. Бесполезно. «Это возмутительно! – пронеслось в мозгу дока. – А если мне по нужде?»

– Откройте, мистер Тезиас! Я хочу выйти! – закричал Фонтанелли. – Откройте, кто-нибудь! Да выпустите же меня!

Умолкнув, док прислушался. Никто из хозяев не спешил выполнять просьбу Гостя. Очевидно, все остальные обитатели этого замка заняты более полезным делом, нежели освобождение заточенного в келье профессора. Потеряв терпение, док отчаянно забарабанил в дверь. Все это ему положительно не нравилось.

Внезапно сверху раздался лязг. Резкий и мощный толчок бросил дока наземь; он сильно ударился. Дверь широко раскрылась, с наружных петель съехала вниз массивная щеколда. Профессор, недолго думая, бросился в открывшийся проем, Едва он выскочил в коридор, грохот и пронзительный свист повторились: так в космос взлетает ракета. Новый толчок бросил дока к стене; он чуть не налетел на факел, мерцающий тусклым осенним светом. Затем все стихло.

Он был на свободе. Спать ему решительно расхотелось. Напротив, желание во что бы то ни стало разобраться, что же действительно творится в ночном дворце, достигло апогея. Ступая тихо и осторожно, он побрел по коридору.

Куда следует идти, док не знал. Наугад он двинулся по главному коридору влево. Факелы, подобные тому, что чадил у его комнаты, были вмурованы в стену через каждые десять шагов. Изредка попадались двери, док осторожно приоткрывал их, но в темных комнатах не было ни души. Полное отсутствие окон и какого-либо движения воздуха не могло не насторожить профессора. Однако воздух был удивительно свеж. «Наверное, здесь работает очистительная установка», – подумал док. Но никакой установки, вообще ничего, кроме широкого коридора, частых факелов и редких дверей в пустые покои, он не обнаружил.

Вдруг голоса послышались где-то рядом. Крадучись, док двинулся на голоса. Коридор круто поворачивал, за поворотом чернела ниша. Посомневавшись с минуту, док вступил в нишу. Послышались чьи-то тяжелые шаги; они приближались. Понимая, что поступает неучтиво, док все же вжался в нишу, затаив дыхание. Мимо него, мурлыкая себе под нос какой-то марш, покачивая головой и ухмыляясь, проследовал Джейк Митчелл.

Когда шаги Джейка стихли, док вынырнул из своего убежища. Чуть далее по коридору виднелась приоткрытая дверь, из щели струился яркий свет. Голоса шли оттуда. Профессор, опасливо ступая, подкрался к этой двери.

Говорили двое. Резкий насмешливый голос принадлежал, бесспорно, хозяину замка, мистеру Тезиасу. Второй голос – низкий, глубокий, грубый – был голосом Джейка Митчелла. «Но ведь Джейк только что вышел оттуда!» И еще в этом голосе были ярость, боль и тоска – настолько искренние, что они не могли принадлежать Джейку.

– Повиси здесь покамест, варвар. Подумай, так сказать, о смысле бытия! – говорил высокий насмешливый голос.

– Оставляя меня в живых, ты даешь мне шанс! – пробасил незнакомый голос Джейка.

Дальше говорил в основном Тезиас – и уста его изрекали воистину ужасные вещи! Док не понял и половины сказанного, но оставшегося было более чем достаточно! Теперь Тезиас ничем не напоминал радушного, любезного хозяина, преданного науке гения, каким он предстал минувшим днем перед профессором. Голос карлика звучал глумливо и нагло; кто бы ни был таинственный собеседник Тезиаса, карлик, без сомнения, торжествовал над ним победу.

Профессор едва успел юркнуть в свою нишу, когда дверь широко распахнулась, и компания из десяти человек, в которых док узнал карлика и его слуг, отправилась по коридору в противоположном направлении. Монахи выглядели неважно; они несли четыре тела своих собратьев. Процессия молча удалилась.

Фонтанелли хотел было выбраться из ниши, как дверь скрипнула снова. Из покоя вышел Брахо. Похожий на грифа магистр двинулся туда же, куда ушли его братья вместе с карликом. Пройдя пять шагов, он вдруг резко остановился и столь же резко обернулся. В тусклом свете факелов слепящею звездой блеснул серебристый медальон. Док затаил дыхание и закрыл глаза. Простояв посреди коридора несколько секунд, Брахо, не обнаружив, по-видимому, ничего подозрительного, отправился дальше.

Лишь когда угасли отзвуки шагов магистра, док шумно выдохнул. Положительно, странные дела творятся ночью в этом замке! Так ли уж прост радушный хозяин и тот ли он вообще человек, за кого себя выдает?! Профессор поневоле сложил вместе все события прошедшего дня: телепортацию и путешествие сквозь стену, недоступные нормальному человеку, бурный восторг Тезиаса при виде военной машины Будущего, странные реплики хозяина, на которые он, Фонтанелли, сначала не обратил внимания. Доку стало не по себе. Общий антураж этого замка и пугающие звуки в ночи только подчеркивали ощущение чего-то мрачного и злого, царствующего в покоях горного дворца…

Док уже достаточно долго торчал в этой нише. Вокруг него зависло безмолвие. Нужно было что-нибудь предпринять. Естественно было бы заглянуть в комнату, где, судя по всему, происходили такие важные и интересные события. Чутье исследователя подсказывало: в ней-то, в этой комнате, и таится разгадка.

Док пошел к двери. Тихие шаркающие шаги заставили его остановиться. Бежать обратно в нишу было поздно: навстречу шел сам хозяин замка.

– Профессор Фонтанелли! Я думал, вы спите. Что вы здесь делаете, доктор? – изумленно вопросил Тезиас.

– Меня разбудило землетрясение. Что это было? – понурив очи, сказал Фонтанелли.

– Ничего особенного. Обычная ерунда. Не стоит об этом даже вспоминать. Все уже кончилось, – как-то глухо и равнодушно ответил карлик.

– Почему вы заперли меня в моей комнате? Разве я пленник?

– Разумеется, нет, профессор. Просто в нашем мире принято закрывать двери на ночь. Мы не стали вас беспокоить и закрыли комнату снаружи. А как вы вышли?

– Запор сорвался во время землетрясения. По правде сказать, мистер Тезиас, я не люблю, когда меня лишают свободы.

– Я принесу вам свои извинения, – сухо и почему-то в будущем времени изрек карлик. – А сейчас идите спать. Поздно уже.

– Вы расскажете мне, что происходило в этой комнате?

– Нет! Оставьте меня, профессор, и отправляйтесь спать, – нервно облизав губы, молвил Тезиас; в его голосе смешались усталость и скрытое раздражение.

Фонтанелли не удовлетворился таким ответом. Он сказал:

– Могу ли я, по крайней мере, быть уверен, что ваши ночные опыты не идут во вред людям? Кто тот человек, Конан, которого вы одели в цепи?

Тезиас отмахнулся от него, как от надоедливой мошки. На этот раз он не стал скрывать своего раздражения.

– Вы разочаровываете меня, доктор. Я ведь уже объяснял вам мотивы моей научной

деятельности. Все, чем я занимаюсь в этом дворце и вне его, идет во благо цивилизации. Если вы все еще сомневаетесь, я представлю вам дополнительные доказательства. Только не сейчас. Поверьте, я очень, очень устал! Но раз вы такой любопытный, отвечу: да, я действительно беседовал с человеком по имени Конан. Это опасный преступник, враг истинной науки, вождь варваров-мятежников. Мне удалось захватить его в плен.

– Вы намерены казнить этого Конана?

– Зачем же? Я гораздо гуманнее, чем вы думаете. Мы проведем с ним воспитательную работу, и он, несомненно, осознает нашу правоту. Но пока это опасный Преступник. Да, очень опасный.

– Я вправе увидеть его?

– Нет! – почти вскричал Тезиас; он как-то странно зашатался, как будто вот-вот потеряет сознание. – Я запрещаю вам входить в эту комнату! Слышите: запрещаю, идите лучше спать – я вам приказываю!

Тихо шаркая ножками, карлик отправился дальше, даже не взглянув на опешившего от столь невежливого обращения профессора.

Фонтанелли не мог припомнить, когда последний раз с ним обращались подобным образом. Он свободный ученый, и никто, даже сам Господь Бог, не вправе ему приказывать. Возможно, в мире мистера Тезиаса и в самом деле принято запирать гостей на ночь, заковывать пленников в цепи и орать на тех, у кого возникают вопросы. Тогда этот мир действительно заслуживает, чтобы его изменили.

С другой стороны, док не был и бесшабашным мальчишкой, готовым, презрев указания старших, искать запретное яблоко. «Если мистер Тезиас не хочет, чтобы я входил в эту комнату, значит, у него есть на это веские причины». Какие? Вот это-то и предстояло выяснить. Джейк! Джейк Митчелл недавно выходил из этого покоя. Он-то наверняка знает! …

Профессор побрел по главному коридору дальше, мучительно размышляя, как ему отыскать Джейка в огромном и незнакомом дворце. Скоро он добрался до развилки. Главный коридор шел дальше, но направо и налево уходили более узкие галереи. Левый ход вел вниз, правый представлял собой широкую лестницу с пологими ступенями. Док вспомнил, что уже спускался по этой лестнице из зала-амфитеатра. «Ну конечно, Джейк возится там, наверху, с нашим вертолетом!» Фонтанелли стал быстро подниматься по лестнице.

Шел он долго, наверное, лестница пересекала не менее десяти этажей. Иногда попадались обитые железом двери; все они были закрыты. Конца лестнице, казалось, не будет. «Каких же размеров этот дворец, если огромный зал, где, точно детская игрушка, помещается вертолет, находится на такой высоте? Или это подземелье?» Док уже очень устал: в семьдесят пять не так-то просто совершать подобные прогулки!

Лестница вывела его прямо в зал, куда он так стремился. Посреди амфитеатра по-прежнему стоял «Черный коршун», около него двигалась высокая фигура.

Фонтанелли подошел к американцу. Тот раскладывал на полу весь богатый арсенал, доставленный в Прошлое «Черным коршуном». Были здесь и обычные пистолеты, и ружья, и автоматы, винтовки с оптическим прицелом и даже четыре базуки. Отдельно лежал десяток серебристых пистолетов с длинным и очень узким стволом: то были полулегендарные лазерные бластеры системы Фонтанелли.

– Вот, провожу инвентаризацию, – полушутя-полусерьезно сказал Джейк.

– Ты собираешься всем этим воспользоваться?

– А дьявол его знает! Боюсь, что нет. Судя по всему, наш добрый хозяин не испытывает потребности в оружии будущего.

Митчелл наклонился, собирая винтовки, и только теперь док заметил в его волосах толстый обруч из желтого металла.

– Что это у тебя на голове, Джейк?

– Называй меня теперь: Ваше Величество! – гордо распрямившись, заявил американец. – С сегодняшней ночи я король! А это моя корона.

– Я не понимаю…

– Есть чего понимать! Тезиас нанял меня на работу в качестве короля! Есть тут такая страна – Аквилония. Ее прежний король не устраивал нашего хозяина, вот карлик и предложил мне корону. Я подошел по всем параметрам, даже внешне. И ты не можешь себе представить, насколько!

– Ты смеешься надо мной, американец! Король Джейк – это невероятно!

– Почему Джейк? Король Конан! Мое имя теперь – Конан Аквилонский! Не правда ли, звучит?

– Постой, но ведь Конан – тот человек, которого пленил мистер Тезиас. Конан – вождь мятежников!

– Ну да! Не знаю, мятежник он или нет, но Тезиас его шибко невзлюбил. Час назад карлик сорвал корону с головы Конана и надел ее на меня. Это у него, у Тезиаса, игра такая. Не знаю, что будет дальше, но пока быть королем мне очень даже нравится! Видел бы ты, как пыхтел этот Конан!

– Да что же за человек мистер Тезиас, если в его власти играючи смещать и назначать королей?! – взорвался профессор.

– А ты, значит, не понимаешь? – хитро сощурился американец.

– Не понимаю, Джейк. Он гениальный ученый, это правда, но при чем здесь короли и королевства? И эти звуки в ночи… Что происходит, Джейк?

– Не будь ты моим старым приятелем, док, я бы, посмеявшись, вышвырнул бы тебя вон! Но мне противно, когда из тебя делают круглого идиота! Скажи: ты в самом деле такой простак или только прикидываешься?! Неужели ты думаешь, что человек, в совершенстве владеющий телепортацией, гипнозом, магией и еще черт знает какими чудесными искусствами, умеющий проходить сквозь стены, и прочая, и прочая, и прочая, – неужели, по-твоему, этот человек удовлетворится ролью ученого хотя бы даже и гениального?!

– Я полагаю, мистер Тезиас достаточно богат…

– Да уж наверное! На моих глазах он превратил деревянный стол в чистейшее золото! Он богат, черт возьми, как миллион крезов! Но не богатство интересует его, а власть! Власть над миром! Над всем миром, док! Он хочет править планетой!

– Тогда он сумасшедший! Никто не может править всем миром!

– Я бы не сказал, что он сумасшедший, – оглядевшись по сторонам, доверительно сообщил Джейк. – В мозгах у него не все в порядке, это точно. Но, провалиться мне на этом месте, он кто угодно, только не сумасшедший! Представь себе, он уже захватывал власть над здешними царствами. Он, как бы это поточнее выразиться, Бог.

– Бог?!

– Вернее, он был Богом, пока этот самый Конан не прикончил его примерно месяца полтора тому назад.

Профессор изумленно глядел на Джейка, не веря своим ушам.

– Что ты несешь, американец?! Как это – прикончил?

– Так вот и прикончил! Убил, прирезал, порешил, прихлопнул, укокошил, шлепнул, чикнул, отправил на тот свет, по стенке размазал – это ты понимаешь, ученая башка? Тезиас – живой мертвец! Он мне сам это сказал. «Я – мертвец, мол, воскресший», – сказал он мне как бы между делом. И еще добавил, что в здешнем мире не один он такой.

– Бред какой-то, – вытирая холодный пот со лба, пробормотал Фонтанелли. – Ты фильмов ужасов насмотрелся, вот и…

– Какой бред! – оскорбленно взревел Джейк. – Руки у него какие, заметил? Ледяные, точно у мертвеца! В замке жара, как в тропиках, а этот будто только что с Южного полюса прилетел! А глаза его видел? У, глазищи – точно черные фонари! По-твоему, он человек?!

– Это невозможно… Чтобы мертвец правил планетой! Какой кошмар!…

– Еще как возможно! Я знаю Тезиаса больше тебя и готов заложить свою душу в пари, что он добьется своего. Я такое видел, что навсегда перевернуло мои представления о мире!

– Что, что ты видел?

– Сначала ветер втащил к нам этого Конана, – волнуясь, начал американец. Казалось, он был рад, что в чужом мире Прошлого есть человек, с которым можно поделиться своими переживаниями и который готов выслушивать их. – Потом карлик пытал его, а затем приковал к стене…

– Пытал? Тезиас пытал человека? – возмущенно воскликнул док.

Джейк, не слыша его, продолжал свой рассказ:

– Затем явилась красавица-ведьма. Карлик и эта ведьма обменялись любезностями, после чего она напустила на нас каких-то невиданных тварей, похожих на скелеты, но без голов. Монахи, слуги карлика, перебили тварей. Затем ведьма призвала змей – сначала ползучих, а потом летучих… Не буду тебе всего рассказывать, но поверь, там была настоящая бойня! В конце концов карлик победил, а эту ведьму, точно ракету, запустил в небо!

«Вот откуда свист и грохот», – подумал Фонтанелли.

– Джейк, – заявил профессор после минутного молчания. – Если все, что ты говоришь, правда, мы должны как-то остановить это чудовище!

Митчелл презрительно сплюнул.

– А как ты его остановишь, док? Да и зачем? Он предложил нам работу. Мне работа нравится; думаю, тебе предложит не хуже. Мой тебе совет, док: не рыпайся и не серди карлика. Ты не на научном собрании. Здесь он босс.

– Но люди, Джейк! Люди! Он угрожает всему человечеству! Он клялся, что творит во благо цивилизации! Как жестоко он обманул меня!

– Он тебя не обманул, – расхохотался Джейк. – Он что тебе говорил: я, мол, Тезиас, борюсь с варварством, несу знания людям, тружусь во имя науки. А разве это не так?

– Но то, что он задумал, чудовищно! Наука не может быть служанкой одного человека, и к тому же не человека даже! Наука принадлежит всем!

– Ты стал занудливым святошей, док, – презрительно заметил Митчелл. – Когда мы с тобой лепили «Черного коршуна», ты не плакался об убиенных душах. Хотя и ребенку было ясно, что все твои изобретения – не детские игрушки.

– О Боже, ты прав, и я никогда не прошу себе этого… Опомнись же, Джейк! Все дело в масштабах! Я и раньше не был в восторге от твоих методов, но теперь… Не могу поверить, что ты согласился служить мертвецу, задумавшему покорить нашу планету!

– Послушай, док, какая нам вообще разница, кто правит миром? Неужели все эти

продажные политики лучше? Этот карлик хоть головастый мужик. Может, такой властелин как раз и нужен Земле?! А вообще, док, плюнь ты на эту философию! Живешь – и живи!

Фонтанелли молчал. Руки его тряслись. Казалось, док вот-вот заплачет; страшная правда, которую он узнал, оказалась много хуже всего, что был способен представить пытливый ум земного ученого… Джейк дружески похлопал его по плечу.

– Да не расстраивайся ты так, старина Луиджи! Жизнь прекрасна! Я буду королем, тебе тоже найдется местечко недалеко от вершины здешнего Олимпа. Умей находить хорошее в нашем положении. К тому же кто, как не ты, радовался, что попал в Прошлое. Вот и наслаждайся! А теперь, док, пойди проспись, – Джейк мягко подтолкнул его. – Я чувствую, путешествие во времени ударило тебе в голову. И вот что скажу я тебе на прощание: мы еще должны благодарить судьбу за то, что нас не съели, не растащили на запчасти для киборгов или, на худой конец, не приковали цепями к стенке, как этого Конана!

– Конана… Конечно, Конан, – рассеянно пробормотал профессор и двинулся к выходу. Ноги сами понесли его вниз по широкой лестнице.

Конану было не в новинку висеть на холодной каменной стене, закованному в толстые цепи из стали. Десятки раз уже приковывали его в мрачных подземельях, но ему неизменно удавалось ускользать из рук могущественных врагов и в конечном счете побеждать их. Спасение добывал он сам, своей целеустремленностью и находчивостью, либо же удача в самый последний момент улыбалась ему – в лице ли доброго волшебника или просто благоприятного стечения обстоятельств. Киммериец считал, что случаев, когда жизнь его и в самом деле висела на волоске, было не так уж много. Однажды, в Алой Цитадели Тсота-Ланти, он спасся вообще чудом: если бы не тот негр, что спустился в подземелье, влекомый жаждой безумной мести, ему бы ни за что не выбраться. А два года назад в Бельверусе? Если б не Зенобия, его, закованного в металлической клетке, непременно сожрала бы посланная Тараском гигантская горилла-людоед… Наконец, совсем недавно, опять же в немедийской столице, его снова спасла Зенобия – спасла от лютой мести однорукого шаха Рустам-Мамеда, коему продать аквилонского короля возжелал вероломный Тараск. Неужели удача на этот раз изменит ему? Неужели карлик Тезиас действительно победил?

…Дверь скрипнула, пропуская в комнату бледного человека с длинной белой бородой.

– Пелиас, дружище! – изумленно прошептал Конан. – Ради Крома, ты пришел, чтобы вызволить меня?! Но постой: ты не Пелиас! Изыди, коварный демон! Кто ты, принявший облик моего друга?

Док аккуратно прикрыл дверь и подошел к Конану.

– Я не Пелиас, это правда. Мое имя Луиджи Фонтанелли. Но я здесь, чтобы освободить тебя, Конан!

– Изыди, проклятый, – отвернувшись, с горечью молвил киммериец. – Мне казалось, ты хочешь отдохнуть до утра, гнусный карла. Мне надоели твои гипнотические фокусы и миражи. Кем бы ты ни прикидывался, Тезиас, я все равно узнаю тебя! Изыди, демон! Или это ты, Слуга Судьбы?! Ты ведь тоже горазд на подобные штучки, шавка-магистр!

– Ради всего святого, Конан, посмотри мне в глаза! – с мольбой воскликнул док. – Не отвергай мою помощь; мы должны остановить карлика, пока еще не поздно!

Конан внимательно всмотрелся в глаза пришельца. Глаза как глаза, вроде бы искренние. Но уж кто-кто, а он-то знает, как искусен и изобретателен бывает карлик. Куда уж проще обернуться Пелиасом, поколдовать у темницы, а потом, издевательски расхохотавшись, вновь превратиться в Тезиаса?! С другой стороны, зачем выдумывать какого-то Луиджи? Имя

аргосское, а выглядит, точно Пелиас; Пелиас – кофиец…

– Поверь мне, Конан, – продолжал док. – Я пришел освободить тебя. Ты обязан победить карлика снова. Джейк все рассказал мне!…

– Джейк? – рявкнул Конан. – Тот ублюдок, что нацепил на себя мою корону?! Так ты с ним заодно?! Проваливай-ка отсюда, дедуля, я не верю тебе!

– Я не уйду, пока не освобожу тебя, – твердо заявил Фонтанелли. – Думай обо мне все, что хочешь, но ты должен остановить карлика, иначе твой мир погибнет!

И профессор, не ожидая более ответной реакции, стал осматривать цепи Конана.

– Скажи лучше, кто ты такой и откуда взялся? Выглядишь, как Пелиас, а говоришь не по-нашему! И откуда взялся этот ублюдок Джейк? Он точная моя копия, гореть ему тысячу лет в Аду!

– Ты не поверишь – мы из Будущего. Тезиас призвал нас, чтобы мы помогли ему захватить власть над миром. Так, по крайней мере, мне сказал Джейк. А это правда, что карлик – живой мертвец?

– Правда, правда, папаша. Я собственноручно прикончил его. Но, как видно, силы Зла помогли ему восстать из могилы!

– Как же можно убить того, кто уже был мертв?

– Ты давай освободи меня, если сможешь, папаша, раз уж за этим пришел. А там посмотрим, как одолеть карлика. И не таких одолевали…

Конан соврал: противников, подобных Тезиасу, встречать ему не приходилось. Однако возбуждение предстоящей схватки уже звучало в голосе киммерийца. Конечно, пришелец вполне мог оказаться человеком карлика, но отчего же не попробовать, коли есть возможность? Как-то действовать все равно уж лучше, чем бесцельно висеть в цепях!

Исследовав толстые цепи, док сокрушенно заметил:

– Я не вижу здесь замков… Были бы замки, я открыл бы их отмычками.

Конан горько усмехнулся.

– А замков и нет! Карлик вмуровал эти цепи прямо в камень, и одному лишь Крому известно, куда они крепятся! Как видно, не дано тебе, старик, одолеть колдовские чары!

К удивлению киммерийца, Фонтанелли загадочно улыбнулся.

– Возможно, в твоем мире нет силы, способной разрезать эти цепи, но я-то из Будущего! Погляди-ка сюда, Конан.

Профессор извлек из кармана серый металлический стержень длиной в пол-локтя, зауженный с обоих концов.

– Это авторучка, – пояснил Фонтанелли. – Такими в нашем мире пишут.

– Ради Крома, Луиджи, или как там тебя! – разозлился варвар. – Я не собираюсь ничего писать! Или ' ты намерен помахать в воздухе этой штуковиной, чтобы мои цепи пали?! Тогда давай действуй, волшебник из Будущего!

– Я не волшебник, а ученый, – самодовольно заметил док. – А эта ручка и в самом деле не простая.

В нее встроен мощный лазер, и нет на свете металла, который устоял бы перед лазером профессора Фонтанелли!

Док нажал пальцем на верхний конец «авторучки» – тотчас из нижнего конца метнулся и замер тонкий малиновый луч. Луч был длиною с палец киммерийца. Профессор бережно ухватил «авторучку», поднес ее к одной из цепей, сковывающей левую руку Конана, и луч коснулся металла. Сталь задымилась, послышалось тихое шипение – через несколько секунд

цепь развалилась на две части. Киммериец успел заметить, что стальное звено толщиною в руку человека было гладко, точно ножом, разрезано…

– Ух ты! – восхищенно молвил Конан. – Вот это да! Ты волшебник, дедуля!

Фонтанелли только усмехнулся и на сей раз возражать не стал. Одну за другой он перерезал тяжелые цепи Копана тончайшим лазерным лучом. Пару минут спустя киммериец был уже свободен.

Его меч по-прежнему лежал на маленьком столике у стены. Киммериец бесшумно, точно леопард за верной добычей, прыгнул за мечом. Не ожидавший подобной прыти от человека, проведшего несколько часов в цепях, профессор со страхом отшатнулся. Это движение не понравилось варвару; верный меч снова был в его руке. Еще через мгновение острие меча прижалось к шее старика.

– Чего-то ты больно пугливый, папаша, – угрожающе произнес Конан. Если ты человек карлика, самое время тебе раскрыться. Будешь упорствовать, я живо намотаю твою седую бороду на этот меч!

– О Боже, я попал в безумный мир! – в ужасе вскричал док. – Вместо того чтобы идти спасать планету, ты хочешь убить меня, твоего освободителя! Ужели карлик был прав, и ты в самом деле опасный преступник?! О Боже, что же я тогда наделал!

Док в отчаянии всплеснул руками; из воспаленных глаз его потекли слезы. Слезы на глазах старика для Конана всегда означали почти то же самое, что и плач женщины. Пристыженный, он убрал меч.

– Прости, друг! Жизнь научила меня подозрительности. Ты здесь ни при чем. Ну, возьми себя в руки, Луиджи! Ты храбрый мужчина!

– Правда? – слабо улыбнулся док. Вот уж никогда не думал, что способен на такое! Ты ведь, наверное, думаешь, я герой, да? А я обычный профессор. Говорят, гениальный, но мало ли чего люди скажут…

Конан уже не слушал его. Он тщательно обследовал чертог. Везде было пусто. Как видно, карлик настолько самоуверен, что не оставил нигде ни тайных стражей, ни какой-нибудь сигнализации. Вдруг в дальнем углу комнаты он заметил нечто, показавшееся ему знакомым. Ну конечно же, это была волшебная накидка Тхутмертари! Вероятно, стигийская принцесса потеряла ее во время сражения со слугами карлика.

– Вот это удача! – пробормотал киммериец. – Эта накидка сделает меня незримым даже для Синих Монахов! Да, мы еще поборемся с тобой, Великая Душа!

– Ты что-то сказал, мой друг? – обратился к нему Фонтанелли.

– Послушай, Луиджи, я отправлюсь на поиски карлика. Что предложить тебе, я, право, не знаю. Притаись, наверное, где-нибудь: неровен час, хозяин опомнится и отомстит тебе за мое спасение…

– Нет! – решительно воскликнул док. – У меня тоже есть работа: я должен уничтожить ужасное создание моего ума. Если я этого не сделаю, твой двойник, Джейк Митчелл, может принести смерть десяткам тысяч людей даже без помощи карлика! Заодно я попробую взорвать всю эту обитель Зла!

– Действуй, друг!

И крепкое рукопожатие скрепило союз хайборийского варвара и нобелевского лауреата из двадцатого столетия. Не говоря больше ни слова, Конан облачился в волшебную накидку. Со стороны показалось, что гигант-варвар просто исчез – там, где он только что стоял, зияла пустота. Фонтанелли ошеломленно протер глаза.

«Он и вправду варвар – даже не поблагодарил меня за свое спасение! И так странно исчез… А может, они все здесь владеют телепортацией?»

Глава XVIII

«Волшебство стали»

Невидимый и неслышимый, Конан крался по главному коридору. Цель была ясна – найти и прикончить карлика. А тело сжечь: нет ничего надежнее огня в поединках с могучими волшебниками. Почему он не сжег Тезиаса раньше, там, в бельверусском подземелье? Конан и сам не знал, почему. Но ничего, на сей раз он исправит свою ошибку. Если карлик позволил ему вот так запросто выбраться из заколдованной темницы, значит, плохи дела у Великой Души!

Конан не знал плана цитадели. В том, что замок был огромен, он нисколько не сомневался. Даже снаружи крепость казалась гигантской скалой. Кроме того, в любой цитадели всегда есть подземные этажи. Где находятся покои карлика, одному Митре известно. По предыдущему опыту своего общения с волшебниками Конан знал, что те обычно селились либо на вершинах башен, либо в мрачных глубинах подземелий. Но, поскольку Тезиас, бесспорно, выделялся из общего ряда черных магов, покои карлика могли находиться где угодно.

И поэтому Конан возблагодарил богов, когда после очередного поворота галереи ему открылась обширная пещера; в ней-то и заканчивался главный коридор. Но то не был покой карлика. В этой пещере жили его слуги. В ряд у стены стояли шестнадцать кроватей. Рядом с кроватями возились, очевидно, собираясь отходить ко сну, десять монахов. Остальные шесть, вернее, то, что от них осталось, покоились на своих местах. Слуга Судьбы был здесь же; его кровать была самой большой.

Киммериец стоял в пятнадцати шагах от монахов, однако те, похоже, не замечали его. Это окончательно утвердило Конана в мысли, что события развиваются отныне не по сценарию карлика. Вряд ли верные слуги спокойно сидели бы, зная, что лютый враг их хозяина разгуливает по дворцу, прикрывшись волшебной накидкой!

Конан оглядел пещеру. К дальней стене примыкал длинный стол. На нем были расположены колбы и склянки с жидкостями. Очевидно, спальня монахов была также их лабораторией. Конан в очередной раз подивился этим людям, готовым вдыхать по ночам ядовитые ароматы колдовских смесей. А впрочем, Кром их знает, может, как раз эти-то смеси и питают их силу?

Он пошел к столу. Монахи по-прежнему не обращали на него никакого внимания. Конана так и подмывало внезапно броситься на Брахо, раскроить ему череп, а затем перебить остальных. Но не врожденное благородство останавливало его, – в общении с созданиями, подобными слугам карлика, которых к роду людскому можно было отнести с большой натяжкой, о благородстве приходилось забывать напрочь, – а доводы рассудка: риск был слишком велик. Какими грозными противниками были Синие Монахи, он не раз убеждался сам. Стоит одному из них невзначай сорвать чудесную накидку – и Конан погиб. Киммериец давно уже перестал быть мальчишкой-варваром, во всем послушным инстинкту. С годами он стал искушенным и предусмотрительным воином, умеющим в доли секунды оценить ситуацию и принять единственно верное решение. Сейчас самым правильным было

обследовать стол.

…Книгу Судеб он заметил сразу. Как было не узнать огромный голубой фолиант, украденный Тезиасом у старого своего учителя уже дважды?! Бесценная книга была закрыта, и Конан знал, что только один человек на свете каким-то непостижимым образом открывал ее, хранимую семью неведомыми магическими заклятиями, – сам карлик; так обретал он Власть. И все же не Книга Судеб привлекла внимание киммерийца, а узенький клочок пергамента, лежащий на столе рядом с нею. На листке корявым пляшущим почерком было начертано: «Как превратить человека в сталь: перевод заклинания из Книги Судеб».

Итак, перед ним было то самое заклинание, о котором говорил Брахо – заклинание, с помощью которого Тезиас собирался обратить Конана в боевой металл. Решение созрело мгновенно. Конан схватил листок, круто развернулся в сторону ничего не подозревающих монахов. Тайные слова заклинания сами срывались с его уст…

Резкое движение не укрылось от взора могущественного магистра. Совершенно случайно он увидел, как пергаментный листок сам собой подскочил со стола и завис в воздухе. Правда, и раньше случалось, что хозяин подобным образом телепортировал к себе предметы. Но на этот раз полет листка почему-то насторожил его. Брахо поднялся с постели и двинулся к столу.

Конан же видел перед собой только этот листок. Слова заклинания звучали глухо, но, не будь на нем волшебной накидки, монахи, несомненно, услышали бы его. Внезапно он ощутил прямо перед собой дыхание человека. Это был Брахо. Потянулась гибкая рука магистра, и чудесная накидка слетела. Конан предстал перед главным слугой Великой Души во всем своем великолепии. Счет шел на доли секунды. В миг, когда тайна Конана была наконец раскрыта, прозвучали последние слова заклинания. И Брахо тотчас превратился в стального истукана, так и не успев ничего предпринять. Вслед за ним в стальных идолов обратились и другие монахи, живые и мертвые…

Варвар вытер со лба холодный пот. За все время его пребывания в Пещере Монахов не было произнесено ни звука, не считая незримо прозвучавшего заклинания. Душа Конана ликовала, и было отчего: он прикончил синих колдунов всех сразу, за какие-то секунды! Да, еще никогда магия не была ему столь полезна!…

В пещере же было абсолютно тихо, как и минуту, как и две, и три тому назад. Конан слышал собственное прерывистое дыхание. На него смотрели остановившиеся глаза Брахо. Однако на груди истукана сверкал серебристый медальон с прекрасной шестнадцатигранной пирамидой – он в сталь не превратился; как видно, медальон этот охранялся заклятиями гораздо более могущественными, чем те, что хранит в себе великая Книга Судеб… Поколебавшись немного, Конан снял медальон с магистра и повесил его себе на шею. Время, когда он презрительно отмахивался от волшебных штуковин, тоже минуло безвозвратно. А вдруг и этот медальон где-нибудь да пригодится?!

Не забыл он и про накидку. Конан снова облачился в нее, ибо путешествие по замку не было еще закончено. Слуги мертвы, но оставался еще сам хозяин. Карлика непременно нужно было найти и уничтожить.

Облачившись в чудесную накидку Тхутмертари, киммериец двинулся к выходу. Вдруг, словно вспомнив о чем-то, он вернулся к магистру-истукану.

– Ну что, Слуга Судьбы, как оно, Волшебство Стали?! – с сарказмом молвил Конан. – Ты простоишь здесь тысячи лет, пока ржавчина не разъест тебя. Ибо твоему хозяину не суждено будет перевести вторую часть заклинания и расколдовать тебя: я убью его скоро. Прощай,

Слуга Судьбы, и наслаждайся Волшебством Стали!

Он не мог не сказать эти слова.

Так скверно Тезиас не чувствовал себя с момента своего воскрешения. По-видимому, он переоценил свои силы. За какие-то два дня и ночь он успел вызвать из Будущего Джейка Митчелла и доктора Фонтанелли, инсценировать нападение полчищ гипнотических карликов на войско Конана, создать живой мираж на равнине, устроить несколько других удачных фокусов, наконец, сразиться со стигийской волшебницей и ее адскими тварями. И хотя в конечном счете он победил, победа эта далась слишком дорогой ценой – для него и его верных слуг. Все, что он мог сделать для них – проводить монахов в их пещеру. Уходя, он столкнулся с Брахо. Впервые магистр осуждающе смотрел на него и впервые, глядя в самые глаза карлика, сказал:

– Мне очень горько, что твои затеи, хозяин, приводят к гибели моих братьев. С момента твоего воскрешения погибли уже шесть монахов. А ради чего?

Тогда Тезиас исчез, так ничего и не ответив магистру. Но его нескрываемый упрек «А ради чего?» до сих пор звучал в мозгу карлика. Действительно, ради чего?

Однако Великая Душа сейчас не был в состоянии анализировать свои поступки. Он сделает это завтра, А теперь нужно спать – до рассвета остался какой-то час…

И все же Тезиас не мог уснуть, не сделав еще одного дела. Он должен извиниться перед магистром. Брахо обязан знать, как ценит и уважает своих слуг Великая Душа.

– Брахо! – позвал он.

Обычно магистр материализовывался в течение нескольких секунд. Иногда на это уходила минута – если Брахо был занят чем-то очень важным, он сначала заканчивал дело или передавал его другому монаху, а потом лишь спешил к хозяину. Но более минуты ждать магистра никогда не приходилось.

Минута прошла. Брахо не появлялся.

– Брахо! Магистр, я зову тебя! – повторил Тезиас.

Снова ничего. Возможно ли, чтобы магистр обиделся на своего хозяина?! Все может быть, ведь он тоже человек…

– Брахо! Явись немедленно: я приказываю! Я прошу, приди!…

Голос Тезиаса сорвался на крик. Магистр не появлялся. Может быть, он не желает прибегать к обычной телепортации? Или не может?

Тезиас обязан был это выяснить, причем немедленно. Если Брахо упорствует, Великая Душа напомнит, кто здесь хозяин, если магистр в беде, Бог поможет своему верному слуге. Так и должно быть.

Тезиас отдал своему телу мысленный приказ. Оно исчезло из рабочего кабинета, чтобы в следующий миг появиться в Пещере Синих Монахов.

То, что увидел воскресший Бог, заставило его, в немом ужасе схватившись за голову, опуститься на хладный каменный пол. Заклинание Стали он перевел совершенно правильно…

Джейк Митчелл решил перенести часть оружия с «Черного коршуна* к себе в комнату. Во-первых, рассудил он, вертолет был и так прекрасно оснащен, и обыкновенные пистолеты с ружьями не добавляли ему боеспособности. Во-вторых, и эта причина была главной,

Джейк замыслил утаить часть оружия от карлика: мало ли чего… Всегда нужно иметь свои козыри.

Удачно исполнив задуманное, американец возвращался обратно к вертолету. Вступив в

зал, он сразу заметил скрюченную фигурку профессора в небольшой нише у отдаленной стены. Одного взгляда хватило опытному «солдату удачи», чтобы понять, чем занят старый приятель. Вертолет был обложен динамитными шашками, снятыми с него же, от них к убежищу дока тянулись черные провода; сам же док колдовал над ящиком, который ничем иным, кроме как пультом взрывного устройства, служить не мог.

– Каналья!!! – вытаращив глаза, взревел Джейк. – Что ж ты делаешь, гад?!

Не отвечая ни слова, док нажал на рычаг. Джейк непроизвольно зажмурил глаза. Однако ужасающего взрыва не последовало.

– Проклятие, – пробормотал Фонтанелли. – Я забыл подключить этот проводок.

Американец выхватил свой браунинг.

– А ну, стой, каналья! Руки за голову, и лицом к стене! Живо, иначе я продырявлю твою ученую башку!

Доктор Фонтанелли не выносил угроз. В сторону Джейка ударил тонкий малиновый луч – это седовласый профессор стрелял в компаньона из лазерного бластера. Стрелок он был неважный – луч только оцарапал стену рядом с американцем.

Реакция бывалого рейнджера была мгновенной. Раздался выстрел, и Фонтанелли беззвучно упал на живот. Джейк подбежал к доку. Тот не шелохнулся. Несколькими выстрелами в упор Митчелл разрушил пульт взрывного устройства. Сердце американца бешено колотилось. Он дернул дока за бороду – изо рта потекла струйка крови.

– О черт! Я же убил дока! Нужно сообщить Тезиасу! И он бросился прочь из пещеры.

Джейк Митчелл мчался по главному коридору. Где же этот проклятый карлик? В кабинете его нет, где же он тогда? Может, лечит своих гомиков? Поворот, еще поворот, скоро Пещера Синих Монахов…

Внезапно Джейк на что-то налетел. Вернее, на кого-то. То был человек, выходящий из-за поворота навстречу ему. Во всяком случае, Джейк ощутил столкновение с человеком, таким же крупным, как и он сам. Американец мгновенно отскочил назад, в руке у него появился пистолет.

Из-за поворота никто не появлялся. Джейк уже собирался отнести приключение на счет расшатанных нервов, когда чей-то невидимый кулак саданул ему в лицо. Митчелл завопил от боли и неожиданности. Но даже тогда инстинкт закаленного бойца не подвел его. Тотчас отпрыгнув еще на два шага назад, он сделал несколько выстрелов в свободное пространство перед собой. Одна пуля вдруг звякнула о что-то в пустоте и, точно воланчик, отбитый ракеткой, едва не поразила самого Джейка. Лишь теперь тому стало по-настоящему страшно. Замысловато выругавшись, он принялся палить из браунинга во все стороны.

– Кто ты, засранец?! Это ты, Тезиас? Если ты, черт бы побрал твои идиотские шуточки, понял?! Я хочу видеть твое лицо, собака! Зачем тебе убивать меня?! – вопил Джейк.

Патроны кончились. Затравленно озираясь, американец попятился еще на шаг, продолжая при этом машинально щелкать спусковым крючком разряженного пистолета.

– Ну убей меня, гад! Чего ж ты ждешь, невидимка?! Голос, сильный и гневный, ответил ему:

– Да, я убью тебя, ублюдок! И ты увидишь лицо мстителя!

Перед Джейком стоял двойник, возникший как будто из воздуха. В руке у того был меч, широкий и длинный.

– Конан?! – прохрипел Митчелл. – Ты на свободе! Опять штучки карлика!

– Твой хозяин ничего не знает о моем побеге, – зловеще усмехнулся киммериец. –

Снимай корону, смердящий пес, я не хочу марать аквилонское золото о твою поганую кровь!

– Нет! – дико заорал Джейк. – Ты не убьешь меня, безоружного!

– Убью, – заверил его Конан. – Когда ты, пес, палил в меня из своего железного арбалета, – там, в «гостиной», – ты не думал, что я безоружен против тебя! Снимай мою корону, шакал, не то она слетит вместе с головой, а не отдельно, как должно быть!

– Спаси меня, Великая Душа!

Джейк бросился бежать. Конан не стал догонять его – сие было ниже достоинства мстителя. Это был как раз тот случай, когда меч мог сыграть роль копья; двойник не уйдет от него вторично – в этом Конан был уверен. Меч полетел вдогонку беглецу. Но тот оказался на удивление прытким: меч, который должен был вонзиться прямо посреди лопаток врага, только перерубил ему правую ногу чуть ниже колена. Заорав от ужасной боли, американец свалился лицом на каменный пол галереи. Золотой обруч Аквилонии сорвался с его головы и, вертясь, точно юла, покатился к ногам истинного владельца.

Киммериец поднял корону и, удовлетворенно хмыкнув, водрузил себе на голову. Потом он молча прошел к телу поверженного противника, поднял меч.

– Пришел конец тебе, собака, – сказал Конан, занося меч для последнего удара. – Твой череп будет торчать на коле вместе с башкой твоего хозяина!

– Замри! – раздался вдруг из-за спины высокий повелительный голос. И Конан замер, помимо своей воли. Сил хватило лишь на то, чтобы повернуться к говорившему. Освещаемый тусклым желтоватым светом факелов, в каменном проеме стоял, скрестя руки на груди, сам карлик. По белому, точно свежий снег, липу его ползли мертвенные блики.

– Не так скоро, варвар, – прошипел Тезиас. – Посягнув на моих слуг, ты поставил себя вне жизни… Ты знаешь, я не хотел тебя убивать. Но, как видно, Судьба распорядилась иначе: ты умрешь сейчас, а я – я расколдую моих монахов и по-прежнему буду править миром!

Из агатовых глаз Великой Души метнулись две черные молнии» Они ударили в грудь Конана, но серебристый медальон с пирамидой легко погасил их.

– Ловко! – спокойно заметил Тезиас. – Ты взял себе медальон Брахо, вор. Однако он не спасет тебя – ты, варвар, не умеешь им пользоваться. Я просто оторву тебе голову. Надеюсь, ты понимаешь, что мне не составит труда это сделать.

Конан понимал. Неведомая сила уже растягивала его шею. Вот-вот затрещат кости, лопнут шейные позвонки. Киммериец понял, что жить ему осталось всего лишь несколько мгновений. Спасения не было.

Карлик улыбнулся.

– Прощай, варвар! Ты сам лишил себя последнего шанса…

Нет, шанс еще оставался! Ну как же он мог забыть!…

– Хорошо, я умру, карла, – торопливо молвил киммериец. – Но прежде позволь передать тебе привет от старого друга… От Того-Кто-Сидит-в-Пирамиде!

– Что?! – воскликнул карлик. Неведомая сила тотчас отпустила готовую уже разорваться шею Конана.

– Что слышал! Я был в Пирамиде и разговаривал с Ним!

– Но это невозможно! – простонал Тезиас. – Ты врешь, собака, ты не был в Пирамиде! Ты видел ее только на медальоне моего магистра!

– Я был в ней, карла, – безжалостно заявил Конан. – И я видел мозг – маленький, искрящийся, всемогущий, давший тебе твою власть. В Пирамиде бушевали неземные стихии, но я не ощущал их…

– Это правда, – беззвучно прошептал карлик. Он вдруг разом сморщился и состарился, его тщедушное тельце тряслось в странной лихорадке. Удовлетворенный таким эффектом своих слов, Конан продолжал:

– Мозг разговаривал со мной, карла. Теперь он играет на моей стороне! Вот почему я вырвался из всех твоих ловушек!

– Что, что он сказал тебе? – еле слышно молвил Тезиас.

В ответ раздался громовой смех киммерийца.

– Он предрек мне победу над тобой, карла! «Тебя задет победа», – сказал мне мозг.

– Н-н-нет!!! – пронзительно взвизгнул карлик, и от этого визга у Конана заложило уши. – Не может быть! Он не мог так со мной поступить! Когда это было?

– Это было пару часов тому назад, карла! Сидящий-в-Пирамиде вдохнул в меня силы, и вот я здесь, чтобы разделаться с тобой!

Ради благого дела Конан иногда не прочь был малость приврать. Главное – результат. А он был налицо – карлик трясся в смертельном испуге, его жуткие глаза больше не угрожали Конану, напротив, они были полны страха и отчаяния. Конан решил, что нельзя больше медлить: Оружие Слова блестяще исполнило свою роль, дело теперь за испытанным Оружием Стали. Сейчас или никогда! Он снова подхватил верный меч и бросился к карлику; их отделяли какие-то пять-семь шагов.

– Нет! Этого не может быть! – воскликнул вдруг Тезиас. – Пусть я проиграл, но я не могу умереть сейчас: у меня же впереди Вечность!…

И в момент, когда широкий меч Конана уже рвался к его тонкой шее, карлик исчез. Точно сквозь землю провалился.

Киммериец взревел, как голодный лев, от которого в последний момент уходит верная добыча. Он быстро осмотрелся. Тезиаса нигде не было. Не было на прежнем месте и раненого Джейка; отрубленная нога сгинула вместе с ним. На полу валялись только несколько использованных патронов и волшебная накидка Тхутмертари.

Конан снова облачился в накидку, и тут эмоции наконец выплеснулись наружу. Он в отчаянии топнул ногой по каменной плите. В ответ серебристый медальон на его груди блеснул белой вспышкой, все вокруг поплыло перед глазами. В следующее мгновение Конан уже стоял на широкой площадке перед гигантской железной плитой, открывавшей врата в цитадель карлика.

– Эх, вон оно как работает, – восхищенно пробормотал варвар. – Да это штука получше крылатых коней Пелиаса!

Снаружи доносились приглушенные голоса его воинов. Черт побери, они ведь и должны быть там, у входа в цитадель!

– Просперо! Ты слышишь меня? – гаркнул Конан.

– Конан?! Государь, это ты? – ответил знакомый голос.

Киммериец поискал глазами рычаг. Он видел, как открываются врата, и теперь это знание пригодится ему. Однако рычага нигде не было. Тогда Конан топнул ногой и воскликнул:

– Открыть ворота!

Ничего не происходило. Снаружи до него долетали нетерпеливые возгласы возбужденных воинов. Конан положил руку на медальон, снова топнул ногой и повторил приказ.

Плита была неподвижна. Конан в ярости выбросил меч и возложил на медальон обе

руки – он видел, так делал Брахо. По-прежнему ничего не происходило. Он топал ногами и не топал ногами, так и сяк вертел этот распроклятый медальон, но плита, казалось, намертво застряла, преграждая дорогу в замок.

– Проклятие, да откроешься ты или нет?! Постой, а если пароль? Ну конечно, пароль!

А какой еще мог быть пароль в цитадели воскресшего Бога?! Конан возложил обе руки на медальон и, не раздумывая, воскликнул: – Великая Душа!

Неправдоподобно быстро для такой многотонной махины плита отъехала вправо. Десятки воинов тотчас хлынули в огромный проем, обтекая своего короля.

– Что случилось, государь? – кричал Просперо. – Ты велел нам ждать до утра! Но еще даже не наступил рассвет!

– Забудь об этом, Просперо! – заорал Конан. – То был не я, а демон в моем обличье, посланный гнусным карликом!

– Мы так и поняли! – с сознанием собственной значимости воскликнул полководец. – Тот человек не был похож на тебя, Душою, я хочу сказать! Он приказал послать гонцов в Тарантию, но я сделал наоборот: мы всю ночь бодрствовали у этой треклятой плиты!

– Ты молодец, Просперо! А теперь слушайте меня, псы! Я прикончил зловещих слуг карлика, но ему самому и той свинье, что приняла мой облик, удалось уйти. Ищите их и, если найдете, убейте! Хватит ста человек; остальные пусть дежурят снаружи – может статься, карлик и его подручный удумают бежать!

– Но как мы отличим этого ублюдка от тебя?

– Видите этот медальон? У него такого нет! Да, и еще: здесь есть такой старикашка, похожий на чародея Пелиаса. Он нам друг; если карлик или та скотина попытаются убить этого старика, защитите его! Вперед, псы, и покажите мне, что вы не зря едите казенный хлеб!

Когда сотня разведчиков рассредоточилась по коридорам горного дворца, Конан расставил внешнюю охрану. Едва он закончил эту работу, с вершины скалы-цитадели послышался оглушительный грохот.

Глава XIX

«Ангел смерти взмывает в небо»

– Пе понимаю, почему мы должны бежать?! – орал взбешенный Джейк Митчелл, гоняя по рабочему кабинету Тезиаса.

Сам карлик рылся в своем письменном столе. Кожаная сумка, в которую он складывал ученые принадлежности, была почти полна. Оторвавшись от нее, Тезиас пристально посмотрел на американца.

– Благодари судьбу и меня за то, что остался жив! Если бы он отрубил тебе голову, я не смог бы приделать ее так, как приделал обратно твою ногу!

Осунувшееся, с огромным землистым лбом и гигантскими агатовыми глазами, лицо карлика было ужасно. Казалось, оно могло напугать даже мертвеца. Но Джейк, подскочив к столу, только повторил, еще более настойчиво:

– Почему мы должны бежать, Тезиас?! Разве ты не можешь стереть в порошок этого Конана и всю его банду?! Ты победил, дурья твоя башка, а не они!

– Уймись, идиот! – зашипел карлик, – А не то я смоюсь один! Мне это нетрудно сделать, ведь я – Бог! А тебя растерзают варвары! Что ты вообще понимаешь, человек из Будущего?! Ты ведь слышал: победа ждет Конана на этот раз! Я должен отступить…

– Значит, ты бежишь из-за того, что тебе наболтала эта каналья?!

– Он только передал мне пророчество. Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде предрек мне поражение!

– Так ты, оказывается, астрологам веришь, мать твою, засраный Бог!

– Последний раз говорю: уймись, болван! – с выражением проговорил Тезиас. – Сидящий-в-Пирамиде – не астролог, а величайшая сила на всей планете! Всегда бывает так, как он сказал!

В этот момент в кабинет ворвался Просперо, а с ним – двое вооруженных мечами воинов-богатырей.

– Вот они! Я нашел их! – что есть мочи заорал Просперо.

Джейк выхватил браунинг; тот был снова заряжен.

– Ну-ка, канальи, посмотрим, берут ли вас пули!

– Нет! – воскликнул Тезиас. – Великая Душа не сражается со смертными! Бежим!

Карлик и двойник растворились в воздухе прямо перед носом аквилонского генерала.

Они возникли в зале-амфитеатре рядом с «Черным коршуном».

– Бежим на вертолете, – приказал Тезиас. – Мне не хочется терять эту машину!

– Я тебе потеряю! – взревел Джейк. – Я тебя самого скорее прикончу, чем потеряю мой вертолет!

– Чье это тело там, у стены? – вопросил карлик.

– Это док, каналья. Я вынужден был пристрелить его.

Маленькие ручки Великой Души вцепились в ткань королевского платья, в которое все еще был облачен Джейк.

– Как ты посмел поднять руку на ученого, негодяй?! Фонтанелли был моим гостем, и

только я имел | право распоряжаться его жизнью!

– Да?! – оскалился американец. – Он хотел подорвать «Черного коршуна», да и весь твой дворец вместе с ним! Видишь эти шашки? Они взрываются, между прочим! Кроме того, он стрелял первым!

– Хорошо, как он умер?

– Я прикончил его выстрелом в живот.

– Тогда мы возьмем его с собой. Я оживлю дока – его знания пригодятся мне для дальнейших опытов.

– Ты не возьмешь его с собой! Вертолет-то одноместный! Слава Богу, ты еще карлик, кое-как влезешь: у меня есть запасное место – там обычно стоит мой рюкзак. А док – он дылда, не поместится.

Тезиас, вдруг стиснув голову руками, упал около вертолета. Глаза его закатились, в них застыло выражение непереносимой боли.

Джейк с изумлением глядел на него: таким карлика он еще не видел.

– Что с тобой, Великая Душа? Давай, лезь в вертолет – я уже слышу, как топают сапоги по лестнице. Скоро воины Конана будут здесь! Ну же, Тезиас!

– Болезнь Разума… Я знал, что она вернется, – одними губами прошептал вмиг посиневший карлик.

Искушение прикончить карлика прямо сейчас, а затем, забравшись в вертолет, показать местным дикарям, кто здесь отныне хозяин, завладело Джейком. Зачем ему этот карлик? Он и сам завоюет мир с помощью «Черного коршуна»! А если нет? Он же не может сидеть в вертолете всю жизнь! Да, внутри боевой машины он король небес, но что с ним будет, когда он выйдет?! Джейк вспомнил адских тварей, вызванных стигийской ведьмой, и ужаснулся: одна такая бестия вмиг разорвет его на части! А карлик справился с ними со всеми! Пожалуй, стоит спасти этого коротышку…

Легко подхватив Тезиаса, Джейк посадил его рядом с креслом пилота. А затем прыгнул в вертолет и сам» Закрепив себя и Тезиаса ремнями, он включил бортовой компьютер.

– «Черный коршун» приветствует тебя на борту, хозяин, – произнес негромкий металлический голос.

– Спасибо, – пробормотал карлик.

– Это он мне говорит: «хозяин», – разозлился американец. – Здесь хозяин я, а ты пассажир, мать твою!… Ну, как взлетать будем? Вокруг одни камни!

– Надо, чтоб стена исчезла, – едва слышно прошептал Тезиас; приступ Болезни Разума все еще продолжался, и Великая Душа изо всех сил старался побороть его – пока тщетно.

– Ну, мать твою, засранец, так убери ее, стену-то! Ты же горазд на такие фокусы!

– Не могу, о. Сейчас… не могу. Мне плохо.

– А ну тебя в печенку со всеми твоими фокусами! – взорвался Джейк. – Без тебя справлюсь! А ты смотри и учись, воскресший Бог!

Американец уверенно нажимал какие-то кнопки. Машина затряслась, гигантские спаренные винты пришли в движение, быстро набирая обороты. Воздух в пещере тоже закружился, гонимый лопастями винтов. А Джейк продолжал нажимать клавиши; Тезиас не понимал, что и зачем он делает.

Внезапно из клювоподобного носа металлической птицы вырвался тонкий малиновый луч. Он ударил на стену перед собой, затем пополз по камню снизу вверх. Древний камень шипел и дымился. Лазерный луч дошел до потолка, прожигая многометровую стену, затем

двинулся по потолку параллельно поверхности. В течение трех минут луч вырезал кусок скалы величиною с трехэтажный дом.

– Сейчас эта глыба свалится вниз, а мы выпорхнем отсюда, точно ласточка из гнезда; мой ангел смерти покорит здешнее небо! – самодовольно заявил Джейк.

Луч закончил свою работу, но гигантская глыба не падала. Зато на экране монитора показались люди, бегущие к вертолету со стороны лестницы. В руках их были факелы.

– Вниманию пилота! Уровень опасности четыре. Есть вероятность поджога динамитных шашек. Ваш приказ, хозяин? – произнес металлический голос.

– Мой приказ: уничтожить чужаков! – гаркнул Митчелл.

Заговорили сразу три пулемета. Смертельное железо подкосило людей с факелами: они не успели преодолеть каких-то двадцать шагов до вертолета.

– Ха-ха! Вот так-то! – радостно оскалился американец. – А теперь прикончим глыбу!

Из клюва «Черного коршуна» ударила танковая пушка. Глыба зашаталась. Джейк выстрелил еще и еще. Наконец гигантский обломок скалы сорвался вниз. В образовавшийся проем хлынула предрассветная мгла.

– А сейчас включим иллюминацию!

Мощные прожекторы расположены на «Черном коршуне» с четырех сторон. Они одновременно включились, и даже Тезиас зажмурился от их яркого света.

– Ну что, делаем ноги? – перекрикивая шум винтов, вопросил Джейк. Тезиас молча кивнул.

Взревели реактивные моторы, прикрепленные на крыльях «Черного коршуна». Машина покатилась по каменному полу. Достигнув края, Джейк решительно нажал на какой-то рычаг. Содрогнувшись, железная птица взмыла в ночное небо.

– Куда полетим-то?

– На восток, – прошептал Тезиас,

– На восток так на восток! Но сначала нужно оставить о себе кое-какую память! Прощальный подарок туземцам, так сказать! Чтоб остаться в легендах!

Джейк зловеще расхохотался. Лучи прожекторов ощупывали землю. Внизу мельтешились люди. Открыв рты, они с ужасом взирали на небо; некоторые уже пали ниц, закрыв лицо руками.

– Ну, поглядим, боитесь ли вы щекотки?!

Вослед прожекторам ударили все восемь пулеметов и гранатомет. На земле начался сущий ад: люди падали, убитые и раненые, но управляемые компьютером стволы находили и добивали раненых. От взрывов гранат человеческие тела разлетались на части. Крошился камень, дыбилась земля. Казалось, стонали сами Карпашские горы. А в небе, сидя внутри «Черного коршуна», неудержимо хохотал человек, как две капли воды похожий на аквилонского короля Конана…

С вершины скалы-цитадели доносился грохот, сопровождаемый глухими взрывами. Гора дрожала. Первые, еще совсем робкие лучи начинающего свой дневной бег солнца скудно освещали пики Карпашских гор. В их неясном свете Конан увидел, как с самой вершины цитадели летит вниз гигантская каменная глыба. Оттолкнувшись от соседней горы, глыба, сотрясая все вокруг себя, ухнула в пропасть с задней стороны замка.

Сначала из образовавшегося дупла вырвался свет – слишком яркий даже для солнечного дня. Затем выпорхнуло Нечто – огромное, гремящее, черное даже в предрассветной мгле. Из четырех, расположенных по бокам, глазниц Его хлестали потоки ослепительного света.

Быстро облетев цитадель, Оно зависло над площадкой, где находились Конан и его воины. Оно было настолько ужасным, настолько непохожим на все виденное людьми ранее, что даже у Конана на голове встали дыбом волосы. Ошеломленный, он не сразу сообразил, что делать, – даже тогда, когда Чудище, летая над его войском, стало плеваться кусочками убивающего металла.

– Все в крепость! – оправившись от ужаса и изумления, наконец заорал Конан, но его запоздалый приказ сумели исполнить немногие: Чудище косило воинов, как серп свежую пшеницу.

Хорошо еще, Оно не ворвалось за ними в замок, продолжая лишь добивать тех, кто оставался снаружи. Конан, возложив обе руки на серебристый медальон Брахо, топнул ногой со словами:

– Я хочу быть на вершине цитадели!

Спустя миг он оказался в зале-амфитеатре. Возмущенный воздух еще водил свой бешеный хоровод. Сквозь зияющее дупло киммериец отчетливо видел Чудище. Голос, слабый и стонущий, позвал его:

– Конан! Конан! Подойди ко мне…

В неглубокой нише в луже свежей крови лежал Луиджи Фонтанелли. Конан, подбежав, приподнял его. Лицо старика было бледно, но в глазах плясал пламень неукротимого действия.

– Друг Луиджи! Что с тобой? – воскликнул Конан.- Погоди, я сейчас вытащу тебя отсюда!

– Нет! – запротестовал док. – Есть дело поважнее, и только ты в силах совершить его… Видишь эту машину?

– Это Чудище? Еще бы! Глазам своим не поверил: чтобы адские создания были такими могучими и ужасными!…

– Его называют «Черный коршун», и оно создавалось мною, – в голосе умирающего послышались горестные нотки. – Внутри этой машины – твои враги, Тезиас и Джейк. Ты должен уничтожить их, иначе твой мир погибнет!

– Но как?! – вскричал киммериец.

– Возьми это, – док протянул Конану узкую серебристую трубку с закругленным вниз концом. – И послушай меня, Конан! Это лазерный бластер. Он стреляет лучами смерти. Однако даже он не пробьет броню этой могучей машины…

– Проклятие! Они уйдут!

– Не перебивай меня, Конан, у меня очень мало времени. И у тебя тоже. В корпусе вертолета есть только одно незащищенное место – на левом боку. Устанавливая свою Машину Времени, я должен был снять оттуда часть брони. Это место помечено белым треугольником. Ты должен попасть в этот треугольник из лазерного бластера. Тогда они взорвутся и погибнут все: Тезиас, Джейк и эта ужасная машина.

– Как стреляет эта штуковина? – нетерпеливо вопросил киммериец, вертя в руках бластер.

– Ты должен нацелиться, а потом нажать спусковой крючок – вот здесь. Подожди, Конан! Еще одно: ты должен попасть в белый треугольник с первого раза, иначе бортовой компьютер обнаружит и уничтожит тебя… Торопись же!…

Конан не понял и половины из рассказа профессора. Но он осознал главное: несущее смерть летающее Чудище таит в своем чреве его злейших врагов, и уничтожить это Чудище

можно, лишь один раз выстрелив лучом смерти из серебристой трубки.

Варвар подбежал к самому краю зияющей дыры. «Черный коршун» летал чуть выше уровня скалы, расплескивая свои смертоносные стрелы на тела его, Конана, подданных. Он должен был совершить невозможное: с первого раза, ночью, попасть в быстро движущуюся летающую цель, и не вообще попасть, а именно в находящийся на левом боку Чудища белый треугольник, стреляя из оружия, которое ни он, ни кто-либо другой из жителей его родного мира, ни разу ранее не держал в руках…

Конан сосредоточился, как мог сосредоточиваться только он один в мгновения решающих схваток. Он призвал весь свой опыт, все свои умения, всю силу своих чувств. Он воззвал одновременно ко всем богам, добрым и злым, человечным и жестоким, поминаемым и забытым, – ибо не было в Хайбории Бога, который не желал бы в этот миг того же, чего желал и он, Конан. Он выложил всего себя – и решительно нажал на спусковой крючок. Из трубки вырвался тончайший малиновый луч; луч лег в точности на белый треугольник «а левом боку Чудища. Это был лучший и самый меткий выстрел в жизни варвара…

Но, к ужасу его, Чудище не взорвалось, как то предсказывал старик. «Черный коршун» оказался много сильнее, чем думал о нем его создатель. Жуткая машина смерти задрожала, но выстояла. Быстро развернувшись носом к человеку, «Черный коршун» плюнул в него потоком бушующего пламени.

У киммерийца оставались лишь доли секунды для того, чтобы, отчаянно взвыв, прыгнуть вниз с вершины скалы-цитадели. Уже падая, он услышал чудовищный, невозможной силы взрыв, прогремевший там, где он только что стоял…

Джейку доставляло истинное наслаждение наблюдать, как падали, сраженные смертоносными ливнями металла, глупые людишки с мечами и пиками. Казалось, это невиданное зрелище завораживало и Тезиаса.

– Гляди, Великая Душа, кто король небес! – торжествующе вопил двойник Конана.

Внезапно вертолет вздрогнул. Прозвучала сирена, а на фоне ее – бесстрастный металлический голос:

– Уровень опасности девять. Разрушена система подачи топлива. Идет идентификация объекта, произведшего выстрел…

На мониторе появилось изображение Конана с лазерным бластером в руке.

– Каналья! Опять он!!! – потрясение вскричал Джейк.

– Уровень опасности возрастает, – продолжал компьютер. – После уничтожения объекта будет произведена принудительная посадка машины…

– Нет!!! Я сам прикончу этого гада!

Круто развернув вертолет лицом к скале, Джейк нажал на кнопку огнемета. Огромный столб огня метнулся к горе. Раздался ужасный взрыв – это пламя, ворвавшееся в зал-амфитеатр снаружи, привело в действие динамитные шашки, разложенные Фонтанелли для подрыва своего детища. Всю вершину гигантской скалы снесло, как будто ее и не было. Зала-амфитеатра больше не существовало. Колоссальные обломки разлетались во все стороны; некоторые забарабанили по корпусу вертолета. Машина дрожала, вот-вот готовая свалиться вниз. Сирена, не умолкая ни на мгновение, вопила непереносимо.

– Уровень опасности десять. Топливо не поступает. Вероятность падения на скалы составляет сто процентов. Посадка исключается. Пилоту приготовиться к катапультированию, – безжалостно сообщал компьютер.

– Что ты наделал! Что ты наделал! – причитал Тезиас.

– Я теряю «Черного коршуна», – еле слышно, точно не в силах в это поверить, простонал Джейк.

Неуязвимый ангел смерти по косой траектории медленно, но неумолимо сваливался на скалы. «Здесь даже некуда катапультироваться», – успел подумать Джейк.

– Как летает эта машина? – вдруг услышал он требовательный голос Тезиаса.

– Что значит «как летает»? – бессмысленно-равнодушно повторил американец. Они вдребезги разобьются через минуту, а этот коротышка интересуется, «как летает»!

– Я спрашиваю: почему эта машина держится в воздухе? – уверенно повторил Тезиас. – Каков основной принцип полета?

– Винты вверху крутятся, вот он и летает! – с надрывом вскричал Джейк. Скалы неумолимо приближались. – Куда же, мать вашу, катапультироваться?!

Краем глаза он заметил, как Тезиас, закрыв глаза, откинулся назад на своем сиденье. Он что, уже умер?! Джейк успел еще позавидовать легкой и безболезненной смерти карлика, как металлический голос сообщил:

– Подключен неизвестный источник энергии. Работоспособность системы восстановлена. Уровень опасности ноль.

Американец вновь услышал приятный шум набирающих обороты лопастей. Вертолет, петляя между скалами, медленно, но верно набирал высоту» Тезиас открыл глаза. На изможденном лице его светилась блаженная улыбка.

– Мы спасены… Не могу в это поверить, – смущенно пробормотал Джейк. – А чего это он там болтал про «неизвестный источник энергии»?…

Тезиас широко улыбнулся. Он победил Болезнь Разума и спас себя, своего незадачливого гостя и этого прекрасного ангела смерти.

– Твой компьютер еще слишком глуп, американец,- устало молвил карлик. – Он и не ведает, как много неиспользованной силы витает вокруг нас! Возьми ее, эту силу, и ты – Бог! Но сие умеют немногие…

Чудеса на этом не закончились. На боковом мониторе появилось изображение вертолета, в точности такого же, как и «Черный коршун». Еще через секунду этот второй вертолет на полной скорости врезался в гору. Раздался колоссальный взрыв, вверх взметнулся грандиозный столб огня и дыма. Горы затрепетали, с некоторых пиков покатились лавины.

– Я, наверное, сошел с ума, – скороговоркой произнес Джейк. – Откуда здесь второй вертолет?! Второго такого и в моем-то мире не было! Но он разбился, мать его в печенку!

Тезиас улыбнулся еще шире – сейчас он был как будто на вершине блаженства.

– Это очень хорошо, что ты так думаешь, Джейк. Остается надеяться, что так же думает и Конан.

– Конан?! Я же спалил его, гада!

Великая Душа укоризненно покачал головой.

– Плохо ты знаешь Конана, Гость из Будущего! Он не из тех, кто гибнет в огне. Я верю в своего варвара, Джейк!… Хотел бы я знать, верит ли он в меня так, как верю в него я?!

Эпилог

Конан падал вниз с самой вершины скалы-цитадели. Вослед летели, догоняя его, древние камни, разбуженные чудовищным взрывом. Он неминуемо должен был разбиться. Но киммериец и в полете не утратил присущего ему самообладания. С ним все еще была волшебная накидка Тхутмертари – он использовал ее в качестве парашюта. Идея оказалась удачной: он мягко опустился на землю. Кром знает, из какого материала была сделана эта чудесная накидка, но ни один камень так и не продырявил ее!

Камнепад закончился. Все обозримое пространство вокруг было усеяно обломками скалы. Из цитадели выбегали люди – те немногие, кто остался в живых. А чуть поодаль, за пропастью, ревело, сваливаясь на скалы, невиданное Чудище из Чужого Мира. Вот Оно соприкоснулось с горой, раздался взрыв, огонь прыгнул до самых небес, от грохота, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Земля затрепетала, люди вновь попадали на камни. Когда грохот стих, все увидели густой черный дым, валящий с места падения Чудища.

– Ура! Оно погибло! – кричал радостный Просперо – Это Чудище погибло! Этот ужасный механический демон, изрыгающий снаряды и плюющийся огнем! Его больше нет! Ты убил его, государь! Ура Конану, королю Аквилонскому!

– Хвала богам, их тоже больше нет, – вытирая пот со лба, заявил Конан. Воины обступили его.

– Что ты хочешь этим сказать, государь?

– В чреве этого демона прятались наши враги – карлик Тезиас и мой двойник по имени Джейк. Они погибли вместе с Чудищем.

– Так значит, Великой Души больше нет? – раздались взволнованные голоса.

– Да, ребята, мы победили, как и было предсказано! – сказал Конан. – Мы избавили мир от этого монстра, и он больше не будет угрожать нашим душам!

– Слава Конану! Слава! Слава! Слава! – хором вскричали воины.

Двое рыцарей приблизились к королю, неся на вытянутых руках огромный голубой фолиант.

– Мы решили захватить эту книгу, государь. Конан хитро посмотрел на них.

– Вы правильно поступили, ребята! Хотя карлик и его слуги мертвы, что-то мне не хочется, чтобы к Книге Судеб тянулись алчущие власти руки! Я сумею спрятать ее так, что Книгу не отыщет и сам Сет!

– Погляди и сюда, государь, – сказал Просперо. – Я нашел ее в кабинете карлика.

В ладони благородного Просперо чернела изящная шкатулка. Конан взял ее.

– Постой, мой король! Не открывай – а вдруг это ловушка?! – предостерегающе воскликнул генерал.

– А ну к дьяволу все эти колдовские штучки; я сыт ими по горло, – просто заявил киммериец. – Не к лицу мужчине пугаться каждого шороха. Открою, и все!

И он открыл шкатулку. Внутри были две другие шкатулки меньшего размера, на обеих было написано: «Победителю».

– Что еще за шутки? – встревоженно произнес Конан, но одну шкатулку открыл.

В ней находилась небольшая глиняная табличка. На внешней стороне таблички было начертано: «Если победу одержу я». А на тыльной стороне – всего два слова: «Не обольщайся».

– Пижон, – заметил Конан. – А что же во второй шкатулке? Открой-ка, Просперо!

Генерал вынул из второй шкатулки такую же глиняную табличку.

– «Если победу одержит Конан», – прочитал Просперо надпись на внешней стороне.

Бледнея, Конан выхватил у него табличку. На тыльной стороне белела надпись:

– «Не обольщайся».

Воцарилась тишина. Немую сцену разрушил чей-то дрожащий голос:

– Он написал: «не обольщайся» на обеих табличках…

Конан же, задрав голову, неподвижно взирал на чистое, наливающееся голубизной нового дня небо. По суровому лицу его гуляли желваки.

– Как думаешь, государь, ОН вернется? – взволнованно проронил Просперо.

Не глядя на него, Конан печально заметил:

– Даже боги не знают, что придет в голову этой маленькой скотине.

Подумав, киммериец добавил:

– Но я бы на его месте обязательно вернулся!

…А где-то в невидимой дали, все более ускользая на восток, неслась над Карпатскими пиками удивительная винтокрылая птица. Навстречу ей занимался рассвет, вставало солнце, оживала после ночи земля – это Огни Будущего продолжали свой неостановимый бег…

…Конан не ошибся: Великая Душа вернется, чтобы продолжить битву за власть над Хайборийским миром. В следующих книгах сериала Вы станете свидетелями захватывающей борьбы Тезиаса, Синих Монахов и наемников, призванных Великой Душой из Далекого Будущего, с объединенными силами Света и Тьмы. Вы встретитесь со знакомыми уже героями: самодержцами Конаном и Тараском, прекрасной королевой Зенобией, хитрым волшебником Пелиасом, благородным графом Троцеро, храбрыми генералами Просперо и Паллантидом. Снова предстанут перед Вами и черные маги мрачной Стигии: верховный жрец Бога-Змея Сета Тот-Амон и жестокая принцесса-жрица Тхутмертари. Схватка находится в самом разгаре, когда внезапно открывается страшная тайна; привычная расстановка сил рушится, мир оказывается на краю гибели, но мужество, отвага и ум бесстрашного киммерийца, как всегда, спасают положение…

СОДЕРЖАНИЕ

Брайан Толуэлл

НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ

- 3 -